

Археологические вести

— 38 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

38
(2023)

Saint Petersburg
2023

Археологические вести

38
(2023)

Санкт-Петербург
2023

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Н. В. Хвоцинская

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 38 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2023. — 240 с.: ил.

Выпуск 38 журнала «Археологические вести» посвящен 125-летию со дня рождения А. А. Иессена. Статьи подготовлены на основе докладов, прочитанных на первом междисциплинарном научном симпозиуме СТЕК № 1 (сырьё — технология — культура), который состоялся 24–25 февраля 2022 г. в ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Тема симпозиума — «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях». Часть «Жизнь и творческое наследие А. А. Иессена» объединяет работы, посвященные различным областям научной и экспедиционной деятельности ученого, а также осмыслению эпохи, в которую он жил и работал. В части «Новые открытия и исследования» публикуются статьи современных исследователей, касающиеся Кавказа и Северного Причерноморья эпохи палеометалла. Часть «История науки» представлена обстоятельной работой по анализу взглядов самого А. А. Иессена и его предшественников на периодизацию и хронологию майкопской культуры, а также публикациями двух неизвестных ранее работ ученого.

Issue 38 of the *Archaeological News* is dedicated to the 125th birth anniversary of A. A. Iessen. The papers are prepared on the basis of the lectures delivered at the first interdisciplinary scientific symposium of STEK No. 1 (raw materials–technology–culture) platform which took place on February 24–25, 2022, at IHMC RAS (Saint Petersburg). The subject of the symposium was the “Development of metal production and metalworking during the Palaeometal Age in the Caucasus and adjacent territories”. The first section “Life and scientific heritage of A. A. Iessen” unites the works devoted to different spheres of the scientific and expedition activities of the scholar, as well as to the purport of the epoch in which he lived and worked. In the second section, studies of modern scholars are published concerned with the Caucasus and Northern Black Sea littoral in the Palaeometal epoch. The section “History of Science” is represented by a circumstantial work on analysis of the views of A. A. Iessen himself and his predecessors on the periodization and chronology of the Maykop archaeological culture, as well as by publication of two previously unknown works by the scholar and commentaries to them.

ISSN 1817-6976

Первая и четвертая страницы обложки — топоры-кельты Кавказа, фото А. Л. Пелиха.
First and forth pages of cover — Celts/axes of the Caucasus, photo by A. L. Pelikh.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2023

Содержание

М. Т. Кашиба. А. А. Иессен в ИИМК: вчера и сегодня (СТЕК № 1. К 125-летию со дня рождения исследователя).....	7
--	---

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ИЕССЕНА

К. Х. Кушнарёва (†). И. А. Орбели и сотрудники Эрмитажа: А. А. Иессен (подготовка текста Н. А. Лазаревской)	15
В. А. Алёшкин. Ненаучные проблемы отечественных археологов (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)	17
В. Н. Кузнецова. Материалы А. А. Иессена в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН	30
М. В. Медведева. Две поездки А. А. Иессена в Майкоп и его окрестности в 1930-е гг.	48
О. В. Григорьева. О деятельности А. А. Иессена в Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.)	64
М. Ю. Вахтина. Взгляды А. А. Иессена на доколониционные контакты в Северном Причерноморье в свете современных исследований	76
В. Ю. Соболев. И не только Кавказ... О работах А. А. Иессена на Северо-Западе России	89
Библиография работ А. А. Иессена (составитель Л. М. Всевиов)	97

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Кавказ и Северное Причерноморье эпохи палеометалла

Е. А. Черленок, С. М. Остаинский. Горизонт постоянного обитания энеолитического слоя навеса Мешоко	101
В. С. Бочкарёв, А. И. Климушина. К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа	107
О. В. Сычева. Серия металлических кинжалов позднего бронзового века с берега реки Ярыксу (Дагестан)	126
В. С. Бочкарёв, А. Л. Пелих. Находки металлических топоров-кельтов на Кавказе	136
А. В. Кияшко, О. П. Ларенок. О выделении керамики таманского типа финала среднего бронзового века	155

ИСТОРИЯ НАУКИ

В. А. Трифонов. Взгляды на периодизацию и хронологию майкопской культуры в исторической ретроспективе: от Н. И. Веселовского до А. А. Иессена	175
А. А. Иессен (†). Тезисы доклада «Производство медных и бронзовых изделий в Причерноморских и Приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом» (1941 г.) (комментарии В. С. Бочкарёва)	222
А. А. Иессен (†). [Майкопская культура и ее датировка] (подготовка текста и вступительная заметка М. В. Медведевой)	226
Список сокращений	239

Contents

<i>M. T. Kashuba</i> . A. A. Iessen at IHMC: yesterday and today (STEK No. 1. To the 125 th birth anniversary of the researcher).....	7
---	---

LIFE AND CREATIVE HERITAGE OF A. A. IESEN

<i>K. Kh. Kushnaryova</i> (†). I. A. Orbeli and assistant scientists of the Hermitage Museum: A. A. Iessen (<i>Preparation of the text by N. A. Lazarevskaya</i>)	15
<i>V. A. Alyokshin</i> . Non-scientific problems of national archaeologists (late 1920s — early 1950s).....	17
<i>V. N. Kuznetsova</i> . Documentary evidence by A. A. Iessen at the Manuscript Department of the Scientific Archives of IHMC RAS.....	30
<i>M. V. Medvedeva</i> . Two journeys of A. A. Iessen in the 1930s to Maykop and its surroundings	48
<i>O. V. Grigoryeva</i> . About the activities of A. A. Iessen in the Taman expedition of the GAIMK (1930–1931)	64
<i>M. Yu. Vakhtina</i> . Views by A. A. Iessen on pre-colonial contacts at the Northern Black Sea Coastal Region in the context of modern research	76
<i>V. Yu. Sobolev</i> . Not only the Caucasus... The studies by A. A. Iessen in North-Western Russia.....	89
Bibliography of the works of A. A. Iessen (<i>compiler L. M. Vseviov</i>)	97

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

The Caucasus and Northern Black Sea littoral in the Palaeometal epoch

<i>E. A. Cherlenok, S. M. Ostashinskiy</i> . The horizon of permanent habitation of the Eneolithic layer in the Meshoko rock-shelter	101
<i>V. S. Bochkarev, A. I. Klimushina</i> . The problem of classification and cultural-historical interpretation of the Bronze Age hoards of metal objects from the North-Western Caucasus.....	107
<i>O. V. Sycheva</i> . A series of Late Bronze Age metal daggers from the Yaryksu River bank (Dagestan).....	126
<i>V. S. Bochkarev, A. L. Pelikh</i> . Finds of metal celts/axes from the Caucasus	136
<i>A. V. Kiyashko, O. P. Larenok</i> . On distinguishing the Taman type pottery of the final of the Middle Bronze Age	155

HISTORY OF SCIENCE

<i>V. A. Trifonov</i> . Views on the periodization and chronology of the Maykop culture in historical retrospect: from N. I. Veselovsky to A. A. Iessen	175
A. A. Iessen (†). Theses of the lecture “Manufacture of copper and bronze objects in the Black Sea and Azov Sea steppes and the question about sources of the metal” (1941) (Comments by V. S. Bochkarev)	222
A. A. Iessen (†). [The Maykop culture and its dating] (<i>Preparation of the text and introduction by M. V. Medvedeva</i>)	226
List of abbreviations	239

А. А. Иессен в ИИМК: вчера и сегодня (СТЕК № 1. К 125-летию со дня рождения исследователя)¹

М. Т. Кашуба²

Аннотация. В работе рассмотрены вклад и значение трудов «рыцаря археологии» А. А. Иессена в изучении энеолита — раннего железного века Северной Евразии, особенно Юга Восточной Европы и Кавказа. Кратко описана биография и представлен научный путь ученого. Приведены оценки современников его идей, гипотез и разработок. Важным его достижением, среди многих других, является разработанное, апробированное и введенное в археологическую науку понятие «очаг металлургии и металлообработки». Плодотворными оказались работы исследователя по майкопской археологической культуре. Благодаря трудам А. А. Иессена в отечественной археологической науке, в том числе в ИИМК РАН, были сохранены, развиты и выведены на современный научный уровень исследования по металлопроизводству и металлообработке Восточной Европы и Кавказа (научная группа под руководством В. С. Бочкарёва). Закономерно, что работа новой площадки научного взаимодействия СТЕК (сырьё — технология — культура) началась с симпозиума «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях», который был посвящен 125-летию со дня рождения А. А. Иессена.

Ключевые слова: А. А. Иессен, «рыцарь археологии», преисторическая археология, историко-металлургическая тематика, Северная Евразия, ГАИМК/ИИМК, современный научный поиск, СТЕК (сырьё — технология — культура).

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-7-14

А. А. Иессен: биография, вехи

Александр Александрович Иессен (23.07.1896–31.03.1964) — потомственный дворянин. Он получил хорошее разностороннее образование, свободно говорил и писал на немецком языке, объяснялся на французском, знал древнегреческий и латынь, мог читать по-английски и по-итальянски, имел познания в украинском и белорусском языках (уточнения см.: Алёкшин, 2017. С. 164).

В 1916–1921 гг. был участником боевых действий Первой мировой и Гражданской войн, в царской армии за храбрость получил боевые

ордена Св. Анны (4-й степени) и Св. Станислава (предположительно 3-й степени). В 1918–1919 гг., в перерыве между боевыми действиями, служил конторщиком — первоначально в страховом обществе «Помощь», затем в Комитете государственных сооружений совнархоза Северного района. В 1922–1926 гг. — линейный контролер-ревизор треста «Электроток» (Ленинград).

С 1926 г. до конца жизни — аспирант и впоследствии старший научный сотрудник ГАИМК/ИИМК/ЛОИА. С 1927 по 1960 г. — помощник хранителя, затем заведующий Отделом истории первобытной культуры (1936–1956 гг.) и впоследствии старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа. В 1941–1945 гг. находился в эвакуации, работал в филиале Эрмитажа в Свердловске, служил в Уральском военном округе, являлся профессором Уральского госуниверситета, провел огромную работу по эвакуации и реэвакуации собраний Эрмитажа; за научную и научно-организационную деятельность награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

войне 1941–1945 гг.» (см.: Между Азией и Европой..., 1996. С. 7–21, 154–163; Алёшкин, 2017).

За новаторские, прорывные разработки в области древней металлургии и горного дела СССР, которые отражены в опубликованной монографии «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» (Иессен, 1935), как и за высокие научные достижения в целом, на заседании Ученого совета ЛГУ 28 июня 1938 г. ему была присвоена степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

С 1924 по 1960 г. А. А. Иессен практически ежегодно являлся участником, а с 1929 г. был руководителем отряда и начальником археологических экспедиций на Тамани, Северном Кавказе и в Закавказье, Восточном и Центральном Казахстане, по трассе канала Волга–Дон, в Среднем Прикамье и на Северо-Западе России. Исследовались памятники от неолита до средневековья.

Он — автор 69 научных печатных работ, включая две монографии, одна из которых была переиздана на чешском языке (Jessen, 1951). При жизни за почти 40 лет научной деятельности (1925–1964) им были опубликованы 64 работы (Список научных трудов..., 1965; Между Азией и Европой..., 1996. С. 22–27), добрый десяток которых вошел в золотой фонд отечественной и мировой археологической науки. В 1930-е гг. в ожидании ареста вынужденно сжег семейный архив, но оставил после себя для науки бесценный архив — «Иессеновские подборки» материалов, которые ждут своих исследователей (см.: Между Азией и Европой..., 1996. С. 7–11, 14–30, 154–163; Васильева, 1986; Клейн, 2014. С. 394–398 сл.; Королькова, 2014; Алёшкин, 2017; Иессен, Биографика СПбГУ; Кузьминых, Тихонов, Иессен...).

В ноябре 1956 г. дал показания военному трибуналу Ленинградского военного округа, которые имели важное значение для реабилитации его учителя, необоснованно обвиненного А. А. Миллера, умершего в январе 1935 г. в казахстанской ссылке (см.: Алёшкин, 2017. С. 165, 166).

Большинство коллег, которые работали бок о бок с ним не один год, в сущности мало его знали: он «был плохим оратором, говорил очень тихо», однако бывали такие его выступления, когда «...зал аплодировал стоя»; он «...чрезвычайно деликатен и стеснителен», «тихий, незаметный, неслышный, весь ушедший в работу», «сухой, очень вежливый и скромный... Работал с безупречной добросовестностью», «эрудиция его была гораздо шире, чем его специализация» (Клейн, 2014. С. 394, 400–403). Благодаря правдивому очерку

жизни ученого, который спустя 32 года после смерти вышел из-под пера ученицы и ближайшей его соратницы К. Х. Кушнарёвой (Между Азией и Европой..., 1996. С. 11–21) и стал для многих откровением, А. А. Иессен безоговорочно был причислен к «рыцарям археологии», «рыцарям науки» (см.: Клейн, 2014; Королькова, 2014).

Подтверждены ли временем научные достижения А. А. Иессена?

А. А. Иессен: значение трудов

Вклад А. А. Иессена в археологию, значение его научных разработок по приоритетным направлениям отечественной археологии Кавказа и Юга Восточной Европы были очевидны для научного сообщества.

В начале 1965 г. в центральном археологическом журнале «Советская археология» вышел некролог, посвященный А. А. Иессену, подписанный двумя видными археологами-кавказоведами Е. И. Крупновым и Б. Б. Пиотровским (Крупнов, Пиотровский Б., 1965; также см.: Крупнов, Мунчаев, 1966). К некрологу был приложен и список трудов А. А. Иессена (Список научных трудов..., 1965). По достоинству был оценен вклад ученого, отмечены блестящая эрудиция и значение его трудов для археологии Кавказа широкого хронологического диапазона, в изучении древней металлургии и горного дела СССР, а также эпохи бронзы Юга СССР (Крупнов, Пиотровский Б., 1965).

Его современники отметили, что в тематически многообразной научно-исследовательской работе А. А. Иессена проступают две генеральные линии: археология и древняя история Кавказа, а также «история освоения и использования рудных ресурсов и металла на территории СССР» (Там же. С. 131, 132). С одной стороны, «им окончательно развенчивались теории о несамостоятельности развития кавказской бронзы и доказывалось самобытное развитие местной металлургии меди», с другой — «...всегда занимала А. А. Иессена <...> история освоения и использования рудных ресурсов и металла на территории СССР при первобытнообщинном строе... Его работы впервые стали более фундаментальны, они стали шире опираться на многочисленные химические и металлографические анализы точных наук, что и позволило автору внести весьма существенный вклад в древнюю историю металлопроизводства Кавказа и всей нашей страны» (Там же).

Особо были отмечены работы исследователя «по выяснению древнейшей культуры Азербайджана и <...> связей этой культуры с Древним

Востоком», «глубокое изучение А. А. Иессеном сложной проблемы датировки Майкопского кургана и представленной им целой археологической культуры», «схема хронологических соотношений памятников Северного Кавказа, начиная с древнейших объектов <...> и кончая памятниками скифского времени», «освещение вопросов о культурах Северного Кавказа предскифского и скифского периодов и о взаимоотношениях кавказских племен с племенами киммерийцев и скифов Украины и Предкавказья» (*Там же*).

В опубликованном годом позже некрологе, написанном его ленинградскими коллегами, освещалась служба ученого в Государственном Эрмитаже, включая деятельность А. А. Иессена по эвакуации и реэвакуации богатейших собраний музея в годы Великой Отечественной войны и после нее, по организации отдела истории первобытной культуры (ныне — ОАВЕС) и созданию его постоянной экспозиции (*Банк, Скалон, 1966*).

По истечении времени в наследии ученого все яснее проступала значимость его разработок по древнему металлопроизводству и металлообработке. В очерке 1969 г., посвященном полувековой истории древнейшей металлургии СССР, Е. Н. Черных фактически процитировал, по его словам, чрезвычайно четкую программу начала 1930-х гг. по изучению древнейшей металлургии, опирающуюся на новые технический и методический уровни, упомянув особо активную роль в ней А. А. Иессена (*Черных, 1969. С. 71, 72*). Стоит сказать, что основные положения этой программы, реализация которой планировалась с участием особых специалистов и привлечением лабораторно-аналитической базы, актуальны и сегодня: «проработка геологических данных о месторождениях, изучение письменных источников о рудных разработках, выявление этих разработок, изучение техники древних горных работ и металлообработки, выявление районов изготовления металлов и сплавов, историко-химическое изучение археологических материалов, привлечение языковых и этнографических данных для сопоставления с историческими фактами» (*Там же. С. 72*). Перечисляя основные ее положения, Е. Н. Черных подчеркнул, что «подобной четко спланированной программы не имела в те годы ни одна исследовательская группа в странах Западной Европы» (*Там же*).

Е. Н. Черных также указал, что «наибольшее значение, безусловно, имела в те и последующие годы работа А. А. Иессена о древнейшей металлургии Кавказа» (*Там же. С. 73*). Он писал, что

после 1935 г. «большинство исследователей отошло от историко-металлургической тематики. Верным ей на протяжении всех последующих лет своей жизни остался А. А. Иессен. Лишенный аналитической базы, он был вынужден в своих работах обращаться преимущественно к типологии инвентаря и к архивным данным по горным выработкам. <...> Для его построений были характерны логичность и строгость создаваемых схем, умение давать верную оценку фактам. Эти черты обеспечили долголетие его мыслям и выводам» (*Там же*).

К этому следует добавить, что применение А. А. Иессеном типологического метода — традиционного (классического) для археологической науки — было, без сомнения, его сознательным выбором. Он едва не единственный, кто сохранил традиции типологического метода, несмотря на «повальное увлечение» в 1930-е гг. социологическими исследованиями. Как раз логичность и строгость выстроенной типологии и обеспечили востребованность и непреходящее значение концептуальных представлений ученого.

В своей статье Е. Н. Черных также отметил, что именно А. А. Иессен продолжал работы в промежутке между первым (1930-е) и вторым (1950–1960-е) подъемами в изучении истории древнейшей металлургии в СССР (*Там же. С. 71–73*). Из цитируемой работы следует, что труды А. А. Иессена явились теми важнейшими скрепами, благодаря которым в отечественной археологической науке была сохранена историко-металлургическая проблематика. Сегодня изучение этой важнейшей области человеческой культуры немыслимо без применения введенного А. А. Иессеном термина «металлургический очаг», или «очаг металлургии и металлообработки» (об этом см.: *Между Азией и Европой...*, 1996. С. 39, 40).

Через 20 лет после кончины исследователя, в июне 1984 г., в ЛОИА состоялось расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа, посвященное его памяти. По словам В. М. Массона, А. А. Иессен имел «глубокое знание археологических комплексов, логически четкое использование основных приемов археологической процедуры — типологического метода и аналогий, проникновенное понимание сложности исторических процессов и событий, нашедших отражение в археологических материалах» (*Массон, 1986*). Материалы этого заседания в виде научных статей составили отдельный 192-й выпуск КСИА, который вышел в 1986 г. К мемориальным работам здесь относится обзор документов из личного

фонда А. А. Иессена в рукописном архиве ЛОИА (Васильева, 1986), в остальных же 15 статьях «показаны современное состояние и перспективы ряда основных направлений, разработка которых связана с именем этого ученого широкого профиля» (Массон, 1986).

В 1996 г. прошло масштабное научное мероприятие под эгидой ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа — двух научных учреждений Санкт-Петербурга, в стенах которых трудился А. А. Иессен, приуроченное к 100-летию со дня его рождения (Между Азией и Европой..., 1996). В сборнике материалов этой значимой и емкой по содержанию конференции оказалась мемориальная часть (Там же. С. 5–30): две автобиографии (от 16.10.1940 и 18.07.1951); фотохроника жизни; исправленный и дополненный Ю. Ю. Пиотровским список трудов А. А. Иессена; обзор его материалов в фотоархиве ИИМК, подготовленный Н. А. Лазаревской; очерк К. Х. Кушнарёвой содержит обстоятельное повествование о службе А. А. Иессена в Эрмитаже и раскрывает духовное богатство личности ученого. Научное содержание этого форума (42 опубликованные работы) в полной мере охватило круг интересов исследователя, которого «отличали прекрасное знание материала и широта исторического видения, позволявшие выступать с общими концептуальными положениями» (Там же. С. 6).

В конце XX в. стало ясно, что разработки А. А. Иессена остаются актуальными и не перешли целиком в историографию, как работы многих коллег его времени, хотя представления по археологии бронзового и железного веков Восточной Европы и Кавказа, конечно, претерпели изменения и отличаются от прежних. Действительно, «резонанс этой незаурядной личности столь велик, что его не могли погасить прошедшие десятилетия» (Столяр, 1996. С. 59).

А. А. Иессен и современный научный поиск

Востребованность разработок ученого, значение его научно-исследовательской и научно-организаторской деятельности были окончательно закреплены в историографии после выхода в 2014 г. двух работ с практически одинаковыми заголовками, в которых А. А. Иессен назван «рыцарем археологии» (Клейн, 2014) и «рыцарем науки» (Королькова, 2014).

120-летие со дня рождения А. А. Иессена в 2016 г. послужило поводом вспомнить «видного и яркого представителя отечественной науки, внесшего неопределимый вклад в становление российской

археологии, и прежде всего — кавказоведения» (см.: Мунчаев, Мусебли, 2017. С. 154). В ведущем отечественном журнале «Российская археология» была опубликована статья, раскрывающая роль ученого в изучении древнейшей и средневековой истории и культуры Азербайджана, в формировании высококвалифицированных кадров для азербайджанской археологии (Там же). В ИИМК РАН состоялось совместное заседание ученого совета, отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, отдела истории античной культуры, посвященное А. А. Иессену. Были заслушаны шесть научных докладов, тематика которых была в русле научных разработок ученого. Прочитанные доклады не составили тематический выпуск отдельного археологического издания, но некоторые из них были опубликованы, в том числе расширенная научная биография А. А. Иессена, в которую В. А. Алёшкин внес существенные, ранее неизвестные детали, например показания ученого по делу реабилитации А. А. Миллера (Алёшкин, 2017). Основываясь на сырьевом, технологическом и культурно-историческом факторах В. С. Бочкарёв и М. Т. Кашуба обосновали выделение переходного периода от эпохи бронзы к железному веку, названного термином *ферраэнеум* (лат. *Ferraeeneum*), или *биметалликум* (лат. *Bimetallicum*) (см.: Бочкарёв, Кашуба, 2017; 2018а; 2018б; 2020).

В 2021 г. в томе 1 новой научной серии «От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе» была опубликована ранее неизвестная неоконченная рукопись А. А. Иессена «Железо», предназначенная для первого тома четырехтомного вузовского учебника «История СССР», но не вошедшая в печатный вариант. Несмотря на небольшой объем рукописи, подача материала, постановка проблемы, наблюдения и идеи исследователя интересны и сегодня, хотя за последние 100 лет появились новые материалы, которые расширили наши знания о «раннем железе» во многих регионах мира (см.: Кашуба, 2021. С. 11–19, рис. 1.1.2–1.1.4). Опубликованные новые комплексные исследования «раннего железа» Восточной Европы дают в руки современных ученых ясные доказательства сложного процесса освоения древними мастерами черного металла. Подтверждено использование различных технологий и типов руды для изготовления предметов и орудий в раннем железном веке, что является важным естественнонаучным обоснованием существования восточноевропейской, закавказской/древневосточной и гальштатской (карпато-дунайской) традиций железообработки,

существовавших в Северном Причерноморье, а также стремительного развития здесь технологического процесса (Кулькова и др., 2020; *Kulkova et al.*, 2022).

Сегодня в отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН трудятся второе (В. С. Бочкарёв, В. Я. Стёганцева, А. Д. Резепкин, В. А. Трифонов) и третье (А. И. Климушина, О. В. Сычева) поколения ученых, прямо продолжающих «особенно близкую А. А. Иессену тематику», связанную «...с историей металлургии, этапами ее технологического прогресса и решающим воздействием на развитие культуры и общества в целом» (Массон, 1986). Остановлюсь на двух направлениях, хотя их гораздо больше.

Изучение майкопской археологической культуры. Здесь важны, с одной стороны, раскопки и публикация материалов выдающегося могильника «Клады», осуществленные А. Д. Резепкиным, а также его дальнейшие разработки по майкопско-новосвободненской общности (Rezepkin, 2000; 2010; 2020; Резепкин, 2012; и др.). С другой стороны, новейшие междисциплинарные исследования научной группы под руководством В. А. Трифонова позволили уточнить датировку и раскрыли многие аспекты материальной и духовной культуры «майкопского» общества (Трифонов и др., 2019; *Trifonov et al.*, 2020; и др.), в том числе дали древнейшие свидетельства наличия «общинных праздников» и распивания пива (*Trifonov et al.*, 2022).

Изучение древнего металлопроизводства и металлообработки. Разработку этого направления на протяжении нескольких десятилетий ведет В. С. Бочкарёв, создавший схему периодизации металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы (Бочкарев, 2010; 2017; *Vochkarev*, 2020; и др.). Он возродил в отделе направление по изучению металлопроизводства и

металлообработки, создав научную группу по изучению кладов металлических изделий эпохи бронзы Восточной Европы и Казахстана, в которую вошли исследователи из Санкт-Петербурга (А. И. Климушина, О. В. Сычева, И. Ж. Тутаява) и Армавира (А. Л. Пелих) (см.: *Бочкарев, Тутаява*, 2019; *Бочкарев, Пелих*, 2022; *Климушина*, 2019; *Сычева*, 2022; *Тутаява*, 2014; *Васильева и др.*, 2022; и др.). Среди значимых опубликованных разработок стоит отметить предложенные новые классификационные схемы для отдельных категорий металлических изделий бронзового века (см. настоящий выпуск, с. 107–125, 136–154), а также новый вариант определения понятия «клад», благодаря которому экономические клады (временное хранение) можно отделить от так называемых вотивных (безвозвратных) (*Бочкарев, Климушина*, 2022).

Неудивительно, что 125-летию со дня рождения А. А. Иессена был посвящен и первый симпозиум из новой серии СТЕК (сырьё — технология — культура) (Кашуба, 2022). Тема симпозиума «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях» была раскрыта в докладах, которые составили настоящий выпуск журнала. «Справедливо считать, что и поныне сам исследователь богатством оставленных нам перспективных идей продолжает незримо, но активно участвовать в раскрытии проблем истории эпохи древнего металла в таком сложном узле начальной цивилизации, как Кавказский регион» (Столяр, 1996. С. 59). Очевидно, что труды А. А. Иессена — не только традиции Санкт-Петербургской (Петроградской/Ленинградской) археологической школы в области преисторической археологии, но и ориентиры для современного научного поиска.

Алёшкин, 2017 — Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 160–172.

Банк, Скалон, 1966 — Банк А., Скалон К. А. А. Иессен (1896–1964) // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. XXVII. С. 118–119.

Бочкарев, 2010 — Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН; Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарев, 2017 — Бочкарев В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus*. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.

Бочкарев, Кашуба, 2017 — Бочкарев В. С., Кашуба М. Т. От бронзы к железу: скачок или поэтапный переход (по материалам эпохи поздней бронзы — раннего железа Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского региона) // Археология восточно-европейской степи. Саратов: б. и., 2017. Вып. 13. С. 87–112.

Бочкарев, Кашуба, 2018а — Бочкарев В. С., Кашуба М. Т. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // *Stratum Plus*. 2018. № 3: Социология потустороннего. С. 207–220.

Бочкарев, Кашуба, 2018б — Бочкарев В. С., Кашуба М. Т. «Между бронзой и железом» //

- Принципы и методы датирования в археологии (неолит — средние века): коллективная монография / Отв. ред. М. Т. Кашуба, Э. Кайзер. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 55–76, 267–301 (на рус. и англ. яз.).
- Бочкарев, Кашуба, 2020 — Бочкарев В., Кашуба М. Переход от бронзы к железу: период ферраэниум (Ferraëneum) в Восточной Европе // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: Каталог выставки / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 41–64, 692–719 (на рус. и нем. яз.).
- Бочкарев, Климушина, 2022 — Бочкарев В. С., Климушина А. И. О термине и понятии «клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // Археология восточно-европейской степи. Саратов: б. и., 2022. Вып. 18. С. 19–38.
- Бочкарев, Пелих, 2022 — Бочкарев В. С., Пелих А. Л. Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // Записки ИИМК РАН. 2022. № 27. С. 105–116.
- Бочкарев, Тутаева, 2019 — Бочкарев В. С., Тутаева И. Ж. Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Stratum Plus. 2019. № 2: Вражда и ваджра: сила и слава праистории. С. 167–222.
- Васильева, 1986 — Васильева Р. В. Личный фонд А. А. Иессена (обзор документов) // КСИА. 1986. Вып. 192: Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. С. 99–102.
- Васильева и др., 2022 — Васильева Е. Е., Тутаева И. Ж., Хаврин С. В. Литейные формы эпохи бронзы с территории Центрального Кавказа из коллекции В. И. Долбежева (Гос. Эрмитаж) // Записки ИИМК РАН. 2022. № 27. С. 92–104.
- Иессен, Биографика СПбГУ — Иессен Александр Александрович (1896–1964) [электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2881-ies-sen-aleksandr-aleksandrovich.html> (дата обращения: 16.02.2021).
- Иессен, 1935 — Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1935 (Известия ГАИМК; Вып. 120). С. 7–237.
- Кашуба, 2021 — Кашуба М. Т. (подготовка и комментарии). «Раннее железо» — архивная полка // От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе. СПб.; Берлин: ИИМК РАН, 2021. Т. 1: Историография, База данных-1, начало новых исследований: коллективная монография / Отв. ред. М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова. С. 11–19.
- Кашуба, 2022 — Кашуба М. Т. СТЕК — новая площадка научного взаимодействия // АВ. 2022. № 37. С. 289–290.
- Клейн, 2014 — Клейн Л. С. История российской археологии: Учения, школы и личности. СПб.: Евразия, 2014. Т. 2: Археологи советской эпохи. 635 с.
- Климушина, 2019 — Климушина А. И. Об одном типе металлических топоров эпохи бронзы Северного Кавказа // Археология восточно-европейской степи. Саратов: б. и., 2019. Вып. 15. С. 209–216.
- Королькова, 2014 — Королькова Е. Ф. А. А. Иессен. Рыцарь науки // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». В 5 кн. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. Кн. 2. С. 195–201.
- Крупнов, Мунчаев, 1966 — Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Александр Александрович Иессен // КСИА. 1966. Вып. 108: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. С. 3–5.
- Крупнов, Пиотровский Б., 1965 — Крупнов Е. И., Пиотровский Б. Б. Памяти Александра Александровича Иессена // СА. 1965. № 1. С. 130–133.
- Кузьминых, Тихонов, Иессен... — Кузьминых С. В., Тихонов И. Л. Иессен Александр Александрович — российский археолог, кавказовед [электронный ресурс] // Энциклопедия Всемирная история. URL: <https://w.histrf.ru/articles/iessen-aleksandr-aleksandrovich> (дата обращения: 16.02.2021).
- Кулькова и др., 2020 — Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Кульков А. М., Стрельцов М. А., Ветрова М. Н. Источники сырья и технология изготовления изделий из железа в начале железного века в Северном Причерноморье // Геоархеология и археологическая минералогия-2020: Материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием им. В. В. Зайкова (19–23 октября 2020 г., Миасс) / Отв. ред. А. М. Юминов, Н. Н. Анкушева. Миасс; Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогич. ун-та, 2020. С. 181–185.
- Массон, 1986 — Массон В. М. Расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА // КСИА. 1986. Вып. 192: Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. С. 98.
- Между Азией и Европой..., 1996 — Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. 204[5] с.

- Мунчаев, Мусеибли, 2017 — Мунчаев Р. М., Мусеибли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. №. 3. С. 154–160.
- Резепкин, 2012 — Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.
- Список научных трудов..., 1965 — Список научных трудов А. А. Иессена // СА. 1965. № 1. С. 133–134.
- Столяр, 1996 — Столяр А. Д. О реалиях Майкопского кургана как свидетельствах драматургии энеолитической истории Кубани // Там же. С. 59–64, рис.
- Сычева, 2022 — Сычева О. В. К вопросу о связях металлопроизводства Средней Азии и Казахстана с Восточной Европой в эпоху поздней бронзы // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М. П. Грязнова (1902–1984) / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 344–347.
- Трифонов и др., 2019 — Трифонов В. А., Шишилина Н. И., Хоммель П. Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник Клады, С-3 Кавказ) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 35–47.
- Тутаева, 2014 — Тутаева И. Ж. Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 178–193.
- Черных, 1969 — Черных Е. Н. Изучение истории древней металлургии в СССР за 50 лет // КСИА. 1969. Вып. 118: К 50-летию советской археологии. С. 69–82.
- Bochkarev, 2020 — Bochkarev V. S. To the question of relative chronology of the Late Bronze Age metalworking in the southern half of East Europe (steppe and forest-steppe zones) // Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.–8. Oktober 2015, Sankt Petersburg) / Hrsg. M. T. Kašuba, S. Reinhold, Ju. Ju. Piotrovskij. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). P. 477–525 (in English and Russian).
- Jessen, 1951 — Jessen A. A. Řecká kolonisace Severního Černomoří. Praha: Rovnost, 1951. 104 s.
- Kulkova et al., 2022 — Kulkova M. A., Kashuba M. T., Kulkov A. M., Ryabkova T. V., Vetrova M. N., Zanoči A., Bubnova O. V. Iron Sources and Technologies during the Early Iron Age in the Northern Pontic Region // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy, 2021 / Ed. N. Ankusheva et al. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences, 2022. P. 11–28.
- Rezepkin, 2000 — Rezepkin A. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Marie Leidorf, 2000 (Archäologie Eurasien; Bd. 10). 96 S.
- Rezepkin, 2010 — Rezepkin A. D. Metallfunde der Majkop- und der Novosvobodnaja-Kultur // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlin vom 1.–3. Juni 2006 // Hrsg. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbacher et al. Bonn: Habelt, 2010 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 13). S. 95–102.
- Rezepkin, 2020 — Rezepkin A. D. Majkop–Novosvobodnaja: Varianten oder Kulturen? // Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit... / Hrsg. M. T. Kašuba, S. Reinhold, Ju. Ju. Piotrovskij. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). S. 215–225 (in Germany and Russian).
- Trifonov et al., 2020 — Trifonov V. A., Shishilina N. I., Loboda A. J., Khvostikov V. A. Haken mit Figürchen aus dem Dolmen der Maikop-Kultur der Frühbronzezeit, Carskaja, Nordwestkaukasus: rituelle Nahrung, rituelles Festmahl, Bestattungsspiele // Repräsentationen der Macht: Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstags von Blagoje Govedarica / Ed. S. Hansen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 25). S. 123–134.
- Trifonov et al., 2022 — Trifonov V., Petrov D., Savelieva L. Party like a Sumerian: reinterpreting the “scepters” from the Maikop kurgan // Antiquity. 2022. P. 1–18. Available at: <http://doi.org/10.15184/aqy.2021.22>. (accessed 15.12.2022).

**A. A. Iessen at IHMC: yesterday and today
(STEK No. 1. To the 125th birth anniversary of the researcher)**

М. Т. Kashuba³

Keywords: A. A. Iessen, ‘a knight of archaeology’, prehistoric archaeology, issues of historical metallurgy, North Eurasia, ГАМК/ИМК, present-day scientific research, STEK (raw materials–technology–culture academic interaction platform).

This work considers the contribution and significance of the efforts of the “knight of archaeology” A. A. Iessen in studies of the Eneolithic – Early Iron Ages of North Eurasia, particularly the south of East Europe and Caucasus. The biography and scientific life of the scholar are briefly described. Evaluations of his ideas, hypotheses and designs by his contemporaries are presented. An important achievement of the scientist, among many others, is the notion of a centre or “hearth of metallurgy and metalworking” elaborated, tested and introduced into the archaeological science. The activities of the researcher aimed at studying the Maykop archaeological culture also have proved to be fruitful as well as the research of the pre-Scythian period in the Northern Black Sea littoral and Caucasus. Owing to the works of A. A. Iessen, studies on the metal production and metalworking in East Europe and the Caucasus were maintained, developed and brought to the modern scientific level in the national archaeological science, including the activities at IHMC RAS (archaeological research group headed by V. S. Bochkarev). It is logical that the work of the new platform STEK (raw materials–technology–culture) for academic interaction was started by the symposium “Development of metal production and metalworking during the Eneolithic epoch in the Caucasus and adjacent territories” which was dedicated to the 125th birth anniversary of A. A. Iessen.

³ Maya Kashuba — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ИЕССЕНА

К. Х. Кушнарёва (†). И. А. Орбели и сотрудники Эрмитажа:
А. А. Иессен

Подготовка текста Н. А. Лазаревской¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-15-16

Тема «Иосиф Абгарович Орбели — Эрмитаж» неисчерпаема. В ней отразилась сложная полифония его яркой неординарной личности. С моим отцом у Иосифа Абгаровича были общие кавказские интересы и теплые дружеские отношения. Он часто бывал в нашей семье, особенно во время войны, когда мы все оказались в Армении. Именно тогда я составила представление о нем как об интереснейшем человеке, блестящем рассказчике, обладающем особым чувством юмора. Он постоянно говорил об Эрмитаже и его сотрудниках, старался следить за судьбой каждого из них. Позднее я слышала рассказы его друзей, а затем познакомилась с многочисленными воспоминаниями об Иосифе Абгаровиче.

Это был человек крайностей, чудесным образом сбалансированных в его неповторимой натуре. Нередко открыто проявляя неприязнь к тем или иным поступкам своих сотрудников, он был горяч в дружбе, всегда поддерживал талантливых начинания и умел «зажигать» идеями людей, находящихся в его окружении. К тем своим коллегам, которых он ценил за нравственные качества и одаренность, он относился с отеческой заботой. В их числе был и Александр Александрович Иессен, мой неформальный руководитель, ставший впоследствии моим старшим и незаменимым другом. Работая с ним многие годы бок о бок в поле, я услышала об И. А. Орбели много нового. Так отдельными штрихами пополнялся его образ — образ человека, ученого, трибуна, директора музея мирового значения. Одним из проявлений необыкновенной чуткости со стороны директора Эрмитажа к А. А. Иессену — человеку со столь уязвимой для того времени биографией (немец

по происхождению, сын репрессированных родителей) — было командирование его в начале войны на Урал вместе с эрмитажными коллекциями. Возможно, это решение было спасительным для дальнейшей его судьбы.

Среди крупнейших ученых-кавказоведов А. А. Иессену, оставившему огромное научное наследие, принадлежит особое место. Недавно петербургская общественность отметила столетие со дня его рождения. Этому событию была посвящена совместная конференция Института истории материальной культуры РАН и Эрмитажа, на которой были рассмотрены все аспекты творческой деятельности Александра Александровича (Между Азией и Европой..., 1996).

Александр Александрович являл собой пример всесторонне одаренной личности. В нем гармонично сочетались высокое духовное начало прекрасного человека и творческая натура подлинного ученого. Он был наделен такими врожденными качествами, как бесконечное обаяние и благородство, неисчерпаемая доброжелательность к людям, скромность, глубокая порядочность, подлинный демократизм; его особым качеством была высокая принципиальность, а отсюда — смелость и независимость суждений. Как ученого его характеризуют огромная эрудиция, живой интерес ко многим проблемам науки и жизни, способность глубокого проникновения в суть изучаемого предмета, подлинный исторический склад мышления. Его творческий почерк отличается системным подходом к материалу, что с особой яркостью проявилось в его бесценном архиве.

Кавказ — главная, но далеко не единственная тема научных интересов Александра Александровича. Он был основоположником и исследователем таких ключевых проблем древней истории, как периодизация и хронология культур Кавказа,

¹ ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: lazarevskaya_n@mail.ru.

кавказская металлургия, Майкопская культура, связи Кавказа и Древнего Востока, металлургия Урала, предыстория степей Причерноморья, и многих других. Эти проблемы им разрабатывались в течение всей жизни. Феномен трудов Александра Александровича заключается еще и в том, что ни один из них не потерял своего основополагающего значения и сегодня.

Почти десять последних лет жизни Александра Александровича были связаны с руководством крупнейшей на Кавказе Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. Нацеленная первоначально на раскопки средневекового городища Оренкала, экспедиция в дальнейшем развернула работы на огромной территории Мильской степи, предгорий Карабаха и района Нахичевана. В результате были реконструированы этапы древней истории этих неизвестных ранее областей, начиная с эпохи раннеземледельческой и кончая средневековьем. В этом отразилась широта научного почерка Александра Александровича — историка в подлинном смысле этого слова.

Результаты работ в поле были воплощены в три объемистых тома трудов экспедиции и десятки статей ее сотрудников. Сам Александр Александрович помимо руководства отрядами провел многокилометровые разведки памятников на обширнейшей территории, а также блестящие раскопки огромного кургана в урочище Уч-Тепе. Реконструкция создания этого сложнейшего монументального памятника, нашедшая отражение в его последней статье (Иессен, 1965), является шедевром археологического исследования. Судьба распорядилась так, что это была «лебединая песня» ученого.

А. А. Иессен был замечательным человеком, оставившим глубокий след в сердцах тех, кто его знал лично. Прошло тридцать пять лет после его смерти, и нам стала еще виднее весомость его научного наследия. Оно дало прекрасные всходы в работах следующих поколений археологов, историков, которые и сегодня ощущают живительную силу его трудов. Трудам же этим, бесспорно, предстоит еще долгая жизнь.

Иессен, 1965 — Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2 (1956–1960 гг.) / Отв. ред. А. А. Иессен, К. Х. Кушнарера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, ЛО, 1965 (МИА; № 125). С. 153–193.

Между Азией и Европой..., 1996 — Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 163 с.

К. Kh. Kushnaryova (†).

I. A. Orbeli and assistant scientists of the Hermitage Museum: A. A. Iessen

Preparation of the text by N. A. Lazarevskaya²

Keywords: K. Kh. Kushnaryova A. A. Iessen, The Hermitage Museum.

This publication is a brief note by K. Kh. Kushnaryova about A. A. Iessen written in 1999 for the 35th anniversary of his death. The text was prepared by N. A. Lazarevskaya.

² Natalia A. Lazarevskaya — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: lazarevskaya_n@mail.ru.

Ненаучные проблемы отечественных археологов (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)¹

В. А. Алёшкин²

Аннотация. В статье научная деятельность А. А. Иессена (11[23].07.1896, Санкт-Петербург — 31.03.1964, Ленинград) рассмотрена сквозь призму охватившего Россию в первой половине XX в. цивилизационного кризиса, обострение которого в конце 1920-х гг. явилось следствием краха большевистских надежд на мировую революцию и форсирования воспитания нового человека — строителя социалистического общества. Начиная с рубежа 1920–1930-х гг. руководство ГАИМК, контролируя издания, выходящие под ее грифом, не допускало публикаций, содержащих противоречащие марксизму идеи. Черода непрерывных административных преобразований Академии в 1929–1937 гг. также отрицательно влияла на результаты работ сотрудников ГАИМК. Недобрую память оставила о себе и дискуссия по вопросам языкознания, развернувшаяся в общественных науках СССР в начале 1950-х гг. Таковы были исторические реалии, в которых протекала жизнь А. А. Иессена и других исследователей его поколения. И все же они нашли в себе силы целенаправленно заниматься наукой и делать выдающиеся археологические открытия.

Ключевые слова: А. А. Иессен, ГАИМК, ИИМК, ЛОИИМК, древняя металлургия, культура, цивилизационный кризис, политические процессы, репрессии, дискуссия по вопросам языкознания.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-17-29

24–25 февраля 2022 г. в ИИМК РАН (Санкт-Петербург) состоялся междисциплинарный научный симпозиум СТЕК #1 «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях», посвященный 125-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена (11 (23) июля 1896 г., Санкт-Петербург — 31 марта 1964 г., Ленинград), выдающегося археолога-кавказоведа, одного из крупнейших представителей петроградской/ленинградской археологической школы. Данная публикация является изложением моего доклада, представленного на этом мероприятии. В ней коротко перечислены основные творческие достижения ученого, но основное внимание

уделено тем драматическим обстоятельствам, в которых приходилось жить и творить не только ему, но и его коллегам, родившимся в конце XIX — начале XX в.

В предвоенный период молодой исследователь занимался изучением древней металлургии на Юго-Западе Советского Союза, территория которого в 1922–1991 гг. охватывала большую часть бывшей Российской империи, исключая Польшу, Финляндию и некоторые земли в Закавказье, отошедшие Турции по Брестскому миру. Результаты своих изысканий А. А. Иессен опубликовал в работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» (Иессен, 1935), где дана периодизация древнего металлургического производства в указанном регионе, рассмотрены характеристики локальных очагов металлообработки, выявлена их сырьевая база и определены области, на которые они влияли. Данный труд, в котором прослежено развитие кавказской металлургии, до сих пор не потерял своего научного значения. Исследования в том же направлении археолог вел и в других регионах СССР. Например, в 1935 г. он организует, при участии С. С. Черникова, полевые изыскания

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

Калбинского отряда по изучению древних разработок олова, меди и золота в Восточноказахстанской области в верховьях Иртыша (*Алёкшин*, 2013. С. 126; 2017. С. 166, 167). Таким образом, А. А. Иессен стал пионером в области исследования древней металлургии и горного дела на территории СССР.

Во время Великой Отечественной войны ученый находился в эвакуации в Свердловске (*Алёкшин*, 2017. С. 167), где написал работу об исторических предпосылках греческой колонизации Северного Причерноморья (*Иессен*, 1947).

В послевоенный период А. А. Иессен разрабатывал два научных направления: изучение древней металлургии и развитие культур Кавказа от эпохи энеолита до железного века (*Алёкшин*, 2017. С. 168). Первое из них отражено в публикации о прикубанском очаге металлургии (*Иессен*, 1951).

Второму направлению посвящены две работы А. А. Иессена, сыгравшие огромную роль в осмыслении проблем культурогенеза первобытного Кавказа, причем ученый создал свою схему культурного развития указанного региона в древности. Большое значение для науки имеет, в частности, его подход к изучению раннего бронзового века Кавказа, благодаря которому он датировал знаменитый Майкопский курган именно данным периодом (*Иессен*, 1950). Не менее важны исследования А. А. Иессена в области кавказских культур предскифского или, как считал сам ученый, раннего скифского времени. Ему впервые удалось выделить пласт древностей, относящихся к этой эпохе (*Иессен*, 1953).

Последние десять лет жизни А. А. Иессен посвятил изучению древних и средневековых культур Азербайджана, возглавив 9 апреля 1953 г. Азербайджанскую (Оренкалинскую) экспедицию ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР, которая под его началом функционировала до 1960 г. (*Алёкшин*, 2017. С. 168, 169; *Кушнарёва*, 1987). Основные работы исследователь развернул в Мильско-Карабахской степи. Во-первых, здесь было изучено городище Орен-кала (средневековый Байлакан), слои которого датировались VI–XIII вв. Во-вторых, исследован громадный курган эпохи бронзы Уч-тепе (конец III тыс. до н. э.), свидетельствующий о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации местных племен. В-третьих, открыты новые древнеземледельческие памятники эпохи энеолита с расписной керамикой IV тыс. до н. э., культура которых находила соответствия в материалах сопредельного Ирана. В-четвертых,

раскапывалось поселение эпохи средней бронзы Узерлик-тепе. Благодаря всем этим полевым изысканиям А. А. Иессену удалось воссоздать древнейшее прошлое Мильско-Карабахской степи от эпохи энеолита до средневековья. Итоги работ экспедиции были изданы в трех томах (Тр. Азербайджанской..., 1959; 1965а; 1965б).

Завершить масштабные исследования археологических памятников Азербайджана ученому помешал тяжелый недуг. Александр Александрович Иессен скончался в Ленинграде 31 марта 1964 г. Однако его научные открытия и публикации, имеющие непреходящее значение, дали значительный импульс развитию археологии Кавказа и по праву вошли в сокровищницу мировой науки о древностях.

Научная деятельность исследователя, зачисленного 1 декабря 1929 г. в штат головного археологического учреждения страны — Государственной Академии истории материальной культуры (далее ГАИМК) — научным сотрудником в разряд раннеметаллических культур (*Алёкшин*, 2017. С. 164), началась в разгар глубокого цивилизационного кризиса, охватившего Россию в первой половине XX в. О времени его завершения специалисты спорят до сих пор и, видимо, будут спорить еще очень долго. Я же хочу лишь подчеркнуть, что значительная часть карьеры ученого, равно как и его коллег, совпала с периодом коренной ломки российского государства и постигших его в связи с этим глубочайших социально-политических потрясений, которые вынуждено было пережить все многомиллионное население страны.

Русский цивилизационный кризис прошел в своем развитии два этапа, первый из которых завершился Гражданской войной. После победы в ней партия большевиков, получившая всю полноту власти, осуществила полное экономическое, социальное и политическое переустройство бывшей Российской империи, трансформировав ее в новое государство — СССР. От его властей требовались теперь меры по стабилизации внутреннего развития страны и концентрации усилий ее населения на восстановлении разоренного Гражданской войной хозяйства.

Однако такой эволюции советского государства помешали два препятствия. Одно возникло как следствие краха надежд на мировую революцию. Второе обнаружилось, когда руководство страны решило ускорить процесс формирования нового человека, строителя социалистического общества. Оба, в конечном счете, спровоцировали второй этап внутрироссийского кризиса,

такой же длительный и такой же кровавый, как и первый.

Лидеры большевиков совершали Октябрьский переворот в полной уверенности, что пролетариат наиболее развитых стран Западной Европы, следуя примеру русских рабочих, низвергнет несправедливое империалистическое мироустройство. В результате этого победа социализма в России будет обеспечена. Однако эту идею ожидало полное банкротство. Осознание того, что расчеты на осуществление европейских социалистических революций беспочвенны, вызвало растерянность среди руководителей правящей партии (Жуков, 2017; 2018). Сумятицу в стране усилила и смерть в январе 1924 г. главы государства В. И. Ульянова (Ленина), фанатично убежденного в неизбежности мировой революции. Среди его преемников развернулась борьба за власть, которая завершилась победой И. В. Джугашвили (Сталина), выдвинувшего постулат о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. К сожалению, он и его сторонники рассматривали СССР как осажденную врагами крепость, внутри которой еще сохранялись остатки прежних эксплуататорских классов, убежденных противников советской власти. По мнению функционеров правящей партии, эти отщепенцы, опираясь на помощь капиталистических стран, продолжали вести подрывную деятельность против СССР, стремясь сорвать план построения в стране нового справедливого общественного строя. Все неудачи и провалы в строительстве социализма большевистское правительство объясняло враждебной деятельностью людей такого рода, которых стали называть «врагами народа».

При таких обстоятельствах усиление гонений против той части населения страны, на которую власти возложили ответственность за собственные просчеты и ошибки в руководстве народным хозяйством страны, было неизбежно. Применение жестких репрессивных мер против так называемых врагов народа, в сущности, привело к возобновлению в латентной форме гражданской войны в СССР.

Первым значительным процессом против «врагов народа» стало так называемое Шахтинское дело, в соответствии с которым в 1928 г. были осуждены горные инженеры треста «Донуголь», необоснованно обвиненные во вредительстве (Шахтинский процесс..., 2011; 2012). Именно этот процесс дал первый толчок шпионии в СССР, что сказалось и на деятельности ГАИМК. Заместитель председателя ГАИМК

Ф. В. Кипарисов в июле 1929 г. был вынужден отметить, что «за последнее время имели место несколько случаев задержания органами ГПУ и милиции сотрудников Академии, работающих на местах по обследованию памятников. Во избежание повторных подобных явлений, затрудняющих работу и вызывающих потерю времени командированных сотрудников, предлагаю предписать сотрудникам, особенно тем, которые ведут работы, связанные со снятием планов, обмеров и т. п., немедленно по приезде на место работ регистрировать свои командировочные удостоверения в местных органах ГПУ или милиции как то предусмотрено в п. 19 инструкции переданной правлением Академии начальникам экспедиций» (Алёкшин, 2013. С. 111). Очевидно, по мнению обывателей, «враги народа» занимались в числе прочего топографической съемкой местности и расположенных на ней объектов народного хозяйства с целью последующей передачи таких планов иностранным разведкам. Таким образом, проводя раскопки, являющиеся неотъемлемой частью работы археолога, последний рисковал попасть в число «врагов народа».

За Шахтинским делом последовали и другие громкие политические процессы: дело «Промпартии» (1930) (Судебный процесс «Промпартии»..., 2016; 2017), дело военспецов (1930–1931) (Тинченко, 2000), дело Трудовой крестьянской партии (1930 — начало 1932) (Мозохин, 2021). На этих процессах были в основном осуждены инженеры, научно-техническая интеллигенция, аграрии и высокопоставленные военные специалисты. Фигурантами других процессов стали специалисты различных гуманитарных наук. Речь идет об Академическом деле (1929–1931) (Академическое дело..., 1993; 1998; 2015), деле краеведов (1930–1931) (Акиншин, 1992) и деле так называемой Российской национальной партии (далее РНП, 1933–1934) (Ашинин, Алпатов, 1994). Последний процесс мог оказаться роковым для судьбы А. А. Иессена, поскольку проходивший по этому делу А. А. Миллер был не только учителем А. А. Иессена, но и его непосредственным начальником по линии Северокавказской экспедиции ГАИМК.

Дело РНП было сфабриковано секретно-политическим отделом ОГПУ. Фигурантами этого процесса наряду с рядовыми музейными сотрудниками являлись известные филологи, археологи и этнографы. По версии следствия, РНП, представлявшая собой политический блок российских великодержавных и украинских националистов,

возникла в 1929 г. Ячейки РНЦ, как полагало ОГПУ, передавали иностранным фирмам и учреждениям результаты работ советских хозяйственных и оборонных предприятий, а также занимались вредительством и срывом планов научных исследований в СССР (Архив УФСБ. Д. П30696. Т. I. Л. 340, 341; Т. II. Л. 533, 534, 536, 552).

Члены РНЦ, утверждало следствие, руководили работой Украинского отделения Этнографического отдела Русского музея (далее ЭО РМ), сотрудники которого организовали выставку «Украинское село», причем ее экспонаты якобы были подобраны так, что они представляли сельскую Украину в неправильном идеалистическом виде и не давали информации ни о классовом расслоении украинского села, ни о его взаимоотношении с городом (*Там же*. Т. II. С. 537, 552, 553). В этой части обвинения указана истинная подоплека этого дела.

Речь идет о так называемой коренизации, которую в СССР проводили в 1920-х — начале 1930-х гг. Суть ее заключалась в широком вовлечении в советское строительство нерусских рабочих и крестьян посредством их выдвижения на советскую и партийную работу, а также удовлетворения их культурных запросов. В местах их компактного проживания планировали переводить на национальные языки различного рода деловую документацию. Коренизация должна была укрепить позиции новой власти, одним из основных лозунгов которой являлся интернационализм. Однако генеральный секретарь ЦК РКП(б) и глава Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин не исключал того, что в процессе осуществления коренизации «некоторые группы товарищей нас могут толкнуть на путь предоставления привилегий одним национальностям за счет других» (*Жуков*, 2018. С. 88).

Проведение этой политики на Украине, начавшееся в 1923 г., получило название украинизации. Ее инициаторы — глава правительства УССР Х. Г. Раковский, министры юстиции Н. А. Скрыпник и просвещения А. Я. Шумский — уже летом того же года потребовали украинизации всего партийного и государственного аппарата республики (*Там же*. С. 109, 110, 113). В мае 1925 г. в Харькове было принято постановление «Об украинизации», в котором провозглашалось принудительное внедрение в республике украинского языка, перевод преподавания на нем во всех средних и части высших учебных заведений, подбор партийных кадров только из украинцев. Параллельно разработали циркуляр о запрещении

приема на службу лиц, не владеющих украинским языком, и начали первые увольнения за его незнание (*Жуков*, 2017. С. 115; 2018. С. 325–330). В кругах местной интеллигенции стал популярным выдвинутый писателем Миколой Хвылевым (Николай Григорьевич Фитилев) лозунг «Прочь от Москвы!» (*Жуков*, 2017. С. 118). Реагируя с некоторым запаздыванием на эту двусмысленную для союзной власти ситуацию, И. В. Сталин 20 апреля 1926 г. заявил, что украинизация «... может принять <...> характер борьбы против Москвы вообще, против русских вообще, против русской культуры» (*Там же*. С. 120). Несмотря на предостережение из столицы страны, лидеры большевиков Украины предложили объединить в составе УССР все прилегающие к ней советские территории, где, по их мнению, украинцы составляли большинство населения (*Там же*. С. 123). Эти шаги руководства УССР беспокоили И. В. Сталина, но до начала 1930-х гг. ему пришлось терпеть украинизаторов, так как он был занят укреплением собственной власти внутри правящей партии (*Хлынина, Васильев*, 2011. С. 966). Когда этот процесс завершился, вождь перешел в наступление, подвергнув в конце 1932 г. резкой критике Н. А. Скрыпника, главного вдохновителя украинизации, ставшего к этому времени наркомом просвещения УССР. В конечном счете украинизация стала провоцировать рост антирусских и антисемитских настроений на Украине и на Кубани (*Там же*. С. 967), и союзные власти ее решили свернуть. С конца 1932 г. в названных регионах начинается чистка коммунистов — приверженцев украинизации. На Кубани с ней покончили к 1 января 1933 г. В январе 1933 г. на Украину из Москвы был направлен секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев. По итогам его поездки украинизация была признана перегибом национальной политики партии, а Н. А. Скрыпник, ее идеолог, подвергся ожесточенной критике и покончил жизнь самоубийством 7 июля 1933 г. Поспешное свертывание украинизации сопровождалось чистками партийного и советского активов, арестами и тюремными заключениями ее сторонников (*Хлынина, Васильев*, 2011. С. 968; *Борисенко*, 2006. С. 215–220).

Из-за начавшейся кампании по борьбе с украинизацией трудно было выбрать более неудачный момент для открытия весной 1933 г. выставки «Украинское село» в Русском музее в Ленинграде. Она была воспринята властями как вражеская вылазка, и лица, причастные к ее организации, были сурово наказаны.

В 1920-х — первой половине 1930-х гг. меры физического воздействия к фигурантам политических процессов еще не применялись. Однако все последственные, как правило, давали на допросах признательные показания. Следователи добивались этого, используя методы психологического воздействия на обвиняемых. Об этом свидетельствует, например, адресованное в октябре 1936 г. наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову письмо археолога и этнографа Г. А. Бонч-Осмоловского, также проходившего по делу РНЦ: «В сентябре 1933 г. я был вызван в Ленинградское ГПУ и дал там <...> подробные и совершенно искренние показания по поводу положения в ЭО РМ, в котором я служил до 1931 г. Через два месяца меня арестовали... Следствие с самого начала взяло по отношению меня тон, как к несомненному врагу... Никаких разговоров по существу не допускалось и все вопросы сводились к требованию подписать заранее составленное следователем признание, называвшееся декларацией <...> следователь создавал при этом впечатление полной безнадежности моего положения. Категорические отказы подписать декларацию вызывали реплики, что я сам гублю себя своим упорством, что я оговорен сослуживцами и ввиду скорого окончания следствия как нераскавшийся, т. е. закоснелый враг, поеду, по меньшей мере на 5 лет в лагерь... Частые угрозы (немедленным расстрелом револьвером) подкрепляли в моем сознании впечатление безнадежности... Следователь говорил мне: „Если Вы действительно наш, то Вы должны нам полностью доверять. Вы должны отдать свою судьбу целиком в наши руки, и мы сами разберемся в том, что Вы из себя представляете... Подписав декларацию, которая не является материалом для следствия, Вы отдаете себя в наши руки и тем самым докажете свое полное доверие органам пролетарской диктатуры“... Мало-помалу эти рассуждения начали казаться вполне логичными. Окончательно убедили меня слова старшего следователя, что подписание декларации имеет условный, чисто формальный характер и что следствию совершенно неважно, если я подпишу ее, сохраняя про себя убеждение в ложности самой декларации... Убеденный этими рассуждениями, я подписал первую декларацию (15.12.1933)... Через некоторое время мне было предложено подписать вторую, а затем и третью декларации, имевшие все более и более криминальный характер. Считая, что раз встав на определенный путь, я должен идти до конца, что мне нет никаких оснований отказываться от

подписи последующих деклараций, т. к. различия между ними неизмеримо меньше, чем между первой декларацией и действительностью, я их также подписал (26.12.1933 и 31.01.1934). Чем нелепее, чем неправдоподобнее было содержание деклараций, тем легче было ее подписывать, т. к. нелепость ее казалась одинаковой и следователю, и мне... Я поневоле укрепился в мысли, что дело сводится к методам проверки меня и других лиц, а не к расследованию преступления... Цепляясь за идею полного доверия к следователю, не имея сил противоречить, я слепо следовал его указанию и подписывал разные бумаги, причем все это время во мне поддерживалась уверенность, что они имеют условный порочный характер... Только под конец, когда меня оставили на некоторое время в покое, мне удалось путем крайнего напряжения всех сил разобраться в том, что со мной происходит какая-то непонятная тягостная ошибка... Тогда же, все еще из одиночного заключения я написал подробное разъяснение, почему и как подписывал декларации и что эти документы никак нельзя считать показаниями, признаниями или оговорами... Никаких других конкретных доказательств моей виновности в каких-либо преступлениях не было мне предъявлено и не могло быть предъявлено, так как ни разу за все время следствия не ставился вопрос о совершенных мною реальных преступных действиях. Про себя я, во всяком случае, могу сказать одно <...> мои убеждения нисколько не изменились и что среди других ученых мало найдется таких искренне преданных делу революции людей, как я... Я верю в революционную целесообразность и справедливость, и эта вера дает мне силы все перенести, вновь и вновь добиваться своей реабилитации» (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 64–68). Очевидно, подобные методы воздействия были использованы следствием и против А. А. Миллера, в деле которого представлены только добровольные признания, то есть самооговоры.

Весной 1934 г. А. А. Миллера осудили на пятилетнюю ссылку в Казахстан (Архив УФСБ. Д. П 30696. Т. I. Л. 328), где он умер 12 января 1935 г. в г. Петропавловске (Запись актов гражданского состояния по г. Петропавловск. Ф. 824. Оп. 2. Д. 385. Л. 46). Ученик ничем не мог помочь учителю, так как и сам находился под подозрением. Осведомитель из ГАИМК, указывая на компрометирующие в соответствии с политическими реалиями 1930-х гг. факты из биографии А. А. Иессена (дворянское происхождение, служба в императорской армии на офицерских должностях),

характеризовал его как молчальника и политически неблагонадежного человека (ЦГА СПб. Р-7154 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 13. Л. 16). Однако А. А. Иессен не сомневался в невинности своего наставника. Когда XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г., осудил практику необоснованных политических репрессий, получивших массовое распространение в годы правления И. В. Сталина, и взял курс на пересмотр многих политических дел, сфабрикованных в то время, А. А. Иессен принял самое непосредственное участие в реабилитации своего покойного учителя, дав о нем в ноябре 1956 г. показания военному трибуналу Ленинградского военного округа. В них А. А. Иессен сообщил, что А. А. Миллер был человеком больших знаний, который оставил после себя многих учеников, а его труды до сих пор имеют огромное научное значение. А. А. Иессен также подчеркнул, что его наставник всегда стоял на советских позициях, не позволяя себе никаких антисоветских заявлений (Архив УФСБ. Д. П 30696. Т. VI. Л. 607). Показания А. А. Иессена сыграли существенную роль в реабилитации А. А. Миллера, которая последовала 28 ноября 1956 г.

По делу РНЦ проходили еще два археолога: С. А. Теплоухов и его ученик М. П. Грязнов. Оба они, являясь сотрудниками Этнографического отдела Русского музея, по совместительству работали и в ГАИМК. С. А. Теплоухов во время следствия покончил жизнь самоубийством не позднее 15 марта 1934 г., а М. П. Грязнов, так и не признавший своей вины, был отправлен на три года в ссылку в Вятку (ныне Киров), где получил разрешение на работу в областном музее краеведения. В декабре 1936 г. исследователь был освобожден и в 1937 г. смог вернуться в Ленинград (Алёкшин, 2007. С. 33; 2013. С. 118).

В марте 1935 г. родители А. А. Иессена, вероятно, в связи с гонениями, которые власть обрушила после убийства 1 декабря 1934 г. главы Ленинградской партийной организации С. М. Кирова на тех жителей города, которых она считала не лояльными, были высланы из Ленинграда в Уфу. Хотя, как следует из официальных документов и довоенного, и послевоенного времени, А. А. Иессен считал себя русским человеком, родным языком которого являлся русский (Алёкшин, 2017. С. 165), в личном листке по учету кадров, заполненном 10 октября 1937 г., ученый написал, что происходит из немцев (Там же). Он был вынужден это сделать, иначе его могли обвинить в том, что он скрывает свое происхождение. Отец ученого, Александр Логинович, имел датско-немецких

предков, а мать, Мария Робертовна, происходила из семьи прибалтийских немцев. Александр Логинович был арестован 6 ноября 1937 г., возможно, в связи с начавшимися летом этого года репрессиями, направленными непосредственно против немцев, и расстрелян 17 декабря 1937 г. в Уфе, а мать, Мария Робертовна, умерла в ссылке в 1938 г. (Там же).

Во второй половине 1930-х гг. вал репрессий в стране стал нарастать, достигнув своего апогея в 1937–1938 гг. В стране даже во властных структурах постепенно воцарился страх перед вседозволенностью советских правоохранительных органов, действия которых по отношению к согражданам со временем становятся откровенно карательными. Результаты неограниченного расширения полномочий спецслужб не замедлили сказаться во всех сферах общественной жизни страны, в том числе и в науке.

Сложившийся уклад научной жизни в то время полностью деформировался. Любое публичное выступление специалиста превращалось в экзамен на лояльность правящей партии. Самым весомым аргументом в научном споре стало хлесткое слово, с помощью которого люди пытались обезопасить себя от политических обвинений. В качестве примера можно привести цитату из доклада одного из сотрудников ГАИМК: «...отрицание возможности занятия саков оседлым земледелием является реакционным положением, основанным на идеалистически-фашистском тезисе о собственности определенным племенам тех или иных способов производства, что, в конечном счете, ведет к установлению более одаренных и менее одаренных рас» (Алёкшин, 2013. С. 119, примеч. 39). Наиболее распространенными способами выживания в те годы стали несвойственное научному работнику умение держать язык за зубами и покаяние в совершенных ошибках.

В 1936–1937 гг. руководство ГАИМК было репрессировано. Реакцией на это стало собрание актива Академии, которое длилось в течение несколько апрельских дней в 1937 г. Резолюция собрания содержала резкие слова осуждения в адрес партийной организации ГАИМК, которая, проявив якобы политическую слепоту, беспечность и благодушие, позволила «...шайке врагов народа <...> пробраться к руководству Академии и полновластно хозяйничать в ней в течение ряда лет» (Алёкшин, 2013. С. 119). Собрание обвинило репрессированных руководителей ГАИМК (Ф. В. Кипарисова, А. Г. Пригожина, С. Г. Томсинского, С. М. Дубровского) в искажении марксист-

ма-ленинизма, насаждении социологического схематизма, ликвидации археологии и этнографии как науки, развале издательского дела в Академии (*Там же*). Участники собрания обязались изжить все последствия вредительства в ГАИМК и потребовали реорганизации ее структуры, а также укрепления Академии «...руководящими научными работниками коммунистами...» (*Там же*).

Параллельно с поисками врагов народа начиная с конца 1920-х гг. власти стали форсировать меры по воспитанию нового человека — сознательного строителя социалистического общества, носителя его идеалов, которые он обязан был пропагандировать и защищать. Ускоренное решение этой задачи сделало бы необратимыми завоевания Октябрьского переворота. Для революционеров России, живших в различные исторические эпохи, процесс формирования новых людей являлся камнем преткновения. Они не могли удовлетворительно ответить на вопрос, откуда возьмется множество сознательных борцов за идеалы социализма, поскольку, по их мнению, дореволюционное население страны было отягощено различными недостатками, характерными для прежнего строя. Один из их предшественников П. Н. Ткачев предлагал, например, радикальнейший рецепт создания нового человека, считая, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет (*Анненская*, 1913. С. 62).

Большевики, конечно, понимали, что на практике такое осуществить невозможно. Поэтому в их программных документах, относящихся к периоду становления советского государства, эта идея не получила отражения. Однако власти организовали ряд кампаний по проверке благонадежности населения. Именно эти мероприятия, по мысли идеологов правящей партии, позволили бы достичь ее стратегической цели, заключающейся в построении нового общества, ядро которого составили бы воспитанные советской властью люди, не обремененные пережитками прошлого. Применительно к ГАИМК об этом открыто говорили некоторые руководители Академии. Так, заместитель ее председателя Ф. В. Кипарисов в ходе чистки ГАИМК заявил 23 мая 1930 г., что «состав Академии в смысле социального происхождения, социального положения работников, конечно чрезвычайно неблагоприятный. Это совершенно естественно <...> так как рабочие археологией не занимаются» (*Алёкшин*, 2013. С. 111). И хотя он признал, что пока еще невозможно полностью изменить кадровый состав ГАИМК («но проще

всего сказать, что социальный состав не подходит и сделать один вывод — закрыть Академию (у меня эта мысль мелькала) и подождать тех времен, когда мы сумеем сделать Академию пролетарской по своему происхождению. Во-первых, вряд ли это возможно, во-вторых, вряд ли это нужно. Я не думаю, чтобы мы рабочих стали сажать за изучение археологии...» (*Алёкшин*, 2013. С. 111, 112)), намерение удалить из Академии ее членов, приверженных старорежимным, как тогда говорили, традициям, должно быть, по его мнению, реализовано («Социальный состав вузов носит сейчас определенный характер — исключительно из пролетарских трудящихся масс нашей страны и таким образом в вузах у нас имеется некоторое количество работников хорошего социального качества, которые работают в области истории материальной культуры. Вот откуда придет смена нашего состава в социальном смысле» (*Алёкшин*, 2013. С. 112)). Вытекающие из этих формулировок представления о врожденной порочности и неполноценности людей, не имевших рабоче-крестьянского происхождения, на практике вели к репрессивным мерам, которые иначе как социальным нацизмом и не назовешь. Старые кадры, не пришедшиеся ко двору советской власти, тормозили, по ее мнению, формирование социалистического отечества, и поэтому их надлежало отеснить на обочину общественной жизни или изолировать.

Как всегда заметную роль в таких кампаниях играли лица, сами не отличавшиеся «чистой» происхождения. Например, Ф. В. Кипарисов, возглавивший Комиссию по чистке, которая в 1930 г. уволила из ГАИМК 60 человек, был сыном профессора Духовной академии (*Алёкшин*, 2013. С. 112, примеч. 121). Основания, в соответствии с которыми Комиссия изгоняла сотрудников из Академии, с правовой точки зрения, были несостоятельны. Их лишали работы за «...подбор чуждого элемента и засорение аппарата <...> отделения...» и как «...социально-чуждый элемент»; за «...антимарксистское мировоззрение...» и «...приверженность к Тихоновской церкви, в результате чего <...> не может быть правильной научной установки в работе»; за «...отрицательное общественно-политическое лицо...»; за «...засорение библиотеки ненужной, даже черносотенной литературой и остатками библиотеки живших в Мраморном дворце Романовых...», за неудокомплектованность библиотеки марксистской литературой, за «...употребление старой орфографии на читательских формулярах» (*Там же*).

Правительственные круги требовали от граждан СССР не просто лояльности новой власти, но публичного выражения преданности ей и постоянного одобрения ее внутренней и внешней политики. Те же, кто пытался отмолчаться, жить, держа язык за зубами, вызывали подозрение в неискренности, скрытности и враждебности по отношению к социалистическому государству и правящей партии. Донесения информаторов о настроениях таких малообщительных сотрудников Академии сплошь и рядом содержат их уничижительные характеристики. Они, как и А. А. Иессен, названы «молчальниками», скрывающими свое истинное «политическое лицо» и, соответственно, «политически неблагонадежными» или «политически чуждыми». Другие, сдержанные на язык люди, по мнению осведомителей, настроены «не советски» или «антисоветски» и, в сущности, являются «противниками советской власти» (ЦГА СПб. Р-7154 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 13). Таким образом, Народный комиссариат внутренних дел СССР в той или иной степени подозревал значительную часть исследователей ГАИМК в настроениях, враждебных социалистическому государству.

Подобное отношение к ученым оборачивалось для Академии кадровыми потерями. В 1929 г. в ГАИМК по штату числилось 117 сотрудников, причем все они были беспартийными. К концу 1931 г. состав Академии был обновлен на 83 %. Теперь из 113 сотрудников ГАИМК 18 являлись членами ВКП(б), а 17 — комсомольцами. В 1929 г. все аспиранты Академии были беспартийными, а в 1931 г. из 27 аспирантов шесть состояли в рядах ВКП(б) и 13 являлись членами ВЛКСМ (Алёкшин, 2013. С. 115).

В «Записке о выполнении производственного плана ГАИМК» за 1929 г. ее руководство было вынуждено, очевидно, учитывая политические реалии того времени, подчеркнуть, что «при обсуждении работ Академии ею самую неоднократно подчеркивалась недостаточная разработанность проблем истории материальной культуры марксистами, однако возможность привлечь к постоянному участию в работах Академии достаточного количества научных работников-марксистов, специально интересующихся историей материальной культуры, появилась лишь теперь при пересмотре структуры и штата Академии» (Алёкшин, 2013. С. 111).

Начиная с рубежа 1920–1930-х гг. руководство ГАИМК, контролируя издания, выходящие под ее грифом, не допускало обсуждения в них

концепций, альтернативных марксизму (Платонова, 1999. С. 468). Именно потому А. А. Миллеру так и не удалось интерпретировать собранные им на Северном Кавказе комплексы артефактов, исходя из его понимания археологии как науки об изучении древних культур. Основная идея марксизма заключалась в том, что развитие любого общества определяется его экономической эволюцией, сопровождающейся классовыми конфликтами. В данной парадигме понятие «культура» отступает на второй, если не на третий план. Основоположники марксизма почти не использовали концепцию культуры (Клейн, 2011. С. 17), которая к началу XX в. была ими разработана слабо, как правило, применительно к условиям нового и новейшего времени. Примат экономики заслонял приверженцам нового учения все остальные сферы развития общества.

Внедрение марксизма в отечественную археологию привело к тому, что она на долгие годы посвятила себя исследованию древних систем хозяйства, а также разработке социологических методов, поскольку артефакты стали рассматривать лишь как источник для изучения общественных отношений в древних обществах (формы семьи и брака), а также процессов их имущественного и социального расслоения. Типологический анализ артефактов объявили «ползучим эмпиризмом» и «голым вещеведением» (Клейн, 1993. С. 20; 2011. С. 14).

Между тем артефакты поступали в большом количестве, их надо было как-то классифицировать. Поскольку культурологический подход к изучению древностей противоречил специфическому осмыслению культуры марксистами, термину «культура», который сравнительно недавно появился в отечественной науке, вначале попытались придать другое значение.

Так, С. А. Теплоухов ввел понятие «стадия общественного развития» (Теплоухов, 1932. С. 405), заменив им в своих трудах лексему «культура», которая вскоре вообще исчезла из многих археологических публикаций (Грязнов, 1969. С. 20), так как ее использование грозило ученым политическим обвинением, например, в употреблении, по мнению С. Н. Быковского, буржуазной терминологии (Быковский, 1933. С. 10). Последний утверждал, что «под культурой можно разуметь только область производительных сил в диалектическом единстве с производственными отношениями... Культуру нельзя <...> смешивать с ее вещественными остатками» (Там же. С. 11).

После такого разъяснения даже А. А. Миллер, самый яркий сторонник культурологического

направления в археологии, перестал использовать термин «культура» в своих публикациях, вышедших в свет в начале 1930-х гг. (Миллер, 1932. С. 66, 67; 1933). Одни авторы отказались применять понятие «культура», опасаясь обвинений в буржуазном вещеведении, другие, искренне признав его ошибочным, заменили лексемой «стадия», ставшей термином основанной, по их представлениям, на марксизме, а следовательно, на верной концепции, внедренной в археологию в начале 1930-х гг. Речь идет о теории стадийности, в соответствии с которой все общественные изменения, в том числе и культурные, связаны с обусловленными внутренней трансформацией общества скачками в развитии его экономики, причем оно после каждого скачка переходило на новую стадию своей эволюции, кардинально меняя язык, социальные отношения и культуру.

Таким образом, понятие «стадия» вытеснило лексему «культура» во многих археологических штудиях (Быковский, 1933. С. 11). Стадии, в свою очередь, делились на этапы, периоды, эпохи или, как предложил позже А. П. Окладников, на культурно-исторические этапы (Окладников, 1950. С. 10, 11). Вместе с тем следует отметить, что на употребление термина «культура» не был наложен абсолютный запрет. Эпизодически его продолжали использовать в работах, посвященных, например, древностям бронзового века Кавказа (Куфтин, 1940. С. 5, 6, 20, 23, 32, 34, 35) и Казахстана (Тереножкин, 1938. С. 205, 206), иногда присоединяя к нему определение «так называемая» (Бадер, 1937. С. 25, 27, 31, 34–37).

Внедрение марксизма в отечественную археологию роковым образом сказалось и на работах секции генетики культуры ГАИМК, в которую решением Совета Академии в марте 1926 г. был преобразован разряд первобытной культуры, входивший в состав I Отделения ГАИМК. Новая секция занималась, говоря современным языком, проблемами культурной антропологии, фокусируя основное внимание на разработке вопросов генетики культур по проблематике всех отделений Академии — этнологического, археологического и искусствоведческого, координируя работу разрядов отделений в области генетики культуры с целью синтетического изучения ее элементов и планирования исследований, требующих совместных трудов специалистов как входящих в состав различных разрядов Академии, так и привлекаемых в качестве временных сотрудников из ученых, не принадлежащих к составу

Академии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 12. Л. 37). Объектом изучения секции являются процессы развития первобытных обществ, формы и типы их развития в области социальной структуры, хозяйственных форм, палеонтологии речи, правовых форм, искусства, расовой структуры и, естественно, материальной культуры в ее первичных стадиях (Там же. 1926. Д. 38. Л. 12об.). По мнению А. А. Миллера, основной задачей секции должно быть теоретическое обоснование вопросов генетики культуры (закономерности зарождения, превращения и распространения культурных форм) и методологическая разработка ее проблем с точки зрения различных научных дисциплин (Там же. 1928. Д. 18. Л. 1).

К сожалению, секция генетики культуры была упразднена в ГАИМК, после того как на ее заседании, состоявшемся в конце 1929 г., председатель Академии Н. Я. Марр, потребовал соединения в работе секции «академико-научного мышления с марксистским» (Там же. Л. 62). Вероятно, сотрудникам секции такая задача оказалась не по плечу.

На исследовательскую работу сотрудников ГАИМК отрицательно влияла также череда непрерывных административных преобразований главного археологического учреждения страны, которая началась в ноябре 1929 г., когда всю археологическую тематику включили в «Отделение исторических формаций». В состав Академии входили также «Технологическое отделение» и «Организационно-методологическое отделение» (Алёкшин, 2013. С. 111). В октябре 1930 г. разряды в ГАИМК упраздняются. Вместо них созданы сектора под новыми названиями: сектор архаических формаций, сектор античных формаций, сектор феодальных формаций, сектор капиталистических формаций (Алёкшин, 2013. С. 113). Первый из них включал два подсектора: первичных культур (охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ стадия) и культур, переходных к классовой структуре (земледельческо-скотоводческая стадия) (Алёкшин, 2013. С. 113). В структуре Академии имелось методологическое бюро, при технологической секции которого функционировало несколько лабораторий (Там же).

В 1931 г. вводится деление секторов на группы, в которых протекала вся научно-исследовательская работа исследователей ГАИМК. Внутри групп над одной темой могли работать несколько ученых, которые составляли так называемую бригаду (Там же).

В 1932 г. из названия секторов исчезает термин «формация», вместо него вводится термин

«общество», причем сектор архаических формаций переименован в сектор доклассового общества. Группы внутри секторов переименовывают в бригады, словно желая уравнивать производство и науку. Работа каждой бригады носила коллективный характер. Кроме того, в структуре Академии функционировали Институт исторической технологии и Институт музееведения (*Там же*).

В январе 1934 г. провели очередную реорганизацию ГАИМК, образовав на базе секторов Академии научно-исследовательские институты: Институт истории доклассового общества, Институт истории рабовладельческого общества, Институт истории феодального общества. Все они состояли из кафедр. Кроме того, в структуру ГАИМК входили Институт исторических технологий и сектор полевых исследований. Последний в декабре того же года был объединен с Институтом археологических технологий (*Алёшкин, 2013. С. 114*).

Аресты руководителей Академии, проведенные в 1936–1937 гг., дезорганизовали работу ее подразделений. Впрочем, дни существования этого научно-исследовательского учреждения были сочтены. В июле 1937 г. ГАИМК преобразовали в ИИМК и включили последний в состав АН СССР. Новый институт, руководителем которого стал академик И. А. Орбели, насчитывал 10 секторов (*Алёшкин, 2013. С. 115*).

При реорганизации Академии в штат вновь образованного Института не попали 54 сотрудника ГАИМК, которые не были археологами, так как ИИМК должен был выполнять исключительно археологические задачи (*Алёшкин, 2013. С. 115*).

В период Великой Отечественной войны головное учреждение ИИМК переместили в Москву, а в Ленинграде было создано его отделение — ЛОИИМК, структура которого при весьма драматических обстоятельствах была трансформирована в августе 1951 г. Это преобразование совпало по времени с дискуссией по вопросам языкознания (*Алёшкин, 2013. С. 130, 132–133*).

Последняя началась в 1950 г., после публикации в газете «Правда» статьи главы СССР И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (*Сталин, 1950. С. 3, 4*). В ней резкой критике подверглось так называемое новое учение о языке, создателем которого был многолетний председатель ГАИМК академик Н. Я. Марр, скончавшийся еще в 1934 г. В 1910-х и в начале 1920-х гг. он высказал идею о существовании обширной яфетической семьи языков, в состав которой наряду с грузинским и другими

кавказскими языками входили якобы многие древние языки Средиземноморья. Эта гипотеза противоречила принципам сравнительно-исторического языкознания. Тогда Н. Я. Марр, отбросив последнее, выступил с «новым учением о языке», сводившимся к трем постулатам: 1) языкового родства не существует; языки не могут расходиться, они лишь скрещиваются друг с другом; 2) все языки в своем развитии проходят с разной скоростью одинаковые стадии развития — от примитивной, состоявшей из четырех первобытных элементов («диффузные выкрики»: сал, бер, йон, рош), до самой сложной, свойственной древнегреческому, латинскому и другим языкам, причем смена стадий обусловлена экономическими сдвигами в обществе; 3) в любом языке можно выявить остатки предшествующих стадий вплоть до четырех элементов. С конца 1920-х гг. не подтверждаемая фактами концепция Марра была объявлена единственно верной и соответствующей марксизму. Учение Н. Я. Марра господствовало не только в языкознании, но и в археологии, востоковедении, истории и этнографии вплоть до выступления против него И. В. Сталина в 1950 г. (*Алпатов, 2004*).

Этот поступок вождя лежал в русле проводимой им с 1946 г. внутренней политики, одна из целей которой заключалась в том, чтобы не допустить отхода от жестких принципов управления государством, чего ожидало раскрепостившееся за годы войны население страны. Для осуществления этого замысла И. В. Сталин считал необходимым запугать всех, кто, в той или иной степени, разделял идею отхода от основных постулатов сталинизма, прежде всего интеллигенцию и творческих работников — деятелей искусства, культуры и науки.

Сложившаяся в СССР традиция требовала незамедлительной реакции на инициативы вождя. 20 июня 1950 г. в газете «Правда» публикуется изложение взглядов И. В. Сталина по вопросам языкознания, а уже 5 июля на открытом партийном собрании ИИМК выступил его директор, чл.-кор. АН СССР А. Д. Удальцов, который отметил необходимость разворачивания широкой критики и самокритики в связи с использованием в гуманитарных науках ложной концепции Н. Я. Марра о языке (*Обсуждение трудов И. В. Сталина..., 1951. С. 203*).

Что касается ЛОИИМК, то оно с запозданием отозвалось на новую разоблачительную кампанию в науке. Лишь 22 и 23 ноября на заседании Ученого совета был заслушан доклад заведующего

ЛОИИМК д-ра ист. наук А. П. Окладникова «Труды В. И. Сталина по вопросам марксизма в языкознании». Такое промедление дало повод головному учреждению обвинить руководство ЛОИИМК в том, что оно уклоняется от покаяния в грехе марризма. На заседании Ученого совета ИИМК в Москве (28–30 ноября) все основные постулаты учения Н. Я. Марра о языке вновь были подвергнуты уничижительной критике, особенно трактовка Н. Я. Марром языка как надстройки. А. П. Окладников и все ленинградское отделение было обвинено в попытке взять Н. Я. Марра под защиту и в стремлении сохранить его культ в ЛОИИМК. Имена таких известных ленинградских археологов, как М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, чл.-кор. АН СССР, д-р ист. наук В. И. Равдоникас и чл.-кор. АН СССР, д-р ист. наук К. В. Тревер упоминались в связи с тем, что они якобы не желали отказываться от приверженности ложной теории и не хотели признавать своих ошибок (Алёкшин, 2013. С. 133).

В мае 1951 г. заведующий ЛОИИМК д-р ист. наук М. М. Дьяконов был вынужден сделать доклад на заседании бюро Дзержинского райкома ВКП(б) о том, как обстоят дела по искоренению марризма в стенах руководимого им научного учреждения. В своем докладе М. М. Дьяконов выразил надежду на то, что изучение трудов И. В. Сталина поможет его сотрудникам избавиться от влияния марризма (Алёкшин, 2013. С. 134).

В целом кампания по борьбе с теорией Н. Я. Марра и ее последователями существенно отличалась от репрессий, обрушившихся на отечественные гуманитарные науки в 1930-х гг. Хотя попавшие под огонь жесткой критики ленинградские археологи, а также их близкие переживали нелегкие времена, и никто в те дни не мог поручиться за их будущее, все же ни один из них не только не был репрессирован, но даже не лишился работы. В сущности, дело ограничилось суровыми

разносами, которые были организованы по месту работы критикуемых или в партийных инстанциях низшего и среднего уровней. Объяснить это можно только тем, что из Кремля не последовало сигнала о расправе. О причинах сталинского миролюбия можно только догадываться. Возможно, что череда послевоенных проработок творческой интеллигенции, кроме всего прочего, служила для вождя своеобразным камуфляжем, под прикрытием которого он, не форсируя событий, готовил новую чистку партийного аппарата.

Это обстоятельство, видимо, предопределило ход дискуссий, организаторы которых на этот раз не произносили кровожадных речей. Исследователи, обвиненные в приверженности идеям Н. Я. Марра, вели себя достойно. Частично признавая свои ошибки, они полемизировали со своими оппонентами, но при этом не оговаривали себя и не калялись во всех смертных грехах. Репрессии 1930-х гг. показали, что такая форма защиты никак не влияла на участь обвиняемого, а наоборот, служила основанием для вынесения ему самого сурового приговора.

После смерти И. В. Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г., дискуссия по вопросам языкознания постепенно заглохла. И все же следует признать, что именно она развенчала учение Н. Я. Марра о языке как не соответствующее научным реалиям. Если бы на свете где-нибудь существовал музей научных заблуждений, то учение Н. Я. Марра стало бы одним из его наиболее ярких и оригинальных экспонатов.

Таковы были общественные реалии, в которых протекала научная и частная жизнь А. А. Иессена и многих других археологов его поколения. В сложных, подчас трагических обстоятельствах они находили в себе силы целеустремленно заниматься наукой и делать выдающиеся археологические открытия. Отдадим должное силе их духа, оптимизму, выдержке и терпению.

Академическое дело..., 1993 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Академии наук, 1993. 296 с.

Академическое дело..., 1998 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2, ч. 1, 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Академии наук, 1998. 746 с.

Академическое дело..., 2015 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9, ч. 1. Обвинение, приговор, реабилитация / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Академии наук, 2015. 452 с.

Акинъшин, 1992 — Акинъшин А. Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд.-во, 1992. Вып. 1. С. 208–235, 282, 283.

- Алёшкин, 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алёшкин, 2017 — Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК. 2017. № 16. С. 160–172.
- Алпатов, 2004 — Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
- Анненская, 1913 — Анненская А. Н. Из прошлых лет (воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53–81.
- Ашинин, Алпатов, 1994 — Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 285 с.
- Бадер, 1937 — Бадер О. Н. Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры по материалам Калининского музея) // СА. 1937. Вып. II. С. 19–38.
- Борисенок, 2006 — Борисенок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М.: Европа, 2006. 256 с.
- Быковский, 1933 — Быковский С. Н. К пересмотру археологической терминологии // Проблемы истории материальной культуры. Л.: ГАИМК, 1933. № 5–6. С. 10–12.
- Грязнов, 1969 — Грязнов М. П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии: Тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР (I–IV, 1970 г.). Л.: б. и., 1969. С. 18–22.
- Жуков, 2017 — Жуков Ю. Н. Сталин. Шаг вправо. 1926–1927 годы. Индустриализация как основной фактор борьбы в руководстве ВКП(б). М.: Концептуал, 2017. 416 с.
- Жуков, 2018 — Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. 1923–1925 годы. Экономика и политическая борьба в СССР. М.: Концептуал, 2018. 384 с.
- Иессен, 1935 — Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Соцэргиз, 1935 (Известия ГАИМК; Вып. 120). С. 7–237.
- Иессен, 1947 — Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. 90 с.
- Иессен, 1950 — Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. 12. С. 157–201.
- Иессен, 1951 — Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
- Иессен, 1953 — Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–110.
- Клейн, 1993 — Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.
- Клейн, 2011 — Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Т. 2. 624 с.
- Куфтин, 1940 — Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 5–35.
- Кушнарёва, 1987 — Кушнарёва К. Х. Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 3–6.
- Миллер, 1932 — Миллер А. А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 9–10. С. 63–67.
- Миллер, 1933 — Миллер А. А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // ПИМК. Л.: ГАИМК, 1933. № 1–12. С. 47–51.
- Мозохин, 2021 — Мозохин О. Б. Дело «Трудовой крестьянской партии». М.: Вече, 2021 (Советская история). 400 с.
- Обсуждение трудов И. В. Сталина..., 1951 — Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 203–209.
- Окладников, 1950 — Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 18). 412 с.
- Платонова, 1999 — Платонова Н. И. М. И. Артамонов — директор ИИМК // АВ. 1999. № 6. С. 466–478.
- Сталин, 1950 — Сталин И. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. № 171 (11643) от 20 июня. С. 3, 4.
- Судебный процесс «Промпартии»..., 2016 — Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2016 (Архивы Кремля). 855 с.
- Судебный процесс «Промпартии»..., 2017 — Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2017 (Архивы Кремля). 1055 с.

- Теплоухов*, 1932 — *Теплоухов С. А.* Металлический период // *Сибирская советская энциклопедия* / Гл. ред. Б. З. Шумяцкий. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. Столб. 400–415.
- Тереножкин*, 1938 — *Тереножкин А. И.* К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // *ВДИ*. 1938. № 1. С. 204–215.
- Тинченко*, 2000 — *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М.: б. и., 2000 (Московский общественный научный фонд; Вып. 10). 496 с.
- Тр. Азербайджанской..., 1959 — Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции. Т. 1. 1953–1955 гг. / Отв. ред. А. А. Иессен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 67). 454 с.
- Тр. Азербайджанской..., 1965а — Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2. 1956–1960 гг. / Отв. ред. А. А. Иессен, К. Х. Кушнарева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965 (МИА; № 125). 230 с.
- Тр. Азербайджанской..., 1965б — Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 3: Средневековые памятники Азербайджана / Отв. ред. А. А. Иессен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965 (МИА; № 133). 111 с.
- Хлынина, Васильев*, 2011— *Хлынина Т. П., Васильев И. Ю.* Украинизация: между большой политической и текущими задачами советского строительства // *European researcher*. 2011. № 6 (9). С. 963–970.
- Шахтинский процесс..., 2011 — Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2011 (История сталинизма. Документы). Кн. 1. 975 с.
- Шахтинский процесс..., 2012 — Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2012 (История сталинизма. Документы). Кн. 2. 1087 с.
- Архив УФСБ. Д. П 30696. Т. I, II, VI.
- Запись актов гражданского состояния по г. Петропавловск (Казахстан). Ф. 824. Оп. 2. Д. 385.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 38; 1927. Д. 12; 1928. Д. 18.
- ЦГА СПб. Р-7154 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 13.

Non-scientific problems of national archaeologists (late 1920s — early 1950s)

V. A. Alyokshin³

Keywords: A. A. Iessen, GAIMK, ИИМК, LOИМК, early metallurgy, culture, civilisational crisis, political trials, persecutions, discussion on the issues of linguistics.

The scientific activities of Aleksandr Aleksandrovich Iessen (11[23].07.1896, Saint Petersburg — 31.03.1964, Leningrad) as one of the most prominent archaeologists studying the Caucasus began in the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) on December 1, 1929, at the height of the civilisational crisis that expanded in Russia in the first half of the 20th century. The aggravation of this crisis in the end of the 1920s was provoked by the crash of the bolshevik hopes for the world revolution and forcible upbringing of new man — the builder of the socialist society. Both resulted in intensifying of the persecution of that part of the population of USSR (the so-called enemies of the people) on whom the authorities put the responsibility for their own miscalculations and errors in the management of the national economy. The ruling circles demanded from the population not only loyalty to the new authorities but also a public expression of the devotion to them and a continuous approval of their internal and foreign policy. The citizens who holding their tongue attempted to keep silent were under suspicion of insincerity, secretiveness and enmity toward the socialist state and the ruling party. Since the turn of 1920s–1930s the management of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) when controlling its publications did not tolerate any ideas contrary to the Marxism in them. Thus it directed the national archaeology to the course of a biased treatment of the artefacts. The sequence of continuous administrative transformations of the Academy in 1929–1937 also influenced negatively the results of the activities of the GAIMK workers. An unkind memory was left also by the discussion on the issues of linguistics unfolded in social sciences in the USSR in the early 1950s. Such were the historical realities in which the life of A. A. Iessen and other researchers of his generation occurred. Nevertheless they found the strength to continue their studies and make outstanding discoveries.

³ Vadim A. Alyokshin — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

Материалы А. А. Иессена в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье представлен обзор материалов А. А. Иессена, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН. Собрание позволяет проследить творческий путь ученого: от работ в экспедициях своего учителя А. А. Миллера к собственным крупномасштабным исследованиям.

Ключевые слова: А. А. Иессен, научный архив ИИМК РАН, археология Кавказа.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-30-47

Документальное наследие А. А. Иессена в научном архиве ИИМК РАН представляет собой собрание уникальных материалов, в которых запечатлено не только исследование конкретных памятников, но и становление удивительного ученого. Обзор материалов А. А. Иессена, хранящихся в фотоотделе, представлен в работе Н. А. Лазаревской (*Лазаревская*, 1996).

В рукописном отделе документы, связанные с научной жизнью А. А. Иессена, хранятся в составе нескольких фондов: Ф. 2. Фонд РАИМК/ГАИМК (1919–1937 гг.); Ф. 35. Фонд ИИМК (1938–2012 гг.); Р-1. Собрание графической документации (1830–1970). Ф. 76 — личный фонд А. А. Иессена — в настоящий момент находится в научно-технической обработке, обзор находящихся в нем материалов представлен в статье Р. В. Васильевой (*Васильева*, 1987).

Наиболее ранние документы из собрания научного архива ИИМК РАН, в которых упоминается А. А. Иессен, связаны со знаковым периодом для всей творческой биографии ученого — сотрудничеством с А. А. Миллером. В 1924 г., будучи студентом, А. А. Иессен принимает участие

в работе Северо-Кавказской экспедиции РАИМК. В 1925 г. ему были поручены раскопки грунтового могильника сарматского времени у ст. Усть-Лабинской и разведки по Кубани (*Алёкшин*, 2017).

В 1926 г. А. А. Иессен в качестве научного сотрудника принимает участие в Нахичеванской экспедиции. Он упоминается в списке участников в дневнике А. А. Миллера (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 268. Л. 22). Вероятно, рукой А. А. Иессена составлены описания находок из могильника Кызыл-Ванка (раскопки И. И. Мещанинова) (*Там же*. 1926. Д. 258), а также типологическая опись материалов из разведки А. А. Миллера (*Там же*. 1926. Д. 262). Авторство нигде не обозначено, однако почерк, которым написаны документы, очень схож с представленным в других архивных делах А. А. Иессена. Кроме того, в документах прослеживается характерный иессеновский стиль: стремление упорядочить данные, выделить типы, первичная систематизация материала с распределением его по пунктам и представлением в табличной форме. На некоторых листах иллюстративных материалов, полевых чертежах и инвентарной описи также просматривается почерк исследователя (*Там же*. 1926. Д. 256, 259, 263. Л. 1, 3, 15, 17).

В конце 1920-х — 1930-х гг. А. А. Иессен — активный участник Северо-Кавказской экспедиции (*Алёкшин*, 2017. С. 164). В 1928 и 1930 гг. он работает в качестве научного сотрудника, в 1929 г. руководит Пятигорским отрядом, в 1933 г. — горным.

В научной биографии ученого 1929 г. связан и с работой в Волго-Донской экспедиции, где он являлся начальником второй партии. Первую

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

партию возглавлял М. И. Артамонов. Спустя более чем 20 лет они снова окажутся в одной экспедиции по исследованию Волго-Дона: в 1951 г. А. А. Иессен будет руководить Курганным отрядом, а М. И. Артамонов возглавлять экспедицию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1951. Д. 17–23).

Что же касается документов 1929 г., то помимо полевых материалов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 111, 112), в составе архивных дел представлены обращения А. А. Иессена к «Заведывающему археологической экспедицией „Волго-Дон“». Письмо от 20 октября 1929 г. составлено в ответ на поступившую в ГАИМК жалобу Сталинградского общества краеведения «на отсутствие связи экспедиции с местными краеведами» (Там же. 1930. Д. 117. Л. 2). А. А. Иессен отмечает, что предлагал заведующей археологическим отделом Сталинградского музея Минаевой принять участие в экспедиции в качестве научного сотрудника: «К сожалению, т. Минаева, перегруженная служебными обязанностями и только что вступившая на свою должность, не смогла использовать этого предложения, несмотря на неоднократное его повторение с моей стороны» (Там же). В письме говорится также о посещении Общества краеведения, прочтении там доклада и о привлечении к работам экспедиции члена Сталинградского общества краеведения тов. Марчукова в качестве научно-технического сотрудника, который «несомненно своим знанием района принес экспедиции заметную пользу» (Там же. Л. 2). В письме от 7 января 1930 г. речь идет о «возникающих при уплате взносов по социальному страхованию сомнений по отнесению экспедиций ГАИМК к той или иной категории страхователей» (Там же. Л. 3).

1929 г. оказался для А. А. Иессена весьма насыщенным. В этом году состоялась и его поездка по музеям Закавказья и Крыма, о чем свидетельствуют дневники (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 292, 293).

А. А. Иессен являлся заместителем А. А. Миллера в Таманской экспедиции в 1930 г. (Виноградов и др., 2021. С. 318), а в 1931 г. возглавлял разведочный отряд (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778. Л. 49–111)³.

Отдельную группу составляют документы, связанные с исследованием памятников Ленинградской области⁴. В научном архиве ИИМК РАН

представлены материалы разведки А. А. Иессена в области в 1926 г. (Там же. 1926. Д. 251), а также отчет о «палеоэтнологических разведках» 1926–1927 гг. в Лужском и Кингисеппском уездах (Там же. 1927. Д. 109). Они проходили в районе станций Струги Красные и Новоселье, села Осьмино. Результаты обследования отражены в Материалах по учету археологических памятников (Там же. 1931. Д. 99, 104–107). Паспорта памятников, обследованных А. А. Иессеном, содержат описание и планы на миллиметровой бумаге.

1930-е гг. помимо работы в экспедициях А. А. Миллера в биографии А. А. Иессена были ознаменованы рядом охранных экспедиций, связанных со стройками на Кавказе: «Государственная Академия Истории Материальной Культуры организует в настоящее время ряд экспедиций, имеющих целью проведения учета, всестороннего изучения и охраны памятников древности в зонах работ по капитальному строительству новых индустриальных центров» (Там же. 1932. Д. 132). В 1932–1934 гг. он занимается организацией и проведением Сулакской и Баксанской экспедиций.

В научном архиве ИИМК РАН хранится переписка об организации Сулакской экспедиции за 1932 г., в том числе обращение А. А. Иессена в комиссию по раскопкам (Там же. 1932. Д. 133. Л. 1), а также отчет и дневник исследователя по итогам работ 1933 г. (Там же. 1933. Д. 96, 96а). Согласно объяснительной записке, предполагался комплексный характер экспедиции: «План работ 1933 года имеет основным заданием возможно полный учет памятников древности, искусства и истории революции в зоне работ Сулакстроя» (Там же. 1932. Д. 133. Л. 11) (рис. 1). Примечательно, что в смете расходов значилась и «массовая разъяснительная и культпросвет работа по охране памятников Строительства» (Там же. 1932. Д. 133. Л. 12). А. А. Иессен в отчете также указывал: «...соображением в пользу постановки работ на Сулаке являлась возможность в процессе относительно крупных и длительных полевых археологических работ подготовить кадр[ы] местных работников, которые смогли бы в дальнейшем взять на себя дело самостоятельного изучения исторических памятников Дагестана» (Там же. 1933. Д. 96. Л. 3).

Особенностью отчета А. А. Иессена является развернутое обоснование актуальности экспедиции: «Интерес Академии к данному району, к бассейну Сулака, был обусловлен целым рядом моментов. Прежде всего существенным представлялся самый масштаб проектируемого строительства, которое при полном осуществлении

³ Подробнее об этом в статье О. В. Григорьевой в настоящем выпуске, с. 64–75.

⁴ Подробнее об этом в статье В. Ю. Соболева в настоящем выпуске, с. 89–96.

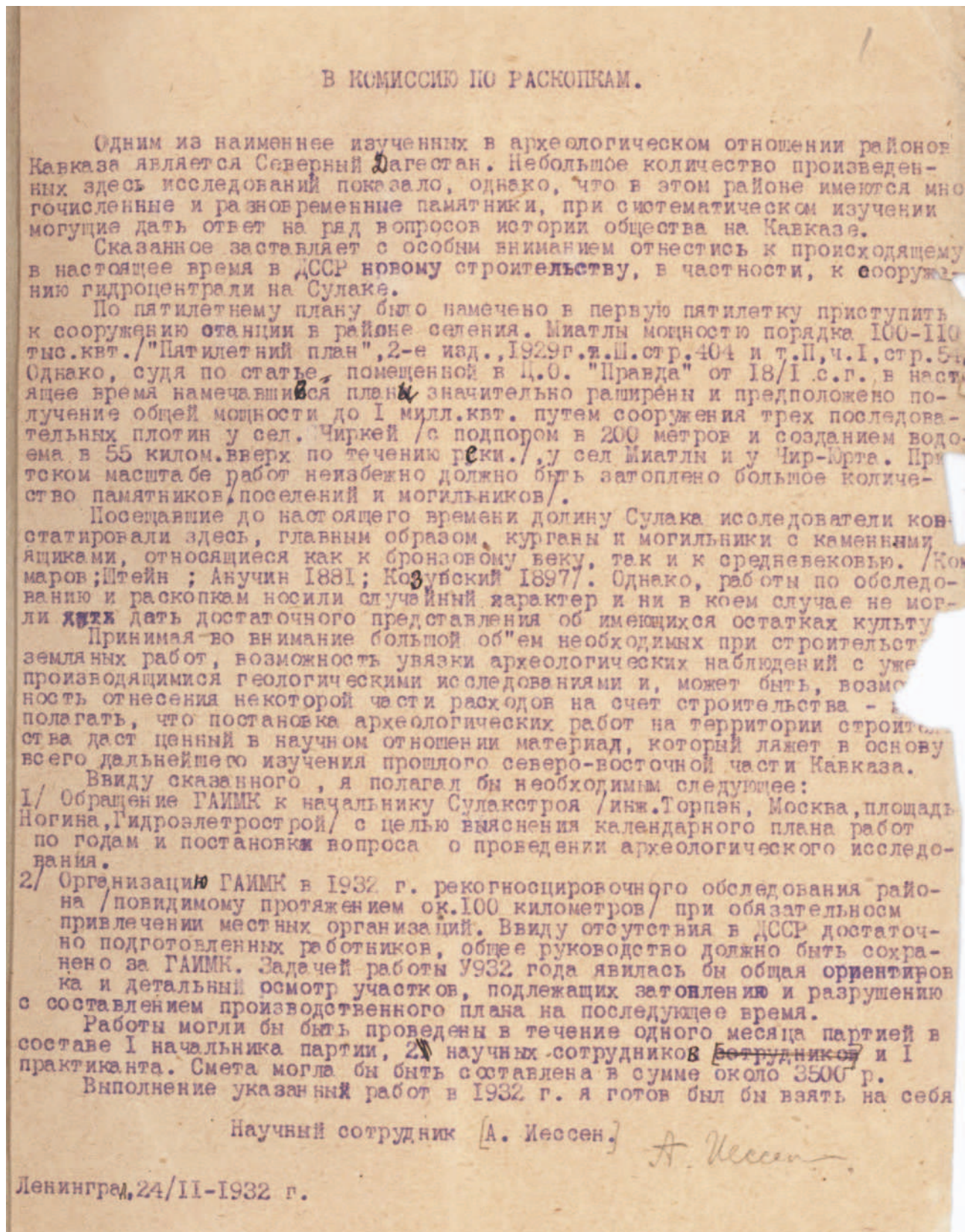

Рис. 1. Письмо А. А. Иессена в Комиссию по раскопкам. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 133. Л. 1

Fig. 1. A. A. Iessen's letter to the Commission for Excavations SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1932. F. 133. Sh. 1

<...> должно было охватить весь бассейн Сулака от его устья до высокогорных районов. Тем самым становилось возможным в результате археологических исследований на всей этой территории получить более или менее цельную картину заселения района от плоскости до горных ущелий, на последовательных этапах исторического развития... Вторым обстоятельством, привлечшим внимание Академии, <...> являлась весьма слабая изученность, правильное будет сказать — почти полная неизученность, Восточного Кавказа вообще и нагорного Дагестана в особенности в археологическом отношении» (*Там же*. 1933. Д. 96. Л. 1, 2). Здесь, так же как и в некоторых последующих отчетах, ощущается влияние палеоэтнологической школы: «Чрезвычайно важным моментом намечаемых работ является возможность параллельного изучения собственно археологических памятников и пережиточных явлений в материальном производстве и хозяйственном укладе современного местного населения» (*Там же*. 1933. Д. 96. Л. 2, 3). А. А. Иессен получил специальность археолог-палеоэтнолог (Алёшкин, 2017. С. 163) и, конечно же, был знаком с работой своего учителя А. А. Миллера «Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана» (1927). В самом отчете А. А. Иессен делает акцент на аварском ауле Старый Чиркей, в котором «помимо общего этнографического обследования <...> заслуживали бы изучения приемы строительства и технические сооружения» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96. Л. 25).

Работы 1933 г. носили разведочный характер и позволили только выяснить наличие памятников в зоне строительства и затопления Чиркейской станции, однако сам отчет представляет собой весьма интересную обобщающую работу. Весь третий раздел документа посвящен «изученности района в археологическом отношении». А. А. Иессен пишет: «Попытаемся кратко подвести итог имеющимся к нашему времени сведениям и об археологических памятниках Сулакского бассейна, учтя по возможности не только печатную литературу, но и музейные собрания и архивные материалы» (*Там же*. 1933. Д. 96. Л. 8). Исследователем приведены сведения о 56 памятниках, большинство из которых относится «к эпохе уже развитого родового общества, непосредственно предшествующей эпохе Кобанского могильника и аналогичных ему памятников» (*Там же*. 1933. Д. 96. Л. 21), и также отмечается, что на основе имеющихся сведений были «невозможны какие бы то ни было заключения о конкретном ходе

исторического процесса в интересующем нас районе» (*Там же*. 1933. Д. 96. Л. 22) (рис. 2).

Сама поездка проходила в октябре 1933 г., по ее итогам был составлен список из 10 памятников, которым угрожало затопление, а также намечен план археологических работ в зоне Сулакстроя. В дневнике А. А. Иессена 1933 г. Сулакской экспедиции есть описание поездки по р. Белой⁵.

В 1932 г. ГАИМК командировал А. А. Иессена в Нальчик, где «было установлено при личных переговорах с Нач. Строительства соглашение об организации Академией таких работ на Баксанстрое летом 1933 г. и об отпуске Строительством в этих целях необходимых средств» (*Там же*. 1933. Д. 123. Л. 4).

Работами на Баксанстрое 1933 г. руководил Б. Е. Деген-Ковалевский (*Там же*. 1933. Д. 120, 120а, 121–123). Перед экспедицией стояли задачи по археологическому обследованию территории строительства, о «выявлении и учете всех находящихся в ней памятников истории революционного движения и искусства» (*Там же*. 1933. Д. 120. Л. 1).

В отчете приводится список и характеристика памятников, выявленных на территории строительства. Собственно отрядом под руководством Б. Е. Деген-Ковалевского были обследованы памятники в районе Баксанстроя у сел Кызбурун I (Атажукино), Заюково⁶ и р. Гунделен. Кроме того, производились раскопки двух памятников в с. Заюково: могильника № 1, который «представляет собой кладбище феодального адыгейского крестьянства» (*Там же*. 1933. Д. 122. Л. 17) и поселения № 2 VI–VII вв. н. э.

В 1934 г. работы в Кабардино-Балкарской Автономной Республике проходили под руководством А. А. Иессена, «они являлись продолжением исследований этого района, начатых в 1933 г.», а также совмещались с работами 1930 г. отряда Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (*Там же*. 1934. Д. 298). Помимо разведки на пяти расположенных в пределах и на окраине села Заюково памятниках, сохранности которых угрожало строительство, производились небольшие раскопки. А. А. Иессен пишет, что были исследованы 10 погребений XV–XVI вв., а также продолжены работы на поселении⁷.

⁵ Подробнее об этом в статье М. В. Медведевой в настоящем выпуске, с. 48–63.

⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский обозначил памятник как Зеюково, на некорректность чего в 1934 г. указал А. А. Иессен.

⁷ В качестве примечательной характеристики историка замечу, что часть чертежей была выполнена

1935 г. в полевой деятельности А. А. Иессена также представлен охранными работами. В октябре–ноябре 1935 г. проходила Сухумская экспедиция, обследовавшая памятники в районе строительства ГЭС по рекам Западной и Восточной Гумисте: «Работа в поле, в районе сухумского строительства, продолжалась с 25 октября по 16 ноября и носила исключительно разведочный характер, так как во время ее подходящего объекта для развертывания раскопок в зоне строительных работ обнаружено не было» (*Там же*. 1935. Д. 364. Л. 2).

Помимо А. А. Иессена, начальника экспедиции, личный состав включал старших научных сотрудников Б. Б. Пиотровского и Л. Н. Соловьева, последний был прикомандирован от Абхазского научно-исследовательского института, младшего научного сотрудника И. В. Щербакова. Часть времени в Сухумской экспедиции также работал Ш. Чакветадзе, бывший аспирант ГАИМК (*Там же*. 1935. Д. 364. Л. 2). Среди материалов экспедиции представлены как полевой дневник А. А. Иессена, так и краткие дневники Б. Б. Пиотровского, Л. Н. Соловьева и Ш. Чакветадзе (*Там же*. 1935. Д. 364. Приложение).

Примечательно, что после того как было завершено обследование на участке СухумГЭС, экспедиция провела «небольшие разведочные работы в других пунктах Абхазии, главным образом в окрестностях Сухуми» (*Там же*. 1935. Д. 364. Л. 35), а также совершила поездку в Колхидскую низменность «по поручению комитета охраны памятников Грузии для ознакомления на месте с памятниками района» (*Там же*. 1935. Д. 364. Л. 51).

Своего рода лейтмотивом всех отчетов о работах является идея необходимости системного исследования того или иного региона. По итогам Сухумской экспедиции 1935 г. А. А. Иессен пишет: «Оценивая нашу работу с точки зрения намеченной перспективы, мы должны признать, что она имеет некоторый, хотя и небольшой материал как в части расширения круга обследованных и учтенных памятников прошлого на территории Абхазии, так и в плане постановки проблем для дальнейшего изучения. Для дела археологического изучения страны подобные работы конечно имеют определенное значение, однако полный эффект они могут дать только при планомерном их

на оборотных сторонах плакатов «Организируйте домашний режим школьника» (автор Гай, художник Лодыгин, редактор Немировский, техред Яковлев), что в целом неудивительно для 1930-х гг., периода дефицита бумаги (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 214).

осуществлении по определенной, рассчитанной на ряд лет программе, чего в данном случае мы к сожалению не имели» (*Там же*. 1935. Д. 364. Л. 50).

В 1935 г. А. А. Иессен также являлся начальником Казахстанской экспедиции (*Длужневская*, 2006. С. 136). Полевые материалы, хранящиеся в НА ИИМК РАН, археологические карты, дневники, пикетажные книжки принадлежат авторству С. С. Черникова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 354–359, 361–363. 1937. Д. 79). В деле, включающем в себя информационные отчеты об экспедициях ГАИМК 1937 г., представлены сведения и о работах Казахстанской экспедиции. В кратком отчете, занимающем всего два листа, А. А. Иессен отмечает, что намеченные планы по изучению памятников древнего горного дела и металлургии не были реализованы в полном масштабе. «Кроме того, начальник экспедиции, задержанный в Ленинграде работой в комиссии по приемке ГАИМК в систему АН СССР, вместо середины июня смог выехать в Казахстан только 18 августа на ½ месяца. В силу изложенных обстоятельств работа экспедиции в основном свелась к работе одного Калба-Нарымского отряда, работавшего под руководством С. С. Черникова, при только кратковременном участии в этой работе нач. экспедиции» (*Там же*. 1937. Д. 242. Л. 9).

Отдельный блок составляют материалы Майкопской (Кубанской) экспедиции, совместной ЛОИИМК и Эрмитажа. Первоначально намеченные на 1941 г. работы не состоялись из-за начавшейся Второй мировой войны. Среди материалов за 1947 г. представлен краткий отчет о командировке на трех листах. В силу «неблагоприятных обстоятельств» («неполучение машины от Академии наук, задержка выезда вследствие неотложных дел по Эрмитажу и сокращение намеченных ассигнований») (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 102. Л. 1) запланированная экспедиция «приняла характер командировки» (*Там же*). Раскопки не состоялись, но были осмотрены некоторые памятники и проводилась работа с коллекциями музеев.

На 1948 г. был намечен следующий «первоочередной план работ»:

«а) Обследование городища у г. Майкопа (в устье р. Курджипс) — пока неясного возраста.

б) Обследование древних медеплавильен у хут. Шунтуки близ ст. Абадзехской.

в) Раскопочные работы близ ст. Новосвободной и урочище „Клады“ — на городище, по видимому относящемся к весьма раннему времени, а также на прилегающем дольменном и

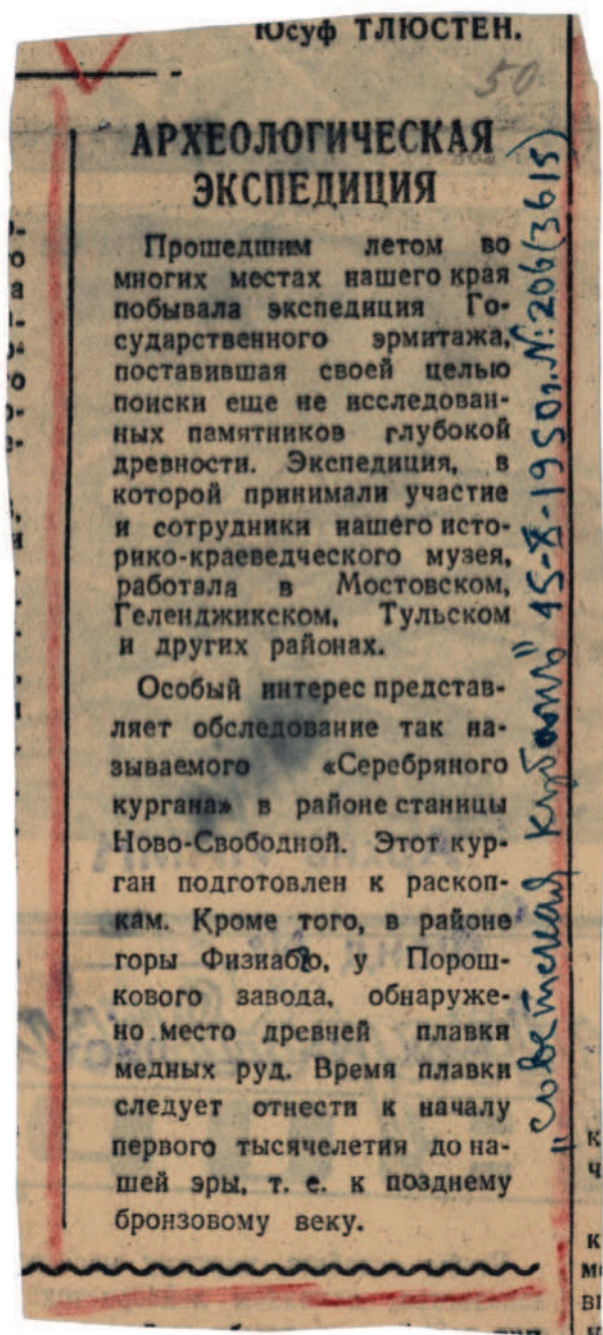

Рис. 3. Заметка о работе Майкопской (Кубанской) экспедиции 1950 г. в газете «Советская Кубань». НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 127. Л. 63
 Fig. 3. A note in the newspaper *Soviet Kuban* on the activities of the Maykop (Kuban) Expedition of 1950
 SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1950. F. 127. Sh. 63

курганном могильнике (где в 1898 г. Н. И. Веселовским раскопаны два кургана „у станицы Царской“).

г) Обследование дольменных могильников севернее станицы Новосвободной („Богатырская дорога“) и у станиц Абадзехской и Каменноостской и поиски относящихся к ним мест древних поселений.

д) Постепенное расширение обследуемого района в сторону реки М. Лабы (на Восток) и вверх по р. Белой (на Юг)» (*Там же.* 1947. Д. 102. Л. 3).

Однако ни в 1948 г., ни в 1949 г. работы не проводились, так как «Эрмитаж не смог выделить для Кубанской экспедиции необходимые средства и только в <...> 1950 году оказалось возможным организовать работу в Прикубанье» (*Там же.* 1950. Д. 124. Л. 1) (рис. 3). В научном архиве ИИМК РАН по итогам этой экспедиции хранятся отчет, два дневника и полевые чертежи (рис. 4; 5).

В отчетах — как 1947 г., так и 1950 г. — прослеживается, что работам в Прикубанье А. А. Иессен придавал огромное значение. Исследователем неоднократно подчеркивалась необходимость продолжения дореволюционных исследований: «Майкопская (Кубанская) экспедиция <...> должна была явиться началом систематических исследований по ранним культурам Прикубанья <...> и в особенности его южной, предгорной части, где эти исследования прервались в 1909–1910 гг.» (*Там же.* 1947. Д. 102. Л. 1); «Здесь свыше 20 лет работал по поручению Археологической комиссии Н. И. Веселовский, раскопавший более 500 курганов; работали тут и другие исследователи, среди которых на первом месте следует упомянуть Е. Д. Фелицына» (*Там же.* 1950. Д. 124. Л. 1).

Желание организовать систематические раскопки объяснялось и стремлением выявить хронологические эталоны для ранних слабо атрибутированных коллекций в музеях («обезличенного вещественного материала» (*Там же.* 1950. Д. 124. Л. 2), но главное — сформировать представление о динамике развития культур, «дать полноценное представление об исторических судьбах края в древности» (*Там же.* 1950. Д. 124. Л. 3).

Едва ли не большая часть материалов А. А. Иессена в рукописном отделе НА ИИМК РАН связана с широкомасштабной Азербайджанской (Оренкалинской) экспедицией, которую исследователь возглавлял с 1953 по 1960 г. Экспедиция была организована по инициативе азербайджанских организаций Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

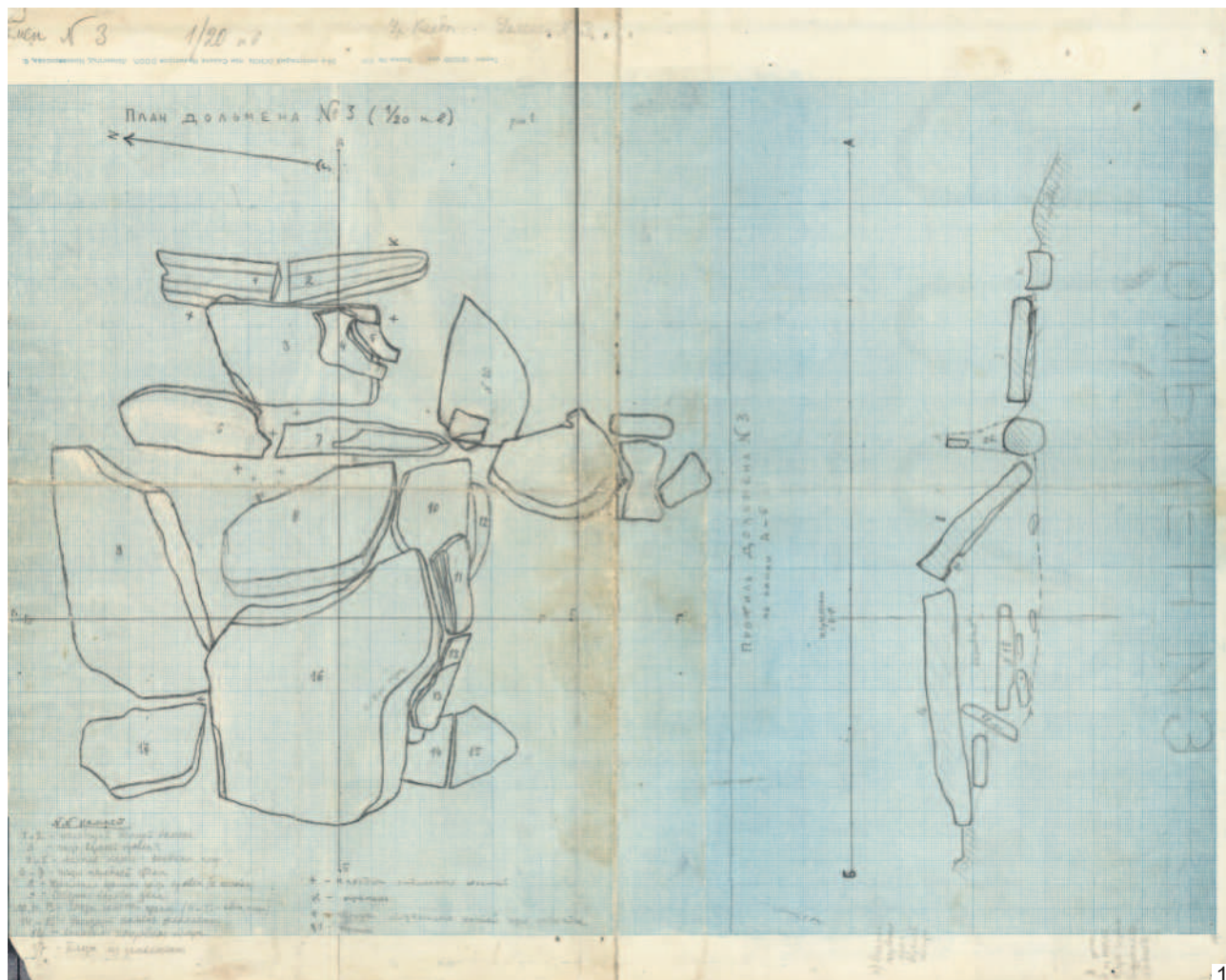

Рис. 4. Майкопская (Кубанская) экспедиция 1950 г. План и профиль дольмена № 3 (1) и оборот листа бумаги (2). НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 127. Л. 5, 5об.

Fig. 4. Maykop (Kuban) Expedition of 1950. Plan and profile of dolmen No. 3 (1) and the reverse side of the paper sheet (2). SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1950. F. 127. Sh. 5, 5ob.

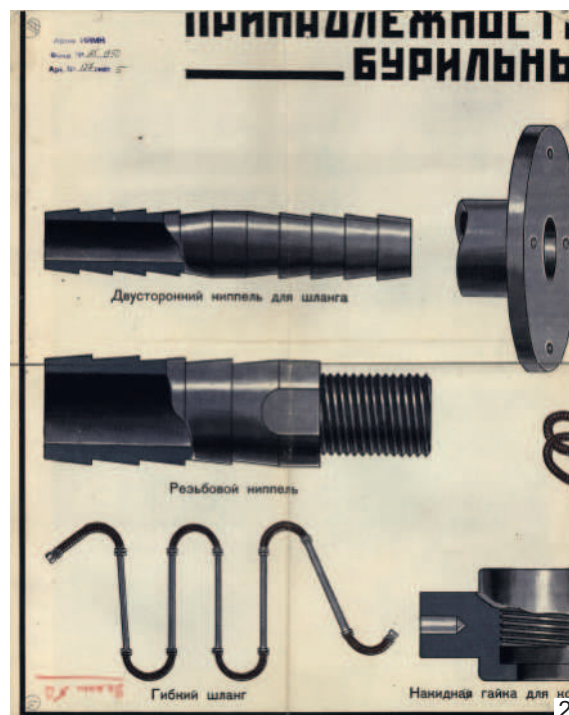

Рис. 5. Карта работ Майкопской (Кубанской) экспедиции 1950 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 127. Л. 2
 Fig. 5. Map of the works of the Maykop (Kuban) Expedition of 1950 SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1950. F. 127. Sh. 2

и Институтом истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР. В отчете по итогам 1953 г. читаем: «В организационном отношении совместная работа двух Институтов <...> вполне себя оправдала. Дружная совместная работа и взаимная помощь позволили преодолеть всякого рода неполадки, естественные на начальном этапе нового начинания» (Там же. 1953. Д. 1. Л. 14).

В рамках экспедиции действовало несколько отрядов, а ее задачей виделось «всестороннее изучение археологических памятников Куро-

Араксинского междуречья, в первую очередь Мильско-Карабахской степи, в целях освещения исторического прошлого этого края и его значения в истории азербайджанского народа» (Там же. 1953. Д. 1).

В этой экспедиции стремление А. А. Иессена к крупномасштабным систематическим исследованиям воплотилось в полной мере. К. Х. Кушнарёва, говоря о значении Азербайджанской экспедиции, писала: «Хронологический и территориальный диапазон исследований, <...> постановка

и сильное решение ряда узловых историко-культурных проблем региона были обусловлены широтой интересов, блестящей эрудицией и всем складом научного мышления А. А. Иессена» (*Кушнарёва*, 1987. С. 3). Р. М. Мунчаев и Н. Мусебли в статье, посвященной 120-летию А. А. Иессена, особенно отмечали последнее десятилетие творческой биографии исследователя, подчеркивая, что Азербайджанская экспедиция «стала одной из самых крупных <...> в стране, беспрецедентных по широте поставленных и реализованных задач. Результатом ее деятельности явилось открытие более 50 разновременных памятников в Мильской степи и Карабахе, целый ряд из которых подвергся значительным стационарным исследованиям» (*Мунчаев, Мусебли*, 2017. С. 156).

Как правило, полевая работа экспедиции включала два полевых сезона: май–июнь, сентябрь–октябрь. По итогам работ 1953 г. в НА ИИМК РАН находятся Краткий отчет и два дневника А. А. Иессена. Кроме того, представлены отчет Н. В. Минкевич-Мустафаевой о раскопках на городской стене Орен-Кала, полевые дневники Е. И. Вереврюсовой, К. Х. Кушнарёвой, И. Нариманова, Н. Г. Тоги-Заде, А. Л. Якобсона, полевые и инвентарные описи, рисунки и описания находок, а также план городища Орен-Кала и полевые чертежи раскопок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1953. Д. 1–25).

Краткий отчет 1954 г. предваряет план работ на текущий год. Сам же отчет характеризует только работы весенне-летнего сезона (*Там же*. 1954. Д. 1). Отчет по итогам осенних полевых работ в НА ИИМК РАН не представлен. Проводившиеся работы охарактеризованы в полевом дневнике А. А. Иессена (*Там же*. 1954. Д. 3).

В 1955 г. А. А. Иессен возглавлял саму экспедицию и являлся начальником разведочного отряда (*Там же*. 1955. Д. 1–4). В составе экспедиции действовали также Оренкалинский, Агдамский и Каратепинский отряды, начальниками которых выступали соответственно А. Л. Якобсон, К. Х. Кушнарёва, О. Ш. Исмизаде (*Там же*. 1955. Д. 5–15). Работа каждого отряда представлена полевыми дневниками, описями и рисунками находок. Обобщающая информация, составленная А. А. Иессеном, довольно краткая, что характерно для отчетов рассматриваемого периода. Научные результаты изложены в хронологической последовательности исследованных памятников: 1) эпохи энеолита; 2) эпохи бронзы; 3) I тыс. н. э.; 4) начала новой эры и раннего средневековья; 5) средневековья.

По итогам работ 1956 г. в НА ИИМК РАН хранятся два кратких отчета за каждый сезон, полевой дневник А. А. Иессена (*Там же*. 1956 г. Д. 1–3), материалы Агдамского отряда, которым руководила К. Х. Кушнарёва (*Там же*. 1956 г. Д. 4, 5).

1957 г. представлен работой двух Оренкалинских и Учтепинского отрядов (*Там же*. 1957. Д. 171–176). В 1958 г. в составе экспедиции действуют Каратепинский и Учтепинский отряды (*Там же*. 1958. Д. 185–192).

С 1959 г. Азербайджанская экспедиция фигурирует уже как Учтепинская, а не как Оренкалинская, и проходит только в осенний период: «Работы на Оренкала и на холме Каратепе в Мильской степи весной 1959 г. были продолжены Институтом истории самостоятельно, без участия Института археологии» (*Там же*. 1959. Д. 222. Л. 1). Впоследствии К. Х. Кушнарёва напишет о своем учителе: «В последние годы работы экспедиции А. А. решил на раскопки кургана Уч-тепе — одного из трех гигантов, возвышавшихся в Мильской степи. Я говорю „решился“, потому что раскопки этого кургана требовали огромных усилий» (*Кушнарёва*, 1996. С. 20). В числе материалов за этот год — отчет и дневник А. А. Иессена (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 222, 223), дневник Ю. А. Мочанова, а также описи находок (*Там же*. 1959. Д. 224–226, 284–285).

1960 г. был последним годом работы экспедиции, основная работа проводилась на кургане 3 группы Уч-Тепе, проводились разведки, была закончена работа на поселении и пр. Завершая отчет, А. А. Иессен строил планы на 1961 г., предполагая завершить исследования обозначенного кургана, «собрать достаточный материал для опубликования археологической карты» Мильско-Карабахской степи, «провести небольшие раскопки на одном из поселений раннего энеолита» (*Там же*. 1960. Д. 301. Л. 16).

На фоне весьма емких, но все же лапидарных отчетов особый интерес представляют дневники исследователя (рис. 6–8). В них отражены многочисленные организационные вопросы, связанные с экспедицией, а также рабочие и бытовые моменты жизни самого ученого.

В дневнике 1955 г. 19 октября А. А. Иессен пишет: «Паломничество праздных зрителей. Ночью хулиган вынул и унес большую зернотерку... Секретарь парторганизации МТМ обещает принять меры против хулиганов, если мы их к нему приведем — тогда он позвонит в милицию!» (*Там же*. 1955. Д. 3. Л. 6–7).

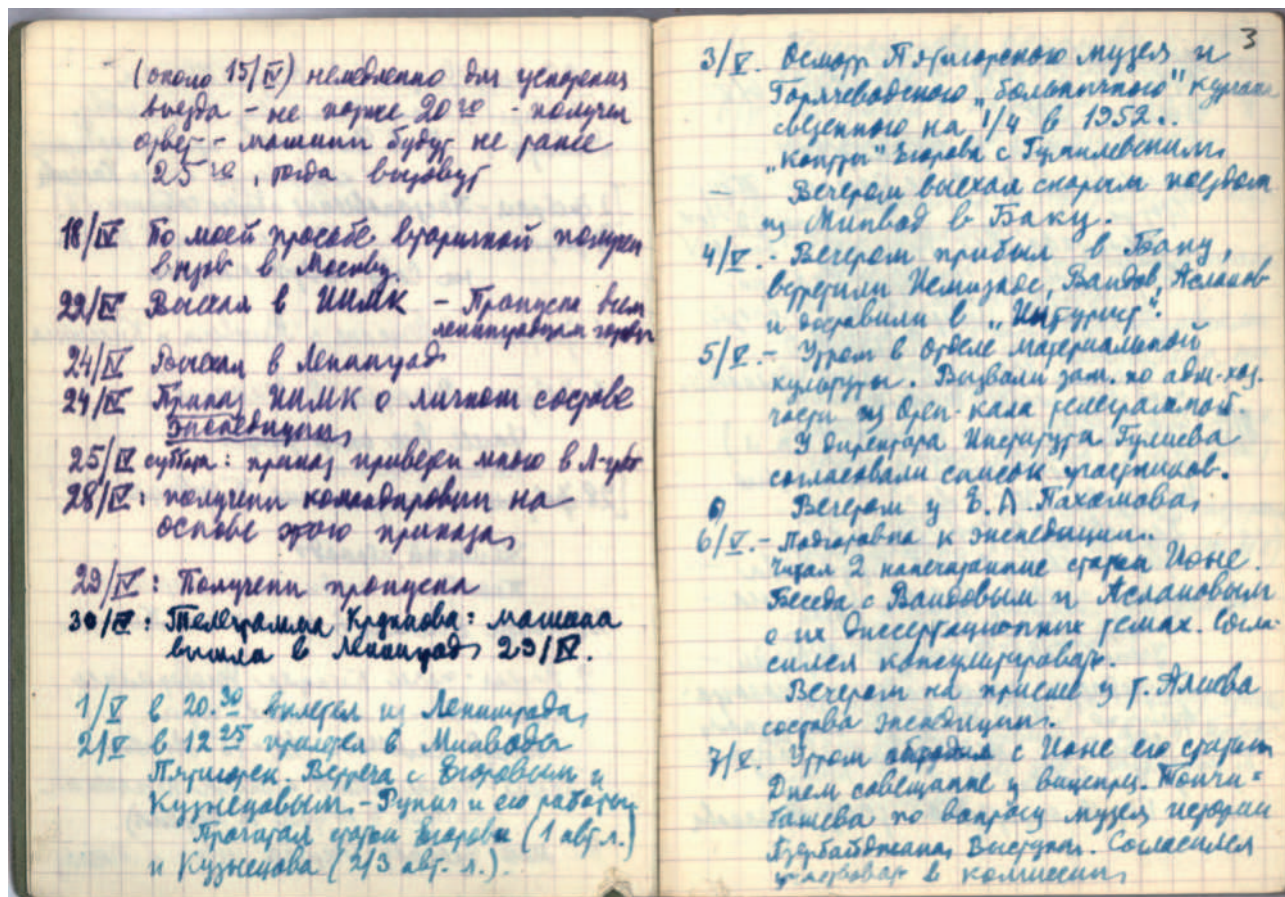

Рис. 6. Страницы из полевого дневника А. А. Иессена. Азербайджанская экспедиция 1953 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1953. Д. 3. Л. 2об.–3

Fig. 6. Pages from A. A. Iessen's field diary. Azerbaijan Expedition of 1953 SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1953. F. 3. Sh. 2ob–3

В записи от 2 июня 1956 г. читаем: «Пишу предисловие. Вечером его отправил авиапочтой. (Кино: Возраст любви)». (Там же. 1956. Д. 3. Л. 4).

Сквозь подчас весьма лаконичные записи раскрывается и характер самого ученого, фантастическая работоспособность и организаторские способности, трепетное отношение и переживание за научное детище — экспедицию. В его поле зрения находился и ход работ, и состояние личного состава и экспедиционной техники. Весьма примечателен дневник 1959 г. Приведу несколько выдержек.

4 октября: «Вечером Баташев получил распоряжение выехать на Виллисе в Кахе... [неразборчиво. — В. К.] экспедицию и оттуда в Баку. Здесь он ничего не кончил — не довез дрова, не обеспечил базу (ремонт), не разобрался с имуществом и деньгами. Опять ухудшенная прошлогодняя картина. Сознательно экспедицию губят» (Там же. 1959. Д. 223. Л. 12).

6 октября: «Я болен. Вчера уже простуженный, выкупался. Ночью и опять вечером повышенная температура, сильный насморк. Сижу дома. Моросит дождь, хмурый день, ночью холодно, ветер. Джафарзаде тоже простужен» (Там же. 1959. Д. 223. Л. 17).

8 октября: «Утром выехал на Учтепе. Ясная погода. Больна Кушнарева» (Там же. 1959. Д. 223. Л. 19).

В собрании научного архива представлены также труды А. А. Иессена, обзор которых должен стать предметом отдельного исследования.

Материалы рукописного отдела позволяют проследить творческий путь ученого: от работ в экспедициях своего учителя А. А. Миллера к собственным крупномасштабным исследованиям. Документальное наследие А. А. Иессена, несомненно, представляет собой большую ценность как для кавказоведов, так и для историков науки и требует вдумчивого изучения.

Рис. 7. Страницы из полевого дневника А. А. Иессена. Азербайджанская экспедиция 1954 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 3. Л. 85об.–86

Fig. 7. Pages from A. A. Iessen's field diary. Azerbaijan Expedition of 1954 SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1954. F. 3. Sh. 85ob.–86

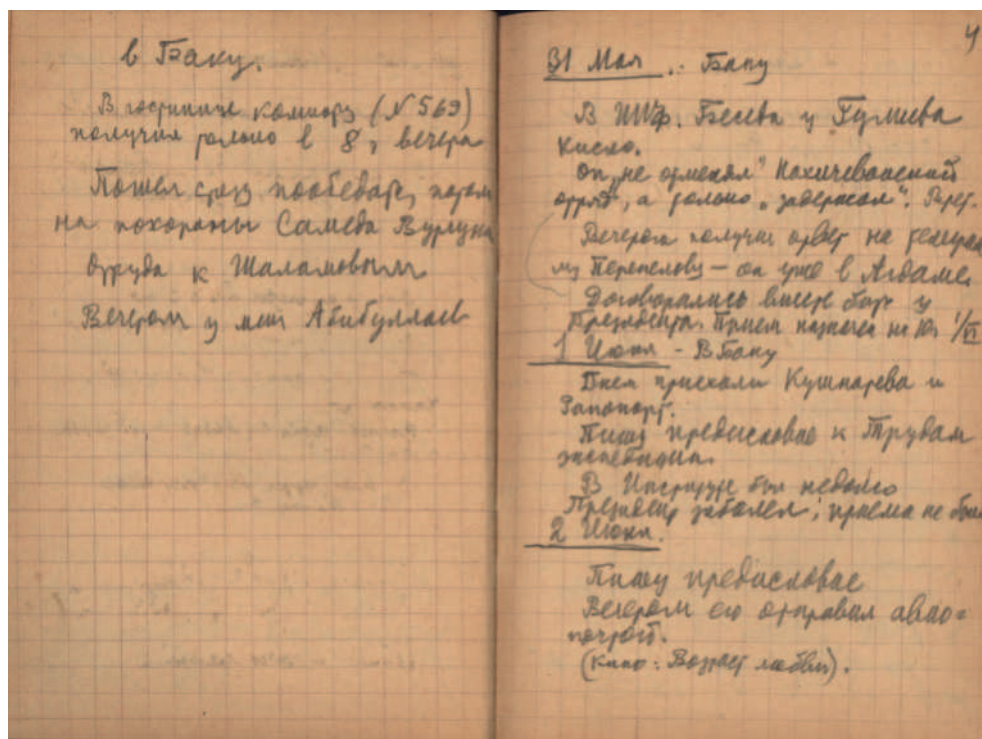

Рис. 8. Страницы из полевого дневника А. А. Иессена. Азербайджанская экспедиция 1956 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1956. Д. 3. Л. 3об.–4

Fig. 8. Pages from A. A. Iessen's field diary. Azerbaijan Expedition of 1956 SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1956. F. 3. Sh. 3ob.–4

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список материалов А. А. Иессена в рукописном отделе НА ИИМК РАН

Ф. 2. Оп. 5. Д. 125. Трудовой список А. А. Иессена. 5 л.
Ф. 35. Оп. 5. Д. 127а. Личное дело А. А. Иессена. 85 л.

Нахичеванская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1926.
Д. 256. Иллюстративный материал о раскопках городища и могильника Кызыл-Ванк. 57 л.
Д. 258. Описание и рисунки находок из могильника Кызыл-Ванка. 18 л.
Д. 259. Полевые чертежи к раскопкам могильника Кызыл-Ванк. 259 л.
Д. 262. Типологическая опись находок из Кызыл-Ванка. Разведка А. А. Миллера. 27 л.
Д. 263. Черновая опись находок из раскопок Кызыл-Ванка. 24 л.

Палеоэтнологические исследования в Ленинградской области

Ф. 2. Оп. 1. 1926.
Д. 251. Материалы разведки А. А. Иессена в Ленинградской обл. 29 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1927.
Д. 109. О разведках в Ленинградской губ. А. А. Иессена. 60 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1931.
Д. 99. Материал по учету археологических памятников Ленинградской обл. Осьминский р-он. д.д. М.–С. 14 л.
Д. 104. Материал по учету археологических памятников Ленинградской обл. Струго-Красненский р-он. д.д. В–Д. 21 л.
Д. 105. Материал по учету археологических памятников Ленинградской обл. Струго-Красненский р-он. д.д. К–М. 21 л.
Д. 106. Материал по учету археологических памятников Ленинградской обл. Струго-Красненский р-он. д.д. О–С. 20 л.
Д. 107. Материал по учету археологических памятников Ленинградской обл. Струго-Красненский р-он. д.д. С–Я. 25 л.

Северо-Кавказская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1928.
Д. 98. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. IV. 149 л.
Д. 99. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. V. 142 л.
Д. 100. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. VI. Черновые чертежи. 29 л.
Д. 101. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. VII. Черновые чертежи. 126 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1929.
Д. 108. Северо-Кавказская экспедиция. Под начальством А. А. Миллера. Ч. I. Краткий отчет за 1928 г., переписка, отчет за 1929 г. и описи находок. 256 л.
Д. 109. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. II. Дневники. 106 л.
Д. 110. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. III. Черновые чертежи. 75 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1930.
Д. 115. Северо-Кавказская экспедиция под руководством А. А. Миллера. Ч. I. Переписка, предварительный отчет за 1929 г., описи 1930 г. 198 л.
Д. 116. Северо-Кавказская экспедиция. Ч. II. Дневники. 91 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1933.
Д. 260. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Предварительный отчет о работе отряда. 17 л.
Д. 261. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Дневник работ отряда. 96 л.
Д. 262. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Полевые чертежи. 36 л.
Д. 263. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Опись собранной коллекции. 25 л.
Д. 264. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Рисунки отдельных вещей. 12 л.
Д. 265. Северо-Кавказская экспедиция. Горный отряд. Начальник А. А. Иессен. Карта КБАО. 1 л.

Волго-Донская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1929.
Д. 111. Работы в районе Волго-Донского канала под руководством А. А. Миллера. Ч. I. Планы и переписка. 97 л.
Д. 112. Работы в районе Волго-Донского канала под руководством А. А. Миллера. Ч. II. Дневники и черновые чертежи. 35 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1930.
Д. 117. Работы в районе Волго-Донского канала под руководством А. А. Миллера. Краткие отчеты за 1929 г. и переписка. 28 л.
Ф. 35. Оп. 1. 1951.
Д. 17. Иессен А. А. Дневник археологических раскопок Саркельской и Соленовской групп курганов в 1951 г. 103 л.
Д. 18. Иессен А. А., Шилов В. П. Дневник археологических раскопок Саркельской и Соленовской групп курганов в 1951 г. 50 л.

- Д. 19. Нивелировочные данные, описание погребений курганов 31/7, 50/18, 57/25, 58/26 Саркельской группы и рисунки находок. 34 л.
- Д. 20. Нивелировочные данные, описание погребений курганов 1–5 Соленовской группы. 19 л.
- Д. 21. Опись находок Курганного отряда в 1951 г. 12 л.
- Д. 22. Опись находок Курганного отряда в 1951 г. Бумага, карандаш. 11 л.
- Д. 23. Фотографии раскопок Саркельской и Соленовской групп курганов в 1951 г. и предметов, найденных в них. 75 л.

Поездки

Ф. 2. Оп. 1. 1929.

- Д. 292. Иессен А. А. Дневник рекогносцировочной поездки по городам: Сталинград, Цымлянск, Сарента, Тифлисская, Кропоткино, Пятигорск, Нальчик (сведения о памятниках). 149 л.
- Д. 293. Иессен А. А. Дневник поездки в г. Кутаис, Феодосию, Керчь. 25 л.

Таманская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1930.

- Д. 118. Таманская экспедиция (начальник А. А. Миллер). Ч. I. Переписка и план работ. 101 л.
- Д. 119. Таманская экспедиция (начальник А. А. Миллер). Ч. II. Дневники: Обнажение «С», дневник и журнал А. А. Иессена. 98 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1931.

- Д. 777. Таманская экспедиция в 1931 г. под начальством А. А. Миллера. Ч. I. Переписка, планы, предварительные отчеты, дневник и чертежи. 335 л.
- Д. 778. Таманская экспедиция под начальством А. А. Миллера. Ч. II. Дневники. 455 л.

Сулакская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1932.

- Д. 133. Экспедиция на Сулакстрой. Переписка об организации экспедиции. 19 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1933.

- Д. 96. О работе Иессена А. А. по Сулаку. 34 л.
- Д. 96а. Дневник А. А. Иессена. Поездки на р. Белую и р. Сулак. 32 л.

Баксанская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1932.

- Д. 132. Об охране памятников Баксанстроя. 7 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1933.

- Д. 120. О работах на Баксанстрое. 34 л.
- Д. 120а. О работах на Баксанстрое. Фотографии. 60 л.
- Д. 121. Опись материалов Баксанской экспедиции. 54 л.
- Д. 122. О работах Баксанского отряда. 37 л.
- Д. 123. Об организации археологических работ в зоне строительства Баксанстрой. 37 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1934.

- Д. 211. Баксанская экспедиция. 61 л.
- Д. 212. Баксанская экспедиция. Дневник Иессена, описи находок и фотоснимков. 104 л.
- Д. 213. Баксанская экспедиция. Отчет о работах. 73 л.
- Д. 214. Баксанская экспедиция. Чертежи. 19 л.
- Д. 298. Работы на Баксане. 28 л.

Сухумская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1935.

- Д. 364. Отчет о работе Сухумской экспедиции. Приложение: дневники А. А. Иессена, Б. Б. Пиотровского, Л. Н. Соловьева, Ш. Чакветадзе. 178 л.
- Д. 353. Сухумская экспедиция. Опись находок. 17 л.
- Ф. 2. Оп. 1. 1937.**
- Д. 80. Волга-Дон. Сухумская экспедиция. 22 л.

Казахстанская экспедиция

Ф. 2. Оп. 1. 1935.

- Д. 354. Дневник Казахстанской экспедиции. Тетрадь I. 96 л.
- Д. 355. Дневник Казахстанской экспедиции. Тетрадь II. 34 л.
- Д. 356. Пикетажная книжка Казахстанской экспедиции. № 1. 50 л.
- Д. 357. Пикетажная книжка Казахстанской экспедиции. № 2. 33 л.
- Д. 358. Пикетажная книжка Казахстанской экспедиции. № 2а. 51 л.
- Д. 359. Пикетажная книжка Казахстанской экспедиции. № 3. 30 л.
- Д. 361. Археологическая карта Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей, составленная С. С. Черниковым по материалам экспедиций. 4 л.
- Д. 362. Археологическая карта верховий Иртыша по материалам Казахстанской и Восточно-Казахстанской экспедиций, составленная С. С. Черниковым. 1 л.

Ф. 2. Оп. 1. 1937.

- Д. 79. Алтайская 1936 г., Казахстанская 1937 г. экспедиции. 14 л.
- Д. 242. Информационные отчеты об экспедициях 1937 г. 47 л.

Майкопская (Кубанская) экспедиция

Ф. 35. Оп. 1. 1947.

- Д. 102. Иессен А. А. Краткий отчет о командировке на Кубань в октябре–ноябре 1947 г. 3 л.

Ф. 35. Оп. 1. 1950.

- Д. 124. Иессен А. А. Отчет о работе Кубанской экспедиции 1950 г. 49 л.
- Д. 125. Иессен А. А. Дневник обследования археологических памятников на р. Лабе, в Геленджике, ст. Новосвободной, Келермесе, Майкопе и др. с планами расположения памятников. 59 л.

- Д. 126. Иессен А. А. Дневник полевых работ в станице Новосвободной. 18 л.
- Д. 127. Полевые чертежи раскопок курганов и схемы расположения памятников в Келермесе, в урочище Клады близ ст. Новосвободной, фотографии раскопок и находок. 61 л.
- Азербайджанская экспедиция**
Ф. 35. Оп. 1. 1953.
- Д. 1. Иессен А. А. Краткий отчет о полевых исследованиях памятников Куро-Араксинского междуречья и раскопок городища Орен-Кала. Приложение: план гор. Орен-Кала. 16 л.
- Д. 2. Минкевич-Мустафаева Н. В. Отчет о раскопках на городской стене Орен-Кала. Приложение: описание клейм на глазурованных блюдах и чашах из раскопа 2. 38 л.
- Д. 3. Иессен А. А. Дневник по организации и проведению археологических исследований памятников в Азербайджане. 33 л.
- Д. 4. Иессен А. А. Дневник археологических обследований памятников в Мильско-Карабахской степи в Азербайджане. 99 л.
- Д. 5. Веребрюсова Е. И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 47 л.
- Д. 6. Веребрюсова Е. И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 64 л.
- Д. 7. Веребрюсова Е. И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 8 л.
- Д. 8. Кушнарера К. Х. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 57 л.
- Д. 9. Нариманов И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 62 л.
- Д. 10. Тоги-заде Н. Г. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 69 л.
- Д. 11. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. 102 л.
- Д. 12. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. Ч. 2. 53 л.
- Д. 13. Полевая опись подъемного материала городища Орен-Кала. 4 л.
- Д. 14. Полевая опись материала из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1–2. 49 л.
- Д. 15. Полевая опись костного материала из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1–2. 6 л.
- Д. 16. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1–319. 76 л.
- Д. 17. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 320–1206. 98 л.
- Д. 18. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1207–1690. 50 л.
- Д. 19. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1691–2405. 60 л.
- Д. 20. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 2406–3277. 55 л.
- Д. 21. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 4001–4960. 60 л.
- Д. 22. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 4961–5902. 45 л.
- Д. 23. Полевая опись подъемного материала городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 6000–6934. 50 л.
- Д. 24. Рисунки и описание находок из раскопок городища Орен-Кала. 37 л.
- Д. 25. План городища Орен-Кала и полевые чертежи раскопок. 28 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1954.**
- Д. 1. Иессен А. А. Предварительный план работы на 1954 г. и предварительный отчет о раскопках городища Орен-Кала в мае–июне 1954 г. и обследовании Мильско-Карабахской степи. 8 л.
- Д. 2. Опись документальных материалов экспедиции за 1954 г. 2 л.
- Д. 3. Иессен А. А. Полевой дневник обследования памятников Мильско-Карабахской степи. 102 л.
- Д. 4. Кушнарера К. Х. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 70 л.
- Д. 5. Кушнарера К. Х. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 24 л.
- Д. 6. Веребрюсова Е. И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 82 л.
- Д. 7. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 41 л.
- Д. 8. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 50 л.
- Д. 9. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 48 л.
- Д. 10. Рожков А. Г. Черновые чертежи планов и разрезов участка 1 городища Орен-Кала с рисунками находок. 47 л.
- Д. 11. Полевая опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1–851. 47 л.
- Д. 12. Полевая опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 852–1772. 50 л.
- Д. 13. Полевая опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1773–3288. 78 л.
- Д. 14. Полевая опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 2. № 3000–3168. 10 л.
- Д. 15. Полевая опись подъемного материала из обследований городища Амирах-мат-тепе, 7 хутор, Каратепе, Шергият-тепе, Кала-тепе, Орен-Кала. 8 л.
- Д. 16. Опись остеологического материала из обследований городища Орен-Кала. Раскоп 1. 9 л.

- Д. 17. Джебраил Алиям оглы. Альбом рисунков керамики из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. 14 л.
- Д. 18. Чертежи раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1–2. 16 л.
- Д. 19. Халилов Д. А. Отчет о разведочной поездке по обследованию памятников западного Азербайджана по маршруту: Орен-Кала–Казах–Шамхар–Кедабек–Баку. 6 л.
- Ходжалинский (Карабахский) отряд.**
- Д. 20. Кушнарева К. Х. Полевой дневник раскопок ходжалинских курганов в обследовании памятников по берегам р. Ходжалинка. 73 л.
- Д. 21. Нивелировочные данные Ходжалинских курганов. 28 л.
- Д. 22. Полевая опись находок и обследований городища Шах-тепе, Кара-тепе, Гара-тепе, Мухур-тепе, Баят и др. 5 л.
- Д. 23. Планы городища Ходжала и расположения курганов. 6 л.
- Д. 24. Планы раскопок курганов 2, 4 у Нора-Гюх. 34 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1955.**
- Д. 1. Иессен А. А. Краткая информация о работе Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции в 1955 г. 11 л.
- Разведочный отряд**
- Д. 2. Иессен А. А. Полевой дневник обследования и раскопок памятников. 108 л.
- Д. 3. Иессен А. А. Полевой дневник обследования и раскопок памятников. 56 л.
- Д. 4. Инвентарная опись находок обследования памятников в 1955–1956 гг. 23 л.
- I Оренкалинский отряд**
- Д. 5. Веребрюсова Е. И. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. 33 л.
- Д. 6. Кушнарева К. Х., Раппопорт Д. С. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок, планами. 29 л.
- Д. 7. Якобсон А. Л. Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок, планами. 49 л.
- Д. 8. Кроки обмеров и планы раскопок городища Орен-Кала. 14 л.
- Д. 9. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1–841. 28 л.
- Д. 10. Инвентарная опись находок из раскопок городища Орен-Кала. Раскоп 1. № 1–1032. 60 л.
- Агдамский отряд**
- Д. 11. Кушнарева К. Х. Полевой дневник раскопок городища Узерлик-тепе с рисунками находок. 77 л.
- Д. 12. Полевые чертежи раскопок городища Узерлик-тепе. 11 л.
- Д. 13. Рисунки погребений и находок из раскопок городища Узерлик-тепе, Кюль-тепе. 10 л.
- Каратепинский отряд**
- Д. 14. Исмизаде О. Ш. Отчет о раскопках на Кара-тепе осенью 1925 г. 17 л.
- Д. 15. Таблицы находок к отчету о раскопках на Кара-тепе. 17 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1956.**
- Д. 1. Иессен А. А. Предварительный отчет о работе экспедиции в мае–июле 1956 г. Общий отчет экспедиции. 18 л.
- Д. 2. Иессен А. А. Краткая информация о работе экспедиции осенью 1956 г. 3 л.
- Д. 3. Иессен А. А. Полевой дневник обследования и раскопок памятников. 102 л.
- Агдамский отряд**
- Д. 4. Кушнарева К. Х. Полевой дневник раскопок городища Узерлик-тепе с рисунками находок. 29 л.
- Д. 5. Полевые чертежи раскопок городища Узерлик-тепе с рисунками находок. 19 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1957.**
- Д. 51. Дневник раскопок городища Орен-кала (Вел дневник А. Л. Якобсон). Начало дневника см. 1955 г. № 34. 33 л.
- Д. 52. Чертежи раскопок г-да Орен-кала. Раскоп I, III, чертежи разведок, Кара-Тепе (бл. Орен-Кала) Азербайджанской экспедиции. Общий план и разрез Кара-тепе за 1955–1957 гг. 29 л.
- Д. 171. План работы экспедиции на 1957 г. 4 л.
- Д. 172. Отчет о работе экспедиции в 1957 г. (сост. Иессен А. А.). Приложение: таблицы керамики (фото) и полевые чертежи. 51 л.
- Д. 173. Дневник работ экспедиции (вел дн-к Иессен А. А.). 93 л.
- Д. 174. Отчет Якобсона А. Л. и Минкевич-Мустафеевой Н. В. о работе отрядов 1957 г. на раскопках I и IV («малое городище» и ремесленный квартал). 5 л.
- Д. 175. Инв. опись находок из раскопок Орен-калы (раскоп 1). № 1–709. 31 л.
- Учтепинский отряд**
- Д. 176. Дневник работ отряда на кург. 3. Уч-тепе (вела дн-к Минкевич-Мустафеева Н. А.). 75 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1958.**
- Д. 185. Отчет о работе Азербайджанской экспедиции 1958 г. (сост. Иессен А. А.). 58 л.
- Д. 186. Дневник работ экспедиции (вел Иессен А. А.) и полевые чертежи. 103 л.
- Каратепинский отряд**
- Д. 187. Черновые планы раскопок на Кара-тепе и описание сырцовых кладок жилищ. 9 л.
- Д. 188. Черновые зарисовки и описания подъемного материала Орен-Кала (раскопы III и IV) и Кара-тепе (исп. А. А. Иессен). 5 л.
- Д. 189. Иллюстрации к отчету Исмизаде О. Ш. — фотографии таблиц керамики Кара-тепе. 22 л.
- Учтепинский отряд**
- Д. 190. Дневник работ отряда на курганах Уч-тепе (вел. дн. Мочанов Ю. А.). 96 л.
- Д. 191. Инвентарная опись находок на раскопках Уч-тепе (землянки 1 и 2) № 1–1298. 47 л.

- Д. 192. Инвентарная опись находок на раскопках Уч-тепе (продолж.) № 1299–2119; Инвентарная опись находок разведок в Мильской степи (Уч-тепе, Калатепе и Орен-Кала — раскоп IV) № 1–91; Инвентарная опись находок кургана № 3 Уч-тепе. 33 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1959.**
- Д. 222. Иессен А. А. Краткий предварительный отчет Азербайджанской (Учтепинской экспедиции). Приложение: Исмизаде О. Ш. «Об археологических раскопках на холме Каратепе в 1959 г. 12 л.
- Д. 223. Дневник работ Азербайджанской (Учтепинской экспедиции). Вел А. А. Иессен. 120 л.
- Д. 224. Дневник работ на раскопе 2 (вел Мочанов Ю. А.). 33 л.
- Д. 225. Полевая опись находок на раскопе 2 поселения Уч-тепе. 33 л.
- Д. 226. Инвентарная опись находок экспедиции (раскоп 2, «Степной курган») и подъемного материала разведки в Мильской степи. 45 л.
- Д. 266. Азербайджанская экспедиция. Полевые чертежи. 33 л.
- Д. 284. Инвентарная опись находок на пос. Уч-тепе. Раскоп I. 20 л.
- Д. 285. Инвентарная опись находок на пос. Уч-тепе. Продолжение. 14 л.
- Ф. 35. Оп. 1. 1960.**
- Д. 252. Дневник работ на раскопе 3 и кургане № 3 Уч-тепе (вел дн. Иессен А. А.). 77 л.
- Д. 253. Полевая опись материалов Азербайджанской экспедиции. 7 л.
- Д. 254. Инвентарные описи находок экспедиции и подъемного материала разведки. 16 л.
- Д. 278. Азербайджанская экспедиция. Журнал полевых работ. 74 л.
- Д. 279. Азербайджанская экспедиция. Полевые чертежи. 25 л.
- Д. 301. Азербайджанская (Учтепинская) экспедиция. А. А. Иессен. Предварительный отчет о работах в мае–июле 1960 г. совместно с Институтом истории. 16 л.
- Научные труды**
- Ф. 2. Оп. 2.**
- Д. 534. Иессен А. А. Баксанская экспедиция 1934 г. 96 л.
- Д. 613. Иессен А. А. Перечень рисунков в тексте (Кабардино-Балкарский сборник). 17 л.
- Д. 613/1. Иессен А. А. Иллюстрации к статье «Археологические памятники Кабардино-Балкарии». 20 л.
- Д. 636. Иессен А. А. Археологическое изучение Кавказа за 20 лет. Тезисы доклада. 6 л.
- Д. 723. Иессен А. А. Отзыв на отчет Деген-Ковалевского о работах на Баксане в 1933 г. 7 л.
- Д. 838. Иессен А. А. Древняя металлургия Западного Закавказья. План работы. 4 л.
- Д. 1024. Иессен А. А. Железо (для Истории СССР первоначальная редакция). 8 л.
- Ф. 42. Оп. 1.**
- Д. 378. Иессен А. А. Исследование памятников производственного значения. 10 л.
- Собрание графической документации**
- Р-И. Д. 149.** Северо-Кавказская экспедиция.
- Л. 1. Археологическая карта района Пятигорск–Нальчик. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 152.** Северо-Кавказская экспедиция 1925 г.
- Л. 5. Кобяково городище. Обрез раскопа 1925 г. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 154.** Северо-Кавказская экспедиция 1927 г.
- Л. 2. Профиль Кобякова городища. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 145.** Северо-Кавказская экспедиция 1928 г.
- Л. 22. План Кобякова городища. Исполнитель А. А. Иессен.
- Л. 23. К плану Кобякова гор. Условные обозначения. Исполнитель А. А. Иессен.
- Л. 24–25. 1928 г. Кобяково городище, разрез культурного слоя. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 157.** Северо-Кавказская экспедиция. 1929 г.
- Л. 9. Генеральный план кургана № 1 у г. Нальчика. Исполнитель А. А. Иессен.
- Л. 10. Курган № 1 у гор. Нальчика. Разрез. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 156.** Волго-Донская экспедиция (отряд А. А. Иессена).
- Р-И. Д. 158.** Таманская экспедиция. 1930 г.
- Л. 5. Городище у ком. «Искра». Исполнитель А. А. Иессен. Обозначения А. П. Круглова.
- Л. 6. Профиль городища у ком. «Искра». Исполнитель А. А. Иессен.
- Л. 7. Профиль городища у ком. «Искра». Исполнитель А. А. Иессен.
- Л. 8. План участка предназначен для раскопа в 1931 г. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 160.** Таманская экспедиция. 1931 г. Л. 21–24. Карта Таманского полуострова с обозначением археологических памятников по данным разведки 1930–31 гг. Исполнитель А. А. Иессен.
- Р-И. Д. 356.** К работе А. А. Иессена «К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе» Изд. 1935 г. Изв. ГАИМК 1935. Вып. 120.
- Р-И. Д. 794.** Сулакская экспедиция 1933 г.
- Р-И. Д. 962.** Баксанская экспедиция 1934 г.

- Алёшкин*, 2017 — *Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // ЗИИМК РАН. 2017. № 16. С. 160–172.*
- Васильева*, 1987 — *Васильева Р. В. Личный фонд А. А. Иессена: Обзор документов // КСИА. 1987. № 192. С. 99–102.*
- Виноградов и др.*, 2021 — *Виноградов Ю. А., Медведева М. В., Панкратова Е. Г. Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания // АВ. 2021. Вып. 30. С. 312–329.*
- Длужневская*, 2006 — *Длужневская Г. В. Деятельность Академии истории материальной культуры в области Востоковедения в 1919–1940 гг. // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 128–138.*
- Кушнарера*, 1987 — *Кушнарера К. Х. Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // КСИА. 1987. № 192. С. 3–6.*
- Кушнарера*, 1996 — *Кушнарера К. Х. А. А. Иессен. Вехи жизни и творчества // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 11–21.*
- Лазаревская*, 1996 — *Лазаревская Н. А. Материалы А. А. Иессена в фотоархиве ИИМК РАН // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 27–30.*
- Миллер*, 1927 — *Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. 1927. Т. 4, вып. 1. С. 15–76.*
- Мунчаев, Мусебли*, 2017 — *Мунчаев Р. М., Мусебли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. № 3. С. 154–160.*

Documentary evidence by A. A. Iessen at the Manuscript Department of the Scientific Archives of IHMC RAS

V. N. Kuznetsova⁸

Keywords: A. A. Iessen, Scientific Archives of the Institute of the History for the Material Culture, archaeology of Caucasus.

This article presents a review of documents composed by A. A. Iessen and kept in the Scientific Archives of the (IHMC). The collection of this evidence allows us to trace the creative life way of the scholar: from the work in the expeditions of his teacher A. A. Miller to his own large-scale researches.

⁸ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

Две поездки А. А. Иессена в Майкоп и его окрестности в 1930-е гг.¹

М. В. Медведева²

Аннотация. Научные поездки А. А. Иессена в Майкоп по заданию ГАИМК в 1933 и 1935 гг. положили начало исследованиям известного кавказоведа в этом регионе. В архиве ИИМК РАН сохранился комплекс оригинальных документов, связанных с командировками А. А. Иессена в Адыгею в начале 1930-х гг. Переписка, дневник 1933 г., краткий отчет 1935 г., фотографии — все эти архивные материалы дают важную информацию о первичном этапе формирования интересов ученого к майкопским древностям, позволяют уточнить причины, даты и маршруты проведенных исследований, а также показывают состояние археологических памятников Майкопа и округа в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: история археологии, ГАИМК, А. А. Иессен, г. Майкоп, Азчерзолото, фотографии, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-48-63

Значительный вклад А. А. Иессена (рис. 1) в изучение древних культур Кавказа широко известен специалистам (Алёшкин, 2017; Крупнов, Мунчаев, 1966; Кушнарера, 1996; Пиотровский, 1996). Важным направлением его научной деятельности на Кавказе стали исследования археологических памятников Майкопа и его округа. В послевоенные годы А. А. Иессен возглавлял Кубанскую экспедицию Государственного Эрмитажа, которая под его руководством провела рекогносцировочные работы в Краснодарском крае и раскопки могильника «Клады» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 102; 1950 г. Д. 124; Попова, 1963); активно занимался вопросами разработки хронологии майкопско-новосвободненской общности (Иессен, 1950; 1962). Первые научные поездки А. А. Иессена в Адыгею состоялись еще в начале 1930-х гг., когда Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) направила туда для обследования древних

памятников вокруг Майкопа и выяснения их сохранности своего молодого и перспективного сотрудника, имевшего к тому времени существенный опыт работы в комплексной Северо-Кавказской экспедиции А. А. Миллера. Уже тогда проявился интерес А. А. Иессена к изучению археологических культур этого региона, однако причины и обстоятельства первых поездок ученого в Майкоп малоизвестны, как и архивные документы, поступившие в результате этих работ в архивное собрание ГАИМК.

Поездка 1933 г.

В 1933 г. А. А. Иессен поехал в Майкоп в рамках своей деятельности в Комиссии металлов при Комитете по работам на новостройках ГАИМК, организованной по соглашению с трестами «Главзолото» и «Союзолово». Основная цель комплексных исследований Комиссии состояла в поиске новых и забытых старых сырьевых источников цветных и драгоценных металлов на территории СССР с использованием исторических и археологических свидетельств, а также с широким применением естественнонаучных способов. К работе были привлечены археологи, историки и технологи. Изучались письменные источники, этнографические и лингвистические сведения, геологические данные о месторождениях; выявлялись старые разработки золота и металлообработывающие

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru.

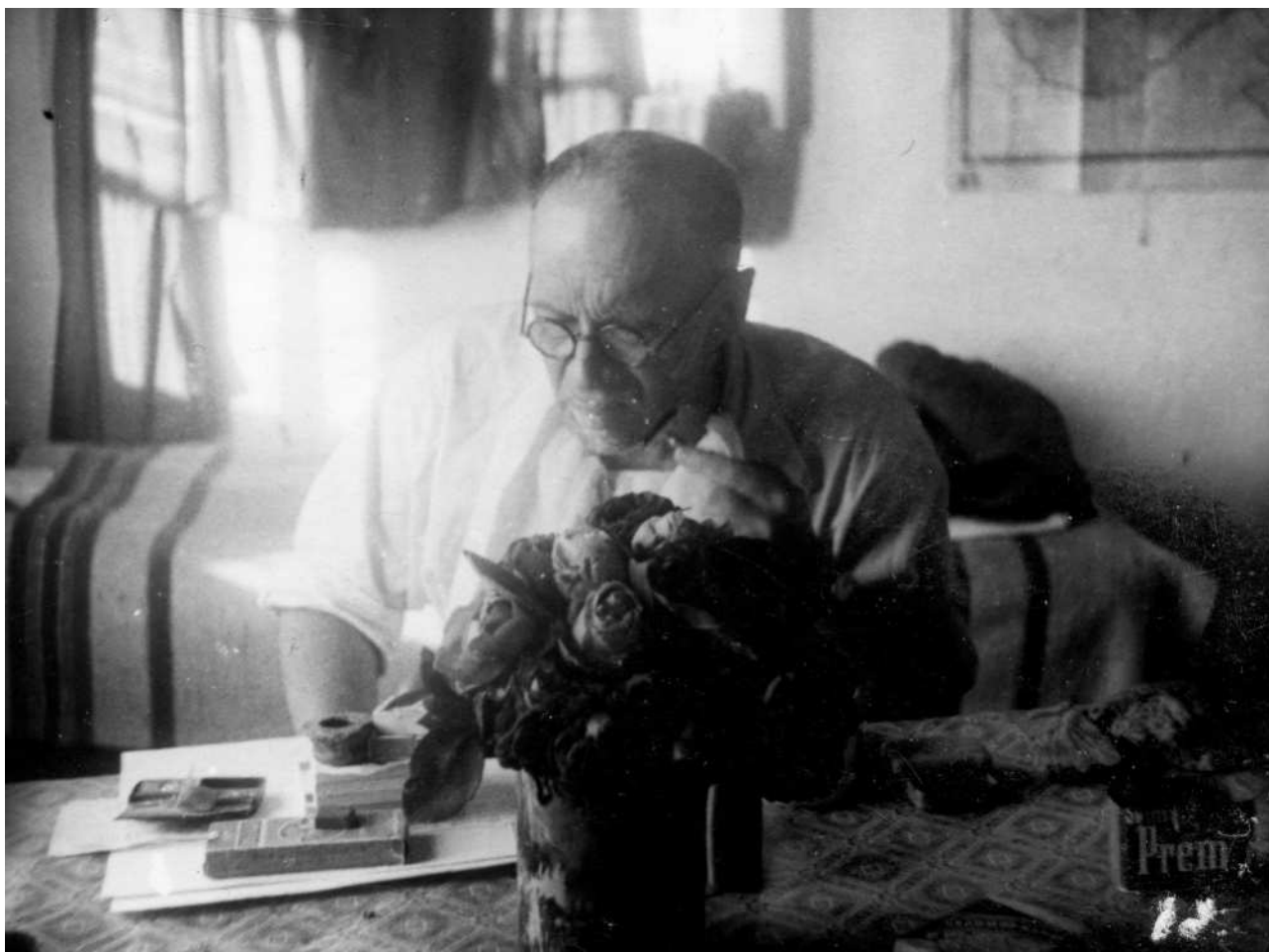

Рис. 1. А. А. Иессен. 27 января 1955 г. Фото передано в ЛОИА АН СССР в 1977 г. из Института археологии АН УзССР
Fig. 1. A. A. Iessen. January 27, 1955. The photo submitted to LOIA AS USSR in 1977 from the Institute of Archaeology of AS of UzSSR

мастерские; археологические материалы анализировались на предмет наличия сплава и выяснения возможных сырьевых и производственных центров (Иессен, 1935а. С. 158–160). Подобная программа всестороннего изучения развития металлургического производства была прогрессивной не только для СССР, но и не имела аналогов в Европе (Черных, 1969. С. 71–73).

Комиссия металлов была создана в ГАИМК в 1933 г., руководителем ее стал академик И. И. Мещанинов, а секретарем — А. А. Иессен (Иессен, 1935а. С. 159). В 1934 г. эта работа была передана в ведение Института исторической технологии ГАИМК³, а А. А. Иессен сразу же был назначен его ученым секретарем и действительным членом. Древняя металлургия стала одной из его

основных научных тем в эти годы. Комиссия металлов, главным образом, изучала использование в древности меди, олова и золота. Исследования велись в Казахстане, Енисейском крае, на Урале, на территории Европейской части России и на Кавказе. На Кавказе были сосредоточены работы по истории использования золота и обнаружения возможных золотоносных источников, так как регион был давно известен своими многочисленными золотыми находками на памятниках древности (Там же. С. 161, 162).

Именно с целью выявления золотоносных мест в Адыгее и состоялась поездка А. А. Иессена в Майкоп и окрестности в 1933 г., а фактическим заказчиком и спонсором стало «Главзолото». Ученый частично опубликовал результаты своих работ в 1935 г. (Иессен, 1935а; 1935в; Иессен, Пассек, 1935), но на самом деле их спектр был значительно шире, чем описано в указанных изданиях.

³ О деятельности Института подробнее см.: Платонова, 2018.

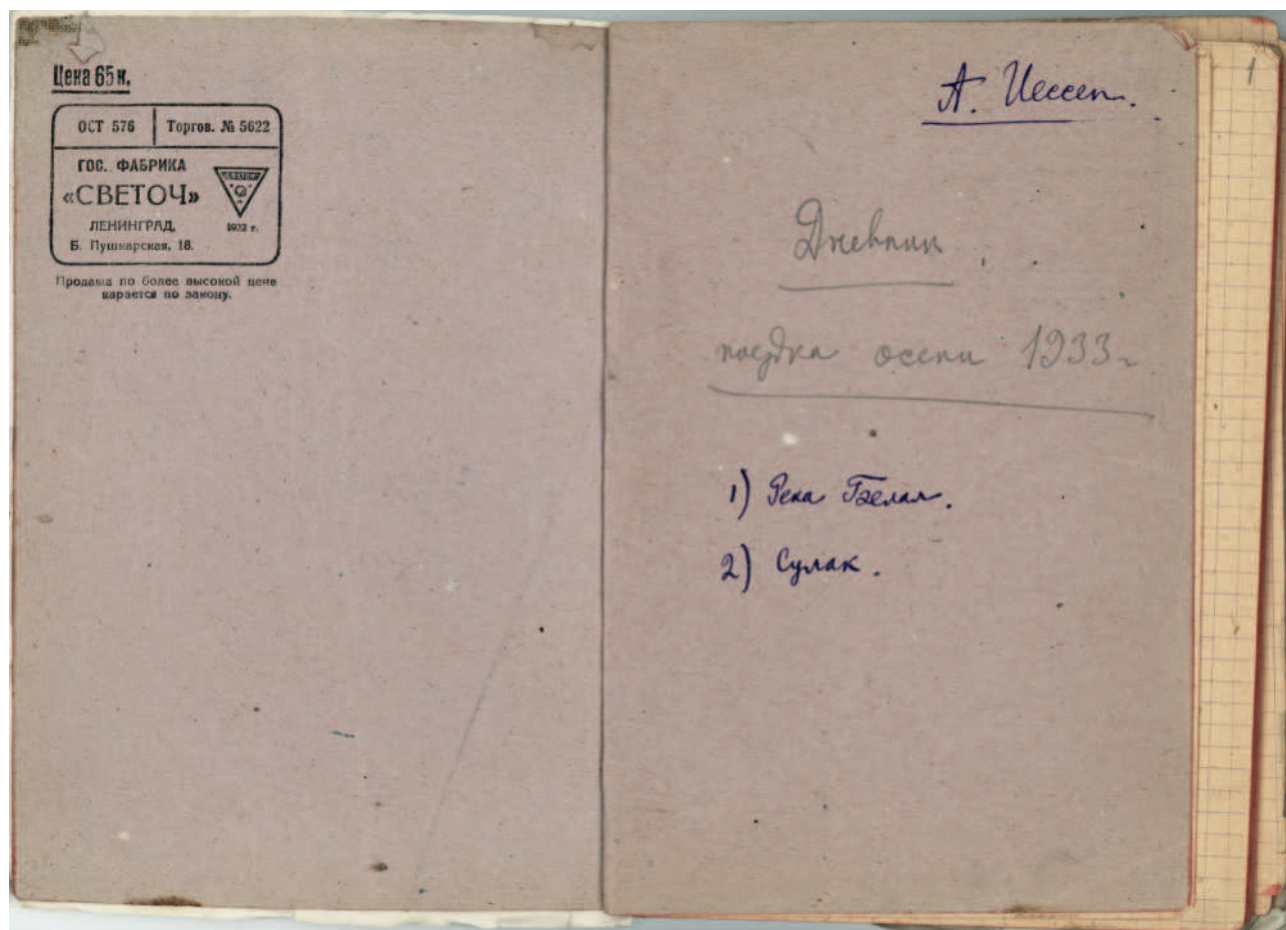

Рис. 2. Первая страница полевого дневника А. А. Иессена 1933 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 96а
 Fig. 2. First page of A. A. Iessén's field diary of 1933. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1933. F. 96a

Сохранился дневник А. А. Иессена из поездки 1933 г., где он подробно описал маршрут и собранные сведения (рис. 2). Дневник написан карандашом, и ежедневные заметки позволяют довольно точно восстановить весь проделанный археологом путь. Помимо описаний в нем также содержатся рисунки древностей и схематические планы расположения памятников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96а).

Дополнительную ценность представляют фотографические материалы из поездки А. А. Иессена по р. Белой и Северо-Кавказскому краю в 1933 г. Фотографии собраны в двух альбомах в фотографическом фонде Академии истории материальной культуры (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1005/1–31, О.928/64–75). Один альбом состоит из отпечатков, выполненных Кавказским заповедником, а ко второму альбому фотографии делал сам А. А. Иессен, к ним сохранились

и оригинальные негативы (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7761–7791, II 36563–33564). На снимках запечатлены виды местности, обследованные археологические объекты, несколько случайных находок, карта Кавказского заповедника и план памятников у ст. Новосвободной.

В октябре 1933 г., перед тем как поехать в Дагестан изучать археологические памятники в зоне затопления и строительства Сулакской гидроэлектростанции (Иессен, 1935б), А. А. Иессен посетил Адыгею и в течение двух недель, с 4 по 20 октября, проводил там разведочные работы. Помимо основного задания «Лабзолото» он фиксировал состояние сохранности археологических памятников и выбирал перспективные места для дальнейших исследований. Перед Майкопом он прибыл в ст. Лабинскую, в Управление комбината «Лабзолото», чтобы договориться о людях и средствах передвижения, также «Лабзолото» должно

было обеспечить экспедицию продуктами. В итоге совещания 5 октября 1933 г. А. А. Иессен сделал запись в дневнике: «1) Дороги ужасны, лошадей нет, 2) Следование по Лаббе отпадает, 3) На Белой опираемся на заповедник, 4) Решено двигаться по сквозному маршруту по Белой через перевал Псеашхо для рекогносцировки на тему истории заселения региона» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96а. Л. 2). Весь следующий день лил дождь, и только 7 октября исследователям удалось выдвинуться в Майкоп. Проведя ночь в пути и заселившись в гостиницу, А. А. Иессен направился в дирекцию Кавказского государственного заповедника, где его «предложение провести археологическое обследование встретило полное сочувствие», однако планы совместных исследований так и остались только планами (*Там же*. Л. 4). Затем он побывал в райисполкоме и посетил Адыгейский национальный музей, где успел поработать с археологическими коллекциями. 10 октября А. А. Иессен со своими спутниками выехал на обследование вдоль р. Белой. В вагоне поезда они встретили основателя и к тому времени уже бывшего директора Кавказского заповедника Х. Г. Шапошников, прекрасно знавшего местность и указавшего ряд обязательных к осмотру мест, где прежде находили древности. В дневнике А. А. Иессен со слов Х. Г. Шапошников записал, что тот лично видел до двух тысяч дольменов и многие из них сфотографировал. Альбом фотографий дольменов Х. Г. Шапошников подарил Кубанскому музею, а негативы все погибли (*Там же*. Л. 5об.).

Добравшись до Хаджуха, конечной станции железной дороги, они сначала провели разведку в районе пос. Каменноостского, а затем у ст. Боракаевской. Из записей этого дня становится ясно, что вместе с А. А. Иессеном в поездке принимал участие еще один археолог, сотрудник ГАИМК Б. Е. Деген-Ковалевский. Они обследовали дольмены и их сохранность, делали зарисовки схем расположения археологических памятников, собирали информацию этнографического характера, в том числе подробно описали черкесские жернова во дворах местных жителей.

11 октября исследователи осмотрели памятники у ст. Новосвободной. Там они изучили дольмены на Богатырской поляне, место раскопок Н. И. Веселовского, древнюю пещеру, составили карандашный схематичный рисунок расположения курганов в урочище Клады, кратко описали сохранность дольменов, сделали подробную фотосъемку дольменов и курганов (рис. 3–6).

Затем двинулись к ст. Даховской и к Хамышкам. Везде по пути следования А. А. Иессен

фотографировал (рис. 7; 8), рисовал планы местности, опрашивал местных жителей о случайных находках древностей и каких-либо производившихся ранее раскопках.

Таким образом они получили сведения, что у моста в Гузерипле на левом берегу р. Белой в 1904 г. был незаконно раскопан курган, и в нем оказалось богатое женское погребение, где грабители в числе прочего нашли золотое зеркало с изображением всадника, стеклянный сосуд, завернутый в шелк, цепь белого металла. Также местные жители, сотрудники «Лабзолота» и Кавказского заповедника сообщили о находках в этих местах медных топоров, каменных молотков и сосудов, указали возможные места обнаружения руды (*Там же*. Л. 14–17об.).

В Гузерипле археологи добрались 14 октября, там их встретил сотрудник Кавказского заповедника, помощник энтомолога П. И. Слащевского. В поиске свинцово-серебряных разработок они прошли по р. Молчепе, но ничего не нашли, зато зафиксировали дольмены, пещеры и группы каменных курганов, одна из которых находилась под домиком управления участка по добыче золота (рис. 9). Бывший егерь великокняжеской охоты Н. С. Париев рассказал, как он и еще пять человек попытались раскопать большой дольмен на Папоротной поляне, нашли там «гадюку и копье» медное, после чего бросили раскопки. Эта же компания активно разрывала курганы возле Гузерипля, где они находили старинные черкесские вещи (*Там же*. Л. 20, 20об.). Все эти полученные сведения аккуратно занесены в полевой дневник А. А. Иессена.

Не забывали археологи и о главной задаче командировки, постоянно собирая данные об известных и предполагаемых местонахождениях металлов. Со слов того же Н. С. Париева А. А. Иессен записал: «Когда был мальчиком, старый черкес рассказывал, что на реке Шугуш есть каменные корыта, в которых черкесы промывали золото (у самой воды, трудно доступны)» (*Там же*. Л. 23; Иессен, 1935а. С. 164). После опроса местного населения исследователи подробно сфотографировали большой дольмен в Гузерипле (рис. 10–12) и составили его описание.

Оттуда через пастбище Абаго мимо скалы Чугуш через перевал Псеашхо (рис. 13) археологи дошли до Красной Поляны, где осмотрели сохранившиеся дольмены. Среди кратких заметок этих дней есть информация о местных хуторах и национальном составе жителей, в том числе А. А. Иессен вспоминал, как один из местных «на самодельной скрипке черкесам играл песню „Лабинские щели“ — черкесы плакали (о битвах на Лаббе, где перебито много черкесов

Рис. 3. Дольмены у ст. Новосвободной. Фото Кавказского заповедника, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/65

Fig. 3. Dolmens near the village of Novosvobodnaya. Photo from the Caucasian Preserve, 1933.

SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/65

Рис. 4. Дольмены у ст. Новосвободной. Фото Кавказского заповедника, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/68

Fig. 4. Dolmens near the village of Novosvobodnaya. Photo from the Caucasian Preserve, 1933.

SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/68

Рис. 5. Дольмен у ст. Новосвободной. Фото Кавказского заповедника, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/69
Fig. 5. Dolmens near the village of Novosvobodnaya. Photo from the Caucasian Preserve, 1933.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/69

Рис. 6. Курган могильника «Клады». Фото А. А. Иессена, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7761
Fig. 6. A kurgan at the cemetery of "Klady". Photo by A. A. Iessen, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative I 7761

Рис. 7. Река Белая около села Хамышки. Фото А. А. Иессена, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7766

Fig. 7. Belaya River near the village of Khamyshki. Photo by A. A. Iessen, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative I 7766

Рис. 8. Село Хамышки. Фото А. А. Иессена, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7768

Fig. 8. Village of Khamyshki. Photo by A. A. Iessen, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative I 7768

Рис. 9. Гужерипль. Домик управления участка золотодобычи на месте курганного могильника.
НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7779

Fig. 9. Guzeripl. The house of the management of the sector of gold-mining at the place of a kurgan cemetery.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative I 7779

Рис. 10. Дольмен в Гужерипле. Фото Кавказского заповедника, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/72

Fig. 10. Dolmen in Guzeripl. Photo from the Caucasian Preserve, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/72

Рис. 11. Дольмен в Гужерипле. Фото Кавказского заповедника, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/73
Fig. 11. Dolmen in Guzeripl. Photo from the Caucasian Preserve, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/73

Рис. 12. Дольмен в Гужерипле. Фото А. А. Иессена, 1933 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 7777
Fig. 12. Dolmen in Guzeripl. Photo from the Caucasian Preserve, 1933. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative I 7777

русскими)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96а. Л. 24об.). На этом часть полевого дневника А. А. Иессена, посвященная поездке по р. Белой 1933 г., заканчивается.

Поездка 1935 г.

Вторая поездка А. А. Иессена в Майкоп состоялась в 1935 г. и была не менее интригующей и захватывающей. В 1935 г. в ГАИМК поступило тревожное письмо из Кавказского государственного заповедника об участившихся случаях незаконных раскопок курганных могильников и находках большого количества древних вещей:

В дополнение к нашим прежним сообщениям об участившихся раскопках курганов, могильников и др. памятников старины в районе Кавказского Заповедника (Майкопский, Лабинский, Мостовский, Апшеронский, Адлеровский р-ны Аз.-Черном. края и Карачаевская автономная область), сообщаем, что в управлении комбинатом «Лабазолото» (станция Лабинская) хранятся до настоящего времени принятые от граждан, раскопавших курганы и др. памятники, вещи. В числе этих вещей есть золотые монеты и изделия, но также и шлемы, посуда, части вооружения и др. предметы из других металлов и каменные.

Передать эти вещи заповеднику для обеспечения их сохранности и научного использования Комбинат отказывается.

Просим ГАИМК:

- 1) Сообщить Аз.-Черн. КИК⁴ о необходимости бороться активно с разрушением памятников старины;
- 2) Предложить Комбинату «Лабазолото» передать Заповеднику все собранные к настоящему времени предметы и в дальнейшем раскопок не поощрять скупкой подобных вещей;
- 3) Уполномочить Заповедник на конфискацию у частных лиц и организаций, производящих незаконные раскопки, всех выкопанных или скупленных вещей в пределах указанных районов.

Полагаем, что при наличии в нашем штате специалиста археолога и при постоянной связи с Вами, сумеем правильно использовать случайные находки и поставить должным образом раскопки. Наличие же в Заповеднике охраны позволит нам бороться с нарушителями.

Директор ПКГЗ⁵ Иванов

Вр. уч. секретарь Башкиров.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 30. Л. 247–247об.)

По поручению ГАИМК для выяснения изложенных в письме обстоятельств осенью 1935 г. А. А. Иессен в процессе возвращения из Сухумской экспедиции посетил Майкоп. Позже он составил рапорт председателю ГАИМК, где изложил все подробности своей командировки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 30. Л. 249–251; 1936. Д. 102; приложение). Времени у А. А. Иессена было слишком мало, чтобы лично объехать и осмотреть все пострадавшие памятники, поэтому он ограничился только посещением Майкопа. Там он узнал, что таким способом, при помощи грабительских раскопок, комбинат «Азчерзолото» (Азово-Черноморский государственный золото-промышленный комбинат. — М. М.) пытался выполнить план по добыче золота.

Разработка россыпей на р. Лабее, а затем на р. Белой началась в 1932–1933 гг. и продолжалась до начала Второй мировой войны (рис. 14). На р. Белой активная золотодобыча велась после организации в пос. Гузерипле «смотрительного участка и вольно приносительного пункта с конторой», позже преобразованных в «Прииск р. Белой». «Первым разведанным объектом в начале 30-х годов на р. Белой была богатая россыпь балки Горелой, которую первооткрыватели застолбили и отработали» (Волкодав, 2005. С. 46).

Однако А. А. Иессен в 1935 г. выяснил, что параллельно с этим работники комбината «Азчерзолото» по указанию руководства, «видимо, незнакомого с законами по охране памятников прошлого», ведут «многочисленные раскопки курганов с целью добычи золота в изделиях» в бассейнах рек Белой, Малой и Большой Лабы. Более того, в отчете о поездке А. А. Иессен отметил, что были созданы целые бригады для раскопок курганов, «причем найденное золото предлагается сдавать, а остальные находки выбрасывать» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 102. Л. 2). Заведующий музеем в Майкопе и руководство Кавказского заповедника обратились в Майкопский райисполком, в местные органы НКВД, в Краевую комиссию по охране памятников в Ростов, в прокуратуру. Общими усилиями только после распоряжения НКВД удалось остановить расширение археологических ценностей.

Видимо, это был очень прибыльный бизнес, так как даже после распоряжения НКВД в райисполком приехал возмущенный заведующий конторой «Азчерзолота» в Хамышках и «безуспешно требовал снятия запрещения раскопки курганов, т. к. последние никакой исторической ценности не представляют, а золото нужно государству»

⁴ Краевой исполнительный комитет.

⁵ Показательный Кавказский гос. заповедник.

Рис. 13. Армянские балаганы у перевала Псеашхо. Фото Кавказского заповедника, 1933 г.
НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.928/75

Fig. 13. Armenian booths near the Pseashkho mountain pass. Photo from the Caucasian Preserve, 1933.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.928/75

Рис. 14. Промывка золота на р. Белой выше села Хамышки. Фото А. А. Иессена, 1933 г.
НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1005/9

Fig. 14. Washing of gold on the Belaya River upstream the village of Kamyshki. Photo by A. A. Iessen, 1933.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.1005/9

(Там же). Сколько курганов было раскопано таким образом при содействии «Азчерзолота» и какие вещи были найдены, А. А. Иессену установить не удалось, но, видимо, размах был велик, так как по странному стечению обстоятельств именно в 1935 г. на р. Белой было добыто самое значительное количество золота за все годы работы прииска — почти 14 кг (Волкодав, 2005. С. 46). По сообщению А. А. Иессена, «ни одна вещь не поступила в Майкопский музей», но часть их «сдана в управление Лабазолота» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 102. Л. 3). Впоследствии некоторые замечательные предметы все же дополнили музейные коллекции. В начале 1936 г. крайисполком сообщил в ГАИМК, что везде разосланы постановления о запрещении самовольных раскопок вплоть до уголовной ответственности. Вероятно, испугавшись негативных последствий, сотрудники комбината «Лабзолото» сдали оставшуюся у них часть находок в Кавказский заповедник, а потом эти вещи оказались в Ростовском музее.

Можно только предполагать, какие богатые погребения были разграблены и в каком количестве, ведь контекст их утрачен полностью. Находки, обнаруженные рабочими «Азчерзолота» около ст. Даховской и Тульской и переданные в Ростовский музей, опубликовал Б. В. Лунин в 1939 г. (Лунин, 1939). Он же сообщил в статье, что «золотая подвеска (крылатое женское божество)» из этой же серии была отобрана в скупке, а часть золотых вещей отправлена в Москву на переплавку, о чем уведомили ГИМ, но дальнейшая судьба этих предметов неизвестна (Там же. С. 211). Еще один артефакт уже в 1980-е гг. продали в Адыгейский краеведческий музей в г. Майкопе: серебряная греческая чаша из села Хамышки долгие годы хранилась в семье одного из работников артели и служила солонкой (Ксенофонтова, 2005; Художественное..., 2012. С. 12; Эрлих, 2014. С. 11, 12).

В резолюции своей записки об этой поездке А. А. Иессен написал руководству ГАИМК, что необходимо ознакомить работников «Главзолота» с существующими законами по охране памятников археологии и наказать виновных в том, что случилось, чтобы незаконные раскопки не превратились в способ добычи золота для государства. Он также предложил отобрать все оставшиеся находки и направить специалиста-археолога для работы в Кавказский заповедник.

А. А. Иессен обозначил перед Академией «исключительное значение Майкопского района для археологического изучения Северного Кавказа» и

поставил вопрос о необходимости срочного принятия мер по охране майкопских археологических памятников и включении в план Северо-Кавказской экспедиции их систематического научного изучения начиная с 1936 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 102. Л. 3, 4), но это предложение осталось тогда нереализованным. Уже после поездки и отчета А. А. Иессена в ГАИМК поступило еще одно письмо из Кавказского заповедника с предложением о совместной работе, но и эта инициатива не нашла поддержки.

9. I. 1936 г.

Академия Материальной Культуры

Кавказский заповедник сообщал уже Вам о наличии на его территории и в смежных районах большого количества памятников старины (дольмены, курганы, укрепления, следы поселений и т. д.). Помимо того, что изучение этих памятников представляет интерес для археологии и истории, исследование подобных остатков необходимо Заповеднику для понимания многих моментов в формировании природы его территории (явления вторичной степи, массивы фруктарников, лесообразование, примесь крови домашних животных у кабана и тура, изменения в составе фауны и т. д.).

Поэтому с 1936 года Заповедник приступает к систематическим историко-археологическим исследованиям на своей территории и в прилегающих районах и просит оказать ГАИМК содействие в этом направлении. Ваше содействие возможно в следующем: рекомендация нам сотрудника для постоянной работы в заповеднике; консультация тематических планов и рабочих программ по темам; предоставление заповеднику полномочий на производство раскопок и охране памятников старины в окружающих заповедник районах (где идет, как мы уже сообщали Вам, усиленное разрушение этих памятников); желательны также предоставление заповеднику полномочий на изъятие незаконно выкопанных предметов как у местного населения, так и у организаций и лиц, скупающих эти предметы.

Ожидаем Вашего отчета по всем затронутым вопросам.

Директор

Показательного Кавказского

Гос. Заповедника /Иванов/

Вр. уч. секретарь /Башкиров/

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 30. Л. 248–248об.).

В заключение важно отметить, что в современной историографии иногда указывается, что впервые после раскопок Н. И. Веселовского 1898 г. А. А. Иессен побывал в урочище Клады в 1936 г.

Рис. 15. Сотрудники Кубанской экспедиции 1950 г. Справа налево: А. А. Иессен, Е. И. Оятева, К. М. Скалон, неизвестная. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950 г. Д. 127. Л. 116

Fig. 15. Staff assistants of the Kuban Expedition of 1950. From right to left: A. A. Iessen, E. I. Oyateva, K. M. Skalon, unknown person. SA ИИМК RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1950. F. 127. Sh. 116

(Резепкин, 2012. С. 8). Архивные документы Академии истории материальной культуры позволяют скорректировать хронологию изучения памятника: А. А. Иессен посетил Майкоп и его окрестности в 1933 и 1935 гг., а схематичный план могильника «Клады» был первый раз составлен во время обследования 1933 г., из дневника ученого известна даже точная дата этого события — 11 октября (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96а. Л. 8–10). Из материалов очевидно, что уже во время первых визитов 1930-х гг. у А. А. Иессена возник серьезный научный интерес к исследованию этой богатой археологическими памятниками территории. Каждый раз по результатам командировок А. А. Иессен предлагал ГАИМК начать планомерное археологическое изучение региона при активном участии местных организаций, однако реальные работы состоялись только в 1950 г. Ученый собирался туда в 1941 г., но из-за начавшейся войны экспедицию пришлось отменить. Осенью 1947 г. группа эрмитажных сотрудников под руководством А. А. Иессена совершила рекогносцировочную

поездку в Краснодарский край, но из-за невероятной дождливой погоды и невозможности добраться до майкопских памятников по бездорожью они, в основном, провели время в работе с коллекциями музеев в Сочи и Краснодаре (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 102). В 1948–1949 гг. не было выделено финансирование, и только в 1950 г. А. А. Иессену удалось вернуться туда (рис. 15), чтобы произвести раскопки могильника «Клады» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 124, 127) и таким образом открыть новую эпоху в истории изучения этого значимого археологического комплекса.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГАИМК.

При возвращении из Сухумской экспедиции я по поручению Академии заезжал в Майкоп для выяснения обстоятельств, изложенных в адресованном ГАИМК письме Кавказского государственного заповедника от 17.X за № 2а/17/10. Не располагая достаточным временем для выездов на места находок, что

потребовало бы дополнительно не менее 6–8 дней, я вынужден был ограничиться посещением только Майкопа.

Во время этого посещения выяснено следующее:

1) В связи с развитием работ Азчерзолота по добыче золота в бассейнах р.р. Белой, М. и Б. Лабы, как в пределах самого заповедника, так и в прилегающей к нему с севера предгорной полосе действительно производились в последнее время, по-видимому, многочисленные, раскопки курганов с целью добычи золота в изделиях.

2) Заведующий Майкопским музеем краеведения П. К. Перепелицын сообщил мне, что ему еще летом неоднократно сообщали из станицы Абадзехской о том, что работниками Азчерзолота даются указания о раскопке курганов, причем найденное золото предлагается сдавать, а остальные находки выбрасывать. На основании такого указания или распоряжения копала курганы бригада Шамраева (жителя ст. Абадзехской). В таком же порядке производилась раскопка курганов у хутора Шунтуки и у станицы Дагестанской. Кто из работников Азчерзолота давал подобные незаконные указания — тов. Перепелицыну осталось неизвестным.

На основании этих сообщений т. Перепелицын обращался в Майкопский РИК⁶, в местные органы НКВД и в Краевую комиссию по охране памятников в Ростов.

3) Секретарь Майкопского РИК'а 13 декабря пр. г. сообщил мне, что в настоящее время раскопки курганов с целью добычи золота в районе прекращены на основании распоряжения по линии НКВД. Всем сель- и стансоветам разослан циркуляр о запрещении раскопок и копия письма Краевой комиссии по охране памятников по этому же вопросу. Сделаны ли подобные распоряжения по соседним районам — мне не известно.

Однако секретарь РИК'а тут же сообщил мне, что утром того же 13-го декабря к нему приезжал заведующий конторой Азчерзолота в сел. Хамышки (фамилии его секретаря не знал), и безуспешно требовал снятия запрещения раскопки курганов, т. к. последние никакой исторической ценности не представляют, а золото нужно государству.

По словам секретаря, тот же зав. конторой рассказывал, что его рабочими будто бы найдена древняя золотолитейная мастерская (в сел. Хамышки или в ст. Даховской), где золото встречается в виде слитков, а следовательно, уже совершенно никакого исторического интереса не представляет.

4) В Управлении Кавказского заповедника новых сведений о раскопках получить не удалось. Согласно письма от 17.X раскопки производились в районе ст. Тульской, ст. Даховской, сел. Хамышки, прииска

Азиатского и в самом заповеднике. Управление имеет возможность включить в свой штат с 1936 года одного археолога и просит оказать содействие рекомендацией соответствующего лица, консультацией, присылкой инструкций, декретов об охране и т. д.

5) Точных сведений о сделанных во время раскопок курганов археологических находках получить невозможно. Ни одна вещь не поступила в Майкопский музей. В Управлении заповедника имеются только 2 предмета (бронза и железо) из числа случайных находок. По слухам, часть найденных вещей будто бы сдана в управление Лабазолота (отделение Азчерзолота) в станицу Лабинскую.

На основании изложенных фактов является совершенно несомненным, что раскопки курганов в Майкопском и соседних с ним районах в 1935 году производились на основании незаконных указаний и с прямым содействием отдельных работников системы Азчерзолота, видимо совершенно незнакомых с существующими законами об охране памятников исторического прошлого.

В то же время указания эти вызвали широкий отклик, вероятно, ввиду того, что у части местного населения еще сохранились воспоминания о массовых хищнических раскопках курганов, производившихся в этих же районах в дореволюционную эпоху, особенно в 1893–1895 гг., во время которых находилось много предметов из драгоценных металлов.

Принимая во внимание принципиальное значение всего этого дела, а также исключительное значение Майкопского района для археологического изучения Северного Кавказа и чрезвычайный интерес находок, могущих быть сделанными при добыче золота нормальным способом, я считал бы необходимым принять следующие меры:

1) Обратиться в Главзолото (копию в Азчерзолото) с сообщением о незаконных действиях отдельных работников Азчерзолота. Вместе с тем необходимо просить распространить по всей системе Главзолота циркуляр о запрещении производства раскопок археологических объектов под видом добычи золота и об обязательном сообщении всех сведений об археологических находках при разведочных и эксплуатационных работах на золото, вместе с пересылкой самих находок в ГАИМК. Следует особо оговорить необходимость присылки для изучения изделий из золота и выяснить порядок их дальнейшего направления.

2) Обратиться в прокуратуру АзчерКрая с просьбой расследовать дело и привлечь виновных к ответственности. Копию этого письма направить в Краевую комиссию по охране памятников.

3) Обратиться в Азчерзолото, его отделение в ст. Лабинской (Лабазолото) и в контору в Хамышках

⁶ Районный исполнительный комитет.

с требованием выслать все имеющиеся археологические предметы в Академию для изучения, и дальнейшей передачи их в музей, а также сообщить все сведения о сделанных находках, в частности о так называемых золотолитейных мастерских.

4) Издать специальную краткую инструкцию по охране памятников древнего горного дела и металлургии с приложением текста действующих законов по охране, и распространить ее через систему Главзолота, а также других родственных организаций (Главгеологии, Главникельолово, Главцветмет).

5) Снабдить всеми необходимыми сведениями и материалами Кавказский Гос. Заповедник. Весьма желательным было бы также направить для работы в Заповеднике сведущего работника.

6) Включить посещение Майкопского района в план предполагаемой Кавказской экспедиции ИИТ (Институт исторической технологии. — М. М.) в 1936 г, о чем мною будут представлены дополнительные соображения.

Действительный член ИИТ (А. Иессен).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 102. Л. 5, 6.)

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 102: А. А. Иессен. Краткий отчет о командировке на Кубань в октябре–ноябре 1947 г. 3 л. 1950. Д. 124: Государственный Эрмитаж. Кубанская экспедиция. Нач. А. А. Иессен. Отчет о работе экспедиции в 1950 г. 49 л.; Д. 127: Полевые чертежи раскопок курганов и схемы расположения памятников в Келермесе, в ур. Клады близ ст. Новосвободной, фотографии раскопок и находок. 61 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 96а: А. А. Иессен. Дневник поездки 1933 г. на р. Белую и р. Сулак. 32 л. 1936. Д. 30: Об охране памятников и деятельности музеев. Переписка. 266 л.; Д. 102: Охрана памятников. 6 л.

НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1005/1–31, нег. I 7761–7791, II 36563–33564. А. А. Иессен. Командировка на р. Белую, 1933 г.; Отп. О.928/64–75. Материалы, привезенные А. А. Иессеном из поездки в Северо-Кавказский край в 1933 г.

Алёшкин, 2017 — Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 160–172.

Волкодав, 2005 — Волкодав И. Г. Золотые россыпи Адыгеи // Вестник Адыгейского ГУ. 2005. № 1. С. 46–50.

Иессен, 1935а — Иессен А. А. Работы Комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). Общий отчет // Известия ГАИМК. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 110. С. 158–162.

Иессен, 1935б — Иессен А. А. Работы на Сулаке // Известия ГАИМК. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 110. С. 29–39.

Иессен, 1935в — Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. М.; Л.: Соцэгиз, 1935. Вып. 120: Из истории древней металлургии Кавказа. С. 7–237.

Иессен, 1950 — Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–201.

Иессен, 1962 — Иессен А. А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.: б. и., 1962. С. 9.

Иессен, Пассек, 1935 — Иессен А. А., Пассек Т. С. Золото Кавказа // Известия ГАИМК. Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 110. С. 162–178.

Крупнов, Мунчаев, 1966 — Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Александр Александрович Иессен // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 3–5.

Ксенофонтова, 2005 — Ксенофонтова И. В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2005. С. 150–151.

Кушнарера, 1996 — Кушнарера К. Х. А. А. Иессен. Вехи жизни и творчества // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 11–21.

Лунин, 1939 — Лунин Б. А. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 210–223.

Пиотровский, 1996 — Пиотровский Ю. Ю. А. А. Иессен в Эрмитаже // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 154–163.

Платонова, 2018 — Платонова Н. И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК / ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской): Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.

Попова, 1963 — Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной // Труды Государственного исторического музея. М.: Советская Россия, 1963 (Памятники культуры). Вып. XXXIV. 95 с.

Резепкин, 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXVII). 344 с.

Художественное..., 2012 — *Художественное золото и серебро Адыгеи.* Майкоп: Качество, 2012. 117 с.

Черных, 1969 — *Черных Е. Н.* Изучение истории древней металлургии в СССР за 50 лет // КСИА. 1969. Вып. 118. С. 69–82.

Эрлих, 2014 — *Эрлих В. Р.* при участии Г. Л. Годизова, А. А. Коцевой. Древности «Долины яблонь»: Каталог выставки. М.: Гос. музей Востока, 2014. 144 с.

Two journeys of A. A. Iessen in the 1930s to Maykop and its surroundings

M. V. Medvedeva⁷

Keywords: history of archaeology, GAIMK, A. A. Iessen, city of Maykop, Azcherzoloto Company, photographs, archive documents.

The investigations of archaeological sites of Maykop and its surroundings came to be an important direction of the scientific activities of A. A. Iessen in the Caucasus. The first two scientific journeys of the scholar to Adygea took place on a commission of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) as early as in the beginning of the 1930s, however the circumstances and archive documents concerned with them until now are little known. In 1933, A. A. Iessen departed for Maykop within the frame of his activities in the Commission of Metals attached to the Committee for the works on GAIMK new developments. The main goal was searching of gold sources and information on the history of the use of gold because the Caucasian region had been long known through its numerous gold finds from ancient sites. There is preserved A. A. Iessen's field diary from the trip of 1933 where he described in detail the route and the gained information. Of special importance is the package of photographic evidence. In October of 1933, prior to the Sudak expedition, A. A. Iessen visited Adygea and for two weeks from October 4 to October 20 carried out archaeological surveys there. In addition to the main task, he registered the state of preservation of archaeological monuments and chose promising sites for further investigations. A. A. Iessen's group passed along the Belaya River and then travelled over the Pseashkho pass. For the purpose of reconnoitring the history of the settlement of the region they also explored the sites near Hadzhokh, village of Novosvobodnaya, village of Borakayevskaya, village of Dakhovskaya, settlements of GuzeriPLYa, Kamennomostky and Khamyshka. The second trip of A. A. Iessen to Maykop took place in 1935 for checking the information of the Caucasian Preserve about illicit excavations of kurgan cemeteries. On the commission of GAIMK, A. A. Iessen visited Maykop in the course of his return from the Sukhum expedition. Afterwards he composed a report for the President of GAIMK where he described all the details of his trip. A. A. Iessen found out in 1935 that the illegal diggings of the ancient barrows were carried out by workers of the Azcherzoloto Company directed by its management with the purpose of extraction of gold in the form of objects found in the basins of the Belaya, Malaya Laba and Bolshaya Laba rivers. Common efforts succeeded to stop the mass plundering of archaeological values. Afterwards, some finds replenished museum collections, however the fate of most of them is unknown, as well as the archaeological context of their discovery. The materials from the trips of the early 1930s clearly suggest that even then A. A. Iessen felt a serious scientific interest in investigation of Maykop antiquities. Every time, basing on the results of his trips, A. A. Iessen proposed to GAIMK to start regular archaeological investigations of the region under consideration in cooperation with local institutes but practical works began only in 1950.

⁷ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru.

О деятельности А. А. Иессена в Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.)¹

О. В. Григорьева²

Аннотация. В статье рассматривается участие известного археолога-кавказоведа А. А. Иессена в Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.) в первое десятилетие его научной деятельности. Разведочный отряд экспедиции под его руководством провел широкое обследование Таманского полуострова и собрал обширные сведения, послужившие основой для создания первой крупномасштабной археологической карты полуострова. Эти исследования стали важным этапом становления молодого ученого. Полевое изучение причерноморских древностей расширило его научные интересы и привлекло внимание к решению непростых проблем греческой колонизации Северного Причерноморья.

Ключевые слова: А. А. Иессен, Таманская экспедиция ГАИМК, А. А. Миллер, Таманский полуостров, археологические разведки, археологическая карта.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-64-75

Александр Александрович Иессен (1896–1964) — выдающийся археолог-кавказовед, специалист по бронзовому веку Кавказа, исследователь древней металлургии меди и бронзы Юго-Запада СССР (о нем см.: Алёкишин, 2017; Крупнов, Пиотровский, 1965; Между Азией и Европой..., 1996. С. 11–21; Массон, 1987. С. 98; Мунчаев, Мусебли, 2017; От метеорита до крицы..., 2021. С. 11, 12). Его научное становление проходило под руководством известного археолога, талантливого исследователя и педагога, кавказоведа и этнографа, действительного члена Академии истории материальной культуры Александра Александровича Миллера (Алёкишин, 2015; 2022). Несомненно, на основные научные интересы А. А. Иессена оказали влияние тесное общение, совместная профессиональная работа и простая человеческая дружба со своим учителем, письма которому он подписывал «Ваш А. Иессен» (НА ИИМК

РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 84г об.; 85б). В первой половине XX в. усилиями А. А. Миллера была создана и успешно работала одна из крупнейших археологических экспедиций своего времени — Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК (1923–1930, 1932–1933 гг.), ставшая полевой научной школой для формирования целого поколения известных российских археологов (рис. 1). Еще со студенческих времен А. А. Иессен органично влился в научный костяк полевой команды экспедиции и в дальнейшем стал одним из главных помощников руководителя. С 1924 по 1933 г.³ А. А. Иессен, кроме 1927 г.⁴, ежегодно принимал

³ Летом 1933 г. состоялась последняя экспедиция А. А. Миллера, а осенью этого же года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации он был арестован и сослан в Казахстан, где скончался в январе 1935 г. (Алёкишин, 2015; 2022).

⁴ В 1927 г. А. А. Иессен не поехал в экспедицию по нескольким причинам: «семейные обстоятельства не позволили мне принять участие в первом периоде археологических работ Северо-Кавказской экспедиции <...> В конце же августа, когда я намерен был выехать в Ростов для участия в работах в Донской Дельте, я, в качестве лица командного состава запаса РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия. — Примеч. О. Г.), был вызван сначала на опытную мобилизацию

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» № FMZF-2022-0015.

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: sigrid@yandex.ru.

Рис. 1. Сотрудники Северо-Кавказской экспедиции 1929 г. Нальчик. А. А. Миллер (пятый справа), А. А. Иессен (третий справа) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 155. Л. 8)

Fig. 1. Employees of the North Caucasian expedition 1929 Nalchik. A. A. Miller (fifth from right), A. A. Iessen (third from right) (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 45. In. 1. F. 155. Sh. 8)

участие во всех экспедициях под руководством А. А. Миллера: Северо-Кавказской, Нахичеванской, Волго-Донской и Таманской (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 127а. Л. 11; Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 5, 5об.; Археологические экспедиции, 1962. № 44; 111; 164). Его деятельность в каждой из них заслуживает отдельного очерка, но Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.) следует уделить особое внимание.

Направление всех полевых и исследовательских работ А. А. Иессена в первое десятилетие его профессиональной археологической жизни лежало в русле научной деятельности его учителя. А. А. Миллера всегда интересовал Таманский полуостров, как территория, имеющая тесные

в Ленинградском уезде, а затем на осенние маневры ЛВО» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 34). Находясь на военных сборах, исследователь не терял времени и провел разведки в Кингисепском районе в качестве сотрудника Северо-Западной экспедиции ГАИМК (подробнее см. в статье В. Ю. Соболева в настоящем выпуске, с. 89–96).

историко-культурные связи с Северо-Кавказским краем. Особенно это касалось греческих колоний на Тамани и их связи со скифо-сарматскими древностями, о чем он писал: «Ряд колоний, через которые долгое время на наш край воздействовала инородная цивилизация, остаются неисследованными, даже такие как Фанагория и Танаис. Культура этих колоний имеет большой интерес и в отношении значимости чисто греческих художественных изделий, которые могут и, наверное, будут здесь найдены, так еще более — и со стороны материалов, характеризующих быт варваров скифских и сарматских племен. <...> В последующую за скифо-сарматским периодом эпоху, отвечающую первым векам нашей эры, тесные соотношения греческих колоний с варварским миром территориально еще более развиваются» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 9).

В проекте пятилетнего исследовательского плана на 1926–1930 гг. А. А. Миллер наметил с 1926 г. «своевременно начать планомерные работы и на Таманском полуострове, которые

прежде всего потребуют широко проведенной разведки для выяснения общей археологической обстановки» (*Там же*. Л. 10, 20). По неизвестным нам причинам в 1920-х гг. эти работы не состоялись.

Примерно в то же время руководство ГАИМК обратило пристальное внимание на малоисследованную и перспективную в археологическом отношении территорию Таманского полуострова. В 1930 г. в Академии довольно поспешно была создана Таманская экспедиция, а ее руководителем назначен А. А. Миллер как опытный авторитетный исследователь и организатор, что для него явилось «полной неожиданностью, так как об этом проекте ранее я ничего не слышал» (*Виноградов, Медведева и др.*, 2021. С. 326). Нацеленная на систематическое изучение археологических памятников, Таманская экспедиция ГАИМК проработала всего два года и была свернута в 1932 г. Этому способствовало начавшееся противостояние ленинградской Таманской экспедиции ГАИМК и московской совместной экспедиции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Государственного музея изящных искусств (ГМИИ). Возникшие конкуренция и несогласованность полевых работ нескольких коллективов постепенно переросли в затяжной конфликт, разрешившийся не в пользу ленинградских ученых (*Виноградов, Григорьева и др.*, 2022; *Виноградов, Застрожнова и др.*, 2021; *Виноградов, Медведева и др.*, 2021).

Однако результаты работ Таманской экспедиции ГАИМК оказались весомыми и до сих пор не утратили своей актуальности. В современной научной литературе отмечается, что экспедиция стала «этапным моментом в истории античной археологии Советского Союза» (*Виноградов, Григорьева и др.*, 2022. С. 250), с которого начался новый подход к изучению полуострова, призванный выявить весь процесс развития материальной культуры в ряде последовательных изменений и преобразований (*Паромов*, 2020. С. 242).

В первый год работы на Тамани в 1930 г. А. А. Миллер вел параллельно две экспедиции: Таманскую и Северо-Кавказскую — свое основное «детище» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118. Л. 13, 23, 87). Судя по его письмам, сохранившимся в архиве, это давалось нелегко, он практически «разрывался» между двумя экспедициями. В конце августа 1930 г., когда работы на Тамани еще не были закончены, А. А. Миллер, оставив раскопки на своих учеников, уже находился на разведочных работах в Кабардино-Балкарии

и удаленно решал проблемы финансирования затянувшихся раскопок на Таманском городище (*Там же*. Л. 57 об.). В 1931 г., когда объем работ на Таманском полуострове значительно возрос, исследования на Кавказе были полностью приостановлены. Как и во всех экспедициях А. А. Миллера, исследования на Тамани проводились на основе единых методических принципов, под единым руководством и по единому плану. Значительный научный результат в столь короткие сроки, несомненно, был достигнут благодаря организационному таланту руководителя и подобранному им сильному научному коллективу, в который, прежде всего, вошли его талантливые ученики и опытные коллеги-античники из ГАИМК (рис. 2). «Строя экспедицию в учете необходимости широких территориальных обследований, а с другой стороны намереваясь подойти к изучению всего исторического процесса развития человеческого общества на Тамани, я должен был привлечь к участию лиц разной специализации, во-первых, а затем и хорошо подготовленных прежними работами в составе Северо-Кавказской экспедиции. Такими лицами были Александр Александрович Иессен, Михаил Илларионович Артамонов и Татьяна Николаевна Книпович. Из них двум первым, как подготовленным к полевой работе, я предполагал на месте давать и отдельные ответственные поручения» (*Виноградов, Медведева и др.*, 2021. С. 326).

А. А. Иессен вошел в личный состав Таманской экспедиции в качестве научного сотрудника I категории (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118. Л. 30, 90). Именно ему А. А. Миллер доверил основную ответственную работу и выполнение главной задачи экспедиции — проведение полномасштабной разведки, «начиная от Керченского пролива к востоку с охватом коренных берегов Ахтанизовского и Кызылташского лиманов» (рис. 3) (*Миллер*, 1931. С. 26). По ее итогам планировалось составить детальный производственный план археологических работ на будущее: «Предвидя возможность моего опоздания на Тамань на несколько дней, я на это время поручил А. А. Иессену быть моим заместителем. Задание было дано такое — осмотр всей территории Таманской станицы и ее ближайших окрестностей и археологический осмотр берегов до мыса Тузла. А. А. Иессен по приезде в Тамань был у агента ГПУ, предъявил ему документ и, объяснив цели и задачи экспедиции, сейчас же приступил к работе, и экспедиция к моему приезду выполнила задание полностью» (*Виноградов, Медведева и др.*, 2021. С. 327).

Рис. 2. Сотрудники Таманской экспедиции ГАИМК. 1930 г. Тамань. А. А. Миллер (в белом костюме, сидит третий справа в первом ряду), А. А. Иессен (в белой рубашке, сидит первый справа во втором ряду), А. П. Круглов (сидит третий слева в первом ряду), Г. В. Подгаецкий (сидит пятый слева в первом ряду). Публикуется впервые (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 45. Оп.1. Д. 155. Л. 12)

Fig. 2. Employees of the Taman expedition GAIMK. 1930 Taman. A. A. Miller (in a white suit, sitting third from the right in the first row), A. A. Iessen (in a white shirt, sitting first from the right in the second row), A. P. Kruglov (sitting third from the left in the first row), G. V. Podgaetsky (sitting fifth from the left in the first row). Published for the first time (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 45. In. 1. F. 155. Sh. 12)

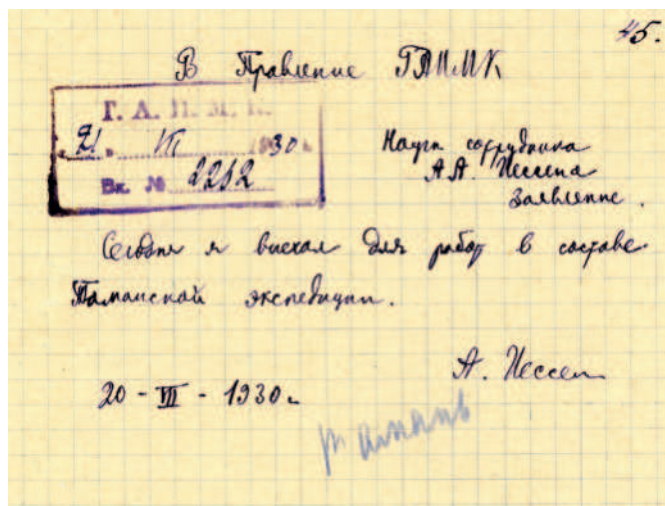

Рис. 3. Заявление А. А. Иессена в Управление ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 45)

Fig. 3. Statement by A. A. Iessen to the Board of the GAIMK (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1931. F. 777. Sh. 45)

Рис. 4. Бывшая усадьба Николича в станице Таманской, где находилась база экспедиции. 1930 г.
Фото А. А. Гречкина (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.13/46; neg. II-1965)

Fig. 4. The former estate of Nikolich in the village of Tamanskaya, where the base of the expedition was located.
Photo by A. A. Grechkin (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.13/46; negative II-1965)

В 1930 г. А. А. Иессен возглавил немногочисленный Фонтанный отряд, в который вошли молодой сотрудник Северо-Кавказской экспедиции, тогда еще студент, Г. В. Подгаецкий, один студент-практикант и один рабочий (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118. Л. 92об.). Иногда к разведочным работам присоединялся сам А. А. Миллер и другие участники экспедиции, но в основном они были заняты раскопками и обследованиями больших городищ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 121. Л. 4, 8; Виноградов, Медведева и др., 2021. С. 320, 327; Миллер, 1932а; 1932б). На плечи Фонтанного отряда легли основные разведочные работы на значительной территории. Базируясь в Таманской станице и передвигаясь чаще всего пешком (рис. 4), примерно за месяц его сотрудники обошли западную часть Таманского полуострова, берег Азовского моря до Пересыпи, берег Черного моря до Кызылташского лимана, а также пространство между Ахтанизовским и Кызылташским лиманами

до коренного берега у старого русла Кубани и обнаружили около 60 остатков древних поселений (Батасова, 2022; Миллер, 1931. С. 27). Нет сомнения, что основную научную часть разведочных работ направлял и выполнял именно А. А. Иессен, будучи единственным научным сотрудником в отряде. В этом же году, следуя своим археологическим интересам, он успел провести небольшие разведочные раскопки у Суворовской крепости рядом с Таманским городищем, где ранее, при разведках, обнаружил «выходы культуры эпохи бронзы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 121. Л. 2об.-4).

В 1931 г. А. А. Иессен снова возглавил отряд экспедиции, названный Разведочным. В него вошли научные сотрудники А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, К. Г. Болтенко, научно-технический сотрудник, студент Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ) В. А. Черемшанов и два студента-практиканта. Отряду надлежало дополнительно

обследовать участки, оставшиеся не осмотренными в 1930 г. в западной части Таманского полуострова, а затем расширить границы обследованной площади на восток до старого материкового берега на участке станица Варениковская — село Джигинское — Анапа. В результате этой работы была полностью проведена «черновая разведка» в пределах Таманского полуострова и «освещены все важнейшие пункты». Зафиксированы ценные наблюдения об обследованных поселениях, общее количество которых достигло 109 (подробно об этом см.: *Батасова*, 2022). В будущем, наряду «со стационарной исследовательской работой в немногих наиболее важных районах», предполагалось продолжить разведку и направить ее дальше на восток, «в район Анапы — Новороссийска с одной стороны — и кубанских плавен — с другой» (*Иессен, Миллер*, 1932. С. 60, 61).

Среди архивных материалов экспедиции сохранился довольно объемный полевой дневник А. А. Иессена, где собраны сведения этого обследования: рисунки находок, схемы и глазомерные планы памятников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778). Научные результаты этой разведки опубликованы в отчетной статье (*Иессен, Миллер*, 1932. С. 58–61), текст которой был полностью подготовлен А. А. Иессеном, его рукописный черновик сохранился в архивных документах экспедиции (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 149–157).

Главным итогом всех разведочных работ, проведенных под руководством А. А. Иессена, стала возможность составления крупномасштабной археологической карты Таманского полуострова (1,46 × 1,42 м) (рис. 5) (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 158. Л. 1а–1з). Специалисты отмечают особую ценность этой карты, которая «по количеству обозначенных на ней памятников и топографической точности более полувека являлась непревзойденной». Сама карта до сих пор так и осталась неопубликованной, но сведения из нее вошли в сводную карту Таманского полуострова, составленную Я. М. Паромовым в 1992 г. (*Паромов*, 1992а; 1992б; 2020. С. 242).

Находясь в разведке, А. А. Иессен редко пересекался с А. А. Миллером, который базировался в Тамани и руководил масштабными раскопками и обследованиями Таманского городища, но часто уезжал для решения различных организационных вопросов. Чтобы поддерживать связь, они вели постоянную переписку друг с другом. Среди архивных материалов сохранилось несколько писем А. А. Иессена А. А. Миллеру, к сожалению,

ответных сообщений среди документов не найдено⁵. Особенно примечательно одно письмо, содержащее ценные сведения о процессе полевых работ и экспедиционном быте Разведочного отряда отряда Таманской экспедиции в 1931 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 84а–84г: см. приложение). Характер письма отражает не просто деловые отношения двух коллег, а дружескую связь учителя и ученика, которая в сложные 1930-е гг. была возможна только между людьми, доверяющими друг другу. В письме А. А. Иессен обстоятельно сообщает А. А. Миллеру о результатах пройденного в разведке маршрута, делится наиболее важными вопросами организации исследовательских работ и экспедиционного быта. Археологам пришлось перенести много трудностей: перебои с питанием, снаряжением, транспортом, отсутствие должного финансирования. Несмотря на все это, талантливые и самоотверженные исследователи в должной мере выполнили все поставленные задачи.

После прекращения деятельности Таманской экспедиции в 1932 г. и ареста А. А. Миллера в 1933 г. А. А. Иессен больше ничего не написал и не опубликовал по теме таманских работ, с 1935 г. он полностью сосредоточился на кавказской проблематике (*Между Азией и Европой...*, 1996. С. 22–26). Все же интенсивное изучение Таманского полуострова стало особой вехой в становлении молодого исследователя, заставив его расширить область своей научной специализации. В продолжение идей своего учителя А. А. Иессен как вдумчивый и системный исследователь обратился также к анализу особенностей культурного развития Северного Причерноморья. Ключевую способность к научному синтезу А. А. Миллер отметил у своего аспиранта еще в 1928 г.: «Не ограничиваясь формально статистическим методом, А. А. Иессен стремится к изучению динамики элементов и к реконструкции культуры как процесса. <...> Ведя работу в указанном направлении, Иессен А. А. имеет значительные достижения, дающие основание видеть в нем уже теперь выдающегося научного работника» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 38об.).

В 1942 г., находясь в эвакуации в Свердловске (ныне г. Екатеринбург. — Примеч. О. Г.), ученый-кавказовед А. А. Иессен пишет монографию

⁵ Нет никаких сомнений, что эпистолярное наследие А. А. Миллера было велико, но оно в значительной степени утрачено, скорее всего, в периоды его ареста и ссылки.

Рис. 5. Таманская экспедиция ГАИМК. 1931 г. Археологическая карта Таманского полуострова (на 6 листах). Публикуется впервые. Сведение и обработка В. Ю. Соболева (НА ИИМК РАН. ФО. Р-1. Д. 158. Л. 1а-1з)

Fig. 5. Taman expedition GAIMK. 1931 Archaeological map of the Taman Peninsula (on 6 sheets).

Published for the first time. Mixing and processing by V. Yu. Sobolev (SA IHMC RAS. Photo Dep. P-I. F. 158. Sh. 1a-1z)

«Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности», опубликованную в Ленинграде в 1947 г. (Иессен, 1947). К написанию этой работы исследователя могла подтолкнуть возможность пользоваться библиотекой Херсонесского музея, находившейся тогда в Свердловске (Иессен, 1947. С. 3), в то время как специальная литература по кавказоведению была труднодоступна.

Книга о греческой колонизации выделяется среди трудов ученого по Кавказу, но при этом,

по мнению профессиональных ученых, она не является сочинением дилетанта (Между Азией и Европой..., 1996. С. 16). Высказанные в ней идеи вызвали бурную реакцию в научной среде (от подражаний до критики), дискуссии не стихали на протяжении нескольких десятилетий (подробно об этом см. статью М. Ю. Вахтиной в настоящем выпуске, с. 76–88). По словам Я. В. Доманского, «Не было только равнодушных <...> А. А. Иессен наполнил свой труд конкретным содержанием. Создана была система взглядов, концепция,

появился предмет для разговора» (Между Азией и Европой..., 1996. С. 147, 148). Единственное, с чем нельзя сейчас согласиться, — это с тем, что «книга возникла на пустом месте» (Там же. С. 148). Профессиональный путь А. А. Иессена показывает, что отмеченный его талантливый подход к «проблеме существования догреческих поселений на месте будущих греческих городов» и «продуманное привлечение <...> соответствующих археологических источников» (Там же. С. 148) в значительной степени являются результатом исследовательского опыта, полученного в Таманской экспедиции, и плодом развития идей, озвученных его учителем А. А. Миллером в 1930 г.: «Колонизация побережья Таманского полуострова начинается, по-видимому, с VI в. до н. э., но главным образом в Таманском заливе, что же касается Фонтанного полуострова, то он дает картину более поздних поселений (преимущественно римская эпоха), близко примыкая к характеру Азовского бассейна и южного Дона. Материальная культура импортированная — проникает уже в древнее время очень глубоко в край по Кубани (в отличие от Дона), но в порядке убывающем за счет местных форм. Вообще нужно сказать, что местный, варварский мир не представляется мне

(по материалам экспедиции) в виде элемента, лишь пассивно воспринимавшего некоторый вклад извне, но в действительности творческое его значение в жизни даже приморских городов выступает довольно ясно. Таким образом можно утверждать, что детальное изучение этого „варварского“ мира должно послужить исходным моментом в составлении исследовательского плана для Таманского полуострова и прилегающей территории» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 2–5).

Давая итоговую оценку деятельности А. А. Иессена в Таманской экспедиции ГАИМК, нельзя не отметить его значительный личный вклад в научный результат работ. Он приложил максимум усилий, добросовестно и ответственно выполнив научно-исследовательскую часть разведочных обследований Таманского полуострова. Весомая и его заслуга в создании первой крупномасштабной археологической карты полуострова. В свою очередь, влияние научных идей его учителя А. А. Миллера и полевой опыт в Таманской экспедиции послужили основой для формирования собственной неординарной концепции о развитии греческой колонизации Северного Причерноморья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А. А. Иессена А. А. Миллеру. Тамань, 27 июля 1931 г. Автограф⁶ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 84а–84г)

Тамань 27.7.[19]31 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Очень жалею, что не могу дождаться Вашего приезда и должен двигаться дальше.

За истекшее время мною в основном закончено обследование западной части полуострова. Проведена следующая работа.

1) На Тузле осмотрен район находки «дольменов» и окрестности. Видимых признаков или остатков в садах обнаружить не удалось, но осмотр сделал рассказы Черноморченки⁷ еще более правдоподобными.

2) Осмотрена коса Чушка — «Батарейка», которую мы видели с Каменной батарейки, оказалась

сопкой, а укрепление, показанное на карте, скорее всего относится к XIX в. — Никаких сведений об упоминаемых в литературе затопленных колоннах и т. п. получить не удалось.

3) В районе Маркитантской косы найдено (у ее западного края) еще одно небольшое селище.

4) Четырехдневной поездкой обследован район Бугаза и Кызылташа до Гирлянной горы, Стеблевской⁸ и центрального хребта от Близиц⁹ до Карабетки¹⁰.

Всего дополнительно к прошлогодним осмотрено¹¹ 14 поселений, в т. ч. 2 только укрепленных; несколько из них никем не упоминались. Большая часть — татарские и античные (до-римские); римских и средневековых мало.

⁶ Текст документа приводится в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей

⁷ Черноморченко А. И. — житель станицы Таманской, обнаруживший в 1906 г. в районе мыса Тузлы «8 каменных ящиков типа дольменов под насыпью, с выступающей на поверхность неотесанной верхней плитой» (Иессен, Миллер, 1932. С. 58).

⁸ Станица Вышестеблиевская.

⁹ Курганы Большая и Малая Близицы.

¹⁰ Грязевой вулкан Карабетова Гора.

¹¹ Зачеркнуто в оригинале: обнаружено.

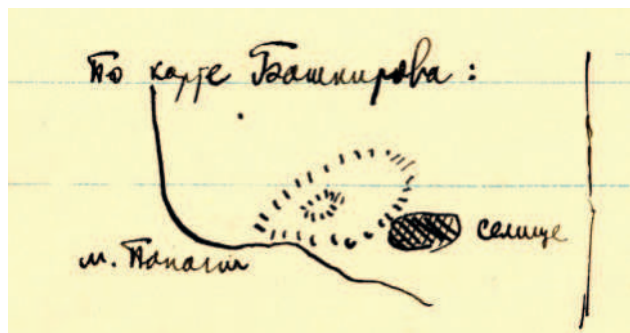

Рис. 6. Схема расположения памятника в письме А. А. Иессена (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 846)

Fig. 6. The layout of the monument in the letter A. A. Iessen (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1931. F. 777. Sh. 846)

Не удалось обнаружить поселение, показанное на карте Башкирова¹² у Гирлянной горы. И селище западнее буквы «В» — название Вышестеблиевская (на карте Башкирова).

Сейчас в западной части остается проверить следующее.

1) Мыс Панагия, осмотренный нами в 1930 г., не дал поселения, показанного у Соколова¹³. Были отдельные черепки. Сейчас я обратил внимание, что Башкиров это селище показывает не на мысу, а восточнее. По карте Башкирова (рис. 6). Этот район можно было бы осмотреть пешей экскурсией.

2) Другая задача относится к северному берегу лимана Цокур. Здесь в западной части, в ½ километре к N от хутора б[ывшего] Сотниченко (на карте не назван) — он в 1½ километрах прил[изительно] к SW от хутора Целинка (Хрея), будто бы имеются остатки старой мощеной дороги (сведения Нач[альника] погранпоста, Тамань). По его же сведениям здесь же где-то имеются следы вала, идущего к Васюринской горе и к[ак] б[ы] продолжающего вал у хутора Капустина. Показанный на карте Башкирова знак «вала» здесь — на деле изображает балку Граничную.

Думаю, что задачу эту можно было бы связать с работой на хуторе Капустина или отложить на будущий год.

¹² Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) — историк-антиковед, археолог. В 1920-х гг. проводил раскопки на Таманском полуострове в составе совместной экспедиции РАНИОН и ГМИИ. В 1927 г. составил карту археологических памятников этого региона (Башкиров, 1927; подробнее о нем см.: Пятшышева, 1963; Винокуров, 2016).

¹³ Соколов В. В. — краевед, археолог-любитель, офицер Таманского полка. В 1915 г. составил археологическую карту окрестностей станицы Таманской (Соколов, 1919; подробнее о нем см.: Муртузова, 2014).

Завтра выезжаю катером на Сенную¹⁴, осматрю дополнительно городище у х[утора] Певневой, пройду по восточной части Фонталовского п[олуострова] к поселению у г[оры] Тиздор и поищу батарейку, упоминаемую Dubois¹⁵, затем через Пересыпь¹⁶ и Голубинку¹⁷ направлюсь в Темрюк. Т[ак] к[ак] студентов пока нет, приехали же только Репников¹⁸ и Равдоникас¹⁹, у которых какие-то планы в отношении ср[едне]вековых могильников у Сенной. Я думаю взять Круглова²⁰ с собой с тем, чтобы он вернулся в Тамань из Темрюка парходом. Если он придет 2/VIII, это, вероятно, не сорвет работ на Искре²¹, т[ак] к[ак] дни 31 и 1/8 д[олжны] будут быть посвящены ознакомлению Крюгера²² и его отряда с Таманью.

В «Искре», кстати, сейчас коммуны нет, она переселена: на ее месте — Таманский хлопковый совхоз.

¹⁴ Поселок Сенной, рядом с которым находится городище Фанагория.

¹⁵ Фредерик Дюбуа де Монпере, *фр.* Frédéric DuBois de Montperreux (1798–1850) — швейцарский натуралист, в 1831–1834 гг. изучал территории Юга Российской империи и издал подробное описание своего путешествия. Его труд до сих пор используется специалистами как первоисточник, зафиксировавший состояние многих исчезнувших или полуразрушенных памятников в начале 1980-х гг. (подробнее о нем см.: Тункина, 2013).

¹⁶ Поселок Пересыпь.

¹⁷ Станица Голубицкая.

¹⁸ Репников Николай Иванович (1882–1940) — археолог, сотрудник ГАИМК, научный сотрудник Таманской экспедиции в 1931 г., руководил разведочными раскопками могильников в Тамани (подробнее о нем см.: Бернштам, Бибииков, 1941; Виноградов, 2019; Миллер, 19326).

¹⁹ Равдоникас Владислав Иосифович (1894–1976) — археолог, сотрудник ГАИМК, научный сотрудник Таманской экспедиции в 1931 г., работал на раскопках Таманского городища (подробнее о нем см.: Формозов, 1996).

²⁰ Круглов Андрей Павлович (1907 — после 1941) — археолог, сотрудник ГАИМК, ученик А. А. Миллера, входил в команду Северо-Кавказской экспедиции, научный сотрудник Таманской экспедиции в 1930–1931 гг., работал в Таманском и Разведочном отрядах (подробнее о нем см.: Памяти археологов, 1946; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 164).

²¹ Поселок Гаркуша (прежние названия — хутор Рубанов, хутор Чиркова, «Коммуна Звезда», «Коммуна Искра»), около которого находится городище Патрей.

²² Крюгер Отто Оскарлович (1893–1967) — археолог, сотрудник ГАИМК, научный сотрудник Таманской экспедиции в 1931 г. (подробнее о нем см.: Виноградов, 2013).

Что касается моей дальнейшей поездки, то я предполагаю с 1/8 по 9/8 осмотреть район Темрюка — Курчанской²³ и левый высокий берег Кубани от Варениковской²⁴ до Благовещенской²⁵ и вернуться м[ожет] б[ыть] пароходом через Анапу. Полагаю быть в Тамани 10 августа²⁶. Тем самым разведка будет доведена до определенного географического предела. Денег у меня на эту работу должно хватить, но на остатки от моих 1500 р[ублей] рассчитывать не придется, т[ак] к[ак] основной расход — лошади — будет очень велик. За 4 дня на паре лошадей я заплатил 150 р[ублей] — и то едва-едва нашел извозчика, потеряв на поиски более суток. Запрашивали и 250 [рублей]. Колхоз категорически отказал дать лошадей.

В части организационной уже сейчас обнаружился крупнейший прорыв в нашей подготовке по линии снабжения. «Снабжение на местах» следует понимать как снабжение краевым центром, т[ак] к[ак] Тамань и Темрюк не располагают никакими фондами для снабжения нас по увеличенным нормам. Работающая здесь партия Сев[еро]-Кав[казского] Краевого Геол[ого]-Развед[ывательного] Упр[авления] имеет и прозодежду²⁷, и консервы и т. п. из Ростова (автомобиля у них, к сожалению, нет). Репников для Эски-Кермена²⁸ получил в Симферополе сахар, консервы, крупы, обувь, овес и т. п. — Я не написал Вам об этом в Ленинград, т[ак] к[ак] считал, что Вы выедете 22/7 и мое письмо Вас не застанет. Думаю²⁹, что следовало бы командировать кого-нибудь в Ростов для организации этого дела; пока еще это возможно провести.

Вообще же вопрос о подготовке экспедиций и в техническом, организационном отношении, как и в научном, осенью будет стоять во весь рост. В конце концов, едешь не только, а в данном случае и не столько ради³⁰ интереса, и вопросы питания, которое значительно хуже прошлогоднего, и снабжение играют свою роль. Академия³¹ могла и должна была разрешить их организованно — так же как и научную сторону. В частности, я себя чувствую в достаточной мере глупо, когда знаю, что работа, анало-

гичная моей, уже проделана москвичами — а объединить результаты и избежать повторной излишней затраты сил нельзя из-за каких-то организационных неувязок.

Что касается моего отряда, то работа пока идет хорошо и дружно, и, видимо, так будет и дальше. Но все мы в катастрофическом положении в отношении обуви — Круглов уже купил туфли за 20 рублей и их проносил... — и затем несколько все же недоодеваем. По моему настоянию стали покупать яйца — но это дороговато. На двухнедельную поездку сил должно хватить — слабее других Подгаецкий³² и Черемшанов³³. Но я все же считаю, что экспедицию можно и нужно в этих отношениях поставить выше.

Сегодня получили 5 посылок; остальные сегодня пришли с пароходом, получим их завтра. Планы «Искры» я оставляю вместе с письмом в музей. Планы эти я вычертил здесь, т[ак] к[ак] было жаль отдавать в полевую работу хорошие экземпляры на ватмане.

Сюда же я принес и план участка раскопа, взятый из ящика.

Вот как будто все основные вопросы, связанные с моей работой.

Что касается дома³⁴, то он уже сдан стансоветом³⁵, но переговоры могут быть возобновлены. Я по этому вопросу ни в какие разговоры не вступал, ограничившись лишь сообщением о положении С. Н. Быковскому³⁶.

Начальник пограничного отряда здесь просил его предупредить о всяких работах в секретной зоне. В части моей задачи это выполнено.

Всего доброго покл.

Ваш А. Иессен

²³ Станица Курчанская.

²⁴ Станица Варениковская.

²⁵ Станица Благовещенская.

²⁶ В оригинале: предложение вставлено сверху.

²⁷ Прозодежда — производственная одежда.

²⁸ Экспедиция в Эски-Кермен под руководством Н. И. Репникова состоялась в 1927–1934 гг. (Археологические экспедиции, 1962. № 133)

²⁹ Зачеркнуто в оригинале: сейчас.

³⁰ Зачеркнуто в оригинале: из.

³¹ ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград).

³² Подгаецкий Георгий (Юрий) Владимирович (1908–1941) — археолог, сотрудник ГАИМК, ученик А. А. Миллера, входил в команду Северо-Кавказской экспедиции, научно-технический сотрудник Таманской экспедиции в 1930–1931 гг., работал в Фонтанном и Разведочном отрядах (подробнее о нем см.: *Пряхин*, 1968).

³³ Черемшанов Василий Александрович (род. 1909 г.) — в 1931 г. студент Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ), научно-технический сотрудник Таманской экспедиции

³⁴ Для устройства базы Таманской археологической экспедиции ГАИМК арендовала у стансовета Таманской станицы сроком на пять лет бывшую усадьбу Николыча с жилым домом, служебными постройками и двором (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118. Л. 62).

³⁵ Стансовет — станичный совет.

³⁶ Быковский Сергей Николаевич (1896–1936) — историк, этнограф. С 1930 г. — ученый секретарь ГАИМК, с 1931 г. — заместитель председателя ГАИМК по научной части. Репрессирован в 1936 г. (*Бобровская, Алёкишин*, 2013. С. 337).

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118: Таманская экспедиция ГАИМК. Исследование Таманского полуострова. Руководитель А. А. Миллер. 1929–1930 гг. Переписка и план работ. 101 л.; Д. 121: Таманская экспедиция ГАИМК. 1930 г. Полевой дневник № 1 А. А. Миллера. 22 июля — 21 августа 1930 г. 17 л. 1931. Д. 777: Таманская экспедиция ГАИМК. Исследование Таманского полуострова. Руководитель А. А. Миллер. 1931 г. Переписка и план работ. 335 л.; Д. 778: Таманская экспедиция ГАИМК. 1931 г. Разведочный отряд. Полевой дневник А. А. Иессена. 17 июля — 8 августа 1931 г. 70 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243: Дело аспиранта Академии А. А. Иессена. 57 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6: А. А. Миллер. Проект пятилетнего плана исследования на Северном Кавказе на 1926–1930 гг. 59 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 127а: Личное дело А. А. Иессена. 185 л.; Д. 164: Личное дело А. П. Круглова. 66 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 155: Фотоальбом А. П. Круглова. 20 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 158: Таманская экспедиция. 1930–1931 гг. Археологическая карта Таманского полуострова. Л. 1а–1е.
- Алёшкин, 2015 — Алёшкин В. А. А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. СПб.: Русский этнографический музей, 2015. № 2. С. 6–19.
- Алёшкин, 2017 — Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 160–172.
- Алёшкин, 2022 — Алёшкин В. А. Александр Александрович Миллер (1875–1935) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 100–125.
- Археологические экспедиции, 1962 — Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
- Батасова, 2022 — Батасова А. В. Работы разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1931 г. на левобережье Старой Кубани // АВ. 2022. Вып. 35. С. 252–259.
- Башкиров, 1927 — Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. М.: б. и., 1927 (Труды этнографо-археологического Музея I МГУ; № 3). 15 с.
- Бернштам, Бибииков, 1941 — Бернштам А. Н., Бибииков С. Н. Н. И. Репников // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 121–123.
- Бобровская, Алёшкин, 2013 — Бобровская Е. В., Алёшкин В. А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.
- Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отто Оскарович Крюгер — временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК с сентября 1936 по август 1937 г. // Там же. С. 23.
- Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Н. И. Репников. Штрихи к портрету // Гераклеяский сборник. Вып. I: «Гераклеяский сборник» 1936 г. СПб.: Алетейя, 2019. С. 16–24.
- Виноградов, Григорьева и др., 2022 — Виноградов Ю. А., Григорьева О. В., Медведева М. В. Археологические работы Таманской экспедиции ГАИМК // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 245–260.
- Виноградов, Застрожнова и др., 2021 — Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В. Таманская экспедиция ГАИМК: начало конца // Записки ИИМК РАН. 2022. № 26. С. 172–187.
- Виноградов, Медведева и др., 2021 — Виноградов Ю. А., Медведева М. В., Панкратова Е. Г. Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания // АВ. 2021. Вып. 30. С. 312–329.
- Винокуров, 2016 — Винокуров И. Н. Профессор А. С. Башкиров — археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования: Сб. трудов конф. / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского, 2016. С. 92–118.
- Иессен, 1947 — Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л.: Гос. Эрмитаж, 1947. 91 с.
- Иессен, Миллер, 1932 — Иессен А. А., Миллер А. А. Таманская экспедиция 1931 г. Работа территориального разведочного отряда Таманской экспедиции в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61.
- Крупнов, Пиотровский, 1965 — Крупнов Е. И., Пиотровский Б. Б. Памяти Александра Александровича Иессена // СА. 1965. № 1. С. 130–134.
- Массон, 1987 — Массон В. М. Расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА //

- КСИА. 1987. Вып. 192: Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. С. 98.
- Между Азией и Европой..., 1996 — Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 204 с.
- Миллер, 1931 — Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 26–29.
- Миллер, 1932а — Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 58–60.
- Миллер, 1932б — Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. [Ч. 2] // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 67–68.
- Мунчаев, Мусеибли, 2017 — Мунчаев Р. М., Мусеибли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. № 3. С. 154–160.
- Муртузова, 2014 — Муртузова З. Д. Вклад В. В. Соколова в изучение памятников археологии Тамани // Проблемы отечественной истории. 2014. № 4 (55). С. 65–67.
- От метеорита до крицы..., 2021 — От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе. Т. 1: Историография, База данных-1, начало новых исследований / Отв. ред. М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова. СПб.; Берлин: ИИМК РАН, 2021. 216 с.
- Памяти археологов..., 1946 — Памяти археологов, погибших в боях за Родину // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 3–6.
- Паромов, 1992а — Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. Депонированная рукопись. ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.
- Паромов, 1992б — Паромов Я. М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 1. 1992. С. 109–146.
- Паромов, 2020 — Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. 2020. Вып. XL. С. 239–305.
- Пряхин, 1968 — Пряхин А. Д. Памяти Г. В. Подгаецкого // СА. 1968. № 2. С. 233.
- Пятышева, 1963 — Пятышева Н. В. А. С. Башкиров // СА. 1963. № 3. С. 316–317.
- Соколов, 1919 — Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 39–59.
- Тункина, 2013 — Тункина И. В. Ф. Дюбуа де Монпере — исследователь позднескифских городищ Крыма // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 737–744.
- Формозов, 1996 — Формозов А. А. К столетнему юбилею В. И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197–202.

About the activities of A. A. Iessen in the Taman expedition of the GAIMK (1930–1931)

O. V. Grigoryeva³⁷

Keywords: A. A. Iessen, Taman expedition of the GAIMK, A. A. Miller, Taman Peninsula, archaeological surveys, archaeological map.

The article discusses the participation of the famous Caucasian archaeologist A. A. Iessen in the Taman expedition of the GAIMK (1930–1931) in the first decade of his scientific life. The reconnaissance detachment of the expedition under his leadership conducted a wide survey of the Taman Peninsula and collected extensive information that served as the basis for creating the first large-scale archaeological map of the peninsula. In turn, these studies served as an important stage in the formation of a young researcher. The field study of the Black Sea antiquities expanded his scientific interests and drew attention to the solution of difficult problems of the Greek colonization of the Northern Black Sea region.

³⁷ Olga V. Grigoryeva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: sigrid@yandex.ru.

Взгляды А. А. Иессена на доколониционные контакты в Северном Причерноморье в свете современных исследований¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. В 1947 г. в Ленинграде вышла монография А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности». Научная концепция, сформулированная в этом исследовании и развитая в дальнейшем специалистами в области классической археологии, оказала значительное влияние на отечественную науку: на ее основе интерпретировались археологические данные, она определяла и общий подход к пониманию колониционного процесса в регионе. Позже эта система взглядов подверглась обоснованной критике. Принимая справедливость отказа от глобальной теории «двухсторонней» колонизации, следует признать не только огромную роль взглядов А. А. Иессена, но и актуальность отдельных положений его концепции, а также «широту» его подхода к проблеме в целом.

Ключевые слова: греческая колонизация Северного Причерноморья, греки, варвары, концепция А. А. Иессена.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-76-88

О книге А. А. Иессена, развитии его концепции и ее критике в отечественной историографии

Небольшая монография А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности» была издана в Ленинграде в 1947 г. Пожалуй, ни одна книга, опубликованная в послевоенный период, не оказала такого воздействия на развитие отечественной античной археологии, определив на несколько десятилетий магистральные направления в понимании базовых вопросов, связанных с начальным периодом освоения греками северного побережья Черного моря. Концепция А. А. Иессена весьма существенно повлияла и на сам подход к изучению феномена греческой колонизации, что нашло отражение в сложении в 50–60-х гг. прошлого века теории «двухсторонней» колонизации региона и существовании здесь особого, эмпориального

периода, предшествующего появлению греческих колоний.

Конечно же, взгляды А. А. Иессена, исследователя талантливого, разностороннего и прекрасно образованного, сложились под влиянием работ его предшественников, обращавшихся к проблемам греческой колонизации. В 1913 г. вышло фундаментальное исследование английского ученого Э. Миннза «Скифы и греки» (Minns, 1913), базировавшееся на трудах русских ученых. В начальном периоде греко-варварских контактов на территории Северного Причерноморья Э. Миннз выделил особую «пиратскую стадию». Он полагал, что в это время отношения между греческими переселенцами и аборигенами были преимущественно мирными, так как первые нуждались лишь в аренде земли для поселений, а последние вскоре уяснили себе выгоды, которые можно было извлечь из торговли с пришельцами (*Ibid.* P. 439). Все находки греческих импортных изделий, обнаруженные в памятниках местного населения, ученый связывал с активной деятельностью греческих купцов, проникавших в самые отдаленные районы (*Ibid.* P. 441).

Через год увидела свет обобщающая работа Б. В. Фармаковского «Архаический период в России. Памятники греческого архаического и восточного искусства, найденные в греческих

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе» (*Фармаковский, 1914а*), не утратившая своего значения и в наши дни. Опубликовав ряд находок греческой архаической керамики из «больших» лесостепных городищ региона, ученый отметил особую важность археологических материалов, дающих новые данные для понимания «взаимоотношений греческого и скифского миров» (*Там же. С. 1*). Б. В. Фармаковский высказал предположение (впоследствии подтвердившееся) об ольвийском изготовлении ряда бронзовых зеркал в виде диска с боковой ручкой, украшенной в «зверином стиле», из курганов Скифии и серег из кургана у с. Емчиха и полагал, что «...уже с самого своего основания Ольвия, как и другие колонии греков, вела интенсивные сношения с внутренними областями огромного материка» (*Там же. С. 15*). В том же году увидела свет другая работа Б. В. Фармаковского — «Милетские вазы из России», где исследователь опубликовал находки греческих расписных ойнохой VII в. до н. э. из курганов у с. Болтышка (*Фармаковский, 1914б. Табл. VI–VII*; также см.: *Вахтина, Рябкова, 2020*) и Темир-Гора (*Фармаковский, 1914б. Табл. VIII–XI*; также см.: *Копейкина, 1972*). Следует отметить, что датировки керамики, предложенные в этой работе, были лишь незначительно скорректированы в наше время.

В 1918 г. вышла популярная книга М. И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России», где этот знаменитый ученый сформулировал свое видение греческой колонизации Северного Причерноморья, основное содержание которой, согласно его взглядам, составлял процесс основания по северному побережью Понта рыболовных станций, «которые постепенно развились в крупные торговые центры» (*Ростовцев, 1918. С. 36, 37*). Он считал, что «Ольвия оказала могучее культурное влияние на ближайшие к ней поселения. Низовья Буга и Днепра покрылись рядом небольших земледельческих и торговых укрепленных поселений, населенных полугреческими жителями» (*Там же. С. 82*). Что же касается греческих центров Северо-Восточного Причерноморья, то, согласно точке зрения М. И. Ростовцева, время их основания совпало с расцветом местной культуры Таманского полуострова, в населении которого «греческие колонии сразу нашли <...> готовых клиентов для своих товаров и посредников в сношениях между югом и востоком» (*Там же. С. 84*).

С выходом в свет в 1925 г. фундаментального исследования М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» завершился, на наш взгляд, первый период

изучения в России греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья. В течение этого времени был накоплен археологический материал, свидетельствующий о ранних греко-варварских связях, опубликован и продатирован (согласно представлениям о хронологии греческих художественных изделий, принятых в то время) целый ряд находок, предпринимались первые попытки систематизации и интерпретации памятников (*Ростовцев, 1925*).

Начало следующего этапа знаменует публикация в 1934 г. статьи Т. Н. Книпович «К вопросу о сношениях греков с областью реки Танаис в VII–V вв. до н. э.» (*Книпович, 1934*). В этой работе была приведена первая сводка греческой архаической керамики этого периода, обнаруженной в варварских памятниках Северного Причерноморья. Она включала пять памятников с находками керамики второй половины VII в. до н. э. Это Немировское городище в Побужье, курганы у с. Болтышка в бывшей Киевской губернии и Темир-Гора в Восточном Крыму, а также две находки в Подонье, впервые введенные тогда в научный оборот, — разрушенные курганы на реках Цуцкан и Калитва. Рассматривая античную керамику VII в. до н. э. бассейна Дона, исследовательница высказала предположение, что эти сосуды попали сюда в результате доколониционных торговых связей с туземным населением региона. Вот как Т. Н. Книпович объясняла факты их обнаружения: «Такие изделия завозились в Причерноморье греками еще до того, как покрылась сетью колоний причерноморская полоса этой области. Это, конечно, еще не была регулярная, организованная торговля, а лишь отдельные наезды, может быть, наезды рекогносцировочного характера. Такая торговля как раз и могла подготовить почву для основания новых колоний» (*Там же. С. 33, 34*).

Предположение Т. Н. Книпович о возможности доколониционных связей греков с местным населением Северного Причерноморья было высоко оценено А. А. Иессеном и разработано в его монографии. Он также с вниманием отнесся к «гипотетическому построению Э. Миннза» о первых спорадических плаваниях греков.

Исторические события и процессы, имевшие место в северопричерноморских степях, рассмотрены в его монографии чрезвычайно масштабно и в широком хронологическом диапазоне. Исследователь очертил круг поистине глобальных проблем, уделив внимание и процессу греческой колонизации. Глава 5 его книги посвящена событиям VII в. до н. э. в истории причерноморских

степей, где он отметил резкий «исторический перелом», вызванный переходом племен на «высшую ступень варварства», связанную с формированием кочевой системы хозяйства. Исследователь полагал, что именно тогда сложилось кочевое общество, описанное позже Геродотом. «Для нас важно отметить, — писал он, — что переход степняков на более высокую ступень развития создает совершенно новые возможности и для дальнейшего развития и роста торговли» (Иессен, 1947. С. 34, 35).

Глава 6 книги посвящена контактам местного населения в VII в. до н. э. Исследователь отнес «царские» скифские захоронения в Келермесских курганах ко второй четверти VI в. до н. э. (Там же. С. 40).

В главе 7 «Сношения Северного Причерноморья с греками в VII в. до н. э.» дан анализ письменных источников и известных для того времени археологических материалов о контактах между греками и варварами. Автор пришел к вполне обоснованному выводу о том, что «археологический материал, во всяком случае, не дает нам пока никаких указаний на появление здесь греков ранее VII в. до н. э.». Добавим, что и сейчас мы не располагаем материалами, позволяющими оспорить это заключение. А. А. Иессен обратил особое внимание на то обстоятельство, что находки греческой керамики VII в. до н. э. известны на варварской территории, в областях, удаленных от районов колонизации. «Мы, таким образом, видим, — писал исследователь, — что в VII в. впервые завязываются сношения между уже находящимся на высшей ступени варварства местным населением северо-черноморских степей и греческими мореплавателями и торговцами, проникающими до устья больших рек в северо-западной части моря до района Керчи, а возможно, и до Донской дельты. Торговля эта носит доколониальный характер, не сопровождаясь созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани, возникающего еще в VII в. до н. э.» (Там же. С. 57). Он соотносил Борисфен письменных источников с поселением на о. Березань и принимал дату его основания, основанную на свидетельстве Евсевия, — 647/46 или 645/44 гг. до н. э. (Там же. С. 57, 58). Таким образом, согласно концепции А. А. Иессена, «предпосылкой для возникновения колоний являлось установление торговых сношений с местным населением» (Там же). В заключительных разделах книги А. А. Иессен, подводя итоги своего исследования, писал: «После случайных посещений побережья греческими

мореплавателями, после периода временных факторий и доколониальной торговли, наконец, после периода существования постоянных колоний как чисто торговых центров, превращение этих поселений в крупные производственные очаги является закономерным четвертым этапом в развитии сношений причерноморских племен с греками. Только с этого времени греческие города, игравшие первоначально посредническую роль между „скифами“ и метрополией, стали органической частью культурного комплекса Северного Причерноморья. Только с этого времени мог начаться исторический процесс слияния культуры греческой и местной, наиболее интенсивно протекавший на Боспоре и приведший к созданию смешанной культуры, уже не греческой, но и не собственно местной, которая ярко выступает в позднейшем Боспорском царстве эллинистического и римского времени» (Там же. С. 87). Обратим здесь внимание на оценку исследователем специфики культуры Боспорского государства. «Рассмотренные нами факты, — писал он далее, — показывают следующее. Возникновение греческих колоний на Северном Побережье Черного моря было подготовлено развивающимися издавна, в течение полутора тысячелетий, меновыми сношениями населения наших степей с южными странами, в том числе и со странами Эгейского бассейна. <...> Историческая последовательность греческой колонизации северопричерноморских побережий отражает, наряду с физико-географическим моментом, в основном, степень развития местного населения, возможность установления с ним постоянных торговых сношений, наличие с его стороны соответствующего спроса и предложения» (Там же. С. 89, 90).

Концепция «торговой колонизации» А. А. Иессена была сразу же «взята на вооружение» отечественными антиковедами. Она активно разрабатывалась в последующие десятилетия (см.: Доманский, 1996. С. 144–146). Среди наиболее значимых работ упомянем статью Н. Н. Бондаря, посвященную торговым связям Ольвии в архаическое время (Бондарь, 1955). Автор обобщил все известные в то время данные о находках греческого импорта, который мог поступать в туземный мир региона из этого города, обозначив их на карте (Там же. С. 62). В этом — большая ценность данной работы³. При этом Н. Н. Бондарь полагал,

³ В этой работе, пожалуй, наиболее отчетливо сформулирована и основная методическая установка. «Греки еще задолго до колонизации были знакомы

что «торговые сношения греков с Северным Причерноморьем в VII и начале VI в. до н. э. сыграли огромную роль при основании на этой территории городов-колоний. Вожди местных племен, родовая знать были заинтересованы в торговле с греками. Эта заинтересованность создавала для греков благоприятные условия при последовавшей вскоре колонизации Северного Причерноморья, в процессе которой установились регулярные торговые сношения их с населением этой территории». Было также высказано предположение, что «... греки в своих первых торговых сношениях <...> иногда грабили местных жителей» (*Там же*. С. 63). Исследователь отводил торговле роль если не решающего, то, во всяком случае, важнейшего фактора не только в колонизации региона, но и в «процессе формирования в Скифии первых государственных образований» (*Там же*. С. 80).

Свое завершение эта система взглядов получила в работах В. Д. Блаватского, прежде всего в его исследовании «Архаический Боспор» (*Блаватский*, 1954). Согласно взглядам этого исследователя, в торговле между греками и варварами и, следовательно, в самом процессе колонизации Северного Причерноморья, можно выделить три периода: 1) период спорадических посещений Понта греческими купцами-пиратами; 2) период их постоянных заходов, приведших к образованию эмпориев (эмпории определяются как поселения, вся хозяйственная жизнь которых базировалась исключительно на торговле); 3) период, в течение которого эмпории переросли в колонии (*Там же*. С. 7–15).

Нельзя не упомянуть здесь и историческую реконструкцию, приведенную в статье М. Ф. Болтенко «Исторические судьбы острова Березани» (*Болтенко*, 1960). Исследователь полагал, что изначально на Березани существовала рыболовная стоянка, использовавшаяся как греками, так и туземцами. «При этом греческие пришельцы, конечно, далеко не чувствовали себя сразу хозяевами положения на этих промыслах, а должны были скромно довольствоваться тем, что туземные рыболовы позволяли им ловить бок-о-бок

с ними рыбу». Но очень скоро у пришельцев «...завязываются обменные связи с коренным населением. Только теперь, в середине VII в. до н. э., при греческой рыболовной стоянке <...> возникает постоянное поселение — эмпорий. Здесь и разворачиваются оживленные торговые сношения туземцев материка, борисфенитов, <...> с заморскими пришельцами и на острове возникает первое поселение, небольшой, но оживленный торговый поселок, „торжище борисфенитов“. <...> В первое время греки и туземцы селились на острове бок-о-бок в вырытых в земле туземного типа полуземлянках. За сто лет у греческих рыбопромышленников и торговцев, составлявших, несомненно, основную часть населения Березанского эмпория, завязались прочные связи с местной родо-племенной знатью, завязались брачные узы, появились люди, знающие язык друг друга, как среди греков, так и среди туземцев. Многие греки приобрели постоянную оседлость на Березани» (*Там же*. С. 42, 43). Нет необходимости объяснять, что подобная картина вряд ли могла иметь место в действительности.

Однако далеко не все ученые разделяли основные положения концепции А. А. Иессена. Противоположная позиция была изложена, например, в монографии другого украинского исследователя, В. В. Лапина, «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (*Лапин*, 1966). «На каждый из эмпориев, которые должны были функционировать в предколониальное время, — писал он, — не придется и по одной греческой вещи, обнаруженной за пределами этих эмпориев» (*Там же*. С. 73). Согласно его точке зрения, греческие центры Северного Причерноморья изначально развивались изолированно от местного населения (*Там же*. С. 142, 235), а все особенности быта и погребального обряда населения Ольвии и Березани объясняются исключительно исходя из античных традиций.

В том же году вышла первая часть фундаментального труда Н. А. Онайко, где были собраны и проанализированы все известные в то время находки античных импортных вещей VII–V вв. до н. э., обнаруженных в памятниках местного населения Нижнего и Среднего Побужья–Приднепровья (*Онайко*, 1966). Исследовательница пришла к выводу о том, что торговля с варварами во второй половине VII в. до н. э. могла осуществляться жителями эмпориев и носила постоянный характер (*Там же*. С. 37, 51).

Необходимо, пожалуй, отметить, что представители «ленинградской» школы археологов-

с этими областями, так как периоду греческой колонизации предшествовал период доколониальных сношений греков с Северным Причерноморьем. К сожалению, это не нашло должного отражения в античной литературной традиции и поэтому основным источником для характеристики доколониального периода служит археологический материал» (*Бондарь*, 1955. С. 59–61).

антиковедов достаточно сдержанно относились к абсолютизации теории «торговой колонизации», как и к ее «универсальности». Так, например, в начале своего подробного очерка, посвященного истории греческих городов Северного Причерноморья, В. Ф. Гайдукевич писал: «Греческая колонизация была теснейшим образом связана с торговлей: многие колонии после их основания играли важную роль в ее развитии. <...> Морская торговля греков вместе с тем создавала благоприятную почву для самой колонизации. Купцы, на ранних этапах греческой торговли часто совмещавшие в своем лице и пиратов, отважно бороздили моря, проникали в погоне за наживой в самые отдаленные части доступной для мореплавания ойкумены. <...> Во многих прибрежных местах купцы организовывали эмпории — более или менее постоянные пункты торгового обмена. Через эмпории налаживался регулярный обмен с местными племенами... Эти торговые связи, производившиеся через эмпории, создавали у верхушечных слоев аборигенного населения интерес к расширению торгового обмена с греками, к превращению его в постоянный фактор. Поэтому-то очень часто греческие колонии и основывались на месте уже ранее существовавших торговых эмпориев» (Гайдукевич, 1955. С. 24, 25). Однако далее он упомянул о случаях враждебности к греческим колонистам со стороны местных племен и о роли других факторов, кроме торговли, в колонизационном процессе. Хотя исследователь допускал, что поселение на о. Березань могло быть «крупным эмпорием», облегчившим основание Ольвии (Там же. С. 28, 31), обо всех других греческих центрах региона он писал как о полисах и городах, справедливо полагая, что они изначально были основаны как постоянные поселения, жители которых были заинтересованы, прежде всего, в развитии земледелия.

Позже именно ленинградские ученые выступили самыми последовательными критиками уязвимых положений концепции. В этой связи нельзя не отметить статьи Я. В. Доманского (Доманский, 1965; 1970; 1972). Прежде всего он подверг критике положение об исключительно торговом характере греческой колонизации. Отметив, что «колонизация Северного Причерноморья — явление жизни греческого общества, она исходила из греческих городов, проводилась и осуществлялась греками», Я. В. Доманский обратился к анализу данных о ее характере (Доманский, 1965. С. 126–132). К этому вопросу исследователь вернулся в специальной работе (Доманский, 1972).

Он исходил из общего положения о том, что колонизация не являлась торговой, и потому торговые связи с варварами никак не могли быть ее предпосылками, а греческие поселения — «расширенными факториями». Исходя из того же круга находок античной керамики, что и предыдущие ученые, он пришел к выводу, что на раннем этапе существования греческих колоний Северного Причерноморья масштабы их связей с варварским миром были чрезвычайно малы (Доманский, 1965. С. 140, 141). Обратив внимание на ограниченность находок, представленных лишь одной категорией — расписной столовой посудой, шедшей, в основном, в лесостепь, исследователь пришел к выводу о единичных, стихийных и случайных контактах между эллинами и варварами в VII в. до н. э. (Доманский, 1970. С. 49, 50).

И, наконец, в конце 1970-х гг. против сыгравшей свою роль концепции «торговой колонизации» выступили И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов в знаменитом докладе на II Всесоюзной конференции антиковедов в г. Цхалтубо; чуть позже они изложили свои критические замечания и понимание процесса Великой греческой колонизации (и ее причерноморского варианта) в специальной работе (Брашинский, Щеглов, 1979). На наш взгляд, эта важная и интересная работа была определенной вехой, после которой изучение проблем греческой колонизации и греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье «взяло новый старт». В то же время это итоговое исследование подвело некий итог предшествующему периоду, отразив как его достижения, так и слабые стороны. Особо следует отметить, что в статье И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова были проанализированы все существующие к тому времени концепции греческой колонизации. Во вступительном разделе работы ученые привели возможно точные определения терминов и понятий, которыми они оперировали, причем наряду с такими как «колония», «эмпорий» и другими ими были предложены понятия «демографическая ситуация» (ситуация в районе колонизации) и «контактная зона» (Там же. С. 35–38, 41, 42). Впоследствии эти понятия и термины заняли прочное место в исследованиях отечественных ученых. Рассмотрев все имеющиеся в распоряжении источники о греческой колонизации в самых разных частях ойкумены, И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов показали в разнообразии конкретных ситуаций несколько различных моделей колонизационного процесса, формировавшихся под воздействием целого ряда факторов. «Таким образом, на современном уровне

знаний, — писали они в заключении, — греческая колонизация понимается как сложный процесс, который не может быть объяснен ни аграрной, ни торговой теориями колонизации. Более того, и стимулы этого процесса не могут быть сведены только к аграрным и торговым факторам. <...> Вероятно, каждая колонизация, каковой бы ни была основная цель ее создания, могла сочетать в себе разные признаки при ведущей функции одного из них, соответствующего конкретной цели колонизации. <...> Дальнейшие усилия исследователей, по-видимому, прежде всего должны быть направлены на изучение конкретных ситуаций в метрополиях и районах колонизации, что в итоге, вероятно, позволит создать более аргументированные концепции и модели этого сложного процесса» (*Там же*. С. 43, 44). Авторы не могли не рассмотреть и вопрос о доколониционных связях греков и местного населения (*Там же*. С. 38–41). Допуская возможность «доколониционных плаваний» греков в районы будущих колоний и контакты (в том числе и торговые) с аборигенами, И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов пришли к заключению о том, что «говорить о доколониционной торговле, как о необходимом этапе, определявшем направление потоков колонизации и подготовившем основание колонии, с нашей точки зрения, неправомерно» (*Там же*. С. 40).

Таким образом, как мы видим, взгляды исследователей на колониционный процесс с момента выхода книги А. А. Иессена претерпели существенные изменения⁴. Дискуссия о необходимом эмпириальном периоде для всех греческих колоний ушла в прошлое.

Отвергнутым в результате новых открытий оказался и подход, абсолютизовавший мирный характер первого этапа греко-варварских взаимодействий. Остатки архаических оборонительных стен, носивших следы пожара, известны сейчас для столицы Боспора Пантикапея (*Толстиков*, 2017) и «малых» боспорских городов (*Вахтина, Виноградов*, 2001). Недавно архаические оборонительные сооружения были открыты на сельском поселении Азиатского Боспора Голубицкая 2 (*Журавлев и др.*, 2022), а также в Ольвии (*Форнасье и др.*, 2020). По-видимому, стоит ожидать, что в будущем остатки укреплений, возведенных практически одновременно с основанием греческих центров, будут выявлены и при дальнейших раскопках.

⁴ Обзор развития теории торговой колонизации в отечественной литературе, а также ее критику см.: *Шелов*, 1994.

О современных взглядах

на проблему доколониционных контактов

Хотя от теории «двухсторонней колонизации» Северного Причерноморья в том смысле, который вкладывал в нее А. А. Иессен, ученые в целом отказались, сама постановка вопроса, предлагающая учитывать «демографическую ситуацию» в регионах, привлекавших греческих колонистов, была весьма полезной. Таким образом, книга А. А. Иессена сыграла огромную роль в развитии направления, оказавшегося чрезвычайно плодотворным. Как писал Я. В. Доманский в небольшой заметке, посвященной ее судьбе, «А. А. Иессен наполнил свой труд конкретным содержанием. Создана была система взглядов, концепция, появился предмет разговора. С автором можно было не соглашаться, но можно было его исследование и обсуждать. Так и произошло. Но обсуждая, и часто осуждая, критики отталкивались от воззрений самого А. А. Иессена, даже от негативного их восприятия, причем часто это было началом собственных интересных решений» (*Доманский*, 1996. С. 148). Со времени, прошедшего со дня выхода «Греческой колонизации...», на этом пути было сделано много открытий, высказано гипотез, построено реконструкций, на наш взгляд, максимально приближенных к историческим реалиям. К сожалению, в рамках данной статьи нет возможности остановиться на всех принципиально важных разработках и наблюдениях. Упомянем хотя бы периодизацию, созданную К. К. Марченко и Ю. А. Виноградовым (*Виноградов, Марченко*, 1991; *Marchenko, Vinogradov*, 1989). Исследователи при ее разработке приняли исходную установку, согласно которой рассматривали культурно-историческое развитие региона как единый процесс, как общую, динамично изменяющуюся во времени систему, где существовали «прежде всего, три основные подсистемы: кочевые общества степей, античные государства и оседлые и полупоселенные потестарные образования лесостепей <...> очевидно, однако, и то, что входя в систему взаимоотношений региона, любая из них так или иначе влияла на другие и, в свою очередь, испытывала обратное влияние» (*Виноградов, Марченко*, 1991. С. 146); для каждого конкретного периода учитывались особенности греко-варварских взаимодействий, которым авторы отводили значительную роль.

Вопрос о доколониционных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья в последние десятилетия стал, на очередном витке развития наших взглядов,

чрезвычайно актуальным. Попробуем понять, чем это было вызвано и какие изменения произошли в данной области. В понимании этой дискуссионной проблемы по-прежнему решающую роль играют находки античной архаической керамики из варварских погребальных памятников и поселений, а также сопоставление этих находок (и их датировок) с датами самых комплексов, известных для греческих поселений региона.

Прежде всего следует сказать, что со времени выхода в свет «Греческой колонизации Северного Причерноморья...» А. А. Иессена произошли значительные изменения в датировках и хронологии не только различных групп расписной греческой посуды, но и изделий из металла, обнаруженных при раскопках памятников местного населения региона. Это привело к «удревнению» как недавно открытых комплексов и объектов, так и известных ранее. В числе последних и знаменитые древности из Келермесских курганов — серебряные зеркало и ритон, которым исследователь справедливо придавал огромное значение. Если М. И. Максимова в свое время датировала их в пределах второй четверти VI в. до н. э. (Максимова, 1954; 1956), то современная датировка этих изделий, обоснованная В. А. Киселем, лежит в пределах VII в. до н. э. Напомним, что зеркало датировано им 650–620 гг. до н. э., а ритон — второй третью — концом этого столетия (Кисель, 1993; 2003). Эти даты послужили одним из оснований «удревнения» датировок комплексов Келермесских курганов в целом (Галанина, 1997).

Значительные подвижки произошли и в области хронологии восточногреческой керамики. Новая хронология, предложенная М. Кершнером и У. Шлотцауером (Kerschner, Schlotzhauer, 2005), позволила отнести самые ранние находки греческих сосудов из варварских памятников региона к периоду SiA1b, то есть к 650–630 гг. до н. э. (Ibid. P. 18–22).

К этому следует добавить, что за истекшие десятилетия круг подобных находок значительно расширился, причем образцы греческой керамики, относящейся ко второй половине VII в. до н. э., были обнаружены в различных областях Северного Причерноморья. Упомянем лишь некоторые из них. Для пояса степей — это ойнохой из кургана у с. Филатовка (Корпусова, 1980) и кургана у хут. Красный (Шевченко, 2013). Образцы хиосской посуды конца VII в. до н. э. обнаружены в кургане у с. Новозаведенное (Петренко и др., 2000) в Предкавказье. В Закубанье ранняя греческая керамика выявлена недавно на памятнике

Тарасова Балка (Рябкова, 2015). Исследования в лесостепи ознаменовались находками греческой керамики на Бельском городище (Задников, 2007; 2009; 2014; Задников, Шрамко, 2011). Была опубликована коллекция керамики из старых раскопок Немировского городища (Вахтина, 2018), содержащая целый ряд экземпляров, принадлежащих к последней трети столетия. Таким образом, круг ранних находок, свидетельствующих о связях между греками и туземным населением Северного Причерноморья, существенно расширился за счет как новых находок, так и введения в оборот ранее известных с учетом современных представлений о хронологии.

Эти находки, значительная часть которых происходит из глубинных районов, несомненно, отражают достаточно интенсивные контакты греков с местным населением региона. Многие исследователи не без основания рассматривают его как уникальную контактную зону (см.: Виноградов, Марченко, 1991. С. 146 сл.). Нигде более мы не можем наблюдать такого широкого распространения ранних импортов и такого «разброса» его на значительные территории. Позже, во второй половине — конце VI в. до н. э., античный импорт достигает границы лесостепной и лесной зон. Это явление интерпретируется по-разному. На наш взгляд, сложившаяся археологическая ситуация отражает три момента: 1) достаточно быстрое установление контактов между греками и различными группами варваров; 2) интенсивность этих взаимоотношений; 3) широкий географический ареал памятников, который объясняется высокой контактной активностью кочевников (см.: Виноградов, 2009. С. 53–55), на момент появления греков, являвшихся господствующей силой в зоне степей. На роль кочевого общества, его активной верхушки в сфере контактов обращал в свое время особое внимание и А. А. Иессен.

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос — считать ли эти находки отражением связей с туземным миром региона, предшествующих появлению здесь первых античных поселений, или же рассматривать этот круг вещей как свидетельство активных контактов греческих переселенцев с различными областями скифского мира? «Удревнение» хронологии восточно-греческой керамики ориентализирующего стиля (к этой группе принадлежит большинство находок из варварских памятников Северного Причерноморья) неизбежно приводит нас к возможности неоднозначной их интерпретации, так как даты находок часто представляются

хронологически «опережающими» датировки комплексов, раскрытых при исследовании греческих колоний Северного Причерноморья.

Конечно, особую роль играет вопрос о времени основания греческого поселения на о. Березань — древнейшей греческой апойкии в Северном Причерноморье. Это поселение традиционно и совершенно справедливо рассматривают как наиболее вероятный источник ранних «греческих импульсов». Дата основания поселения в конце VII в. до н. э. была предложена С. Л. Соловьевым (*Solovyov*, 1999. Р. 30). Примечательно, что в его монографии изложена точка зрения, на наш взгляд, по многим позициям близкая концепции А. А. Иессена. Как полагал С. Л. Соловьев, поселение на Березани было основано после более или менее продолжительного периода, в течение которого очень небольшая группа поселенцев, возможно, разведчиков или торговцев, знакомясь с районом, его населением и ресурсами. Конечно, такая маленькая группа пионеров вряд ли имела возможность основать постоянное процветающее поселение. Вероятнее всего, в течение первых немногих сезонов греки посещали Нижнее Побужье лишь периодически, но продолжительность и регулярность подобных визитов во многом зависели от условий навигации в регионе, а также от климатических и демографических факторов. Ранние находки греческой керамики за пределами поселения он считал дипломатическими дарами местной племенной аристократии. В результате разные группы туземцев, среди которых были и кочевники, поселились на Березани. «Этот процесс, возможно, начался в конце VII в. до н. э., когда на полуострове зафиксированы первые жилища» (*Ibid.* Р. 4, 30).

Согласно периодизации, предложенной для Березанского поселения Д. Е. Чистовым, первая, ранняя, фаза его существования относится к концу VII — началу VI в. до н. э. (*Чистов*, 2012. С. 6 сл.; *Чистов и др.*, 2020. С. 19–46). Как пишет исследователь, «...периодизация базируется, прежде всего, на стратиграфических наблюдениях, предлагаемые ниже датировки <...> являются условными и подлежат корректировке в ходе дальнейших исследований памятника» (*Чистов*, 2012. С. 6). Нетрудно заметить, что при таком подходе между предполагаемой датой основания первого греческого поселения и датировками самых ранних предметов античного импорта, обнаруженными на периферии, наметился существенный разрыв.

Даты основания греческих поселений Северного Причерноморья, как и дата основания

Березанского поселения, часто базируются на датировках самых ранних строительных комплексов. Этот подход, несомненно, представляется обоснованным. Располагая такими данными, мы, безусловно, можем быть уверены, что поселение/городище существовало в предложенный период. «Пласт» более ранних находок, которые, как правило опережают появление связанных строительных остатков, нередко объясняют «достаточно долгим бытованием» дорогих, престижных вещей. Отметим, что принципиально важные керамические находки, синхронные импортной керамике из варварских погребений и поселений, были выявлены для Березани (например, см.: *Буйских*, 2018. С. 222–225)⁵.

Признавая ненадежность определения времени основания греческих поселений «по одному черепку», все же нельзя абсолютизировать и подход, признающий достоверными критериями исключительно комплексы, так как из-за плохой сохранности древнейших объектов всегда можно предполагать, что древнейшие остатки либо не дошли до нашего времени, либо в силу каких-либо причин пока не выявлены исследователями.

Конечно, контакты выходцев из района Эгеиды с местным населением Северного Причерноморья существовали в эпоху, предшествующую активной колонизации региона и появлению здесь первых античных поселений, на что также указал А. А. Иессен, выделив «пласт» таких находок, который изучается и в настоящее время (*Kašuba*, 2006; *Вахтина, Кашуба*, 2014). На основании подобных находок можно говорить о реальных контактах Северо-Западного Причерноморья и Кавказа с Грецией и Эгейским миром задолго до начала греческой колонизации. Приведенные данные демонстрируют наличие устойчивых интересов со стороны Эгейского/Восточноэгейского мира в этих регионах накануне их колонизации. Однако между датами этого «пласта» находок и самыми ранними находками античной посуды существует значительный хронологический разрыв.

Таким образом, при интерпретации находок ранней греческой керамики в туземном мире

⁵ Исследовательница опубликовала серию ионийских чаш с Березани, принадлежавших к VII в. до н. э. (*Буйских*, 2015; 2016; *Буйских*, 2015), образцы подобных чаш из недавних раскопок издала и Ю. И. Ильина (2022). Таким образом, как мы можем убедиться, количество ранних находок с Березани растет и активно вводится в научный оборот.

Северного Причерноморья мы должны либо объяснить их распространение активностью греков (и варваров) на протяжении «доколониационного периода», либо все же допустить предположение о том, что источниками импульсов могли быть постоянные античные поселения Северного Причерноморья⁶, прежде всего греческие центры Нижнего Побужья. Наиболее аргументированная концепция, обосновывающая на современных данных наличие в Северном Причерноморье доколониационного периода, сформулирована в статье А. В. Буйских «Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?)» (Буйских, 2013б). Основываясь на изучении всего круга источников, письменных и археологических, исследовательница предполагала, что поселение на Березани первоначально представляло собой «полифункциональный эмпорий» (Там же. С. 26). В рамках своей концепции А. В. Буйских рассматривала основание и функционирование Березанского поселения «в паре» с Ольвийским полисом. Она пришла к заключению, что Борисфен, основанный в 40-х гг. VII в. до н. э., «в течение порядка четверти столетия оставался местом сезонных посещений, служа не только для обменных операций с варварами, но и для накопления информации о новом регионе. <...> При этом не подлежит сомнению, что место для центра полиса, Ольвии, было выбрано именно в результате хорошего знакомства с местностью в адаптационный период, т. е. во время сезонной навигации» (Там же. С. 28)⁷. Этот вывод позволил автору предполагать подобное развитие и для других центров, возникших в процессе греческой колонизации Причерноморья. Предложенная реконструкция, как справедливо отметила А. В. Буйских, «позволяет сnivelировать часть спорных моментов в ранней истории Борисфена и Ольвии» (Там же.

⁶ Высказанное предположение о том, что ранний импорт мог поступать в туземный мир Северного Причерноморья по «западному» пути из ранних античных центров Подунавья (Вахтина, 2004. С. 56; Kerschner, 2006. S. 233, 234, Abb. 7–10), где несколько образцов греческой посуды 640–630 гг. до н. э. были найдены на поселения Оргамум (*Mănăștiu* Adameștiani, 2000. P. 195–201, fig. 1, 1–5), никак не разрешает существующего противоречия, так как эти находки также не связаны с археологическими комплексами, они, как и березанские, происходят из слоев поселения вне связи с жилыми или хозяйственными постройками.

⁷ В своем исследовании А. В. Буйских анализирует и идеи А. А. Иессена, ссылаясь на его книгу.

С. 30), в том числе интерпретировать находки раннего греческого импорта за пределами античных поселений.

В этой связи нельзя не упомянуть и Таганрогское поселение в низовьях Дона, где не сохранились строительные остатки (вероятно, уничтоженные морем). Здесь была собрана представительная коллекция античной керамики, самые ранние образцы которой принадлежат к последней трети VII в. до н. э. (Копылов, Ларенок, 1994; Копылов, 1999; 2002; 2004). Это позволило высказать предположение о существовании здесь гавани Кремны, через которую шел импорт греческих товаров, функционировавшей до третьей четверти VI в. до н. э. (Копылов, 1999. С. 174, 175)⁸.

Эти данные позволяют предположить, что после середины VII в. до н. э. были сформированы конкретные направления «торгово-обменных контактов между варварами и ионийскими торговцами. Эти направления обозначены устьями великих рек — Истра, Борисфена и Танаиса, к которым были „привязаны“ первые эмпории» (Буйских, 2018. С. 227).

На современном уровне знаний, вероятно, все же следует признать справедливость мнения о том, что дата возникновения первого греческого поселения в Нижнем Побужье на о. Березань близка той дате, которую дают письменные источники. Общепринятая дата, реконструируемая на основании этих данных, — 647/646 гг. до н. э. (Euseb. Chron. can. /Helm. V., 1984, p. 95b). Д. А. Мачинский (2011. С. 418) предлагал помещать эту дату в диапазоне 649–643 гг. до н. э. По справедливому замечанию В. Д. Кузнецова, у нас нет никаких оснований сомневаться в достоверности данных письменного источника (Кузнецов, 2013. С. 130). Как отметила А. В. Буйских: «Несмотря на периодически возникающие попытки критически отнестись к этой дате, факт динамичного освоения ионийцами указанного региона (то есть Северо-Западного Причерноморья. — М. В.), как и всего северо-причерноморского бассейна после середины VII в. до н. э. не подлежит сомнению» (Буйских, 2013б. С. 23). Эта дата косвенно

⁸ Против этой трактовки решительно возражал Ю. Г. Виноградов, считавший, что найденный в числе материалов остракон «...плохо увязывался бы с сезонным характером Таганрогского поселения, то есть с определением его функций как якорной стоянки эллинских купцов-мореплавателей или даже временной фактории, иначе эмпория в статусно-политическом аспекте этой дефиниции» (Виноградов, 1999. С. 179).

подтверждается проникновением греческих импортных вещей в туземный мир региона. Их интенсивное распространение, присутствие образцов греческой посуды (в тех случаях, когда удалось это зафиксировать) в составе жилых (Немиров) и сакральных (Трахтемиров, Бельск) комплексов, скорее, естественнее объяснять не спорадическим появлением греков в прибрежной зоне, а системой контактов, установить которые могли постоянные античные поселения. Ведущая роль в установлении этих контактов, несомненно, принадлежала центрам Нижнего Побужья. А. В. Буйских, проанализировав массовые находки восточно-греческой керамики, найденные за годы археологического изучения Ольвии, обосновала вывод о наиболее вероятной дате основания этой колонии в 620/610–590 гг. до н. э. (Буйских, 2013а. С. 223). Отметим, что вывод этот основан на изучении самых ранних керамических находок.

Согласно хронологии скифской эпохи, предложенной К. К. Марченко и Ю. А. Виноградовым, время установления первых контактов между греческими колонистами и варварами Северного Причерноморья (о котором мы можем судить по датам керамических находок на туземных памятниках) соответствует началу второго выделенного этими исследователями периода, датированного 650–475 гг. до н. э. Эта эпоха рассматривается исследователями как время, в целом благоприятное для развития греко-варварских

связей (Виноградов, Марченко, 1991. С. 148–150; Marchenko, Vinogradov, 1989. P. 807).

Заключение

Что можно сказать в заключение? Нет ничего удивительного в предположении о первых плаваниях и разведывательных экспедициях греков в отдаленные районы, которые позже были вовлечены в сферу колонизации. Греки, как правило, знали, куда они ехали. Основной вопрос заключается в том, насколько длительным мог быть этот период доколониционных связей. Играл ли в этот период торговый обмен с варварами какую-то особую роль в установлении первых контактов? Или же найденные вещи, которые обычно справедливо относят к предметам роскоши, были дипломатическими дарами представителям местной аристократии?

На наш взгляд, правы те «умеренные» исследователи, которые допускают существование такого периода «доколониционных связей» в течение краткого периода времени, непосредственно предшествующего появлению первых постоянных поселений. Так, например, А. И. Иванчик полагает, что «...между открытием и освоением столь удобной территории не могло пройти значительное время» (Иванчик, 2005. С. 107).

Дискуссия продолжается. Странно, что мало кто из исследователей ссылается при этом на почти забытую книгу А. А. Иессена, в которой был намечен целый круг важнейших вопросов, актуальных и в наше время.

Блаватский, 1954 — Блаватский В. Д. Архаический Боспор // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. II / Отв. ред. М. М. Кобылина М.: Наука, 1954 (МИА; № 33). С. 7–44.*

Болтенко, 1960 — Болтенко М. Ф. Исторические судьбы острова Березань // *Записки Одесского археологического общества. Новая серия. Одесса: Кн. изд-во, 1960. Т. 1. С. 36–46.*

Бондарь, 1955 — Бондарь Н. Н. Торговые отношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // *СА. 1955. Т. 23. С. 58–80.*

Брашинский, Щеглов, 1979 — Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюз. симпозиум по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 4–7 мая 1977) / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 29–46.*

Буйских, 2013а — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній світ, 2013. 246 с.

Буйских, 2013б — Буйских А. В. Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // *ВДИ. 2013. № 1. С. 21–39.*

Буйских, 2015 — Буйских А. В. Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье) // *Античный мир и археология. Вып. 17: По материалам IV междунар. конф. «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 19–21 сентября 2014 г.). Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2015. С. 238–252.*

Буйских, 2016 — Буйских А. В. Ионийские килики из Борисфена // *Археологія і давня історія України. Київ, 2016. Вип. 1 (18). С. 29–42.*

Буйских, 2018 — Буйских А. В. Шел второй год 33-й Олимпиады // *Причерноморье в античное ираннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию В. П. Копылова. Вып. 2 / Ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: ИП Истратов С. В., 2018. С. 220–231.*

- Буйських*, 2015 — *Буйських А. В.* Кераміка першої половини VII ст. до н. е. та питання доколонізаційних зв'язків у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. 2015. Вип. 1. С. 3–11.
- Вахтина*, 2004 — *Вахтина М. Ю.* О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы международного науч. конф. Т. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 204–211.*
- Вахтина*, 2018 — *Вахтина М. Ю.* Греческая керамика из раскопок Немировского городища // *Смирнова Г. И. и др. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: Гос. Эрмитаж; ИИМК РАН; 2018. С. 193–222.*
- Вахтина, Виноградов*, 2001 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // *Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы международного науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 41–45.*
- Вахтина, Кашиба*, 2014 — *Вахтина М. Ю., Кашиба М. Т.* Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2014. С. 69–81.*
- Вахтина, Рябкова*, 2020 — *Вахтина М. Ю., Рябкова Т. В.* О фрагменте греческой ойнохой из кургана у с. Болтышка // *АВ. 2020. Вып. 29. С. 269–277.*
- Виноградов*, 2009 — *Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // *Боспорские исследования. Т. 22: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: б. и., 2009. С. 5–90.*
- Виноградов*, 1999 — *Виноградов Ю. Г.* Остракон с Таганрогского поселения (эпиграфический комментарий) // *ВДИ. 1999. № 3. С. 176–179.*
- Виноградов, Марченко*, 1991 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА. 1991. № 1. С. 145–155.*
- Гайдукевич*, 1955 — *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // *Античные города Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23–147.*
- Галанина*, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997 (Степные народы Евразии; Т. I). 316 с.
- Доманский*, 1965 — *Доманский Я. В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья (к постановке вопроса в советской археологической литературе) // *АСГЭ. Л.: Сов. художник, 1965. Вып. 7. С. 116–141.*
- Доманский*, 1970 — *Доманский Я. В.* Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII–V вв. до н. э. // *АСГЭ. Л.: Аврора, 1970. Вып. 12. С. 47–53.*
- Доманский*, 1972 — *Доманский Я. В.* О характере ранних миграционных движений в античном мире // *АСГЭ. Л.: Аврора, 1972. Вып. 14. С. 32–42.*
- Доманский*, 1996 — *Доманский Я. В.* Судьба книги А. А. Иессена о греческой колонизации Северного Причерноморья // *Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Питровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 143–148.*
- Журавлев и др.*, 2022 — *Журавлев Л. В., Батасова А. В., Шлотцауер У.* О системе обороны поселения Голубицкая 2 // *АВ. 2022. Вып. 35. С. 28–43.*
- Задников*, 2007 — *Задников С. А.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. // *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы международного науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 41–47.*
- Задников*, 2009 — *Задников С. А.* Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Сб. ст. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Научно-методический центр археологии Ростовского пед. ин-та ЮФУ, 2009. С. 15–27.*
- Задников*, 2014 — *Задников С. А.* Античный керамичний імпорт на Більському городищі скіфського часу: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАН України, 2014. 32 с.
- Задников, Шрамко*, 2011 — *Задников С. А., Шрамко И. Б.* Античный импорт третьей четверти VII — первой четверти VI в. до н. э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг.) // *Древности Восточной Европы: Сб. науч. трудов к 90-летию Б. А. Шрамко / Отв. ред. С. И. Посохов. Харьков: Харьковский национальный университет, 2011. С. 138–147.*
- Иванчик*, 2005 — *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники

- VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005 (*Pontus Septentrionalis*; III). 311 с.
- Иессен*, 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. 92 с.
- Ильина*, 2022 — *Ильина Ю. И.* Килики VII в. до н. э. на Березани (по материалам раскопок в 2004–2018 гг.) // *АВ*. 2022. Вып. 35. С. 19–27.
- Кисель*, 1993 — *Кисель В. А.* Стилистическая и хронологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // *ВДИ*. 1993. № 1. С. 111–125.
- Кисель*, 2003 — *Кисель В. А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
- Книпович*, 1934 — *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII–V вв. до н. э. // *Известия ГАИМК*. 1934. Вып. 104. С. 90–111.
- Копейкина*, 1972 — *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // *ВДИ*. 1972. № 1. С. 147–159.
- Копылов*, 1999 — *Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // *ВДИ*. 1999. № 4. С. 170–176.
- Копылов*, 2002 — *Копылов В. П.* Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII — первой трети III вв. до н. э. // *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 229–235.
- Копылов*, 2004 — *Копылов В. П.* Хронология греко-варварской торговли в Нижне-Донском экономико-географическом районе (вторая половина VII — первая треть III вв. до н. э.) // *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 60–67.
- Копылов, Ларенок*, 1994 — *Копылов В. П., Ларенок П. А.* Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 гг.). Ростов н/Д.: Гефест, 1994. 90 с.
- Корпусова*, 1980 — *Корпусова В. Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка // *ВДИ*. 1980. № 2. С. 100–104.
- Кузнецов*, 2013 — *Кузнецов В. Д.* Заметки по греческой колонизации Боспора // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посв. 65-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко*. Ростов н/Д.: ИП Истратов С. В., 2013. С. 127–131.
- Латин*, 1966 — *Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
- Максимова*, 1954 — *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // *СА*. 1954. Т. 21. С. 281–306.
- Максимова*, 1956 — *Максимова М. И.* Ритон из Келермеса // *СА*. 1956. Т. 25. С. 215–235.
- Мачинский*, 2011 — *Мачинский Д. А.* Время основания поселения Борисфен на о. Березань и древнейшие этапы освоения элинами северных берегов Понта // *Боспорский феномен. Население. Языки. Контакты: Материалы междунар. науч. конф. / Редкол. М. Ю. Вахтина и др.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 408–421.
- Онайко*, 1966 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1–27). 117 с.
- Петренко и др.*, 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // *Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология*. М.: б. и., 2000. С. 238–248.
- Ростовцев*, 1918 — *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 189 с.
- Ростовцев*, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Ленинградской Труд. Арт. Печатн., 1925. 621 с.
- Рябкова*, 2015 — *Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы: Сб. ст. / Ред. Е. Ф. Королькова*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015 (ТГЭ; Т. LXXVII). С. 359–374.
- Толстиков*, 2017 — *Толстиков В. П.* О времени основания и архитектурной среде раннего Пантикапея // *Перипл: От Борисфена до Боспора: Сб. ст. / Ред. А. М. Бутягин и др.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. LXXXVIII). С. 259–269.
- Фармаковский*, 1914а — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // *МАР*. Пг.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1914. Вып. 34. С. 15–78.
- Фармаковский*, 1914б — *Фармаковский Б. В.* Милетские вазы из России // *Древности*. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. Т. 25. С. 47–61.
- Форнасье и др.*, 2020 — *Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г.* О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время // *АВ*. 2020. Вып. 29. С. 88–99.
- Чистов*, 2012 — *Чистов Д. Е.* Комплексы и напластования конца VII — середины VI в. до н. э.:

- Материалы Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. Т. 2. 297 с.
- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов: Материалы Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020. Т. 3. 436 с.
- Шевченко, 2013 — Шевченко Н. Ф. Курганы раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. СПб.: б. и., 2014. Вып. 39. С. 100–138.
- Шелов, 1994 — Шелов Д. Б. Проблема греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ. 1994. № 2. С. 100–106.
- Kašuba, 2006 — Kašuba M. T. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10.–9. Jh. v. Chr. // Prähistorische Zeitschrift. Leipzig; Berlin, 2006. 81/2. S. 213–235.
- Kerschner, 2006 — Kerschner M. Zum Beginn und zu den griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. Berlin, 2006. Bd. 12. S. 227–250.
- Kerschner, Schlotzhauer, 2005 — Kerschner M., Schlotzhauer U. A new classification system for East Greek Pottery // Ancient West & East. 2005. Vol. 4. P. 1–56.
- Mănucu Adameștianu, 2000 — Mănucu Adameștianu M. Céramique archaïque d'Orgamé // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire / Eds. A. Avram, M. Babeș. București: Enciclopedica, 2000. P. 195–204.
- Marchenko, Vinogradov, 1989 — Marchenko K., Vinogradov Ju. The Scythian period in the Northern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. 1989. Vol. 63, no. 241. P. 798–813.
- Minns, 1913 — Minns E. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 720 p.
- Solovyov, 1999 — Solovyov S. L. Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden; Boston; Köln, 1999 (Colloquia Pontica; 4). 148 p.

Views by A. A. Iessen on pre-colonial contacts at the Northern Black Sea Coastal Region in the context of modern research

M. Yu. Vakhtina⁹

Keywords: Greek colonization of the Northern Black Sea Coastal Region, Greeks, barbarians, contacts, conception by A. A. Iessen.

A small-scale monograph by A. A. Iessen “Greek colonization of the Black Sea Coastal Region. Its background and specificity” was published in Leningrad in 1947. Perhaps no one book appeared in the post-war period has affected significantly the development of the native Classical archaeology. It determined for several decades the main trends in understanding of the base problems, connected with the initial period of the land development of the Northern Black Sea Area by the Greeks. The conception by A. A. Iessen presented in his monograph offered to study the Greek colonization of the region as a “bilateral” process, in which an active role played not only Greek colonist, but also representatives of local tribes. In his research was analyzed all the archaeological material testified contacts with the locals available for that time. A. A. Iessen based first and foremost on the summary of finds of early Greek imports found in barbarian sites, published by T. N. Knipovich (*Книпович*, 1934); in her fundamental study the dating of the Greek pottery finds actual for that period was given. A conception formulated by A. A. Iessen was developed later in the works of Soviet scholars (Blavatsky, Boltenko, Kallistov and others) and for a rather long time stayed dominating in the native science. So the views by A. A. Iessen made a rather strong influence on the approaches to the problem of the Greek colonization in Russian science in 50s — 60s years of the 20th century and on the forming the theory of a special “emporial” period for the Northern Black Sea Coastal Region, which preceded the foundation here Greek colonies. Later this system of persuasions drew well-grounded criticism, first of all in lectures and publications by representatives of so-called “Leningrad” scholar school (*Доманский*, 1965; *Брашинский*, *Щеглов*, 1979). However backing away reasonably from the base principles of Iessen’s theory, we should point the actuality of its certain theses in modern times, as well as to value its great role in the forming a perspective school in modern science studying various aspects of the complicated interactions between Greek colonists and local population of the Northern Black Sea Region.

⁹ Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

И не только Кавказ... О работах А. А. Иессена на Северо-Западе России

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. Статья посвящена участию и результатам работ А. А. Иессена в составе отряда по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской области в 1926–1927 гг.

Ключевые слова: Новгородская земля, средневековье, Палеоэтнологический отряд, А. А. Иессен, погребальные памятники, культура длинных курганов.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-89-96

Биография и творческий путь А. А. Иессена достаточно хорошо освещены в научной литературе. Составленные им самим в различные годы краткие жизнеописания, хранящиеся в личных делах в архивах Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа, были опубликованы в сборнике материалов конференции, приуроченной к 100-летию ученого (Автобиографии, 1996). И хотя в этих свидетельствах описаны лишь основные вехи жизни ученого, в них нашла отражение и сама эпоха. Многие детали биографии и подробности научной деятельности А. А. Иессена стали известны из воспоминаний сотрудников и благодаря работам коллег (Кушнарева, 1996; Королькова, 2014; Алёшкин, 2016).

Я бы хотел обратить внимание на один сюжет, не упомянутый в автобиографиях и до сих пор остававшийся за пределами внимания исследователей научного наследия А. А. Иессена, — его работы на Северо-Западе России, проведенные в годы обучения в аспирантуре ГАИМК. Эти обследования, скорее всего, никогда не расценивались самим Александром Александровичем как отдельное направление исследований, и поэтому он не включил их в свои жизнеописания. Тем не менее для археологов, занимающихся изучением средневековых древностей Северо-Запада России, материалы этих работ имеют определенный

научный интерес и, несомненно, достойны подробного рассмотрения и введения в научный оборот.

Чтобы понять, как средневековые памятники Северо-Запада оказались в сфере полевой деятельности молодого исследователя, нацеленного на изучение материальной культуры «энеолита и бронзового века Средиземноморского бассейна», «главным образом Кавказа и Юга России» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 3, 7) и примыкающих областей, необходимо обратиться к истории поступления А. А. Иессена в аспирантуру Академии истории материальной культуры и обучения в ней.

Итак, в декабре 1925 г. РАИМК направила в Главнауку список из 10 кандидатов в аспиранты, отобранных из 27 подавших заявления. В этом списке под номером 4 значился А. А. Иессен (*Там же*. Л. 1).

13 января 1926 г. Главнаукой был утвержден список из четырех штатных (М. И. Артамонов, С. Н. Замятнин, М. Г. Худяков, П. Н. Шульц) и трех внештатных (В. А. Богусевич, А. А. Иессен, М. И. Николаева) аспирантов. 1 февраля 1926 г. А. А. Иессен был утвержден сверхштатным аспирантом ГАИМК. В этом качестве ему не полагалась стипендия, и он продолжил службу линейным контролером в тресте «Электроток», куда он поступил еще студентом университета в 1922 г. Совмещение обучения и далекой от науки работы ради получения средств к существованию, безусловно, не лучшим образом сказывалось на результатах научной деятельности и настроении

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, 191060, Россия; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com.

исследователя. В аспирантском отчете за период с 1 февраля по 15 октября 1926 г. сам А. А. Иессен пишет, что «до сентября с. г. продолжал службу в тресте „Электроток“, где был занят не менее 8 часов ежедневно. Обстоятельство это крайне неблагоприятно отразилось на продуктивности моих занятий» (*Там же*. Л. 7). И там же сообщает: «В заключение считаю долгом отметить, что из 8 ½ месяцев отчетного периода нормальная работа была для меня возможной только после оставления мною службы 9 сентября, то есть в течение одного только месяца, целиком проведенного мною в командировке» (*Там же*. Л. 8, 8об.).

Руководство ГАИМК пыталось согласовать в Ленинградском отделении Главнауки для него стипендию хотя бы из остатка кредита, переведенного Академии на подготовку научных работников по смете 1925–1926 гг. (то есть из сэкономленных средств) (*Там же*. Л. 5), но разрешение не было получено. Наконец 1 октября 1926 г. Комиссия по подготовке научных кадров Главнауки «перечислила» А. А. Иессена в штатные аспиранты (*Там же*. Л. 9), и он смог приступить к нормальному обучению.

Также необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, в годы аспирантуры существенно нарушавшее научные планы А. А. Иессена. В отличие от аспирантов, состоящих в звании красноармейцев (рядовых), как бывший офицер А. А. Иессен был командиром запаса РККА и не имел отсрочки от учебных и иных сборов на время обучения, поэтому он ежегодно в летние месяцы отбывал лагерные сборы по переподготовке командного состава, вызывался на «опытную мобилизацию», участвовал в маневрах войск Ленинградского военного округа (*Там же*. Л. 13, 34). Например, в 1927 г. по поручению ГАИМК он начал разведку в Гдовском уезде, но из поездки был вызван для участия в осенних маневрах, а в итоге на маневры назначен не был (*Там же*. Л. 37, 37об.). В отчете об аспирантской работе А. А. Иессен отметил, что за зиму 1927–1928 гг. он «не менее 5 раз по разным поводам вызывался в Управление Территориального Округа» (*Там же*. Л. 37об.). Естественно, это нервировало исследователя, существенно нарушало сформированные планы полевых и научных работ и затрудняло составление предстоящих. Ходатайство ГАИМК об освобождении А. А. Иессена от сборов хотя бы на время аспирантуры командованием Ленинградского военного округа удовлетворено не было.

Обучение аспирантов строилось на выполнении основной и «параллельной» тем (*Там же*. Л. 3,

Зоб., 28, 41, 41об.), изучении иностранных языков, занятиях по смежным дисциплинам, практической работе с археологическими материалами. Кроме того, как писал А. А. Иессен в своем отчете за период «с 1. X-26 по 1. VI-27», он знакомился с яфетидологией, принимал участие в работах секции десмотики Яфетического института (*Там же*. Л. 29), семинарии по марксистской методологии (*Там же*. Л. 29об.) и «в целях расширения научного кругозора и усвоения особенностей метода исследования... принимал участие в семинарии П. П. Ефименко по палеолитической индустрии камня» (*Там же*. Л. 29об.).

Стоит отметить, что именно в это же время — в 1925–1926 гг. — П. П. Ефименко (*Ефименко*, 1931. С. 25; *Жебелёв*, 2017. С. 310, 311) вел работу по организации проведения палеоэтнологического обследования территории Северо-Запада. Главные задачи планируемых работ заключались в составлении каталога палеоэтнологических памятников, их полевом обследовании и регистрации состояния сохранности. Для решения поставленных задач в составе Северо-Западной экспедиции Комиссии по изучению племенного состава был сформирован Палеоэтнологический отряд, работы которого финансировались совместно ГАИМК, Комиссией по изучению племенного состава населения СССР АН СССР (КИПС) и Ленинградским бюро краеведения. Основными сотрудниками отряда стали аспиранты, практиканты и стажеры ГАИМК: П. Н. Шульц, Н. Н. Чернягин, Г. П. Гроздилов, Б. А. Коишевский, Л. С. Генералова, Г. Ф. Дебец, в работах участвовали М. И. Артамонов, В. И. Равдоникас и другие молодые исследователи (*Ефименко*, 1929), привлекались сотрудники иных учреждений. Кроме учета и обследования экспедиция вела активную работу с отдельными краеведами и краеведческими ячейками губернии (с 1 августа 1927 г. — области), собирала и анализировала сведения о причинах разрушения памятников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 124. Л. 9, 10; Д. 121; *Соболев*, 2014).

Работы в Лужском уезде в 1926 г.

Итак, видимо, зная о намечающихся работах по обследованию Ленинградской губернии, А. А. Иессен приступил к разведкам еще до официального начала работ: «Отбывая летом 1926 г. учебный сбор в Красноармейском лагере у платформы „Владимирский лагерь“², я имел возможность

² Полигон к югу от пос. Струги Красные Псковской области. Образован в 1903 г. для частей

в свободные вечера осмотреть ближайшие окрестности лагеря в целях выяснения и регистрации сохранившихся в районе археологических памятников» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 4).

В результате в архив Палеоэтнологического отряда поступил сводный дневник работ, включающий сведения об обследовании 1926 и 1927 гг. Полевые чертежи были сданы П. П. Ефименко и также сохранились в архиве ИИМК РАН³. Дневники многих членов отряда заполнялись по единому принципу: записи велись только на правых («нечетных») листах, в то время как слева проставлялись подзаголовки (границы района, характер местности, типы и порядковые номера описываемых памятников, даты, ссылки на листы так называемой трехверстной карты⁴ и т. д.), иногда вычерчивались схемы или делались краткие примечания. Обычно в конце приводилась статистика по осмотренным памятникам и их состоянию. Отчет об обследовании 1926–1927 гг. — стандартная тетрадь в линейку в дерматиновой обложке, куда А. А. Иессеном были переписаны сведения из полевых записей. Записи по числу выездов разделены на три части, отделяющиеся одна от другой чистыми листами. В заключение приведен список приложений (планов памятников) и составлен указатель памятников.

18-го армейского корпуса Российской императорской армии, в настоящее время — полигон и военный городок, где дислоцируются несколько подразделений разных групп войск. Об истории полигона см.: Ефимов, 2006.

³ Первоначально Палеоэтнологический отряд во время своей работы сформировал собственный архив, хранившийся, судя по ссылкам на топографию, на нескольких полках в двух или нескольких шкафах. Тетради и полевые дневники были пронумерованы, планы памятников собраны в отдельные приложения. Результаты полевых работ разносились в картотеки. Полевые материалы и каталоги памятников были снабжены системой перекрестных ссылок. После поступления материалов в архив ИИМК полевые или перебеленные чертежи были сформированы в отдельные папки (дела) по административным районам.

⁴ Судя по ссылкам в отчетах сотрудникам Палеоэтнологического отряда выдавались отдельные листы Военно-топографической карты Российской империи (масштаб карты — 3 версты в одном английском дюйме (1:126 000)), и лишь во время сборов А. А. Иессен скопировал на кальку участок более подробной Полуверстовой карты Западного пограничного пространства (масштаб — полверсты в 1 дюйме (1:21 000)) (рис. 1).

Территорию своего разведочного обследования А. А. Иессен описал⁵ так: «Границы осмотренного района следующие: к северо-западу от ст. Струги-Красные озеро Долгое (оно же Песчаное, Пещино, Белое), далее по прямой линии на юго-запад — приблизительно⁶ в ½–1 версте к западу от мызы Холохина и от дороги мыза Холохина — дер. Горушка. Не доходя последней, граница поворачивает на запад, захватывая дер. Исаково и Шапица (на трехверстной карте нет) и достигает озера Шустово. Далее к югу захватывается дер. Тужерино (по 3-х верстной карте: Тужирино) с ближайшим окружением, затем северный высокий скат между южнее дер. Перехожа и до железной дороги, обращенной к югу, к долине р. Осотни и прилегающей к нему⁷ пониженной местности. Перейдя железную дорогу по ручью Осотня, граница выходит на р. Курею, захватывает лежащий на ее правом берегу Южный лагерь и прибрежную полосу от лагеря вниз примерно на 4 версты, включая линию резко поднимающихся высот. Далее на северо-запад до граница выходит на дорогу, идущую из мызы Холохино на юго-запад. Не доходя 1 версту железно-дорожного переезда граница поворачивает вдоль⁸ железной дороги на северо-восток, захватывает поселок при ст. Струги-Красные, оз. М. Липно (или Черное) и от него поворачивает снова на северо-запад к озеру Долгому.

В пределах указанного района вся площадь была осмотрена более или менее полно, так что можно полагать, что все заметные на поверхности памятники старины обнаружены» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 4, 5).

Итогом работ 1926 г. стало выявление и съемка планов неизвестных ранее пяти курганных групп (курганные группы у ж.д. ст. Владимирский Лагерь, остановочного пункта 199 км, между дер. Горушка и Перехожа, две группы к северу от дер. Тужерино (общее число зафиксированных насыпей — 82)) и двух жальничных могильников (у дер. Перехожа и Тужерино)⁹ (рис. 1; 2). Большая часть найденных

⁵ Текст описания маршрутов разведки приводится максимально близко к написанию оригинала, включая пунктуацию и зачеркнутые слова. Слова, вставленные между строк, даны в сносках.

⁶ Вставлено над строкой «проходящей».

⁷ Вставлено над строкой «с юга».

⁸ Вставлено над строкой «параллельно».

⁹ За прошедшие годы обследование памятников, открытых А. А. Иессеном в 1926 г., проводилось лишь С. Л. Кузьминым в 1992 или 1993 г. в рамках работ

Рис. 1. А. А. Иессен. Схема расположения древних погребений в районе ст. Владимирский Лагерь С-Зап. ж. д. Август 1926. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 60

Fig. 1. A. A. Iessen. Scheme of the location of ancient burials in the vicinity of the railway station Vladimirsky Lager of the North-Western Railway. August of 1926. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1927. F. 109. Sh. 60

Рис. 2. А. А. Иессен. Расположение жальника у дер. Перехожа. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 106. Л. 8

Fig. 2. A. A. Iessen. Situation of the zhalnik near v. Perehozha. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1931. F. 106. Sh. 8

погребальных насыпей может быть отнесена к раннесредневековой культуре псковско-новгородских длинных курганов, меньшая часть и жальничные кладбища оставлены древнерусским населением региона.

Кроме разведки, проведенной во время военных сборов, А. А. Иессен летом 1926 г. побывал на р. Оредеж в районе села Ям-Тесова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 27)¹⁰ и работал в музее в Пскове (*Там же*. Л. 8), но сведений о целях поездок и проведенных работах найти не удалось.

Поездка в Осьминскую волость Кингисеппского (бывш. Гдовского) уезда. 1927 г.

В конце лета следующего года А. А. Иессен снова планировал принять участие в работах Палеоэтнологического отряда. По заданию П. П. Ефименко было намечено начать обследование территории бывшего Гдовского уезда от границы с Лужским уездом. «В соответствии с такой задачей я наметил себе маршрут, рассчитанный на 10–12 дней работы на месте. Предполагалось со станции Толмачево С-Зап ж. дороги отправиться пароходом вниз по р. Луге до пристани М. Хилок и обследовать район по обоим берегам реки Сабы и вокруг озера Самро. Возвращение предполагалось либо тем же путем, или же, в случае наличия достаточного времени и средств, на станцию Плюсса — передвигаясь на подводе» (*Там же*. Л. 22).

Утром 27 августа 1927 г. Александр Александрович выехал из Ленинграда в Лугу и к половине одиннадцатого вечера на пароходе «Красная Заря» прибыл в дер. Малый Хилок. Не найдя ночлега, он сразу отправился в с. Осьмино, и к полуночи

по инвентаризации. Их осмотр, предпринятый автором настоящей статьи в мае 2022 г., подтвердил высокое качество планов А. А. Иессена. Большая часть погребальных насыпей сохранилась до нашего времени в том же виде, в котором они были им зафиксированы. Оба жальничных могильника оказались полностью разрушенными, что неудивительно, так как еще в 1926 г. в каждом из них фиксировались лишь небольшое число целых оградок и отдельные гранитные валуны (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 14, 15).

¹⁰ Возможно, данная поездка была связана с подготовкой С. А. Теплоуховым к раскопкам древнерусского курганного могильника в средневековом Тёсовском погосте у с. Заполье, проведенных в 1928 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122).

приехал на постоянный двор. Дожливый день 28 августа был посвящен организационным вопросам и подготовке к работе: А. А. Иессен отметился в исполкоме, познакомился со школьными учителями А. Ф. Климоновым и В. В. Осьминским, опросил их и других жителей села об известных им палеоэтнологических памятниках — «могилах», сопках, городищах — и снял план древнерусского курганного могильника у кладбища (рис. 3), почти полностью исследованного А. Э. Мальмгренем в 1893 и 1894 гг.¹¹ (*Мальмгрен*, 1895), отметил использование местными рыбаками челноков-однодревков и описал способ ужения с них рыбы. Кратко записал местные легенды о происхождении названия села, связанные с Петром Великим («Петр Великий проезжал через село, и здесь у его экипажа сломалась ось. Отсюда и название „Осьмино“ (или *Осьмино*)») (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 28). 29 августа он выполнил однодневный маршрут: из Осьмина через урочище Мачка в дер. Сара, где осмотрел выселки «Могила», и через Псоедь вернулся в Осьмино. На следующий день «отправился на городище у дер. Псоеди, произвел глазмерную съемку его. Подробно осмотрел лесной район между д. Осьмино и городищем» (*Там же*. Л. 24). На 31 августа было запланировано обследование по маршруту Новоселье–Райково–Сватково, однако планы вновь были полностью разрушены РККА: вечером 30 августа А. А. Иессен получил телеграфный вызов в Ленинград в связи с мобилизацией и той же ночью выехал на пристань дер. Малый Хилок, чтобы успеть на пароход, так как следующий рейс должен был быть только через два дня.

До конца сентября 1927 г. А. А. Иессен снова «в качестве лица командного состава запаса РККА, был вызван сначала на опытную мобилизацию в Ленинградском уезде, а затем на осенние маневры ЛВО» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 34), в результате чего не только работы по заданию Палеоэтнологического обследования, но и экспедиция в Закавказье были сорваны.

Поездка в Лужский уезд. 1927 г.

По возвращении со сборов А. А. Иессен вновь отправился в южную часть Лужского уезда. 3 октября он дообследовал участок в районе ж.д. ст. Струги Красные, к востоку от железнодорожных путей, который остался неосмотренным осенью 1926 г. На следующий день, перебравшись

¹¹ На плане, снятом А. А. Иессеном (рис. 2), ошибочно указан 1905 г.

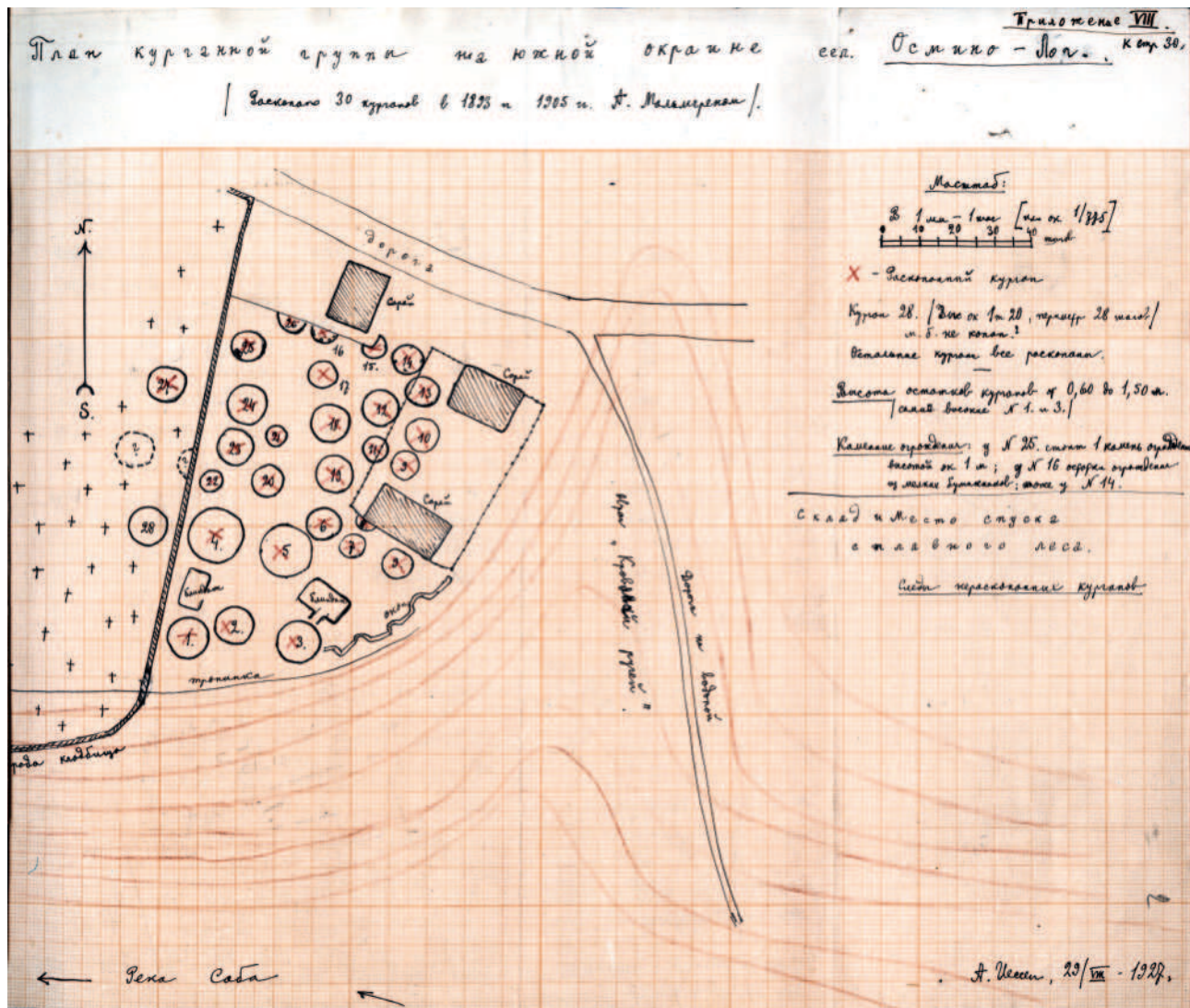

Рис. 3. А. А. Иессен. План курганной группы на южной окраине села Осмино-Лог. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 99. Л. 4

Fig. 3. A. A. Iessen. Plan of the kurgan group at the southern outskirts of v. Osmino-Log. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1931. F. 99. Sh. 4

в дер. Могутово, он проехал по маршруту Могутово–Смехново–Рожнок, а на следующий день — от Могутово до ст. Новоселье. Было осмотрено шесть жальничных могильников, снят план, зарисованы типы могил жальника у погоста Заклинье, информация еще об одном жальнике, двух почитаемых камнях и «священной» роще внесена в дневник со слов местных жителей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109. Л. 48–55).

Поездка в Новгород

Менее чем через неделю А. А. Иессен принял поездку в Новгород и Псков, целью которой было ознакомление с археологическими

коллекциями местных музеев. По приезде в Новгород он побывал в Софийском соборе, Музее древнего искусства, Историческом музее. В дневнике — небольшом блокноте в клетку — он аккуратно записывал «путевые заметки» о музеях (Исторический — «Работ не ведет. Совершенно застыл» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 91. Л. 44об.)), перечислил некоторые археологические коллекции (раскопки князя Путятина и А. А. Спицына в Бологом, «курганные раскопки» Л. Н. Целепи в Лужском уезде, случайные находки из Новгорода и с Рюрикова городища, каменный идол из с. Шексна Белозерского уезда) и отметил ряд интересных находок, кроме того, осмотрел

коллекцию В. С. Передольского — кремневые и керамические материалы из Коломцов, «макролиты» из Юрьевского жальника и «Полевых курганов»¹². Также А. А. Иессен зарисовал некоторые находки и отметил низкий уровень хранения материалов: «Много вещей не имеет этикеток и сложено не в порядке» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 91. Л. 42–45). На следующий день он осмотрел отдельные археологические памятники в самом Новгороде (вал «Троицкая горка» — бывший крепостной гласис, Воскресенскую слободу — место гончарного производства) и провел небольшую разведку по обоим берегам Волхова от его истоков до Новгорода со сбором «осыпных материалов» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 36). На месте строительства моста через Волхов А. А. Иессен безуспешно пытался найти неолитическую стоянку. На вычерченном в дневнике схематическом плане Рюрикова городища (рис. 4) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 91. Л. 47) нанес зоны выхода культурного слоя и участков распространения керамики; информации о каких-либо еще найденных или осмотренных памятниках в дневнике нет.

Кроме уже перечисленных выездов в отчете о работах за 1927 г. А. А. Иессен указал, что он осматривал на тот момент недавно открытую С. Н. Замятниным и Л. А. Динцесом неолитическую стоянку на Токсовском озере, где было «изучено залегание культурного слоя, пределы его распространения по берегу озера и собран показательный материал» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243. Л. 36). Однако никаких подробностей об этом обследовании найти не удалось.

Завершая обзор, хотелось бы подчеркнуть следующее: вероятно, сам А. А. Иессен рассматривал описанные исследования как незначительный эпизод периода обучения в аспирантуре, проходной сюжет, к которому он более никогда не возвращался и даже не считал необходимым упоминать. Однако для археологов, занимающихся изучением средневековых древностей Северо-Запада России, материалы этих работ имеют определенный научный интерес и, несомненно, достойны подробного рассмотрения и введения в научный оборот, а кроме того — уважения и дани памяти от коллег медиевистов-северо-западников, от тех, кто совершенно не связан со сферой основных научных интересов Александра Александровича Иессена (рис. 5) (Археологические памятники..., 2017).

¹² Так в тексте дневника, какой памятник имеется в виду, неясно.

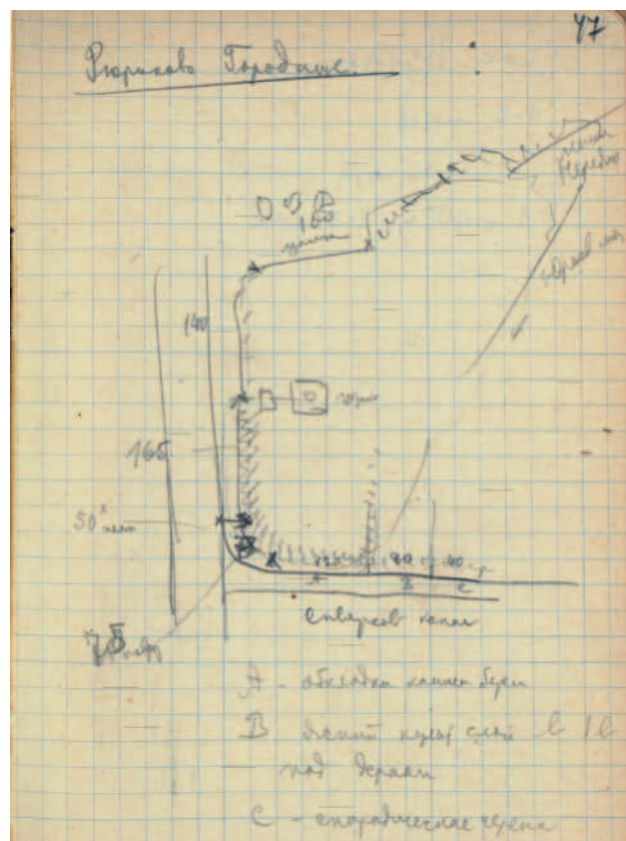

Рис. 4. Рюриково городище. Схема, составленная А. А. Иессеном, с указанием мест распространения культурного слоя и керамики. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 91. Л. 47

Fig. 4. Rurik Gorodishche. Scheme drawn by A. A. Iessen with indications of the areas of distribution of the cultural layer and pottery. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1927. F. 91. Sh. 47

Рис. 5. Курганы у остановочного пункта 199 км (группа 2, по разведке А. А. Иессена 1926 г.). Фото В. Ю. Соболева, май 2022 г.

Fig. 5. Kurgans near the “Stop Point of 199 km” (group 2, after A. A. Iessen’s surveys of 1926). Photo by V. Yu. Sobolev, May, 2022

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 243: [Личное] Дело аспиранта Академии А. А. Иессена. 57 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 109: Отчет о палеоэтнологических разведках в Лужском и Кингисеппском уездах Ленинградской губернии. А. Иессен. 63 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 91: Полевой дневник 1927. 27 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122: Раскопки С. А. Теплоухова в 1928 г. в Северо-Западной области. Переписка, отчет и чертежи 1928. 60 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 124: Отчет палеоэтнологического обследования в Псковском округе, произведенного В. А. Коишевским и Н. Н. Черныгиным в 1929 г. 191 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121: Исследование Ленинградской области. Переписка и планы. 160 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 99: Лужский округ Ленинградской области. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д.д. Могилы (выселок), Осьмино Лог, Псоеди, Сара-Логу Осьминского р-на. Обследования А. Иессена в 1927 г. 7 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 106: Лужский округ Ленинградской области. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в пунктах: д. Обода, мыза Покровская, Новая Желча, д. Рычково, Перехожа и д.д. Селище и Лохово Струги-Красненского р-на. Обследования Г. Гроздилова, Н. Черныгина, Н. Иванова, А. Иессена в 1927 г. 20 л.
- Автобиографии, 1996 — Автобиографии Александра Александровича Иессена // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 7–11.
- Алёшкин, 2016 — Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 160–172.
- Археологические памятники..., 2017 — Археологические памятники Струго-Красненского района Псковской области: Сб. материалов / Ред. А. И. Федоров. [Б. м.]: Издательские решения, 2017. 350 с.
- Ефименко, 1929 — Ефименко П. П. Палеоэтнологические работы в Северо-Западной области в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. II. С. 215–216.
- Ефименко, 1931 — Ефименко П. П. Обследование памятников Ленинградской области в 1928–1929 гг. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 6. С. 25–27.
- Ефимов, 2006 — Ефимов А. Н. Владимирский лагерь // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2006. № 24. С. 187–212.
- Жебелёв, 2017 — Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк: Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 672 с.
- Королькова, 2014 — Королькова Е. Ф. А. А. Иессен. Рыцарь науки // 250 историй про Эрмитаж «Собрание пестрых глав». Кн. 2 / Отв. ред. А. В. Конивец. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 195–201.
- Кушнарёва, 1996 — Кушнарёва К. Х. А. А. Иессен. Вехи жизни и творчества // Между Азией и Европой... СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 11–21.
- Мальмгрен, 1895 — Мальмгрен А. Э. Раскопки в Гдовском уезде // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом / Под ред. И. А. Линниченка и В. М. Михайловского. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1895. Т. VII–VIII. С. 264–269.
- Соболев, 2014 — Соболев В. Ю. Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда // АИППЗ. 2015. Вып. 30 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. С. 436–450.

Not only the Caucasus... The studies by A. A. Iessen in North-Western Russia

V. Yu. Sobolev¹³

Keywords: Novgorod Land, Middle Ages, Palaeoethnological Group, A. A. Iessen, burial sites, culture of long kurgans.

In 1925–1926, P. P. Efimenko organized a Palaeoethnological investigation of the Leningrad Province (Leningrad Oblast since 01.08.1927). The main tasks of the works included the compilation of a catalogue of palaeoethnological sites, their field investigation and recording of their condition. The field works were conducted by postgraduate students and trainees of GAIMK: P. N. Schultz, A. A. Iessen, N. N. Chernyagin, G. P. Grozdilov, B. A. Koishevskiy, L. S. Generalova, G. F. Debets and other young researchers. In 1926–1927, A. A. Iessen carried out three surveying investigations in the Luga and Gdov uyezds (districts) and a short visit to the surroundings of Veliky Novgorod. These studies revealed a number of early mediaeval kurgan groups and zhalnik cemeteries of the Old Russian period; several fortified settlements and other archaeological sites were surveyed and their plans drawn.

¹³ Vladislav Yu. Sobolev — Laboratory of Archeology, Historical Sociology and Cultural Heritage prof. G. S. Lebedeva, St. Petersburg State University; ul. Smol'nogo, 1/3, St. Petersburg, 191060, Russia; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com.

Библиография работ А. А. Иессена¹

Составитель Л. М. Всевиов²

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-97-100

1929

Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье (предварительная характеристика) // Сообщения. I. Л.: ГАИМК, Бюро по делам аспирантуры. С. 27–39: ил., карт.

1931

Северо-кавказские сосуды с изображением оленя // Сообщения ГАИМК. № 2. С. 14–18: ил.

1932

Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. № 11–12. С. 58–61 (в соавторстве с А. А. Миллером).

1934

Раскопки В. Н. Глазова у села Тюнина в 1910 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 6. С. 95–100: ил.

1935

Золото Кавказа // Известия ГАИМК. Вып. 110: Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Т. 2. С. 162–178: ил., карт. (в соавторстве с Т. С. Пассек).

К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120: Из истории древней металлургии Кавказа. С. 7–237.

Работы Комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). Общий отчет // Там же. С. 158–162.

Олово Кавказа // Там же. С. 193–205: карт.

Олово на севере Европейской части СССР // Там же. С. 205–215: карт. (в соавторстве с А. В. Шмидтом).

Работы на Сулаке: Отчет о работах // Там же. С. 29–39: карт.

1936

Лев Д. Н. К истории горного дела. АН СССР. Труды Института антропологии и этнографии, Вып. 2. Л., 1934. 34 с. Цена 1 р. 25 коп. [Рецензия] // СА. № 1. С. 302–305.

1937

Сухумская экспедиция ГАИМК // СА. № 3. С. 251–252: ил.

1939

Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // III Международный конгресс по иранскому искусству: Доклады / Ред. И. А. Орбели. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 91–103: ил., карт.

1940

Археологические собрания Эрмитажа и изучение истории // Исторический журнал. № 7. С. 151–154.

Государственный Эрмитаж. Общий путеводитель. Вып. I. Л.: б. и. С. 7–16, 17–20, 23–27, 145–149.

Древние памятники Западной Белоруссии, Западной Украины, Польши и Литвы в собраниях Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 2. С. 15–17: ил.

К истории использования олова в Приенисейском крае // КСИИМК. Вып. 5. С. 45–47 (в соавторстве с Г. П. Сосновским).

Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. Л.: б. и. (Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа; Вып. 1). С. 22–53.

Проблема изучения археологических памятников Колхидской низменности в целях характеристики современных (последнеднепых)

¹ Список печатных работ А. А. Иессена впервые составлен Е. И. Крупновым и Б. Б. Пиотровским в 1965 г. (СА. 1965. № 1. С. 133–134), дополнен и уточнен Ю. Ю. Пиотровским в 1996 г. (Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб., 1996. С. 22–27) и Л. М. Всевиовым в настоящем издании (раздел «Литература о А. А. Иессене»).

² Библиотека Академии наук, филиал в ИИМК РАН: Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

- геологических процессов // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6-7. С. 107–109.
- 1941**
Археологические памятники Кабардино-Балкарии (значение древних памятников Республики) // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л.: АН СССР (МИА; № 3). С. 7–50: ил., карт.
- Каменная скульптура медведя из Туркмении // Труды Отдела истории первобытной культуры [Гос. Эрмитажа]. Т. 1. С. 9–16: ил., карт.
- Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения / Под ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 220–236: ил., карт.
- 1945**
Выставка Отдела истории первобытной культуры // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. III. С. 19–21: ил.
- Новые данные о производстве бронзы на Северо-Западном Кавказе (резюме доклада) // Там же. С. 9.
- 1947**
Греческая колонизация Северного Причерноморья: ее предпосылки и особенности. Л.: Гос. Эрмитаж. 92 с.; 4 л. карт.
- Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // КСИИМК. Вып. XVI. С. 165–167.
- Прикубанский очаг металлообработки второй половины II и в начале I тысячелетия до нашей эры (Доклад в секторе бронзы и раннего железа 28.1.1946 года) // КСИИМК. Вып. XVIII. С. 18–21.
- 1948**
О древней добыче золота на Урале // 200 лет Уральской золотой промышленности: Юбилейный сб. / Под ред. А. А. Иванова, И. С. Рожкова. Свердловск: Изд-во Уральского филиала АН СССР. С. 112–126.
- Уральский очаг древней металлургии // Первое Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Р. В. Мерцлин. Молотов: Типография Молотовского гос. ун-та. С. 59–64.
- Чусовская экспедиция 1942 г. // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. V. С. 38–40.
- 1949**
Золотая обкладка Келермесского меча // Сокровища Эрмитажа: Сб. ст. / Отв. ред. И. А. Орбели. М.; Л.: АН СССР; Гос. Эрмитаж (Научно-популярная серия). С. 61–66: ил.
- Золотой олень из станицы Костромской // Там же. С. 67–70: ил.
- 1950**
К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. № XII. С. 157–201: ил., карт.
- 1951**
Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: АН СССР (МИА; № 23). С. 75–124: ил., карт.
- Řecká kolonisace severního Černomori. Praha: Rovnost. 104 s.: il. [Перевод издания «Греческая колонизация Северного Причерноморья: ее предпосылки и особенности». 1947].
- 1952**
К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. Вып. XLVI. С. 48–53: ил.
- Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. № XVI. С. 205–231: ил., карт.
- 1953**
К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1932 г.) // СА. № XVIII. С. 49–110: ил.
- 1954**
Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.) / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Изд-во АН СССР. С. 112–131: ил., карт.
- Работы Азербайджанской экспедиции // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М.: АН СССР; ИИМК. С. 53–56.
- Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. Вып. LIII. С. 61–79: ил.
- 1955**
Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. VIII. С. 31–33: ил.
- Первобытная культура: Путеводитель по выставкам. Гос. Эрмитаж. Вып. 1 / Ред. А. А. Иессен. М.: Искусство. 62 с: ил. (В соавторстве с О. И. Давидан, А. П. Манцевич, К. М. Скалон и др.).
- 1956**
Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тезисы докладов на пленарных заседаниях Конференции по археологии

- Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М.: АН СССР; ИИМК. С. 11–18.
- Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции научной сессии 1953–1955 гг. // Тезисы докладов и сообщений научной сессии, посв. экспозиции по истории Азербайджана до X века. Баку: АН АзССР. С. 6–8; 34–36. Рус., азерб.
- 1957**
- Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953–1955 гг. // Труды Музея истории Азербайджана. Т. 2. С. 19–32.
- Работы Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции в 1953 году // Труды Объединенной научной сессии АН СССР и академий Закавказских республик по общественным наукам: Стенографический отчет. Баку: АН СССР. С. 329–331 [Отчет докладчика. С. 363–364].
- Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году // КСИИМК. Вып. 69. С. 115–128: ил., карт.
- 1958**
- Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы (современное состояние вопроса) // Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посв. итогам археологических исследований 1957 г. М.: АН СССР; ИИМК. С. 7–8.
- 1959**
- Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I. 1953–1955 г. (МИА; № 67). С. 5–14: 1 л. карт.
- Азербайджанская экспедиция в 1956 году // КСИИМК. Вып. 73. С. 78–85.
- Городище Орен-Кала // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I. 1953–1955 г. (МИА; № 67). С. 33–50: 1 л. ил.
- Древние очаги металлургии и металлообработки на Восточном Кавказе // Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. С. 29–30.
- Предисловие // *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку: Изд-во АН АзССР. С. 5–6.
- 1960**
- А. Л. Лукин [1882–1959. Некролог] // СА. № 1. С. 322: портр.
- Л. А. Мацулевич [1886–1959. Некролог] // СА. № 3. С. 354–355.
- Пять чаш из Байлакана // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь академика И. А. Орбели / Предс. редкол. В. В. Струве. М.: Изд-во АН СССР. С. 88–97: ил.
- Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году // КСИИМК. Вып. 78. С. 99–106: ил.
- 1961**
- Так называемый «Майкопский пояс» // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 2. С. 163–177: ил.
- 1962**
- Иван Иванович Аханов [1900–1960. Некролог] // СА. № 1. С. 348.
- Клад из селения Лухвано в Грузии // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXII. С. 44–46: ил.
- Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посв. итогам полевых исследований 1961 г. М.: АН СССР. С. 19–22.
- 1963**
- Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка // КСИА. Вып. 94. С. 98–100: ил.
- Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры // КСИА. Вып. 93: Исследования памятников энеолита и бронзы. С. 3–14; 1 л. ил.
- 1965**
- Азербайджанская археологическая экспедиция в 1956–1960 гг. // Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2 (1956–1960 гг.) / Отв. ред. А. А. Иессен, К. Х. Кушнарёва (МИА; № 125). С. 5–9.
- Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Там же. С. 10–36: 1 л. ил.
- Поселение Уч-Тепе (1958–1960 гг.) // Там же. С. 103–127: 3 л. ил.
- Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // Там же. С. 152–194: ил.
- 1995**
- Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // Антология советской археологии (1930-е годы). Т. II / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: ИА РАН. С. 153–158.
- Литература об А. А. Иессене**
- Крупнов Е. И., Пиотровский Б. Б.* Памяти Александра Александровича Иессена [Некролог] // СА. 1965. № 1. С. 130–134: портр. (Список научных трудов А. А. Иессена. С. 133–134).

- Банк А. В., Скалон К. М. А. А. Иессен [1896–1964. Некролог] // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1966. Вып. 27. С. 118–119: портр.
- Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Александр Александрович Иессен [Некролог] // КСИА. 1966. Вып. 108: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. С. 3–5: портр.
- Ельницкий Л. А. А. А. Иессен как историк и археолог-кавказовед // Вестник Государственного Музея Грузии. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1979. № 34-В. С. 106–119.
- Васильева Р. В. Личный фонд А. А. Иессена (обзор документов) // КСИА. 1987. Вып. 192: Древние культуры Кавказа и причерноморских степей. С. 99–102.
- Автобиографии А. А. Иессена // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы международного науч. конф. / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 7–11.
- Кушнарёва К. Х. А. А. Иессен: вехи жизни и творчества // Там же. 1996. С. 11–21.
- Лазаревская Н. А. Материалы А. А. Иессена в фотоархиве ИИМК РАН // Там же. С. 27–30.
- Пиотровский Ю. Ю. А. А. Иессен в Эрмитаже // Там же. С. 154–163.
- Пиотровский Ю. Ю. Список научных трудов А. А. Иессена // Там же. С. 22–27.
- Праслов Н. Д. Открытие А. А. Иессеном первой палеолитической стоянки на Донской равнине // Там же. С. 31–32: ил.
- Кушнарёва К. Х. А. А. Иессен: к столетию со дня рождения (1896–1996) // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы: Краткие сообщения и доклады международной научной сессии / Ред. О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Джорбенадзе. Тбилиси: Центр археологических исследований АН Грузии, 1997. С. 76–77.
- Клейн Л. С. Рыцарь археологии: А. А. Иессен // История российской археологии: учения, школы и личности. Т. II. СПб.: Евразия, 2014. С. 394–403: ил.
- Королькова Е. Ф. А. А. Иессен. Рыцарь науки // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». В 5 кн. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. Кн. 2. С. 195–201.
- Мунчаев Р. М., Мусебли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. № 3. С. 154–160: портр.
- Алёшкин В. А. А. А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК. 2017. № 16. С. 160–172: портр.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Кавказ и Северное Причерноморье эпохи палеометалла

Горизонт постоянного обитания энеолитического слоя навеса Мешоко

Е. А. Черленок, С. М. Осташинский¹

Аннотация. Статья посвящена анализу непортативных объектов энеолитического слоя навеса Мешоко. Выделяется четыре группы объектов: западины, глиняные площадки, ямы и полы. В стратиграфическом отношении большая часть их относится к нижнему горизонту культурного слоя. Взаимное расположение объектов свидетельствует о существовании двух типов пространственной организации жилого пространства, один из которых, по нашему мнению, связан со строительством постоянного жилища.

Ключевые слова: энеолит, Северо-Западный Кавказ, непортативный объект, открытая жилая зона, жилище.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-101-106

На Северо-Западном Кавказе в энеолите выделяются различные способы освоения человеком места своего обитания (Формозов, 1961). Это временные стоянки, а также постоянные поселения, одним из наиболее выразительных признаков которых являются остатки жилых конструкций. Интересно, что свидетельства существования жилищ обнаружены не только на открытых поселениях, но и в пещерных памятниках.

По мнению А. А. Формозова, пещерные жилища устраивались путем перегораживания открытой части естественной полости в скале (Там же. С. 59–61). В список мест с постройками данной конструкции исследователь включил раскопанный им III Хаджохский навес и изученный А. Д. Столяром навес Мешоко (Формозов, 1965. С. 102–104). Современные раскопки на последнем памятнике позволяют пересмотреть традиционную точку зрения об устройстве пещерного жилища, а также предложить ряд аналогий его планировке.

Навес Мешоко расположен в окрестностях пос. Каменноостровский Майкопского района Республики Адыгея на берегу одноименного ручья. Это крупная природная ниша шириной 35 м и

глубиной 18 м (рис. 1). Максимальная высота свода в настоящее время составляет чуть менее 4 м. На памятнике не зафиксировано свидетельств крупномасштабных обвалов. Вероятно, где-то на современном уровне располагался потолок и в древности. Необходимо отметить, что как размер, так и высота навеса достаточны для размещения в нем долговременных конструкций.

Первые раскопки на этом месте проведены в 1963 г. Северокавказской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А. Д. Столяра (Столяр, Формозов, 2009. С. 107, 108). Здесь была заложена траншея шириной 2 м, прорезавшая памятник по направлению с севера на юг (от начала спуска к ручью до задней скальной стенки). В ходе работ была обнаружена обожженная глиняная площадка энеолитического времени, которую автор раскопок назвал «полом». К сожалению, ее реальная граница была зафиксирована только с южной стороны. с севера «пол» был завален обломочником, а с запада и востока уходил в стенки траншеи. В следующем, 1964, году рядом была заложена еще одна траншея, которая была доведена только до поверхности энеолитических отложений и не затронула лежащие ниже конструкции.

Работы на памятнике были возобновлены в 2011 г. силами Закубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и археологической практики Санкт-Петербургского государственного университета. Площадь раскопа

¹ Черленок Е. А. — Институт истории СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: e.cherlenok@spbu.ru. Осташинский С. М. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: osm@mail.ru.

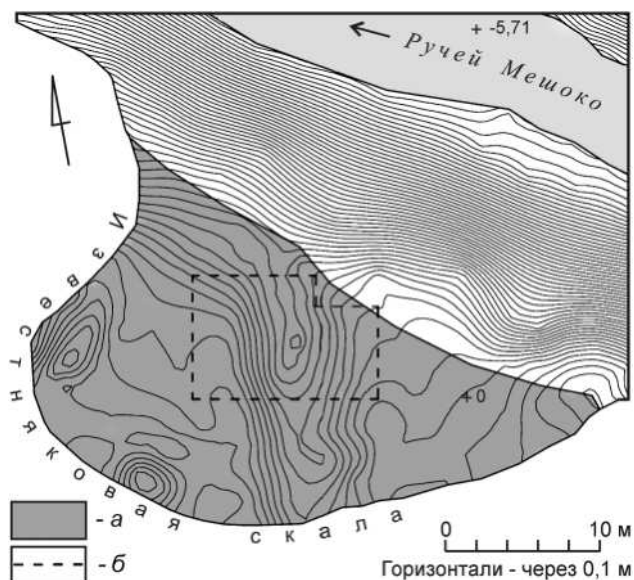

Рис. 1. Навес Мешоко. План (а — площадь навеса; б — раскоп 2011–2021 гг.

Fig. 1. Meshoko rock shelter. Plan (а — area of the rock shelter; б — excavation of 2011–2021)

на 2021 г. составила 88 кв. м. Он разделен на шесть участков (рис. 2, а), лишь два из которых (3 и 6) к настоящему времени разобраны полностью.

Стратиграфия навеса Мешоко включает шесть слоев. К энеолиту относится пятый сверху слой, который датируется в диапазоне около 3800–3600 лет до н. э. (Осташинский, Черленок, 2020. С. 42–44, 51). Он состоит из двух стратиграфических горизонтов: 5а (верхнего) и 5б (нижнего). Пока не удалось выявить по находкам существенные различия между ними. Однако горизонты сильно отличаются друг от друга по разнообразию и количеству непортативных объектов. Основные свидетельства постоянного обитания, например глиняные площадки, связаны с горизонтом 5б, в то время как для вышележащих энеолитических отложений в целом характерны только ямы.

Объекты горизонта 5б предварительно можно разделить на четыре группы. Первая группа представлена западинами — крупными неглубокими искусственными выемками, впущенными с поверхности нижележащего слоя (рис. 2, б). Всего обнаружено два полных объекта такого рода. Их площадь составляет около 8 и 20 кв. м, а глубина — около 0,15–0,20 м.

Хотя заполнение западин ничем не отличается от грунта, слагающего пятый слой, в отдельных случаях можно установить границу между ними. Как правило, она проходила на одном уровне с краями этих объектов, что, на наш взгляд, позволяет высказать предположение об их функциональном назначении. Вероятно, западины

представляли собой специально созданные углубления, предназначенные для заполнения их грунтом. После завершения работ образовывался своеобразный земляной пол, выведенный на один горизонт с окружающей поверхностью.

По своей форме объекты отличаются друг от друга. Западина на юго-восточном участке раскопа имеет аморфные округлые очертания. В центральной части западина подквадратная, со сторонами около 4,5–4,8 м. Правильная форма, а также сопряженность с другими объектами позволяют предполагать, что создание западины в центральной части раскопа маркирует начальный этап сооружения на этом месте жилища.

Следующую группу составляют глиняные площадки (рис. 2, в, г). Они имеют сравнительно небольшие размеры и достаточно разнообразную форму. В настоящее время уверенно можно говорить лишь об одном устойчивом типе этих объектов — овальных обожженных площадках. Они представляют собой структуры длиной около 1,8 м и шириной около 0,8–0,9 м и имеют плотную отполированную поверхность, как правило, с незначительной вогнутостью в центральной части (рис. 3). По размерам и форме овальные площадки хорошо соотносятся с телом человека, поэтому можно предположить, что одна из их функций — служить местами для сна и отдыха.

Эти объекты образуют несколько скоплений. Наиболее выразительное из них связано с западиной в центральной части раскопа. Здесь площадки примыкают друг к другу, сливаясь в единую поверхность, занимающую центральную и южную части западины. Вероятно, в данном случае они маркируют второй этап создания жилища.

Третья группа представлена ямами (рис. 2, д–ж). Как правило, они зафиксированы при зачистке поверхности нижележащего шестого слоя, поэтому можно предполагать, что большая их часть относится к горизонту 5б. Среди ям, по разным признакам, выделяются два функциональных разряда: очаги и столбовые ямы. Очаги представляют собой неглубокие округлые выемки в грунте, заполненные золой. Они обнаружены на разных участках раскопа и тяготеют к уже описанным площадкам и западинам. К столбовым ямам мы относим объекты, расположенные вдоль трех сторон центральной подпрямоугольной западины. Они образуют П-образную фигуру, открытую на юго-восток, и, на наш взгляд, согласуются с самой западиной и находящимися внутри нее площадками, являясь важной частью расположенного на этом месте жилища. По своему

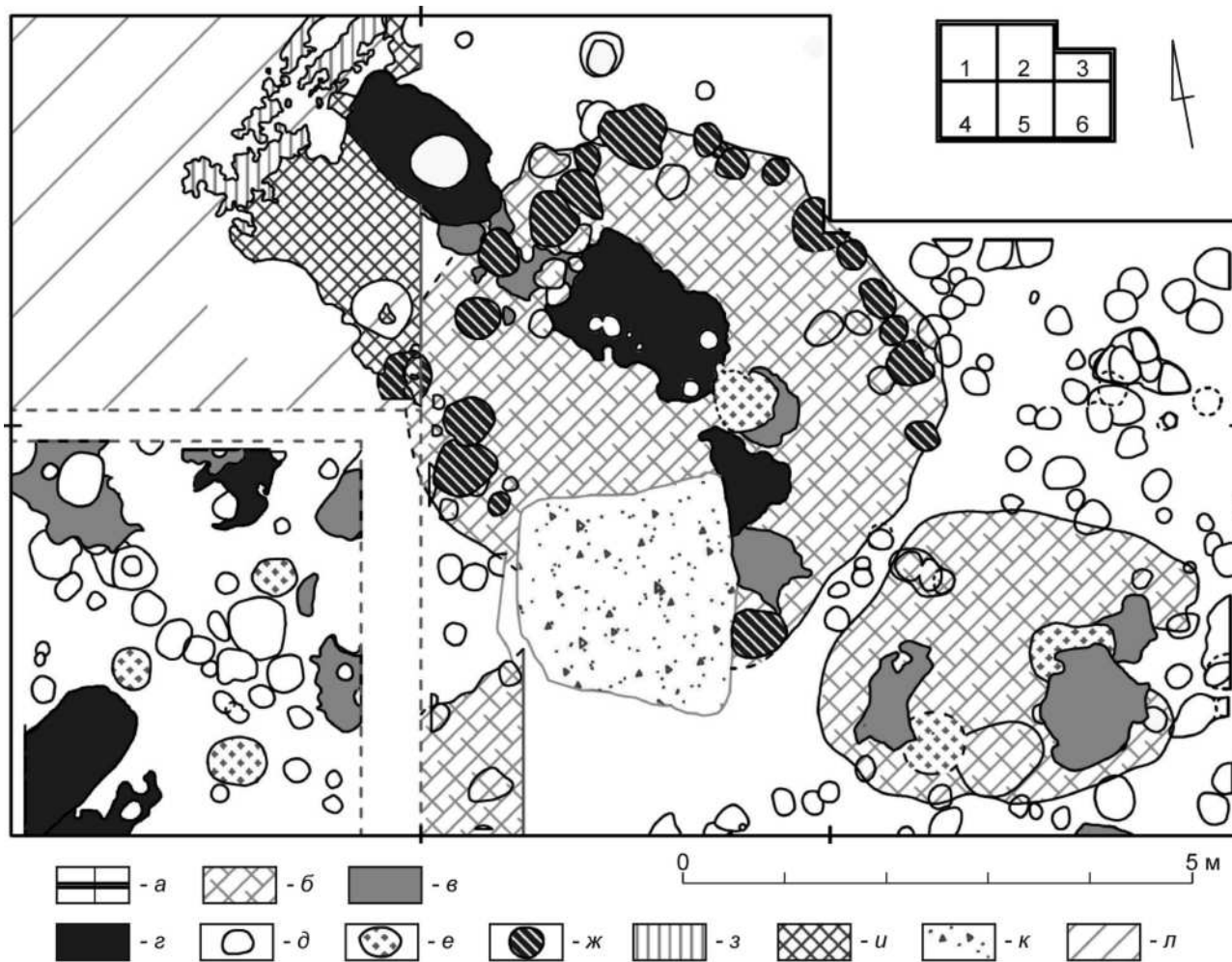

Рис. 2. Навес Мешоко. Расположение объектов горизонта 56 (часть ям может относиться к вышележащим энеолитическим отложениям): *a* — контур схемы разбивки раскопа на участки; *b* — западины; *v* — глиняные площадки неустановленного типа; *z* — овалы обожженные глиняные площадки; *d* — ямы неустановленного типа; *e* — очаги; *ж* — столбовые ямы; *з* — пол, промазанный тонким слоем желтой глины; *u* — пол, сформированный слоем глины медового цвета; *к* — шурф 1963 г.; *л* — неразобранные отложения горизонта 56

Fig. 2. Meshoko rock shelter. Arrangement of the objects of horizon 56 (some of the pits possibly belong to the upper-lying Eneolithic depositions): *a* — scheme of the excavation division into areas of digging; *b* — depressions; *v* — clay platforms of an unidentified type; *z* — oval burnt clay platforms; *d* — pits of an unidentified type; *e* — fireplaces; *ж* — pillar holes; *з* — floor daubed with a thin layer of yellow clay; *u* — floor constituted of honey-colour clay; *к* — exploratory pit of 1963; *л* — unexcavated deposits of horizon 56

назначению они, с одной стороны, могли служить точечными опорами для балок перекрытия, с другой — являться конструктивной основой для стен.

Полы представляют последнюю группу непортативных объектов (рис. 2, 3, *u*). К ним мы относим обширные горизонтальные глиняные промазки, базовой функцией которых являлось оформление нижней поверхности жилого пространства для поддержания его в чистоте, эстетического впечатления, удобного передвижения и т. п. Полы обнаружены только в северо-западной части раскопа.

Пока выделено два их уровня (раскопки в этой части еще не завершены). Нижний уровень представляет собой участок, промазанный тонким слоем желтой глины, соединяющийся с расположенной здесь овальной обожженной площадкой. Верхний уровень сложен сравнительно толстым (до 5 см) слоем необожженной глины медового цвета (рис. 4, 1). В целом полы, вероятно, формировали в древности подпрямоугольную конструкцию площадью около 11 кв. м с находящейся по центру овальной обожженной площадкой.

Рис. 3. Навес Мешоко. Овальная обожженная глиняная площадка (горизонт 5б, юго-западный угол участка 4 раскопа): 1 — общий вид с востока; 2 — поперечный разрез, вид с северо-востока

Fig. 3. Meshoko rock shelter. Oval clay platform (horizon 5b, south-western corner of area 4 at the excavation): 1 — general view from east; 2 — crosscut, view from north-east

Взаимное расположение непортативных объектов, на наш взгляд, позволяет говорить о двух различных типах жилых зон. Первый — это открытые жилые зоны, характерными особенностями которых являются, с одной стороны, отдельно расположенные друг от друга глиняные площадки, с другой — отсутствие очевидных свидетельств устройства стен и опорных конструкций. Дополнительными элементами могут выступать западины и очаги. К открытым жилым зонам можно отнести объекты, обнаруженные на юго-западном (4) и юго-восточном (6) участках раскопа.

Устройство открытых жилых зон, скорее всего, было характерно не только для пещерных памятников. На поселении Мешоко в ходе работ

1962–1963 гг. в области прохода в обводной стене обнаружен участок с 11 «полами» (Столяр, Формозов, 2009. С. 73, 74, 104). Сами «полы» по своим размерам и структуре сопоставимы с глиняными площадками навеса Мешоко. На поселении они расположены отдельно друг от друга и не сопровождаются ямами, то есть могут быть отнесены к элементам открытой жилой зоны.

Вторым типом являются закрытые жилые зоны (жилища). В навесе Мешоко к элементам жилой конструкции мы относим объекты, зафиксированные в центральной и северо-западной частях раскопа (участки 1, 2, 5). К сожалению, из-за незавершенности работ на участке 1 возникают сложности в реконструкции этой постройки.

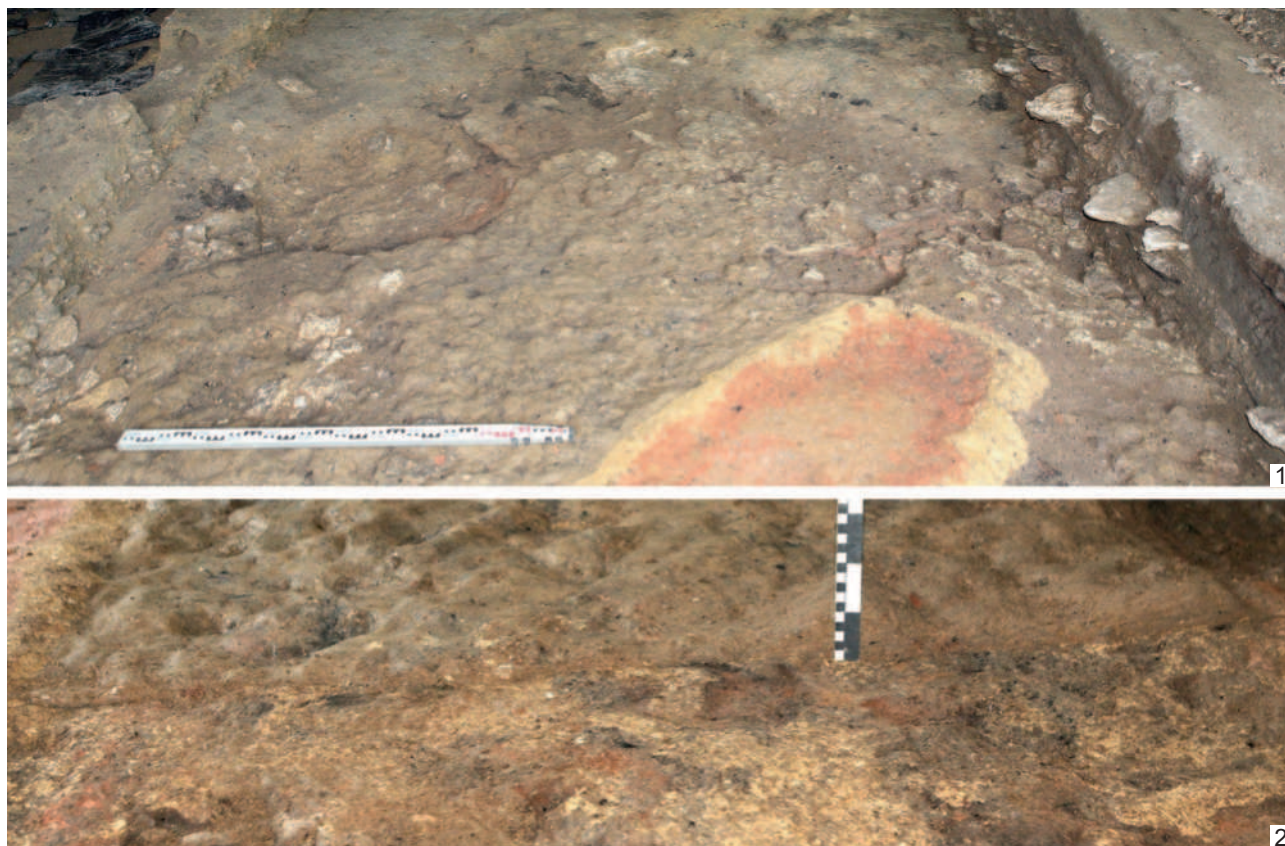

Рис. 4. Навес Мешоко. Горизонт 56, 1-й участок раскопа: 1 — пол, сформированный слоем глины медового цвета, вид с востока; 2 — стратиграфическое соотношение верхнего и нижнего уровня полов

Fig. 4. Meshoko rock shelter. Horizon 56, area 1 of the excavation: 1 — floor constituted of honey-colour clay, view from east; 2 — stratigraphic relation between the upper and lower levels of the floors

Можно предложить два варианта. В первом случае это однокомнатное подквадратное сооружение с прилегающими друг к другу глиняными площадками, открытое с юго-восточной стороны. Тогда полы и площадка на участке 1 раскопа представляют собой остатки другой постройки. Во втором случае жилище состояло из двух секций, поверхность одной части была сформирована полами, а второй — плотно примыкающими друг к другу площадками и заполнением западины.

Полученные данные плохо согласуются с традиционными представлениями об устройстве пещерных жилищ. По мнению А. А. Формозова, они создавались с учетом особенностей места строительства: вдоль козырька полости от ее основания до верхнего края возводилась глинобитная стена на каменном цоколе, а потолком служил свод пещеры (Формозов, 1965. С. 103, 104). Но прямоугольные жилые конструкции, устроенные как с использованием точечных опор, так и без них, зафиксированы в ходе раскопок открытых энеолитических поселений (Формозов, 1965.

С. 102–104; Нехаев, 1990. С. 7; Гей, 1991. С. 66, 67; Дитлер, Корневский, 2009. С. 51, 52). Однако объем работ или характер публикации этих материалов не позволяет провести детальный сравнительный анализ планов жилищ с постройкой из навеса Мешоко.

Для последующего, более позднего времени (ранний бронзовый век) в регионе известны погребальные сооружения могильника «Клады». Здесь обнаружены постройки как П-образной формы, так и гробницы, состоящие из двух секций (Трифонов и др., 2019; Резепкин, 2012). Учитывая, что жилища майкопской культуры были округлыми (Корневский, 1995; Резепкин, Лионне, 2007; Исерлис и др., 2020), можно предполагать влияние другой культурной традиции на облик погребальной майкопской архитектуры. Поэтому важно отметить общее сходство планов гробниц могильника «Клады» и постройки из навеса Мешоко при любом варианте ее реконструкции².

² Это мнение разделяет только Е. А. Черленок.

- Гей, 1991 — Гей А. И. Энеолитический слой поселения Мысхако (предварительные итоги работы Новороссийского отряда Северокавказской экспедиции ИА АН СССР в 1990 г.) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум (Новороссийск, 18–24 марта 1991 г.): Тезисы докладов / Ред. В. А. Трифонов. Л.: ЛОИА, 1991. С. 66–68.
- Дитлер, Корневский, 2009 — Дитлер П. А., Корневский С. Н. Ясенева Поляна — поселение энеолитической эпохи культуры накольчатой жемчужной керамики Предкавказья (источниковедческий обзор) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь: Наследие, 2009. Вып. IX. С. 39–82.
- Исерлис и др., 2020 — Исерлис М., Брилева О. А., Днепровский К. А. Планиграфия и архитектура строений на Серегинском поселении // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 132–147.
- Корневский, 1995 — Корневский С. Н. Галюгай I — поселение майкопской культуры: археологические источники по проблеме древнейших земледельцев и скотоводов на кавказской границе Передней Азии и Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Нехаев, 1990 — Нехаев А. А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани: Материалы семинара / Ред. И. И. Марченко. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990. С. 5–22.
- Осташинский, Черленок, 2020 — Осташинский С. М., Черленок Е. А. Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 г., С.-Петербург) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). С. 41–53.
- Резепкин, 2012 — Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.
- Резепкин, Лионне, 2007 — Резепкин А. Д., Лионне Б. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // Revista Arheologică. 2007. Seria Nouă. Vol. III, nr. 1–2. С. 5–73.
- Столяр, Формозов, 2009 — Столяр А. Д., Формозов А. А. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. // Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Гос. Эрмитажа 1958–1965 гг.: Сб. ст. / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 12–194.
- Трифонов и др., 2019 — Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Хоммель П. Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник Клады, С-3 Кавказ) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 35–47.
- Формозов, 1961 — Формозов А. А. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи (серия археологическая). Майкоп, 1961. № 2. С. 39–72.
- Формозов, 1965 — Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

The horizon of permanent habitation of the Eneolithic layer in the Meshoko rock-shelter

E. A. Cherlenok, S. M. Ostashinskiy³

Keywords: Eneolithic, North-Western Caucasus, non-portable object, open living zone, dwelling.

During investigations of the lower horizon of the Eneolithic layer in the Meshoko rock-shelter, diverse non-portable objects were discovered. These are represented by four groups: depressions, clay platforms, pits and floors. The reciprocal positions of the objects allow us to distinguish two types of the organization of the dwelling space. One of these types, in our opinion, is related with the construction of a permanent dwelling. Because of the incompleteness of the investigation, a reconstruction of this structure is difficult. Two variants are supposable: 1) a nearly square one-chamber building open from south-east side with clay platforms adjoining each other; 2) a dwelling constituted by two sub-square sections: one with the surface formed by clay floors and the other with densely adjoining platforms and the fill of the depression.

³ Evgeniy A. Cherlenok — St Petersburg University; 5 Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: e.cherlenok@spbu.ru. Sergey M. Ostashinskiy — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: osm@mail.ru.

К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа¹

В. С. Бочкарёв, А. И. Климушина²

Аннотация. В работе анализируется функциональный состав кладов металлических изделий эпохи бронзы Северного Кавказа и сопредельных степных территорий. На основании анализа составов кладов и их сравнения с аналогичными памятниками соседних регионов (в качестве примера приводятся клады срубной культуры) предлагаются классификация кладов и их возможная культурно-историческая интерпретация.

Ключевые слова: функциональный состав кладов металлических изделий, эпоха бронзы, Северный Кавказ, культурно-историческая интерпретация.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-107-125

А. А. Иессен имел очень широкий круг научных интересов. В археологии его привлекали многие темы от каменного века до средневековья. Но более всего А. А. Иессена интересовала история металлопроизводства эпохи бронзы Кавказа, он занимался ею постоянно и добился выдающихся результатов.

Еще в середине 1930-х гг. он опубликовал большую работу, в которой был дан обзор металлопроизводства эпохи бронзы всего Кавказа (Иессен, 1935). По широте территориального и временного охвата материала она до сих пор не имеет себе равных в кавказоведческой литературе. В ней А. А. Иессен наметил основные этапы развития этого производства и выделил его локальные центры. Понятно, что с течением времени некоторые выводы работы устарели. Но ряд ее положений до сих пор остается актуальным. Это, прежде всего, касается локальных центров металлопроизводства.

Друг от друга они отличаются главным образом в типологическом отношении. Их появление свидетельствует о становлении местного металлопроизводства в различных регионах Кавказа. Впоследствии А. А. Иессен переосмыслил культурно-историческое значение этих центров и назвал их очагами металлургии и металлообработки. Это было новое понятие не только для нашей, но и для европейской археологии. Оно оказалось очень полезным исследовательским инструментом. Его эффективность продемонстрировал сам А. А. Иессен, выделив прикубанский очаг металлургии и металлообработки (Иессен, 1951) в бассейне Верхней Кубани и частично синхронизировав с соседними кобанским и колхидским очагами. Этот очаг А. А. Иессен датировал эпохой поздней бронзы. По его данным, ему предшествовал костромской и привольненский этапы эпохи средней бронзы, а последнему — новосвободненский и майкопский этапы эпохи ранней бронзы (Иессен, 1950. С. 199).

Эта пятиступенчатая хронологическая схема развития металлопроизводства Северо-Западного Кавказа, предложенная А. А. Иессеном в середине прошлого века, до сих пор используется в нашей литературе. Но за последние десятилетия в нее были внесены уточнения, и она была значительно детализирована. К двум этапам эпохи средней бронзы А. А. Иессена А. В. Кияшко и

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Бочкарёв В. С., Климушина А. И. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: bovad872@gmail.com; Elizavetaklim21@mail.ru.

Таблица 1. Хронологическая схема развития металлопроизводства эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа
Table 1. Chronological scheme of the development of metalworking in the Bronze Age of the Northwestern Caucasus

Абсолютные даты, до н. э.	Эпоха	Хронологические этапы металлопроизводства Северо-Западного Кавказа	Культура
Вторая половина IV тыс.	Ранней бронзы	Майкопский	Майкопская
		Новосвободненский	
III — начало II тыс.	Средней бронзы	Андрюковский	Блок катакомбных культуры северокавказская, дольменная, бабинская, лолинская и др.
		Успенский	
		Привольненский	
		Костромской	
XVII–XIV вв.	Переходный этап	Ахметовский	Сабатиновская и др.
XIII–X вв.	Поздней бронзы	Удобненский	?
		Бекешевский	
		Ольгенфельдский	
С IX в.	Ранний железный век	Протомеотский	Протомеотская

М. Б. Рысин добавили еще два: андрюковский и успенский. Андрюковский этап следовал за новосвободненским, а следующий за ним успенский предшествовал привольненскому (Кияшко, 2002; Рысин, 1996). Была также детализирована относительная хронология прикубанского очага. В его развитии было выделено четыре последовательных этапа: ахметовский, удобненский, бекешевский и ольгенфельдский (Бочкарев, 1996; Бочкарев, Пелих, 2019). Еще нужно добавить, что благодаря серии радиоуглеродных дат удалось значительно удревнить начало бронзового века на Северо-Западном Кавказе и уточнить абсолютную хронологию памятников эпохи средней бронзы.

Таким образом, мы сейчас имеем хронологическую схему развития металлопроизводства эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа, состоящую из 10 этапов. Она охватывает промежуток времени около 2,5 тысяч лет: от середины IV до начала I тыс. до н. э. (табл. 1).

Эта хронологическая схема является необходимым условием для дальнейшего изучения металлопроизводства эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа. Основным источником наших знаний об этом производстве являются клады, которые и станут главным объектом данного исследования. Но прежде чем перейти к их анализу, необходимо сделать несколько общих замечаний.

Клады являются более сложными памятниками, чем обычно полагают. Как показали

многолетние исследования в западной археологии, основными компонентами кладов являются их состав (контент) и контекст — те условия, в которых они находились. Каждый из этих компонентов содержит разнообразную информацию. Так, исследование материалов контента позволяет составить представление о типах и функциях кладовых изделий, их физическом и производственном состоянии, химизме их металла и многом другом. Не менее ценные сведения содержит контекст кладов. Клады могут быть депонированы в различных природных и культурных ландшафтах. Их прятали на поселениях, в могильниках, святилищах и храмах. Но чаще всего их находят вне всякого культурного контекста.

Данные контента совершенно необходимы для определения хронологии кладов, их классификации и для решения ряда других вопросов. Изучение контекста кладов позволяет выявить возможные причины их депонирования. В совокупности сведения этих двух компонентов образуют базу для культурно-исторической интерпретации кладов. Принимая во внимание изложенные выше положения, можно заключить, что изучение северокавказских кладов эпохи бронзы находится только на начальной стадии. Кроме хронологии, остальные аспекты этой темы практически не разработаны. Это касается функционального состава кладов, их классификации и интерпретации. Поэтому в данной работе мы

рассмотрим три этих вопроса и предложим варианты их решения.

В данный момент в нашем распоряжении имеются сведения о находках полусотни кладов, в составе которых преобладают изделия северокавказских типов. После соответствующей проверки достоверными комплексами могут быть признаны 45 находок. Они датируются эпохами средней и поздней бронзы. Ни одного клада, который можно было бы отнести ко времени майкопской культуры, пока нет.

Что касается территориального распространения, то большинство кладов найдено на Северном Кавказе. Около трети из них было обнаружено за его пределами — на Дону, в Крыму и Северном Причерноморье; некоторые являются прямыми кавказскими импортами, а другие демонстрируют явные связи с северокавказским металлопроизводством. Примечательно, что большинство кладов, найденных за пределами Северного Кавказа, датируются эпохой средней бронзы.

Обращает на себя внимание неравномерное распределение находок кладов в Северокавказском регионе. Они в основном сосредоточены в его западной части (рис. 1)³. Клады редко встречаются в районе Кавминвод, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, на территории Чечни и Дагестана они практически отсутствуют.

Примечательно, что сходное неравномерное размещение кладов наблюдается в Закавказье (рис. 1). Там их найдено несравненно больше (около 160), и почти все они происходят из западной части региона. Особенно часто их находят на территории Абхазии и Аджарии. Территориально к ним примыкают находки Северо-Западного Кавказа (*Lordkipanidze*, 2001. P. 178–194, fig. 1).

Эти данные позволяют заключить, что на Кавказе, как и в некоторых регионах Европы, в бронзовом веке сформировалась своя кладовая провинция. Она охватывала не весь Кавказ, а только его западную половину. Следует подчеркнуть, что в нее входят как закавказские, так и северокавказские клады.

Обратимся теперь к анализу самих кладов. Начнем с рассмотрения функционального состава их изделий. Данные о них внесены в таблицу 2. На ее вертикальной оси записаны названия кладов в их хронологической последовательности. Список начинается с при-

³ Авторы выражают большую благодарность И. Ж. Тутаевой за создание карты кладов и помощь в подготовке других иллюстраций к данной работе.

вольненских кладов. Более древние клады, чем привольненские, на Северном Кавказе пока не найдены. Но иногда к ним относят так называемое погребение (или клад) из станицы Успенской, по имени которого назван один из самых ранних этапов эпохи средней бронзы (*Лопатин*, 1993; *Рысин*, 1996). Однако его атрибуция как замкнутого комплекса вызывает сомнение.

Удалось учесть четыре клада привольненского времени: Курчанский I, Ессентукский (пос. Томатный)⁴, Кореновский (хутор Веселый) и Привольненский (*Иессен*, 1950. С. 173; *Гей*, 2000. С. 150; *Бронзовый век. Европа без границ*, 2013. С. 585, 586, № 298). Гораздо более многочисленными являются находки кладов следующего по времени костромского этапа. В нашем списке их 15: «Патрей», Колонтаевский, Михайловский, Кривой Рог, Белозерский, Рыбаковка, Полтавский, Александровский, Скакун, Симферопольский, Костромской, «Майкопский», Натухаевский I и II, Большое Садовое (*Бочкарев и др.*, 2021; *Шилов*, 1959. С. 23, 24, рис. 8; *Черных*, 1966. С. 130, рис. 36, 497–500, 505, 506; *Кривоцова-Гракова*, 1955. С. 146, рис. 35, 19, 20; *Савва*, 1992. Рис. 64; *Ковалева и др.*, 1978. С. 9, рис. 1; *Бронзовый век. Европа без границ*, 2013. С. 586, № 299; *Иессен*, 1935. С. 96; *Новичихин*, 1996, С. 89, рис. 1; 2012. С. 4–6, рис. 1; *Kłoczko*, 2013. S. 168–175, рис. 1).

За костромскими следуют клады ахметовского этапа. Сейчас их известно 13: Былымский, клад с р. Аксаут⁵, с. Маруха⁶, Крыловский, Самарский, Бериславский, Ахметовский, Коблевский, Балка Лисовицкого, клад Краснодарского музея, Кишпекский, Балашовский, Батарейка (Таманский) (*Батчаев*, 1980. С. 26 сл., табл. 1–7; *Колотухин*, 2003. С. 17, рис. 64, 24, 25; *Бочкарев*, 1972. С. 87 сл., рис. 1; *Добровольский*, 1948. С. 152 сл., табл. 1; *Марковин*, *Глебов*, 1979. С. 239–245, рис. 2–4; *Черняков*, 1967. С. 23 сл., рис. 4; 5; *Кияшко*, 2020. С. 216, рис. 5; *Иессен*, 1951. С. 91, рис. 48, 2; *Мокрушин*, *Нарожный*, 2017. С. 297 сл., рис. 3; *Климушина*, 2019. С. 212, рис. 2; *Сокольский*, 1980. С. 144 сл., рис. 1; 2). В литературе их относят или к концу эпохи средней бронзы, или к началу поздней. Обе эти точки зрения не лишены оснований. В пользу первой из них говорит

⁴ Клад распродан. Хранение: частные коллекции. URL: <http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=648240&st=80> (дата обращения: 13.05.2022).

⁵ Личная информация В. Я. Кияшко.

⁶ Личная информация С. Н. Кореновского.

тот факт, что в ахметовских кладах еще преобладают находки вислобушных топоров, которые в эпоху поздней бронзы практически исчезают. Однако в них появляются первые прямообушные топоры и — что самое главное — так называемые позднекубанские серпы (Бочкарев, 2019. С. 28; Климушина, 2019). У этих последних в отличие от серпов костромского типа черенок приобретает вид узкого удлинённого стержня. Таким образом, ахметовские клады в типологическом отношении обладают чертами металлопроизводства эпохи и средней, и поздней бронзы, поэтому их допустимо относить как к одной, так и к другой. Они также могут рассматриваться в рамках самостоятельного переходного этапа.

Согласно принятой хронологии ахметовский этап сменяется удобненским. Он известен

по погребальным памятникам и серии единичных находок (Бочкарев, 1996; Бочкарев, Пелих, 2019. С. 179 сл., рис. 1). Клады этого времени пока не найдены. По этой причине удобненский этап пропущен в таблице 2. Список кладов эпохи поздней бронзы в таблице 2 начинается с бекешевского этапа. Кладов этого времени известно 11: Нарат-Эшик, р. Гиляч, урочище Индыш, Карт-Джурт, Агур, Боргустанский, Ростовский, Бекешевский, Курчанский II, Упорненский и Кяфарский (Нечитайло, 1994; Нечитайло, Недопако, 1996. С. 13–18, рис. 1–4; Иессен, 1951. С. 89, 90, 92, рис. 18; 21; 47, 2; Егоров, 1951; Ильюков, 1999; Новичихин и др., 2021; Аптекарев, Козенкова, 1981; Бочкарев, Пелих, 2019. С. 179 сл., рис. 1). Они составляют ядро прикубанского очага металлопроизводства эпохи поздней бронзы. Заключительный этап этой

Рис. 1. Карта-схема распространения кладов металлических изделий эпохи бронзы Кавказа и южной половины Восточной Европы. 1 — хут. Верхний (Кореновский клад); 2 — Курчанский I клад; 3 — хут. Томатный (Ессентукский клад); 4 — Привольненский клад; 5 — «Патрей» (Тамань); 6 — Колонтаевский клад; 7 — Михайловский клад; 8 — Кривой Рог; 9 — Белозерский клад; 10 — Рыбаковский клад (мыс Аджияск); 11 — Полтавский клад; 12 — Александровский клад; 13 — Скакун; 14 — Симферопольский клад; 15 — Костромской клад; 16 — «Майкопский клад»; 17 — Натухаевский I клад; 18 — Натухаевский II клад; 19 — Большое Садовое; 20 — Былымский; 21 — р. Аксаут; 22 — с. Маруха; 23 — Крыловский клад; 24 — Самарский клад; 25 — Бериславский клад; 26 — Батарейка; 27 — Ахметовский; 28 — Коблевский; 29 — Балка Лисовицкого; 30 — клад Краснодарского музея; 31 — Кишпекский клад; 32 — Балашовский клад; 33 — Нарат-Эшик; 34 — р. Гиляч; 35 — урочище Индыш; 36 — Карт-Джурт; 37 — Агур; 38 — Боргустанский клад; 39 — Ростовский клад; 40 — Бекешевский клад; 41 — Курчанский II клад; 42 — Упорненский клад; 43 — Кяфарский клад; 44 — Верхний Курп; 45 — Ольгенфельд. Условные обозначения: а — клады привольненского и костромского этапов (19 на февраль 2022 г.); б — клады ахметовского, бекешевского, ольгенфельдского этапов (33 на февраль 2022 г.); в — клады закавказской группы эпохи поздней бронзы (*Lordkipanidze*, 2001. Fig. 3)

Fig. 1. Schematic map of the distribution of hoards of metal objects from the Bronze Age in the Caucasus and southern part of East Europe. 1 — Khutor Verkhny (Korenevsky's hoard); 2 — Kurchanskaya I; 3 — Khutor Tomatny (Yessentuki hoard); 4 — Privolnoye (Privolnensky) hoard; 5 — 'Patraios' (Taman); 6 — Kolontayevka hoard; 7 — Mikhaylovka hoard; 8 — Krivoy Rog; 9 — Belozersk hoard; 10 — Rybakovka hoard (Cape Adzhiyask); 11 — Poltava hoard; 12 — Aleksandrovsky hoard; 13 — Skakun; 14 — Simferopol hoard; 15 — Kostromskaya hoard; 16 — 'Maykop' hoard; 17 — Natukhayevsкая I hoard; 18 — Natukhayevsкая II hoard; 19 — Bolshoye Sadovoye; 20 — Bylym; 21 — Aksaut River; 22 — v. Marukha; 23 — Krylovka hoard; 24 — Samara hoard; 25 — Berislav hoard; 26 — Batareyka; 27 — Akhmetovo; 28 — Koblevo; 29 — Balka Lisovitskogo; 30 — hoard in the Krasnodar Museum; 31 — Kishpek hoard; 32 — Balashov hoard; 33 — Narat-Eshik; 34 — Gilyach River; 35 — Urochishche Indysh; 36 — Kart-Dzhurt; 37 — Agur; 38 — Borgustan hoard; 39 — Rostov hoard; 40 — Bekeshevo hoard; 41 — Kurchanskaya II hoard; 42 — Upornaya hoard; 43 — Kyafar hoard; 44 — Verkhny Kurp; 45 — Olgenfeld. Keys: a — hoards of the Privolnensky and Kostromskaya stages (19 items by February 2022); б — hoards of the Akhmetovo, Bekeshevo and Olgenfeld stages (33 items by February 2022); в — hoards of the trans-Caucasian group from the Late Bronze Age (*Lordkipanidze*, 2001. Fig. 3)

эпохи — ольгенфельдский — представлен одноименным кладом и аналогичным комплексом из аула Верхний Курп (*Иессен*, 1951. С. 83, рис. 5, 5; *Бочкарев, Пелих*, 2019). Вместе с ними на территории Северо-Западного Кавказа прекращается традиция депонирования кладов металлических изделий. Но она продолжается в некоторых других кавказских регионах, в частности в Западном Закавказье.

Таков полный список кладов, материалы которых были использованы в данной работе. Эти клады охватывают большой промежуток времени, и поэтому в них так или иначе нашли отражения как крупные эпохальные изменения, так и менее значительные поэтапные.

Культурная принадлежность кладов эпох средней и поздней бронзы на данный момент является открытым вопросом. Они распространены на большой территории и локализуются в разных ландшафтных зонах: степи, лесостепи, горах и предгорьях. Соответственно они принадлежали к разным археологическим культурам. По косвенным данным можно предположить, что клады привольненского и костромского этапов относятся к культурам конца эпохи средней бронзы степной и предгорных зон Северного Кавказа.

Речь идет о таких культурах, как северокавказская, позднекатакомбные, дольменная, лолинская, бабинская и др. Что касается кладов эпохи поздней бронзы, то соответствующая им культура в бассейне Кубани пока не открыта. Особенно актуален этот вопрос для верхнего течения Кубани, где концентрируется большая часть находок. Несколько более определенно можно судить о некоторых кладах ахметовского и бекешевского этапов, найденных на Тамани. Есть основания связывать их с сабашиновской культурой, памятники которой недавно были открыты на территории Таманского полуострова (*Кияшко*, 2019).

Вернемся к анализу таблицы 2. По горизонтали размещены данные о функциональном назначении кладовых изделий. Определение его связано с некоторыми трудностями. Основная из них вызвана тем, что многие металлические изделия эпохи бронзы были полифункциональными. Их применение могло меняться в зависимости от определенных обстоятельств. Это касается как самых простых по конструкции изделий (например, шильев), так и самых сложных. К числу последних относятся проушные топоры, которые можно считать самыми важными изделиями эпохи бронзы на Кавказе. По мнению С. Н. Кореновского,

Таблица 2. Функциональный состав кладов металлических изделий эпох средней–поздней бронзы Северного Кавказа и сопредельных степных территорий
 Table 2. Data on the functional composition of hoards of metal objects in the Middle and Late Bronze Age of the Northern Caucasus and adjacent steppe regions

Эпоха	№ п. п. (№ в группе)	Название клада или место его нахождения	Функциональная категория изделий в составе клада, шт.												Примечание		
			Кувшны предметы	Шитья	Острия	Украшения	Ножи	Теса, долота	Топоры	Серпы	Оружие	Кельты	Сосуды формы	Неизвестного назначения		Слитки	
Средней бронзы	1	Кореновский	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	Найден в насыпи кургана
	2	Курчанский I	-	-	-	-	-	1 (+3)*	-	-	-	-	-	-	+	-	-
	3	Ессентукский (пос. Томатный)	-	-	-	-	1	5	24	-	-	-	-	-	-	-	-
	4	Привольненский	-	-	-	-	2	9	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	5 (1)	«Пагрей»	-	1	2	-	1	7	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	6 (2)	Колонтаевский	-	-	-	-	-	-	12	-	-	-	-	1	-	-	-
	7 (3)	Михайловский	-	-	-	-	-	-	4	-	-	1	-	-	-	-	-
	8 (4)	Кривой Рог	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-
	9 (5)	Белозерский	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
	10 (6)	Рыбаковка	-	-	-	-	-	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	11 (7)	Полтавский	-	-	-	4	-	-	3	-	-	1	-	-	-	-	-
	12 (8)	Александровский	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	Найден в насыпи кургана
	13 (9)	Скакун	-	-	-	-	-	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-
	14 (10)	Р-н г. Симферополя	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	15 (11)	Костромской	-	-	-	-	-	3	1	3	-	-	-	-	+	-	-
	16 (12)	«Майкопский»	-	-	-	-	-	-	-	34	-	-	-	-	+	-	Найден в пещере
	17 (13)	Нагухаевский I	-	1	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
	18 (14)	Нагухаевский II	-	-	-	-	1	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-
	19 (15)	Большое Садовое	-	1	5	-	4	6	4	2	2	-	-	-	-	-	-
Переходный этап	20 (1)	Былъмский	13	-	-	≈100	1	-	-	3	-	1	+	-	-	-	Найден в пещере с двумя керамическими сосудами
	21 (2)	Река Аксаут	-	-	-	-	-	-	1 (+8)	-	-	-	-	-	-	-	-
	22 (3)	Село Маруха	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-
	23 (4)	Крыловский	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	+	-	-	Найден в насыпи кургана. Лом
	24 (5)	Самарский	-	-	-	-	-	-	6	1	-	-	-	+	-	-	Клад лома
	25 (6)	Бериславский	-	-	-	-	-	-	5	7	-	-	-	+	-	-	Клад лома

Таблица 2, окончание

Эпоха	№ п. п. (№ в группе)	Название клада или место его нахождения	Функциональная категория изделий в составе клада, шт.												Примечание		
			Культовые предметы	Шитья	Острия	Украшения	Ножи	Теста, полотна	Топоры	Серпы	Оружие	Кельты	Особые формы	Неизвестного назначения		Слитки	
Переходный этап	26 (7)	Багарейка	-	-	-	-	5	3	-	35	4	-	-	-	1	+	Клад лома
	27 (8)	Ахметовский	-	-	-	-	-	1	1	18	-	-	-	-	-	-	Клад лома
	28 (9)	Коблевский	-	-	-	-	-	-	1	9	-	-	-	-	-	-	Клад лома
Поздней бронзы	29 (10)	Балка Лисовицкого	-	-	-	-	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	Найден на поселении. Лом
	30 (11)	Краснодарского музея	-	-	-	-	-	-	-	10 (+20)	-	-	-	-	-	-	Клад лома
	31 (12)	Кишпекский	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-
	32 (13)	Балашовский	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-
	33 (1)	Нарат-Эшик	-	-	-	-	-	-	-	50 (+)	-	-	-	-	-	-	-
	34 (2)	Река Гиляч	-	-	-	-	-	-	2	30?	-	-	-	-	-	-	-
	35 (3)	Урочище Индыш	-	-	-	-	-	-	-	1 (+)	-	-	-	-	-	-	-
	36 (4)	Карт-Джурт	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-
	37 (5)	Агур	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
	38 (6)	Боргустанский	-	-	-	-	-	-	2 (+6)	19 (+11)	1 (+9)	1 (+2)	-	-	-	-	Найден на поселении в двух сосудах
	39 (7)	Ростовский	-	-	-	-	-	4	-	46	1	-	1	-	-	-	-
	40 (8)	Бекешевский	-	-	-	-	-	2	1	3 (+)	1	2	-	-	-	-	-
	41 (9)	Курчанский II	-	-	-	-	1?	2	-	7	-	-	1	-	-	-	-
42 (10)	Упорненский	-	-	-	-	-	2	2	-	3	3	1	1	-	-	-	
43 (11)	Кяфарский	-	-	-	-	-	7	-	25	-	-	5	-	-	-	-	
44 (12)	Верхний Курп	-	-	-	-	-	1	4	-	-	-	3	-	-	-	-	
45 (13)	Ольгенфельд	-	-	-	-	-	-	-	1	2	1	-	-	-	-	Найден в насыпи кургана	

* В скобках указывается изначальное количество предметов той или иной категории в составе клада, известное по литературным или архивным источникам.

северокавказские топоры эпохи средней бронзы относятся к категории оружия (Корневский, 1981). Но, как представляется, это определение справедливо только для части таких изделий, его нельзя автоматически распространять на все топоры. Это, прежде всего, относится к топорам серии Рутха-Фаскау. Судя по их сложной, несколько вычурной форме, втулкам небольшого диаметра и некоторым другим деталям они не могли быть ни рабочими, ни боевыми топорами (Там же. Рис. 7, 12–21; 8, 1–18). Вероятно, их использовали в качестве наверхий или штандартов, то есть как некие символы.

Вместе с тем есть основание утверждать, что часть топоров была рабочими орудиями. В пользу этого говорит не только их форма, но и состав инвентаря некоторых катакомбных погребений. В них вместе с топорами были встречены долота и тесла (Братченко, Санжаров, 2001. С. 19–28, 36–39, рис. 15, 1, 4, 7; 24, 1, 3, 4). В совокупности эти три изделия образуют плотничный набор инструментов. Такое же их сочетание нередко встречается в северопричерноморских и северокавказских кладках металлических изделий эпохи средней бронзы (Привольненском, Костромском, «Патрее», Рыбаковском и т. д.). В кладках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Кавказа топоры нередко сопровождаются теслами (в Боргустанском, Бекешевском, Курчанском II и т. д.). При этом примечательно, что с оружием топоры встречаются очень редко.

К числу полифункциональных изделий следует также относить кельты. По своему назначению они во многом аналогичны проушным топорам. На территории Северо-Западного Кавказа, где на протяжении всей эпохи бронзы доминирующее положение занимали проушные топоры, кельты проникают из степной зоны только в эпоху поздней бронзы. Здесь, на новой территории, в конкуренции с топорами они, возможно, приобрели какое-то особое значение. По этой причине в таблице 2 они выделены в отдельное подразделение.

Однако изделия, входящие в один функциональный блок, рационально рассматривать вместе, в составе одного подразделения. Это касается набора украшений (браслетов, подвесок, медальонов и т. д.), оружия (наконечников копий, дротиков, кинжалов и т. д.), деревообрабатывающих инструментов (тесел, долот и т. д.), культовых предметов (антропоморфных и зооморфных украшений, булавок и т. д.). Между тем иногда нецелесообразно объединять в одном подразделении, например, слитки металла и лом, хотя

те и другие материалы являются сырьем. Нужно принять во внимание, что они имели разное происхождение. Слитки черновой меди были продукцией металлургов, а лом поступал от потребителей металлических изделий. Эти материалы как бы находились на противоположных полюсах процесса металлопроизводства, и, надо полагать, отношение к ним было разное. Но когда слитки и лом регулярно встречаются вместе, как, например, в группе ахметовских кладок, их допустимо включать в одно функциональное подразделение.

Последнее, на чем следует остановиться, это подразделение, получившее название «особые формы». В него вошли всего три предмета: металлическая чашечка из Михайловского клада (не сохранилась), медный (?) стержень из Полтавского клада и костяной распределитель бус из Былымского клада. Эти изделия оказались в одном подразделении благодаря тому, что они представлены в составе кладок в единичных экземплярах.

Таким образом, всего было выделено 14 функциональных подразделений. На пересечении горизонтальных и вертикальных столбцов таблицы 2 в соответствующих графах отмечено присутствие в кладке изделий той или иной категории.

Таблица 2 демонстрирует, что функциональный состав кладок с течением времени менялся. Так, во всех привольненских кладках и частично костромских отсутствуют серпы. Однако в них есть острия, ножи, шилья, которых нет в кладках ахметовского этапа. Еще больше отличаются друг от друга эти кладки, если их сгруппировать по эпохам. Напомним, что к кладкам эпохи средней бронзы относится 19 находок, к ахметовскому этапу и эпохе поздней бронзы — по 13 кладок. Из 14 учтенных в таблице 2 функциональных категорий общими для них оказались только семь, то есть половина. Правда, в тех и других кладках численно преобладают одни и те же категории изделий: проушные топоры, серпы и деревообрабатывающие инструменты (тесла и долота).

Но доли их различаются, что хорошо демонстрирует таблица 3. Из нее видно, что в кладках эпохи средней бронзы по сравнению с аналогичными памятниками ахметовского этапа и особенно поздней бронзы заметно чаще встречаются топоры, но реже — серпы. Что касается деревообрабатывающих инструментов, то здесь большой разницы не наблюдается. Примечательно, что в кладках ахметовского этапа деревообрабатывающие орудия практически отсутствуют. Они известны только в Батарейкинском кладке. Уменьшение доли

Таблица 3. Встречаемость топоров, серпов, тесел и долот в кладках средней бронзы, ахметовского этапа и поздней бронзы, доля от общего числа кладов, %

Table 3. Percentage of the occurrence of axes, sickles, adzes and chisels in the Middle Bronze Age hoards of the Akhmetovo stage and of the Late Bronze Age

Эпоха	Функциональная категория / группа изделий		
	Топоры	Серпы	Тесла, долота
Средней бронзы	95	21	47
Ахметовский этап	69	77	15
Поздней бронзы	54	84	46

топоров в кладках эпохи поздней бронзы, возможно, связано с тем, что в это время на Северо-Западном Кавказе получают распространение кельты. Следует добавить, что в этих кладках возрастает доля оружия, но совсем исчезают долота.

Есть основания предполагать, что отмеченные различия отражают те изменения, которые произошли в местной металлообработке в течение эпохи бронзы. Они, прежде всего, коснулись производства и потребления металлического инвентаря. В связи с этим будет интересно выяснить, насколько часто встречаются и сопрягаются друг с другом изделия различных категорий. Это позволит составить общее представление об ассортименте металлических изделий в сфере производства и потребления в ту или иную эпоху.

Но прежде следует сказать, что в структурном отношении кладки четко разделяются на две группы. В первую входят так называемые *чистые кладки*. Они состоят только из изделий одной категории. Это могут быть комплексы только из топоров, серпов или украшений и т. д. Вторая группа состоит из кладов, получивших название *комплексных*. В них есть изделия нескольких категорий, например: серпы и топоры, топоры, серпы и оружие и т. д. Таких категорий должно быть не менее двух. Чем больше клад, тем обычно разнообразнее его функциональный состав. В этом отношении показательны кладки Большое Садовое, Батарейкинский, Кяфарский (Kłoczko, 2013; Сокольский, 1980).

В нашей выборке оказалось восемь или девять «чистых» кладов. Один относится к привольненскому этапу (Кореновский), два — к костромскому (Кривой Рог и Белозерский), четыре — к ахметовскому (Аксаут, Маруха, клад Краснодарского музея, Кишпекский клад) и один или два — к бекешевскому (Нарат-Эшик и, возможно,

клад с р. Гиляч). Пять из них состоят только из топоров и три — только из серпов. Обычно это небольшие кладки, состоящие из нескольких вещей, но есть и крупные комплексы. К их числу относится клад из Карачаево-Черкесии — Нарат-Эшик, в составе которого было около 50 серпов.

Все остальные кладки (36) относятся к группе комплексных. В них входят как минимум изделия двух разных категорий. Число категорий, представленных в одном кладке, колеблется от 2 до 7. По количеству входящих в них предметов они, как правило, крупнее, чем чистые кладки.

Понятно, что чистые кладки имеют простейшую структуру, так как состоят из изделий одной категории. Гораздо сложнее структура комплексных кладов. Ее можно выявить и продемонстрировать с помощью нескольких схем. На них изображены все основные категории изделий, а связи между ними обозначены линиями. Одна связь соответствует одной линии. Чем больше линий соединяет те или иные категории изделий, тем сильнее они связаны.

Одна такая схема была построена для кладов эпохи средней бронзы, куда вошли привольненские и костромские кладки, вторая — для ахметовских кладов и третья — для кладов эпохи поздней бронзы (рис. 2–4).

На первой из этих схем видно, что наиболее выразительным является сочетание «топоры + деревообрабатывающие инструменты + ножи + шилья + острия» (рис. 2). Друг с другом они соединены как минимум двумя линиями. К ним примыкают серпы, слитки, оружие и украшения. Изделия остальных категорий отсутствуют или демонстрируют очень слабые связи. Следует подчеркнуть, что ядро этих кладов составляет связка «топоры + деревообрабатывающие инструменты + ножи». Между собой они сопряжены сильнее, чем с другими изделиями.

Очень четкую структуру демонстрируют ахметовские кладки (рис. 3). Почти все их изделия укладываются в триаду «топоры + серпы + слитки/лом». Из их состава полностью исчезают острия и шилья, в минимальном количестве представлены деревообрабатывающие инструменты, украшения и оружие.

Достаточно хорошо также просматривается структура кладов эпохи поздней бронзы (рис. 4). Ее образует связка «топоры + серпы + деревообрабатывающие орудия + кельты + оружие». За пределами остались острия, шилья, культовые предметы, украшения, лом и слитки. Ножи представлены в единственном экземпляре, но и

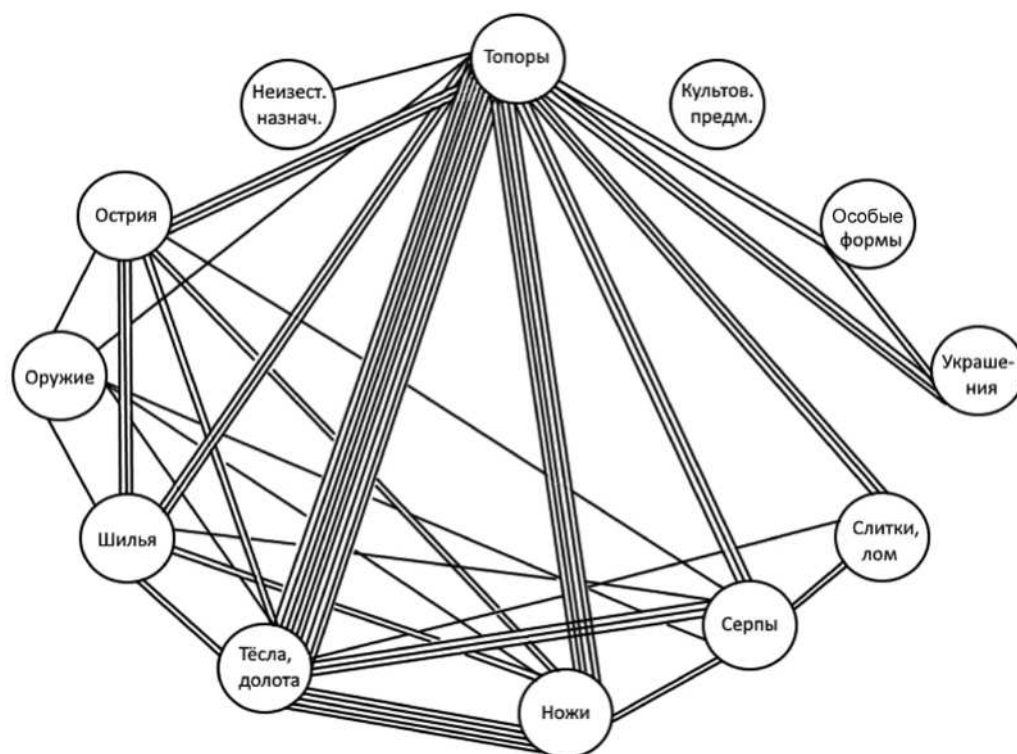

Рис. 2. Схема функциональной структуры кладов металлических изделий эпохи средней бронзы (привольненский и костромской этапы)

Fig. 2. Scheme of the functional structure of the hoards of metal objects from the Middle Bronze Age (Privolnensky and Kostromskaya stages)

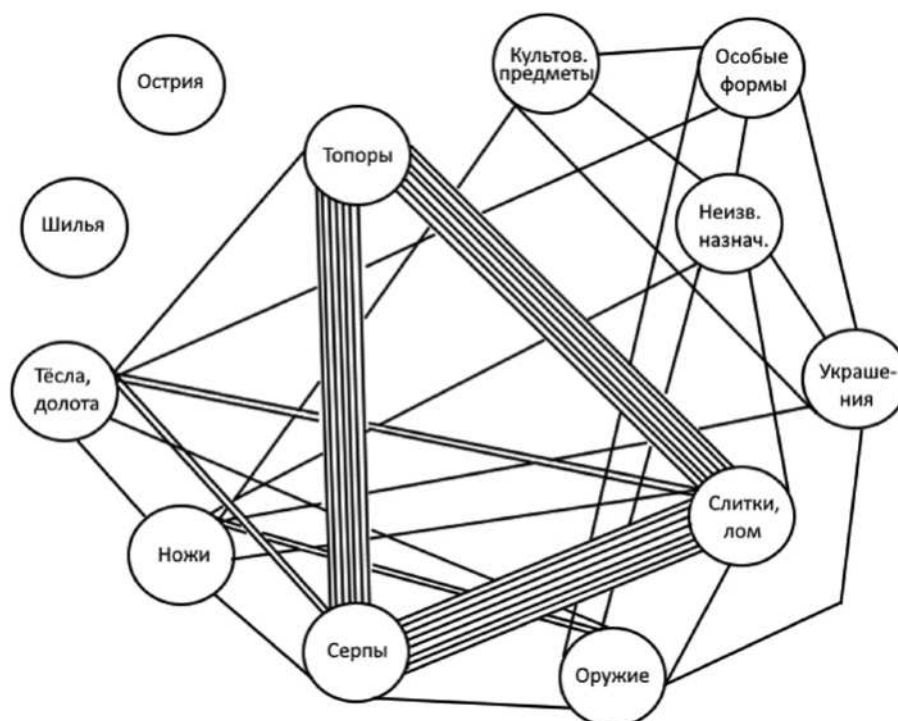

Рис. 3. Схема функциональной структуры кладов металлических изделий ахметовского этапа

Fig. 3. Scheme of the functional structure of the hoards of metal objects from the Akhmetovo stage

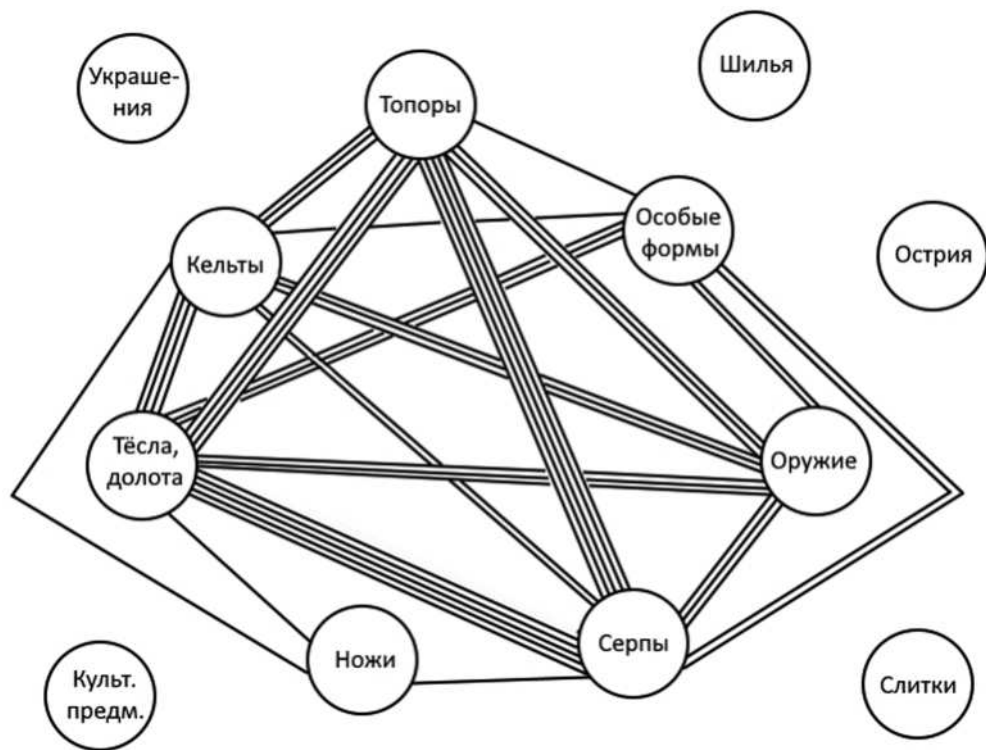

Рис. 4. Схема функциональной структуры кладов металлических изделий эпохи поздней бронзы (бекешевский и ольгенфельдский этапы)

Fig. 4. Scheme of the functional structure of the hoards of metal objects from the Late Bronze Age (Bekeshevo and Olgenfeld stages)

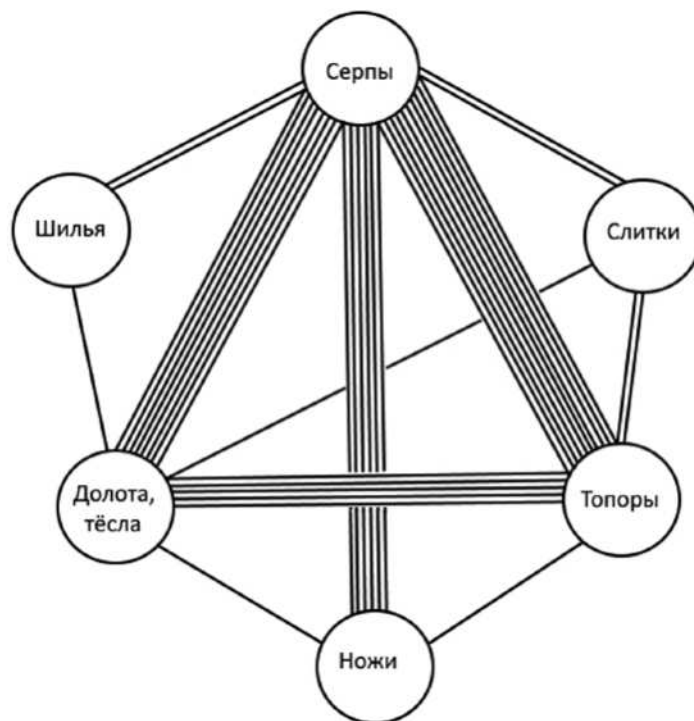

Рис. 5. Схема функциональной структуры кладов металлических изделий срубной культуры

Fig. 5. Scheme of the functional structure of the hoards of metal objects from Timber-Grave (Srubnaya) culture

Таблица 4. Частота встречаемости и количество изделий (экз.) разных функциональных категорий вкладах эпох средней и поздней бронзы
Table 4. Table of frequencies and data on the absolute quantity of functional categories of objects from hoards of the Middle and Late Bronze Age

Показатель	Функциональная категория изделий в составеклада													
	Топоры	Серпы	Тесла, долота	Ножи	Острия	Шилья	Украшения	Особые формы	Оружие	Неизвестного назначения	Культовые предметы	Кельты	Слитки	Лом
	Эпоха средней бронзы (привольненский и костромской этапы)													
Частота*	18	4	9	5	3	3	2	2	1	1	0	0	0	0
Количество	71 (+3)	41	54	9	8	3	6	2	2	1	0	0	0	0
	Ахметовский этап													
Частота	9	10	2	2	0	0	1	1	2	2	1	0	4	8
Количество	20 (+8)	93 (+20)	4	6	0	0	> 100	1	7	2	13	0	+	+
	Эпоха поздней бронзы (бекешевский и ольгенфельдский этапы)													
Частота	7	11	7	1	0	0	0	3	5	0	0	5	0	0
Количество	30 (+11)	168 (+9)	20 (+6)	1	0	0	0	7	8 (2)	0	0	10	0	0

* — статистический показатель, выражающий количество случаев встречаемости той или иной функциональной категории или группы изделий в составе кладов.

их функциональная атрибуция условна. Самым устойчивым является сочетание «топоры + серпы + деревообрабатывающие инструменты». Оно образует ядро кладов эпохи поздней бронзы.

Как можно было видеть, клады этих трех хронологических групп отличаются друг от друга по составу изделий, их связям и другим показателям. На некоторые их особенности следует обратить внимание. Так, только в самых ранних кладах (привольненских и части костромских) встречаются острия, шилья и ножи. Отметим, что чаще всего изделия этих категорий находят не в кладах, а в погребениях. Также примечательно, что лом есть только в ахметовских кладах. Он присутствует в большинстве из них (в 9 из 13). В четырех кладах он сопровождается слитками.

Наряду с этими различиями, вероятно, обусловленными изменениями в металлопроизводстве, они имеют одну общую и очень существенную черту. Если не брать в расчет небольшую группу привольненских кладов, то во всех остальных ядро составляет связка «топоры + серпы + деревообрабатывающие орудия» (табл. 4). Эти изделия не только встречаются чаще других, но и преобладают в количественном отношении. Больше всего в кладах было найдено серпов, за ними

следуют топоры, а замыкают тройку лидеров долота и тесла. Все другие изделия, даже в суммарном выражении, по численности уступают топорам и особенно серпам.

Итак, можно констатировать, что в большинстве кубанских кладов доминирует триада «топоры + серпы + деревообрабатывающие инструменты». Как показывает сравнительный материал, она характерна не только для этих памятников. Такая структура встречается во многих кладах эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уральского региона, Северного Причерноморья, Карпато-Балкан, Среднего Подунавья. Правда, в кладах трех последних регионов место проушных топоров занимают кельты. Но поскольку обе категории изделий имеют одинаковые функции, то эта замена не меняет сути дела. Подобное наблюдение можно сделать относительно кладов Западного Закавказья. В них, как и в кубанских кладах, доминируют топоры, но отсутствуют серпы. Их заменяют другие сельскохозяйственные орудия — мотыги и сечки (Коридзе, 1965; Рамишвили, 1974).

Важно подчеркнуть, что все эти клады происходят с разных, порой очень удаленных друг от друга территорий. Они принадлежат разным очагам металлопроизводства и культурам.

Последние различаются в экономическом отношении, по уровню развития и ряду других показателей. Тем не менее многие клады имеют одинаковую структуру. Это сходство можно объяснить тем, что во всех этих культурах и очагах наибольшее распространение получили изделия одних и тех же функций. Это рубящие орудия (топоры, кельты и т. д.), сельскохозяйственный инвентарь (серпы, мотыги и т. д.), деревообрабатывающие инструменты (долота, тесла и т. д.). Надо полагать, что предметов этих функциональных категорий было много в обращении, и по этой причине они чаще всего попадали в клады. Как свидетельствуют разнообразные археологические материалы, во многих европейских регионах в эпоху поздней бронзы уже было налажено их массовое производство (Бочкарев, 2010. С. 164–171). Благодаря этому они стали доступны широкому кругу потребителей и приобрели важное экономическое значение. Их собирали, накапливали и хранили как необходимую хозяйственную утварь. Возможно, такие собрания были как в индивидуальной, так и в коллективной собственности. Некоторые из них в силу разных обстоятельств так и остались лежать в своих хранилищах и дошли до нас в виде кладов.

Возможно, именно так образовались клады, основу которых составляют рубящие, сельскохозяйственные и деревообрабатывающие орудия. Насколько правдоподобно это предположение, можно проверить, обратившись к материалам других культур, например срубной. Она привлекательна тем, что ее металлопроизводство представлено довольно многочисленными и разнообразными источниками. Это клады, единичные и поселенческие находки металлических изделий, литейные формы. Кратко рассмотрим их. Начнем с кладов. В таблице 5 показан функциональный состав кладов, а на схеме — их структура (рис. 5). Она похожа на структуру многих северокавказских кладов. Это та же триада: топоры, серпы, деревообрабатывающие инструменты. Численно преобладают серпы, далее идут топоры и на третьем месте — долота и тесла.

Посмотрим теперь, как и в каких пропорциях представлены эти изделия в литейных формах срубной культуры. Находок литейных форм много, и почти все они происходят с поселений. В центре нашего внимания будут материалы Мосоловского поселения на Среднем Дону, исследованного А. Д. Пряхиным (Пряхин, 1996). Оно выделяется тем, что на нем было найдено беспрецедентно большое количество глиняных литейных форм — около 700 (рис. 6). Там же было обнару-

жено множество обломков плавильных чаш, шлаков, всплесков металла и других отходов металлообрабатывающего производства. А. Д. Пряхин назвал Мосолово поселением металлургов-литейщиков. Несомненно, оно было крупнейшим центром металлопроизводства срубной культуры.

Мосоловское поселение относится к ранней, или классической, срубной культуре, которая датируется III периодом эпохи поздней бронзы (Бочкарев, 2017. С. 171, рис. 8). Этот период длился сравнительно недолго, в пределах XVII–XVI вв. до н. э. Возможно, еще менее продолжительным было время существования самого Мосоловского поселения. Это однослойный памятник со сравнительно небольшой мощностью слоя. На его площади располагалось несколько десятков построек, которые за небольшим исключением не перекрывали друг друга.

Судя по литейным формам, в мосоловских мастерских изготавливали довольно широкий ассортимент изделий: проушные топоры, серпы, тесла, ножи, наконечники копий, заготовки для производства долот, шильев, украшений и т. д. (рис. 6; табл. 6). Количественно резко преобладают формы для отливки изделий первых двух категорий (топоров и серпов). По данным А. Д. Пряхина, для отливки предназначалось около 140 форм (Пряхин, 1996. С. 18). Труднее установить количество форм для серпов. По одним расчетам их было около 108 (Там же. С. 30), по другим — в два с половиной раза больше. Но, так или иначе, совершенно очевидно, что основной продукцией мосоловских кузнецов-литейщиков были топоры и серпы. Об этом прямо пишут Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых и А. С. Саврасов (Черных, Кузьминых, 1989. С. 5; Саврасов, 2000. С. 107).

Обращает на себя внимание то, что форм для отливки изделий других категорий найдено в несколько раз меньше, чем для топоров и серпов (табл. 6). Создается впечатление, что производство этих изделий имело второстепенное значение. Из их состава чаще всего встречаются негативы тесел и заготовок для долот. Их численность приближается к двум десяткам. Отметим также формы с двенадцатью и шестью или семью негативами для прутков. Из этих последних выковывались шилья, иглы, украшения (браслеты, височные кольца, пронизи и т. д.). Некоторые такие изделия были найдены в слое Мосоловского поселения (Пряхин, 1996. С. 50–54, рис. 26–28). По данным А. Д. Пряхина, всего четыре формы из 700 предназначались для отливки копий (Там же. С. 27, рис. 7).

Таблица 5. Функциональный состав кладов металлических изделий срубной культуры эпохи поздней бронзы, шт.

Table 5. Table of the functional composition of hoards of metal objects of the Late Bronze Age Srubnaya (Timber-grave) culture

№ п. п.	Название клада	Функциональная категория изделий в составе клада									Общее количество	Примечание
		Мотыжки	Топоры	Серпы	Тесла, долота	Ножи	Шилья	Иглы	Слитки	Прочие изделия		
1	Лебяжье-VI	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5	Поселение
2	Абзак	-	-	13	-	-	-	-	-	-	13	-
3	Мензеленский уезд	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5	-
4	Троицкое	-	-	2	-	-	-	-	-	-	3	Курган
5	Воютино	-	-	3	-	-	-	-	-	-	3	-
6	Казанская	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5	-
7	Червоное	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5	-
8	Бородаевка	-	-	3	-	-	-	-	-	-	3	-
9	Волостниковка (Знаменское)	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5	-
10	Уршак	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2	-
11	Майорский	-	1	1	-	-	-	-	+	-	>2	-
12	Аскарново	-	1	2	-	-	-	-	-	1	4	-
13	Ибракаево	1	1	11	-	-	-	-	-	-	13	-
14	Миловка	-	1	6	1	-	-	-	-	-	8	-
15	Альфа	-	1	5	1	-	-	-	-	-	7	-
16	Ильдеряково, Чистопольский уезд	-	+	24	2	-	-	-	+	-	>26	-
17	Ильдеряково, Бирский уезд	-	3	1	3	-	-	-	-	3	10	-
18	Бахчи	-	-	10	1	-	-	-	+	-	12	-
19	Киевская область	1	-	2	1	1	2	-	-	-	7	-
20	Богатыревка	-	-	1	1	1	1	1	-	-	5	-
21	Старо-Быков	-	-	3	1	1	-	-	-	-	5	-
22	Лохвицкий р-н	-	-	2	-	2	-	-	-	-	4	-
23	Ырыклы	-	1	6	-	1	-	-	-	-	8	-
24	Помаево	-	-	3	-	-	-	-	-	+	>3	-
25	Новая Красноярка	-	-	3	-	-	-	-	-	1	4	-
26	Общее количество	2	10 (+)	127	11	6	3	1	+	5 (+)	>165	-

Таблица 6. Количество негативов для отливки изделий различного функционального назначения с Мосоловского поселения, шт.

Table 6. The number of negatives for casting objects of different functional purpose from the Mosolovo settlement

Функциональная категория изделий								
Серпы	Топоры	Тесла	Ножи	Прутья	Наконечники копий	Долота	Мотыжки	Прочие изделия
≈263	≈140	≈13	≈ 12	≈ 6-7	≈ 4	≈ 3-4	1	> 4

Таблица 7. Количество случайных и поселенческих находок металлических изделий срубной культуры, шт.

Table 7. Data on the quantity of stray and settlement-site finds of metal objects of the Srubnaya culture

Функциональная категория изделий			Итого
Серпы	Топоры	Тесла, долота	
105	49	23	177

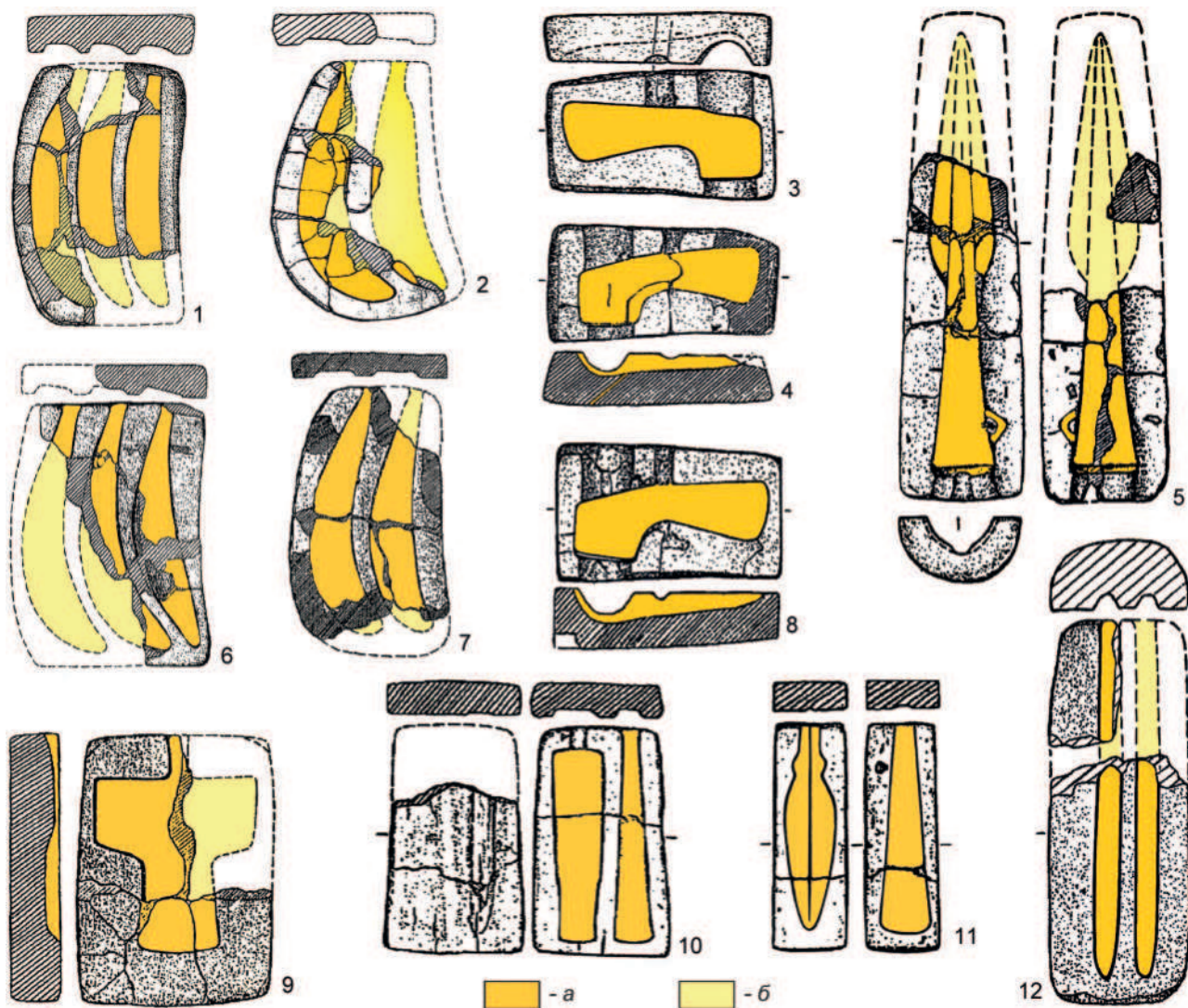

Рис. 6. Литейные формы (1-12) из Мосоловского поселения (на основе: Пряхин, 1996). Условные обозначения: а — негатив сохранившийся; б — негатив реконструированный

Fig. 6. Casting moulds from the Mosolovo settlement (Пряхин, 1996). Keys: а — preserved negative; б — reconstructed negative

Приведенные данные о количестве литейных форм для тех или иных изделий, конечно, не могут считаться точными, они ориентировочны. Однако они воспроизводят очень выразительную картину состояния металлообработки как на Мосоловском поселении, так и во всей срубной культуре. Достоверность этих данных подтверждается материалами другого вида источников — единичными и поселенческими находками металлических изделий. Их известно довольно много. Правда, их культурная и хронологическая идентификация не всегда ясна. Не все их можно уверенно датировать III периодом и отнести к срубной культуре. Это касается ножей, копий, долот, украшений. К срубной культуре III периода уверенно можно отнести серпы ибракаевского типа, широковислообушные топоры и плоские тесла. В итоге удалось учесть 105 таких серпов, 49 топоров, 23 тесел и долот (табл. 7). Все они принадлежат к разряду единичных, то есть некомплексных и поселенческих находок. Серпов оказалось в два раза больше, чем топоров, и в пять раз больше, чем тесел. В свою очередь численность топоров в 2,4 раза превосходит количество тесел. Как уже указывалось, такой же порядок частоты встречаемости этих изделий зафиксирован в кладах и литейных формах. Примерно одинаково и их пропорциональное соотношение. Во всех трех источниках преобладают серпы и топоры. За ними с большим отрывом следуют тесла и долота. Изделия других категорий замыкают ряд.

Описанный выше материал отражает разные сферы металлообработки: литейные формы — непосредственно само производство, единичные и поселенческие находки — потребление металлических изделий, а клады — их накопление и перераспределение. Совпадение данных этих трех разных видов источников не может быть случай-

ным явлением. В совокупности они образуют единую систему металлопроизводства, в которой клады были отдельной составляющей. Многие из них формировались спонтанно в соответствии со сложившейся конъюнктурой в производстве и потреблении металлических изделий населения срубной культуры. Такие клады являются запасами хозяйственной утвари, поэтому они условно могут быть названы «хозяйственными» или «ординарными» кладами.

Итак, материалы срубной культуры свидетельствуют в пользу предположения, что описанная трехчастная структура северокавказских кладов в значительной мере определялась состоянием местного металлопроизводства. Судя по всему, оно уже было ориентировано на выпуск хозяйственной утвари для широкого круга потребителей. Это нашло отражение в составе кладов. Если следовать «срубной» аналогии, то многие северокавказские клады также можно назвать ординарными. При этом следует подчеркнуть, что к их числу относятся как клады, состоящие преимущественно из целых изделий, так и те, в составе которых преобладает лом. Последние по общепринятой классификации относятся к типу кладов литейщиков. Их также следует относить к типу ординарных кладов, но к особому варианту. Они практически идентичны по набору изделий другим ординарным кладам, но различаются по физическому состоянию входящих в них изделий. Этими двумя вариантами не ограничивается разнообразие северокавказских кладов. В связи с этим прежде всего следует назвать Былымский клад, найденный в пещере и состоящий преимущественно из украшений и культовых предметов (Батчаев, 1980). По составу и контексту он является типичным вотивным комплексом.

Аптекарев, Козенкова, 1981 — Аптекарев А. З., Козенкова В. И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорная // СА. 1981. № 3. С. 121–135.

Батчаев, 1980 — Батчаев В. М. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1980. С. 26–51.

Братченко, Санжаров, 2001 — Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ: Вид-во Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля, 2001. 109 с.

Бочкарев, 1972 — Бочкарев В. С. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской области // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 87–91.

Бочкарев, 1996 — Бочкарев В. С. Новые данные о прикубанском очаге металлообработки эпохи бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб., 1996. С. 96–97.

Бочкарев, 2010 — Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИнфоОл, 2010. 231 с.

- Бочкарев*, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень. С. 159–204.
- Бочкарев*, 2019 — *Бочкарев В. С.* Технологический принцип периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // *Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. В. А. Лопатина. Саратов, 2019. Вып. 15. С. 20–30.
- Бочкарев, Пелих*, 2019 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., С.-Петербург)*. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач.. СПб.: ИИМК РАН. 2019. С. 179–183.
- Бочкарев и др.*, 2021 — *Бочкарев В. С., Климушина А. И., Тутаява И. Ж.* Новый клад металлических изделий эпохи бронзы с Таманского полуострова // XVI Междунар. археологическая конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: Материалы конф. (25–30 ноября 2021 г., Ростов-н/Д.) / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2021. С. 77–82.
- Бронзовый век. Европа без границ*, 2013 — *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетие до н. э.: Каталог выставки* / Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Добровольский*, 1948 — *Добровольский А. В.* Бериславский скарб бронзової доби // *Археологія*. 1948. Т. 2. С. 152–163.
- Гей*, 2000 — *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Егоров*, 1951 — *Егоров Н. М.* Боргустанский клад 1941 г. // *СА*. 1951. Вып. XV. С. 292–295.
- Иессен*, 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // *Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935 (Известия ГАИМК; Вып. 120). С. 7–237.
- Иессен*, 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // *СА*. 1950. № 1. С. 39–53.
- Иессен*, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. М.; Л.: АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
- Ильюков*, 1999 — *Ильюков Л. С.* Ростовский клад бронзовых вещей // *Донская археология*. 1999. № 3–4. С. 61–64.
- Кияшко*, 2002 — *Кияшко А. В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. 268 с.
- Кияшко*, 2019 — *Кияшко А. В.* Финал среднего — поздний бронзовый век Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы // *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции...)*. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 54–55.
- Кияшко*, 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // *АВ*. 2020. Вып. 30. С. 207–222.
- Климушина*, 2019 — *Климушина А. И.* Об одном типе металлических топоров эпохи бронзы Северного Кавказа // *Археология восточно-европейской степи*. Саратов, 2019. Вып. 15. С. 209–216.
- Ковалева и др.*, 1978 — *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И. и др.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // *Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э.* / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ГУ, 1978. С. 4–31.
- Колотухин*, 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стило, 2003. 139 с.
- Кореневский*, 1981 — *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)* / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
- Коридзе*, 1965 — *Коридзе Д. Л.* К истории колхидской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 168 с.
- Кривцова-Гракова*, 1955 — *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: АН СССР, 1955 (МИА; № 46). 168 с.

- Лопатин, 1993 — Лопатин А. М. Успенский клад эпохи средней бронзы // Первые чтения по археологии Средней Кубани / Под ред. В. Б. Виноградова. Армавир: б. и., 1993. С. 9–12.
- Марковин, Глебов, 1979 — Марковин В. И., Глебов А. И. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской // СА. 1979. № 2. С. 239–245.
- Мокрушин, Нарожный, 2017 — Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. Новые материалы предскифского времени с поселения Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. 1. С. 297–303.
- Нечитайло, 1994 — Нечитайло А. Л. Клад серпов поздней бронзы из урочища Нарат-Эшик в Карачае // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Кисловодск: б. и., 1994. С. 27–28.
- Нечитайло, Недопако, 1996 — Нечитайло А. Л., Недопако Д. П. Комплекс Нарат-Эшикских серпов // Историко-археологический альманах. Армавир: М., 1996. Вып. 2. С. 13–18.
- Новичихин, 1996 — Новичихин А. М. Натухаевский клад эпохи средней бронзы // Исторические записки. Исследования и материалы. 1996. Вып. 2. С. 86–89.
- Новичихин, 2012 — Новичихин А. М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах. 2012. № 11. С. 4–11.
- Новичихин и др., 2021 — Новичихин А. М., Смекалова Т. М., Демченко А. А. Курчанский клад в свете новых исследований // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2021. С. 291–299.
- Пряхин, 1996 — Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. Кн. 2. 176 с.
- Рамишвили, 1974 — Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхети. Батуми: Сабчота Аджара, 1974. 138 с.
- Рысин, 1996 — Рысин М. Б. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. ... СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 78–81.
- Савва, 1992 — Савва Е. Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992. 228 с.
- Саврасов, 2000 — Саврасов А. С. Организация производственной деятельности населения срубной культурно-исторической общности (металлообработка и металлургия) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы междунар. конф. (Воронеж, 16–18 ноября 2000 г.). Воронеж: б. и., 2000. С. 104–110.
- Сокольский, 1980 — Сокольский И. Н. Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.
- Черных, 1966 — Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Изд-во АН СССР, 1966 (МИА; № 132). 144 с.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения срубной общности / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 5–14.
- Черняков, 1967 — Черняков И. Т. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // Записки Одесского археологического общества. 1967. № 2. С. 23–37.
- Шилов, 1959 — Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). М.: АН СССР, 1959. Т. 1 (МИА; № 60). С. 11–38.
- Kłoczko, 2013 — Kłoczko V. I. Skarby Bolshoye Sadovoye I Kirovskoye z Krymu w kontekście związków Północnego Naczarnomorza ze Wschodnim Śródziemnomorzem we wczesnym okresie epoki brązu // Gdańskie Studia Archeologiczne. 2013. № 3. S. 167–186.
- Lordkipanidze, 2001 — Lordkipanidze Ot. “Gandzebi” kolxuri brinjaos kulturashi (funqciis, definiciisa da kulturul-sociologiuri interpreteciis cda) [“Hoards” in Colchian Bronze Culture (An attempt at functional definition and sociological and ethnocultural interpretation)] // Caucasus essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Dedicated to the 80th birthday of Prof. Otar Japaridze. Tbilisi, 2001 (Dziebani: Center for Archaeological Studies of the Georgian Academy of Sciences. Supplement VI). P. 178–194.

The problem of classification and cultural-historical interpretation of the Bronze Age hoards of metal objects from the North-Western Caucasus

V. S. Bochkarev, A. I. Klimushina⁷

Keywords: functional composition of hoards of metal objects, Bronze Age, Northern Caucasus, cultural and historical interpretation.

This paper is devoted to analysis of the functional composition of hoards of metal objects from the Northern Caucasus and the neighbouring steppe areas (Crimea, Don River region, Lower Dnieper region) where hoards with objects of the North-Caucasian type also have been found. The sites under consideration are dated to the epochs of the Middle and Late Bronze Age and embrace the chronological range from the late 3rd to the early 1st millennium BC. Analysis of the functional composition has demonstrated that the North-Caucasian hoards of the Bronze Age had a certain structure which possibly was changing in the course of time. However its basis always was constituted by the following categories: chopping tools (axes, celts), agricultural implements (sickles) and wood-working tools (chisels, adzes). Except for one case (Bylym complex), cult objects and ornaments are absent in the hoards; weaponry (daggers, spearheads etc.) is rather rarely encountered. This composition of the hoards, in the present authors' opinion, reflects the established trend in the spheres of consumption and production of metal artefacts. In these complexes, those metal objects were stored and kept which were most needed in the economy of the local population. Hoards of this type can be called *economic* ones or, considering their high numbers, ordinary hoards. Beside them, the materials under consideration include treasures also of other types, the emergence of which was not caused by economic factors.

⁷ Vadim S. Bochkarev, Alexandra I. Klimushina — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: bovad872@gmail.com; Elizavetaklim21@mail.ru.

Серия металлических кинжалов позднего бронзового века с берега реки Ярыксу (Дагестан)¹

О. В. Сычева²

Аннотация. В статье проанализированы 19 бронзовых кинжалов, которые входили в коллекцию предметов из разрушенного могильника, расположенного в бассейне реки Ярыксу (Дагестан). Даны характеристики изделий, проведен анализ металла, сделана типология. Ареал распространения таких клинков концентрируется на территории так называемого восточного варианта кобанской культуры. Датируются кинжалы концом II — началом I тыс. до н. э., а именно XII–IX вв. до н. э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, поздний бронзовый век, кобанская культура, бронзовые кинжалы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-126-135

В 2018 г. в окрестностях с. Симсир Хасавюртовского района Республики Дагестан в бассейне реки Ярыксу (на границе с Ножай-Юртовским районом Чеченской Республики) после разрушения могильника была собрана коллекция археологических предметов. Она состоит из 160 вещей, среди которых: украшения (браслеты, подвески, бусы, булавки, пуговицы), оружие (наконечники стрел, кинжалы, топоры, копья), долота, керамическая посуда. Памятник, из которого происходит эта коллекция, вероятнее всего являлся могильником позднего бронзового века, который по разным причинам оказался разрушенным.

В настоящее время сохранившиеся предметы этого собрания находятся в частной коллекции. Достоверно известно, что отдельные артефакты, а именно бронзовые наконечники копий, бронзовый топор, три бронзовых и одно каменное долото, каменные булавы и керамические сосуды, были утеряны, и их местонахождение на данный момент неизвестно.

Самая представительная категория из сохранившихся — кинжальные клинки. К сожалению, учитывая характер происхождения коллекции, мы не можем с точностью говорить о контексте нахождения кинжалов. По аналогии с другими подобными находками можно предположить, что кинжалы находились в мужских захоронениях в области талии, рук или спины. Принимая во внимание, что такой большой серии подобных кинжальных клинков, происходящих из этой области Кавказа, еще не было, думается, есть необходимость ввести их в научный оборот.

Общее описание сохранившегося предметного комплекса Украшения

Браслеты. Все браслеты бронзовые; выделено четыре типа. Первый тип — манжетовидные рельефные браслеты (6 экз.), или, как их описывает В. И. Марковин, — браслеты с нервюрами. Подобные браслеты являются массовой находкой из Сержень-Юртовского могильника, где обнаружены в 17 комплексах (Козенкова, 2002. С. 100). В. И. Козенкова относит их к III типу и датирует концом II — началом I тыс. до н. э. (Там же). Близкие аналогии браслетам данного типа встречаются и в других могильниках Северо-Восточного Кавказа (Зандаке, Аллерое 1, Ахкинчу-Барзое, Майртупе II — Там же), а также

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: olysycheva@gmail.com.

как случайные находки (в селении Шали, Чеченская Республика — см.: *Марковин*, 2002. С. 135).

Второй тип браслетов — довольно простые в изготовлении украшения из согнутого бронзового прута (30 экз.). Форма их круглая, линзовидная или плоская в сечении. Концы браслетов этого типа, как правило, закруглены. Аналогии им имеются в Зандакском, Талгинском, Тарксинском, Мугерганском могильниках, Кафыр-Кумухе, кургане 1 у станции Манас (*Там же*). По мнению В. И. Марковина, подобные браслеты связаны с каякентско-хорочоевской культурой позднего бронзового века (*Там же*). Схожие по форме браслеты, с раскованными и иногда заостренными концами, а также с орнаментацией в виде насечек, косой сетки, зигзагов или точек, были обнаружены в Сержень-Юртовском могильнике (*Козенкова*, 2002. С. 103). В. И. Козенкова связывает данный тип браслетов с местной культурной традицией.

Третий тип браслетов — с зооморфным окончанием в виде головки барана, украшенный имитацией зерни (1 экз.). Аналогии данному браслету также находятся в Сержень-Юртовском, Майртупском, Зандакском могильниках. В. И. Козенкова относит их к VI типу, а происхождение связывает с культурами Западной Европы, датируя их самым концом II тыс. до н. э. (*Там же*. С. 102). Несмотря на то что в коллекции присутствует лишь один браслет, на основании распространенности данного типа можно предположить, что изначально в этом разрушенном могильнике таких браслетов могло быть больше.

Четвертый тип браслетов — «решетчатые» ажурные (8 экз.). Точно такие же браслеты были найдены в могильнике Майртуп II (*Виноградов, Дударев*, 2003. С. 17).

Подвески. Они представлены двумя типами. Первый тип — так называемые наконечники в форме плотно скрученных бронзовых спиралей (7 экз.). Этот тип имеет широкие аналогии в памятниках Северо-Восточного Кавказа: в Зандакском, Сержень-Юртовском и Луговском могильниках. Также они известны в Кумбултском могильнике Центрального Кавказа (*Марковин*, 2002. С. 133).

Второй тип — височные подвески, которые в свою очередь можно также разделить на два подтипа. Подтип 1 — кольцевидной формы с широкими заходящими друг за друга лопастями (9 целых экземпляров и 14 фрагментов). В. И. Козенкова относит их к III типу своей классификации (*Козенкова*, 2002. С. 105). Подтип 2 — узкие и загнутые в 1,5–2,0 оборота подвески (24 целых

экземпляра и 9 фрагментов). Некоторые из подвесок подтипа 2 имеют удлиненные пропорции, при этом в сечении они плоские, а края могут быть как приостренные, так и скругленные. Оба подтипа также довольно широко распространены в памятниках Северного и Южного Кавказа.

Украшения головного убора. В количестве двух фрагментов в коллекции присутствуют бронзовые окончания «спирали из лопастных колец». Подобные изделия были обнаружены в Сержень-Юртовском могильнике и являлись украшениями головного убора (*Козенкова*, 2002. Табл. 2, 8; 5, 13; 33, 5; 37, 10; 44, 22–24; 57, 19–22; 58, 13, 14; 61, 7–9; 67, 18, 23).

Булавки. Среди предметов коллекции имеются булавки, часто встречающиеся в синхронных комплексах с уже описанными изделиями. Булавки представлены двумя типами: первый тип — стержневидные с закрученными в трубочку головками (3 экз.). По классификации В. Б. Техова, они принадлежат к VIII типу (*Техов*, 1977. С. 45). Аналогии им встречаются в Тлийском, Стырфазском, Кумбултийском, Мцхетском могильниках (*Там же*), а также в Майртупском могильнике (*Виноградов, Дударев*, 2003. С. 16). Близкой аналогией также можно считать находку из Сержень-Юртовского могильника, однако она имеет витой стержень (*Козенкова*, 2002. С. 108). Второй тип — с треугольным навершием и закрученным в трубочку концом (1 экз.). Аналогии встречаются в Аллероевском 1, Курен-Белойском, Ножай-Юртовском 1 могильниках (*Виноградов*, 1972. С. 356, 357, 366, 368, 370; рис. 40; 41; 50; 52; 54).

Пуговицы. Они представлены одним типом — с петельками и «грибовидными» шляпками (13 экз.). Аналогии им встречаются в могильниках Аллероевском 1 (*Там же*. С. 356, рис. 40, 8), Тлийском и Эльхотовском (*Техов*, 1977. С. 170, рис. 114, 57).

Привески. Массовыми находками коллекции являются массивные ножницеvidные привески (18 экз.). В. И. Козенкова определила их как украшение пояса (*Козенкова*, 2002. С. 114). Подобные привески были найдены в Сержень-Юртовском и Майртупском могильниках (*Козенкова*, 2002; *Виноградов, Дударев*, 2003).

Среди материалов коллекции выделяется новый, ранее не встречавшийся тип привесок, аналогии которым пока не найдены (7 экз.). Это изделия в форме замочной скважины с круглой прорезной верхней частью, разделенной на три или четыре сектора, и литой удлиненной утолщенной нижней частью.

Оружие

Среди оружейного комплекса серию составляют *бронзовые стрелы-площики* (7 экз.) — черешковые стрелы с треугольным пером. Аналогии подобным стрелам обнаружены в могильниках Зандакском, Нестеровском, Аллерой 1, в Сержень-Юртовском поселении и могильнике и на поселении Бамут (Марковин, 2002. С. 130). В Тлийском могильнике была обнаружена стрела-площик в единственном экземпляре (Техов, 1977. С. 80; Чшиев, 2017. С. 342, рис. 34; 35).

На кинжальных клинках следует остановиться подробнее, так как они являются одной из самых показательных и интересных составляющих коллекции.

Кинжальные клинки

Опись

Кинжал 1 (рис. 1, 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком. На клинке виден след от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, которые сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 16,1 × 5,8 см. Вес 70,26 г.

Кинжал 2 (рис. 1, 2). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, две из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается, его кончик обломан. Размер 19,5 × 7,2 см. Вес 129,67 г.

Кинжал 3 (рис. 1, 3). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась семью заклепками, четыре из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 18,6 × 6,7 см. Вес 125,05 г.

Кинжал 4 (рис. 1, 4). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком, со слегка выраженным круглым черенком (возможно, раскованный литник) с отверстием. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, одна из них сохранилась. Он плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 16,2 × 6,5 см. Вес 94,26 г.

Кинжал 5 (рис. 1, 5). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной.

Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, одна из них сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 20,8 × 6,9 см. Вес 129,49 г.

Кинжал 6 (рис. 1, 6). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным обушком. Рукоять к клинку крепилась двумя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, у обушка имеет три продольных ребра жесткости, тогда как остальная его часть имеет сечение в форме двояковыпуклой линзы. Размер 17,1 × 4,6 см. Вес 69,44 г.

Кинжал 7 (рис. 1, 7). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 10 × 4,6 см. Вес 44,99 г.

Кинжал 8 (рис. 1, 8). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным обушком с выемкой посередине. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась двумя заклепками, одна сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 6,4 × 4,8 см. Вес 23,78 г.

Кинжал 9 (рис. 2, 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком, круглым черенком (возможно, раскованный литник) с отверстием. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, две из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 15,5 × 6,2 см. Вес 75,30 г.

Кинжал 10 (рис. 2, 2). Бронзовый клинок треугольной формы с обушком подтреугольной формы. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, одна из них сохранилась. Одно отверстие пробито по самому краю обушка. Клинок в сечении имеет форму вытянутого ромба. Кончик острия обломан. Размер 15,8 × 4,9 см. Вес 81,05 г.

Кинжал 11 (рис. 2, 3). Бронзовый клинок треугольной формы с обушком подтреугольной формы. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 15,1 × 4,3 см. Вес 53,84 г.

Кинжал 12 (рис. 2, 4). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным обушком.

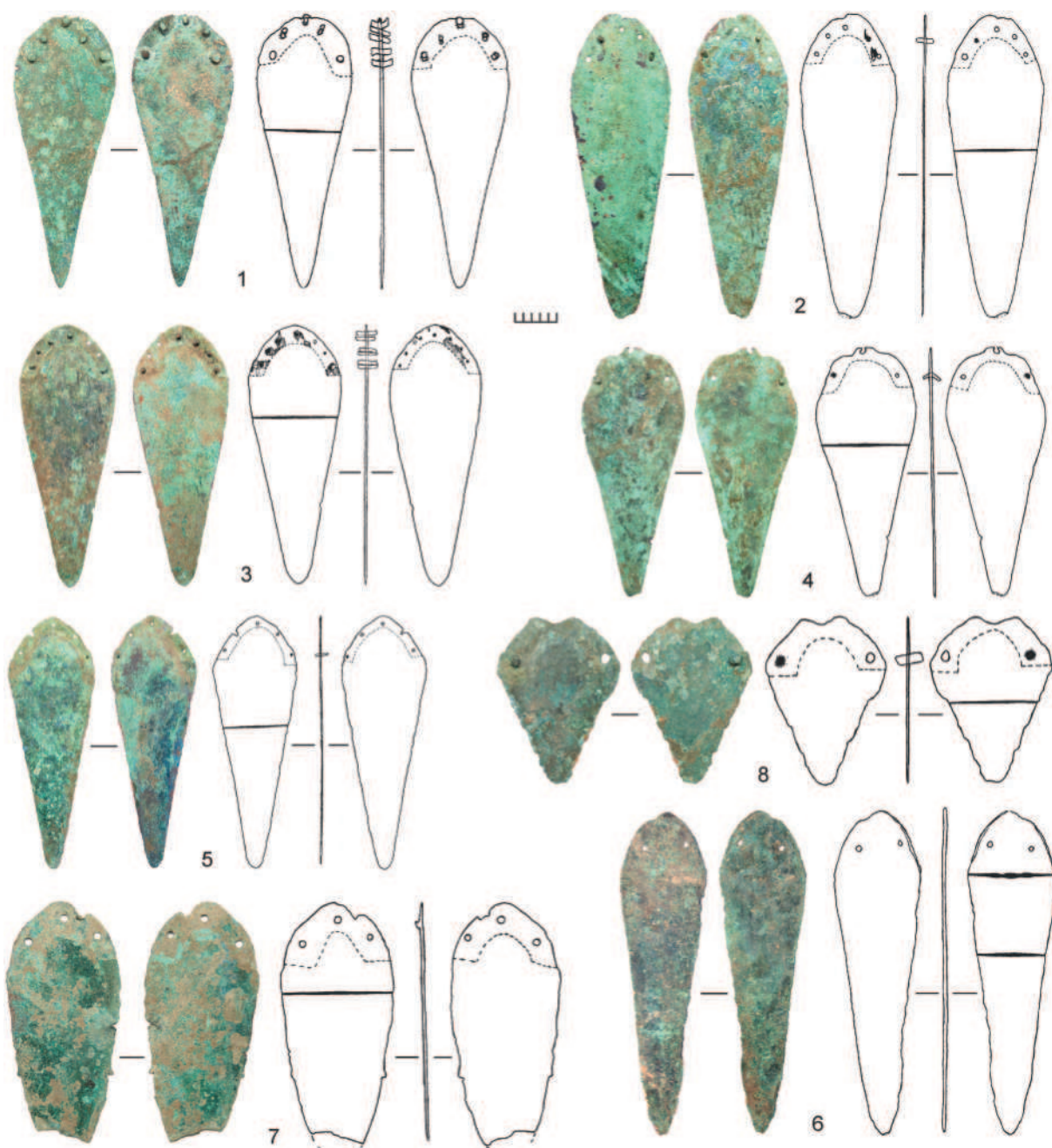

Рис. 1. Кинжальные клинки 1–8 с берега р. Ярыксу, Дагестан. Здесь и далее нумерация клинков соответствует инвентарным номерам и номерам в таблицах

Fig. 1. Dagger blades nos. 1–8 from the bank of the Yaryksu River, Dagestan. Here and below, the numbering of the blades corresponds to the inventory nos. and numbers in the tables

На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась шестью заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 17,8 × 5,4 см. Вес 98,78 г.

Кинжал 13 (рис. 2, 5). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным обушком. На округлом обушке фрагмент прокован-

ного литника аморфных очертаний с отверстием. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 17,3 × 6,5 см. Вес 96,42 г.

Кинжал 14 (рис. 2, 6). Бронзовый клинок треугольной формы с обушком подтреугольной

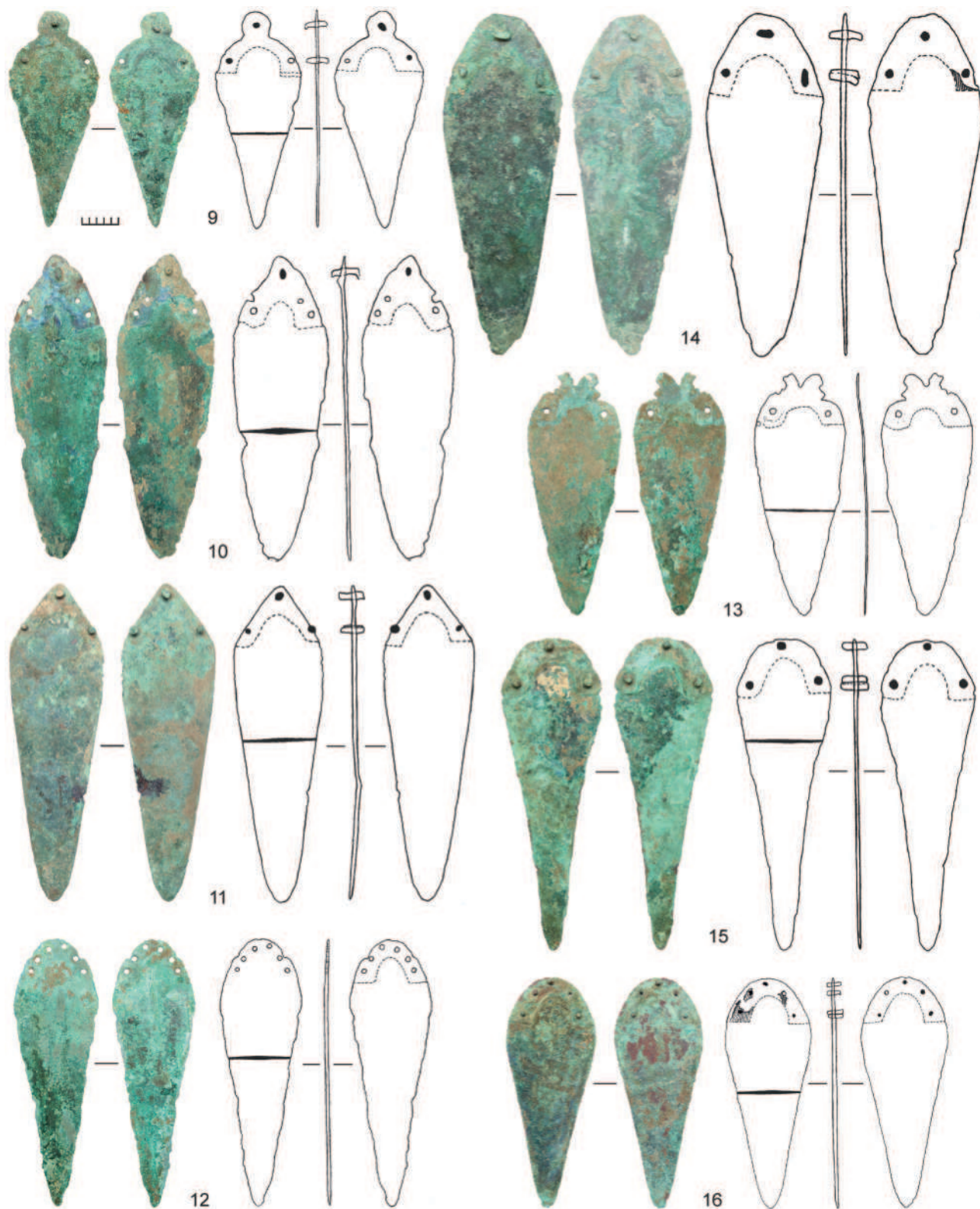

Рис. 2. Кинжальные клинки 9–16 с берега р. Ярыксу, Дагестан
 Fig. 2. Dagger blades nos. 9–16 from the bank of the Yaryksu River, Dagestan

формы. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 13,5 × 4,6 см. Вес 62,98 г.

Кинжал 15 (рис. 2, 7). Бронзовый клинок треугольной формы с овальным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 15,6 × 5 см. Вес 73,06 г.

Кинжал 16 (рис. 2, 8). Бронзовый клинок треугольной формы с овальным обушком. На клинке прослеживаются следы и фрагменты органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, четыре из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 18,6 × 7,0 см. Вес 172,61 г.

Кинжал 17 (рис. 3, 1). Бронзовый клинок треугольной формы с овальным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась пятью заклепками, одна из них сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 19,9 × 6,9 см. Вес 103,87 г.

Кинжал 18 (рис. 3, 2). Бронзовый клинок треугольной формы с овальным обушком. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась тремя заклепками, все они сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Кончик острия обломан. Размер 15,9 × 5,6 см. Вес 72,05 г.

Кинжал 19 (рис. 3, 3). Бронзовый клинок листовидной формы с овальным обушком. На клинке прослеживаются следы и фрагменты органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять крепилась тремя заклепками, все они сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка утончается. Размер 16,3 × 5,3 см. Вес 96,84 г.

Характеристика, классификация, аналогии и датировка кинжальных клинков

Все изделия покрыты патиной зеленого цвета с малахитовым оттенком, местами патина голубая. Относительно техники и технологии их изготовления можно отметить, что кинжалы, вероятнее всего, были отлиты и затем прокованы с целью придания им окончательной формы. Небольшие отверстия на клинке (с максимальным диаметром 0,5 см), несомненно, предназначались для крепления черенка к рукояти, которая изготавливалась из органических материалов. На двух кинжалах

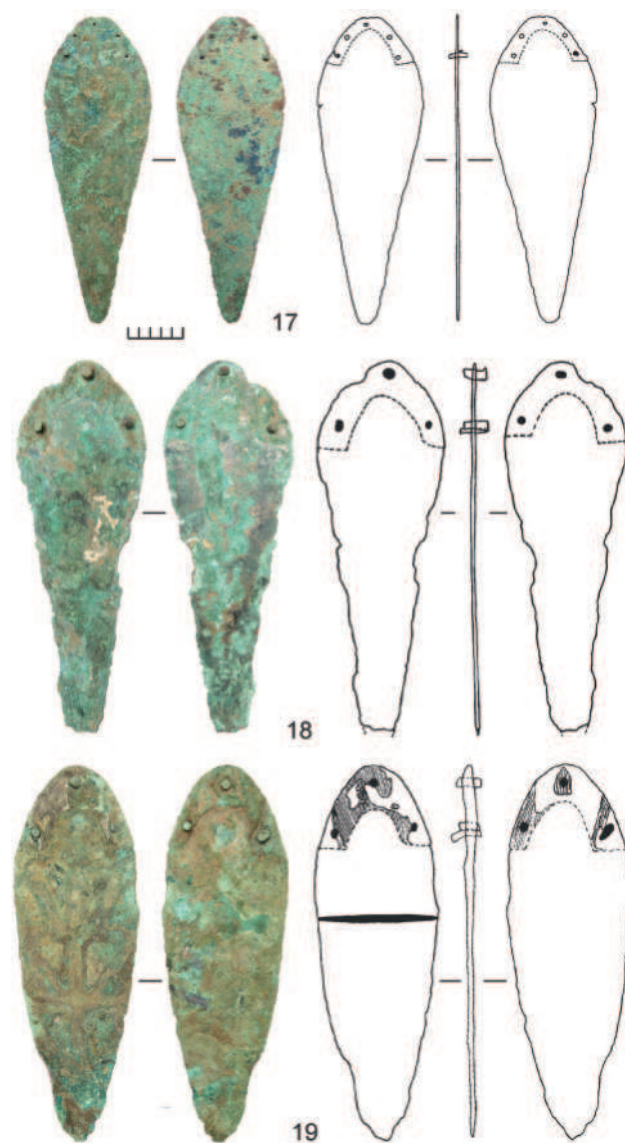

Рис. 3. Кинжальные клинки 17–19 с берега р. Ярыксу, Дагестан

Fig. 3. Dagger blades nos. 17–19 from the bank of the Yarksu River, Dagestan

сохранились фрагменты деревянной рукояти. Количество отверстий варьирует от двух до семи. Вероятно, они пробивались металлическим штырем, так как на ряде кинжалов отверстия с одной стороны углублены, а с обратной — находятся на одном уровне с лезвием клинка. На некоторых экземплярах в таких отверстиях сохранились металлические «гвоздики», оба конца которых были расплющены (например, кинжалы 1–4, 8–11).

Все кинжалы имеют подтреугольную форму клинка и являются плоскими в сечении. Существенно кинжалы отличаются только той частью,

к которой крепилась рукоять. По этому признаку они разделены на два типа.

К I типу относятся кинжалы с небольшим черенком, или «язычком», с треугольным лезвием и отверстиями для крепления рукояти (4, 9, 13, 18). Одно отверстие располагалось на черенке, а два других — симметрично по сторонам.

Ко II типу относятся кинжалы без выделенного черенка. Их, в свою очередь, можно разделить на два варианта. К 1-му варианту относятся изделия с овальным верхом, треугольным клинком и отверстиями для крепления рукояти (1–3, 7, 8, 12, 15, 16). Ко 2-му варианту относятся кинжалы с подтреугольным верхом и отверстиями для крепления рукояти (5, 6, 10, 11, 14, 17, 19).

Абсолютные размеры кинжалов находятся в диапазоне от 13 до 21 см и не зависят от типа изделия (с черенком или без него). Исключения составляют кинжалы 7 и 8. Кинжал 7 обломан (рис. 1, 7), и мы можем только предположить его изначальные размеры, а кинжал 8 (рис. 1, 8) изначально имеет небольшие размеры (возможно, он был сильно сточен). Вес кинжальных клинков колеблется от 23 до 172 г.

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа кинжальных клинков с берега р. Ярыксу
Table 1. Results of X-ray fluorescent analysis of the dagger blades from the bank of the Yaryksu River

№ по описи	Содержание металла, %						
	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие
1	Осн.*	1–2	<0,4	Сл.*	Сл.	?	Fe
2	Осн.	2–4	–	<0,6	?	–	Fe
3	Осн.	1–2	–	<0,7	Сл.	–	Fe
4	Осн.	5–7	–	<0,5	Сл.	Сл.	Fe
5	Осн.	2–4	Сл.	<0,8	Сл.	Сл.	Fe
6	Осн.	~1	6–7	<0,5	–	Сл.	Fe
7	Осн.	1–2	1–2	<0,4	<0,2	Сл.	Fe
8	Осн.	2–4	2–3	<0,6	<0,2	Сл.	Fe
9	Осн.	<0,5	10–12	<0,7	Сл.	–	Fe
10	Осн.	2–3	–	–	Сл.	<0,2	Fe
11	Осн.	<0,9	–	–	Сл.	<0,2	Fe
12	Осн.	<1	6–8	<0,7	<0,3	Сл.	Fe
13	Осн.	1–2	8–10	–	<0,6	Сл.	Fe, Zn
14	Осн.	1–2	–	–	–	Сл.	Fe
15	Осн.	1–2	–	<0,5	Сл.	<0,2	Fe
16	Осн.	2–4	–	<0,7	Сл.	<0,2	Fe
17	Осн.	2–4	–	<0,4	Сл.	<0,3	Fe
18	Осн.	–	23–25	–	–	–	Fe
19	Осн.	3–4	<0,2	<0,9	<0,2	Сл.	Fe, Bi<0,3

* Осн. — основной, Сл. — следы.

Для данной серии клинков С. В. Хавриным был сделан рентгенофлуоресцентный анализ на спектрометре ArtTAX (Brüker). Анализ металла (табл. 1) показал, что одни кинжалы (1–5, 10, 14–17, 19) отлиты из мышьяковой бронзы, другие (6–9, 12, 13, 19) — из оловянно-мышьяковой бронзы, кинжал 18 — из оловянной бронзы, а что касается кинжала 11, то примесь мышьяка составляет < 0,9. В составе металла также были обнаружены незначительные естественные примеси свинца (Pb), сурьмы (Sb), серебра (Ag) и железа (Fe).

Состав металла практически никак не коррелирует с выделенными типами (табл. 2). Так, кинжалы 9, 13 и 18 I типа имеют в составе высокое содержание олова, а кинжал 4 в своем составе совершенно его не имеет. Кинжалы II типа 1-го варианта — 2, 3, 15, 16 — не содержат олова, кинжалы 7 и 8 имеют примерно равное содержания мышьяка и олова, а в составе кинжала 12 — олово преобладает. Кинжалы II типа 2-го варианта более однородны по своему составу. Так, клинки 5, 10, 14, 17 и 19 либо не содержат олова совсем, либо оно содержится в следовом количестве, однако кинжал 6 содержит значительное количество

Таблица 2. Кинжальные клинки с берега р. Ярыксу: соотношение типов с химическим составом металла
Table 2. Dagger blades from the bank of the Yaryksu: correlation between the types and chemical composition of the metal

№ по описи	Тип (г), вариант (в)	Содержание металла, %		
		Cu	As	Sn
4	I г	Осн.	5–7	–
13	I г	Осн.	1–2	8–10
9	I г	Осн.	<0,5	10–12
18	I г	Осн.	–	23–25
12	I г	Осн.	<1	6–8
1	II г 1 в	Осн.	1–2	<0,4
7	II г 1 в	Осн.	1–2	1–2
8	II г 1 в	Осн.	2–4	2–3
2	II г 1 в	Осн.	2–4	–
3	II г 1 в	Осн.	1–2	–
15	II г 1 в	Осн.	1–2	–
16	II г 1 в	Осн.	2–4	–
5	II г 2 в	Осн.	2–4	Сл.
17	II г 2 в	Осн.	2–4	–
19	II г 2 в	Осн.	3–4	<0,2
14	II г 2 в	Осн.	1–2	–
6	II г 2 в	Осн.	~1	6–7
10	II г 2 в	Осн.	2–3	–
11	II г 2 в	Осн.	<0,9	–

Рис. 4. Местонахождение кинжальных клинков с берега р. Ярыксу (а) и аналогичных им клинков (б)

Fig. 4. Location of the dagger blades from the bank of the Yaryksu River (a) and the blades analogous to them (b)

олова, а кинжал 11 в основе своей медный и содержит менее 1 % мышьяка, что, вероятно, является естественной примесью.

Если выделять группы по химическому составу металла, то кинжалы распределяются на три группы. К первой группе (выделена в табл. 2 желтым цветом) относятся клинки с высоким содержанием олова (6–9, 12, 13, 18). Стоит отметить, что кинжал 18 не имеет посторонних примесей, он состоит из меди и чрезвычайно высокой доли олова (23–25 %), что делало работу с таким кинжалом крайне непростой. При таком количестве олова кинжал поддается ковке только в горячем состоянии, и работа с ним требует большого мастерства, кроме того, он очень хрупкий.

Ко второй группе (выделена в табл. 2 зеленым цветом) относятся кинжалы с небольшим количеством мышьяка 1–7 % (1–5, 10, 14–17, 19). Вероятно, мышьяк содержался непосредственно в руде, которую использовали древние металлурги.

В третью группу входит кинжал 11 с содержанием примесей <1 %, по сути, он является медным.

Описанные нами кинжалы имеют многочисленные аналогии в памятниках Северного и Южного Кавказа (рис. 4). Наиболее близкие встречаются в материалах могильников Чечни (Эльхотово, Майртуп II, Сержень-Юрт), Дагестана (Зандак), Северной Осетии (Чми) и Грузии (Самтавро). Также подобный кинжал был найден в Ростовском кладе.

В Зандакском могильнике бронзовые кинжальные клинки встречаются в погребениях 2 и 9.

В погребении 2 кинжал имеет треугольную форму и треугольный верх с тремя отверстиями для крепления рукояти, по краям кинжал имеет следы заточки. В погребении 9 кинжал имеет ромбовидную форму с треугольным верхом и шестью отверстиями для крепления рукояти, по краям также есть следы заточки (Марковин, 2002. С. 22, 30–35).

В могильнике Майртуп II было обнаружено три интересующих нас кинжала: в погребениях 5 (15), 3 (23) и 8 (28). Клинки имеют завершения и лезвия треугольной формы и отверстия для крепления деревянной рукояти (Виноградов, Дударев, 2003. С. 14, 15, 18, 19, 21, 22).

В Сержень-Юртовском могильнике аналогии нашим кинжалам встречаются в 12 погребениях (6, 16, 24, 37–39, 53, 56, 63, 75, 82, 87), которые принадлежали исключительно мужчинам-воинам. Все эти кинжалы плоские, треугольной или листовидной формы, с овальным или подтреугольным верхом и с отверстиями для крепления рукояти (Козенкова, 2002. С. 18, 20, 22, 25, 26, 30, 31, 33, 35, 37, 38).

В центральной части Кавказа аналогии встречаются в Кобанском, Тлийском и Эльхотовском могильниках, в могильнике у с. Чми. В Кобанском могильнике в собраниях графини П. С. Уваровой встречается один подобный кинжал с треугольным лезвием, овальным верхом и отверстиями для крепления рукояти (Уварова, 1900. Табл. XVIII).

В Тлийском могильнике найдены три кинжала с овальным верхом (погребения 12, 32 и 207), подтреугольным лезвием и отверстиями для крепления

рукояти. Бронзовый клинок из погребения 32 имеет четко выраженное срединное ребро, что сближает его с кинжалами могильника Самтавро (Техов, 1977. С. 11, 14, 18).

В могильнике Чми обнаружено около 11 подобных кинжалов. Экземпляры из Чми имеют тонкое лезвие листовидной или треугольной формы. Срединное ребро встречается у небольшого количества клинков. Верхняя часть овальная или подтреугольная. Один экземпляр имеет небольшой «язычок». Остальные клинки имеют отверстия для крепления рукояти, а иногда и сохранившиеся заклепки (Уварова, 1900. С. 117, табл. LV; LVII).

В могильнике Эльхотово кинжальный клинок обнаружен за спиной погребенного. Клинок имеет треугольную форму, подреугольный верх, срединное ребро. У кинжала сохранились две заклепки для крепления рукояти (Чишев, 2017. С. 333, рис. 26, 4).

В Кабардино-Балкарии также известны кинжальные клинки, морфологически близкие кинжалам с берега Ярыксу. Они имеют треугольную форму, овальный или треугольный верх и отверстия для крепления рукояти. Однако их отличие заключается в наличии нервюры, которая полностью отсутствует на кинжалах восточного варианта (Козенкова, 1995. С. 47–50).

На территории Грузии аналогии кинжалам с берега Ярыксу встречаются в могильнике Самтавро. Бронзовые кинжалы имеют листовидное или треугольное лезвие, с овальным или треугольным верхом и отверстиями для крепления органической рукояти. Некоторые клинки имеют небольшой черенок, как на рассматриваемых кинжалах 4, 9, 13 и 19. Отличие самтавровских клинков от клинков с берега Ярыксу — в наличии срединного ребра (Ломтатидзе, 1974. С. 164).

Таким образом, ареал интересующих нас кинжалов расположен на территории так называемого восточного варианта кобанской культуры.

Однако по своему составу и морфологическим признакам кинжалы с берега Ярыксу сильно

отличаются от классических кобанских клинков. Для кобанской культуры характерны кинжальные клинки S-видной формы, со слабо выраженными черенками или без и с отверстиями для крепления рукояти. У всех этих кинжалов есть ребро жесткости. Также для Центрального Кавказа характерными являются оловянные сплавы, количество олова в сплавах варьирует от 2 до 10 %, в качестве приплава преобладает сурьма, тогда как в более раннее время преобладают приплавы из мышьяка (Техов, 1991. С. 228).

На территории Чеченской Республики, в Сержень-Юртовском могильнике, кинжалы, аналогичные кинжалам с берега Ярыксу, отлиты из оловянно-мышьяковой бронзы, где содержание олова колеблется от 1,5 до 9,0 %.

Для территории Дагестана этого же периода нередки изделия из меди без каких-либо искусственных добавок, такие изделия встречались совместно с медно-мышьяковыми и медно-оловянно-мышьяковыми сплавами (Барцева, 1988. С. 46).

Все представленные клинки, исходя из датировок аналогичных им кинжалов, могут быть датированы концом II — началом I тыс. до н. э., а именно XI–X вв. до н. э. Так, кинжалы из Сержень-Юрта В. И. Козенкова относит к рубежу XI–X вв. до н. э. (Козенкова, 2002. С. 89). Этим же периодом датируются кинжалы из Майртупского могильника (Виноградов, Дударев, 2003. С. 26), а Е. И. Крупнов относит подобные кинжалы к XII–IX вв. до н. э. (Крупнов, 1951. С. 60).

Проанализированные материалы позволяют заключить, что на территории Восточного Кавказа в конце II — начале I тыс. до н. э. существовало местное металлообрабатывающее производство в более архаичной форме, чем на территории Центрального Кавказа. Об этом свидетельствуют и архаичные формы кинжалов с берега Ярыксу, и преобладание медно-мышьяковой бронзы в их составе. Скорее всего, это было связано с удаленностью залежей олова и обилием местных залежей медных руд.

Барцева, 1988 — Барцева Т. Б. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. 1981. № 1. С. 24–38.

Виноградов, 1972 — Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.

Виноградов, Дударев, 2003 — Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1. С. 5–61.

Козенкова, 1995 — Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология).

- Западный вариант. М.: ИИЦ «Тимр», 1995 (САИ В2-5; Вып. 4). 166 с.
- Козенкова, 2002 — Козенкова В. И. У истоков горско-менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли, 2002 (Материалы по исследованию историко-культурного наследия Северного Кавказа; Вып. III). 232 с.
- Крупнов, 1951 — Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы). М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 17–75.
- Ломтатидзе, 1974 — Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 231 с. (на грузин. яз.).
- Марковин, 2002 — Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М.: Наука, 2002. 154 с.
- Техов, 1977 — Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Техов, 1991 — Техов Б. В. О древней металлургии и металлообработке центрального Кавказа // Кавказ в системе палеометаллических систем Евразии: Материалы 1 симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла» (10–20 ноября 1983 г., Телави–Сигнахи) / Ред. К. Н. Пицхелаури, Е. Н. Черных. Тбилиси: Мецниереба, 1991. С. 224–233.
- Уварова, 1900 — Уварова П. С. [Могильники Северного Кавказа графини Уваровой]. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1900 (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Московского археологического общества; Вып. 8). 381 с.
- Чишиев, 2017 — Чишиев В. Т. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., ИА РАН, 2017. 588 с.

A series of Late Bronze Age metal daggers from the Yaryksu River bank (Dagestan)

O. V. Sycheva³

Keywords: Northern Caucasus, Dagestan, Late Bronze Age, Koban culture, bronze daggers.

A collection of archaeological objects was retrieved in 2018 from a disturbed cemetery of the Late Bronze Age in the surroundings of the village of Simsir situated in the basin of the Yaryksu River, Kazbek district of the Republic of Dagestan. The collection is constituted of 160 items including ornaments (bracelets, pendants, beads, pins, and buttons), weaponry (arrowheads, spears, daggers and axes), chisels, and ceramic ware. Some objects have been lost. The most representative series consists of 19 bronze daggers (Fig. 1; 2; 3, 1–3). All the daggers have a blade of a nearly triangular form and flat section. An essential difference between the daggers is found only in their part where the hilt was attached. According to this feature they are divided into two types (tanged specimens and those without a tang). S. V. Khavrin performed X-ray fluorescent analysis of this series of blades using an ArtTAX (Bruker) spectrometer. Analysis of the metal (Fig. 4, 1) showed that some of the daggers (Nos. 1–5, 10, 14–17, 19) were cast from arsenic bronze, some (Nos. 6–9, 12, 13, 19) were made from tin-arsenic bronze, dagger No. 18 was cast from tin bronze, whereas the metal of dagger No. 11 had an admixture of < 0.9 percent of arsenic. The composition of the metal is practically in no way correlated with the distinguished types of the daggers (Fig. 4, 2). The described daggers have numerous parallels at sites of the Northern and Southern Caucasus (Fig. 3, 4). On the basis of the attribution of analogous daggers, the blades from Yaryksu are datable to the late 2nd – early 1st millennium, namely to the 11th–9th centuries BC. In the territory of East Dagestan, in the end of the 2nd – beginning of the 1st millennium BC, the local metalworking production was taking place in a more archaic form than in the Central Caucasus. This is evidenced both by the archaic forms of the daggers and the predominance of the copper-arsenic bronze in the composition of their metal. Possibly, this fact was related with the remoteness of tin deposits and, on the other hand, with the abundance of the local deposits of copper ores.

³ Oľga V. Sycheva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: olysycheva@gmail.com.

Находки металлических топоров-кельтов на Кавказе¹

В. С. Бочкарёв, А. Л. Пелих²

Аннотация. В статье рассматриваются топоры-кельты, найденные на Кавказе. Некоторые из кельтов являются прямым импортом, большинство их было произведено на месте. Однако своим происхождением кавказские топоры-кельты обязаны северному влиянию. Разработана и применена новая классификационная схема топоров-кельтов. Составлен список, в который вошли 54 топора-кельта и три кельта-тесла. Абсолютное большинство их кавказских находок происходит с Северо-Западного Кавказа. Наибольшее распространение на Северном Кавказе они получают в финале эпохи бронзы (XII–X вв. до н. э.).

Ключевые слова: топоры-кельты, Кавказ, прикубанский очаг металлургии и металлообработки, поздний бронзовый век.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-136-154

В своей ставшей классической работе, посвященной прикубанскому очагу металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ), А. А. Иессен дал первую развернутую характеристику кельтам, найденным на Северном Кавказе. Представив их первую сводку и предварительные типологические определения, исследователь отнес большинство известных к тому времени кавказских кельтов к изделиям, проникшим на Кавказ с Дона, территории нынешней Украины и из Поволжья (Иессен, 1951. С. 86, 87). Исключение составили предметы с р. Сочи, не имевшие аналогий в соседних регионах (Там же. С. 100).

Трактовка топоров-кельтов как предметов, чуждых традициям местного металлопроизводства, заимствованных с более северных территорий, нашла широкую поддержку у археологов. В частности, топоры-кельты, а также ряд других

находок металлических изделий Е. И. Крупнов использовал для выявления культуры киммерийцев на Северном Кавказе (Крупнов, 1958. С. 179–183). В 1960-е гг. на эти кельты обратил внимание А. М. Лесков. Он использовал их для выявления культурных связей между Северным Причерноморьем и Кавказом в эпоху поздней бронзы (Лесков, 1967. С. 178). Наконец, Е. Н. Черных в своей общей сводке материалов по металлопроизводству позднебронзового времени Северного Причерноморья также упоминает северокавказские находки кельтов. Такие находки он в основном отнес к особому конечному типологическому ряду (КТР), обозначенному К-50, и предположил, что экземпляры, объединенные в этот КТР, с Северного Кавказа, Закавказья и Южного Урала являются местными подражаниями северопричерноморским кельтам (Черных, 1976. С. 83).

В дальнейшем к северокавказским находкам исследователи обращались лишь эпизодически, главным образом при вводе в научный оборот новых находок. Между тем за последние 40 лет количество находок кельтов в пределах Кавказского региона значительно возросло. Ныне это весьма репрезентативный материал, который может рассматриваться как важный источник, позволяющий изучать связи и контакты Кавказа с более северными и северо-западными территориями. Он также важен в хронологическом отношении — позволяет более точно синхронизировать этапы культурно-исторического развития в эпоху

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Бочкарёв В. С. — ИИМК РАН, Институт истории СПбГУ; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: bovad872@gmail.com. Пелих А. Л. — Армавирский государственный педагогический университет; ул. Розы Люксембург, 159, г. Армавир, Краснодарский край, 352901, Россия; e-mail: pelich1976@mail.ru.

поздней бронзы Северного Кавказа и Южнорусских степей. В какой-то степени попытку подобной синхронизации, правда, весьма схематичной, предприняла В. И. Козенкова (Козенкова, 1996. С. 118, 120, табл. 5).

В нашем распоряжении для анализа и представления на его основе ряда выводов оказались 54 топора-кельта, включая их фрагменты. Кроме того, мы привлекли данные о трех кельтах-теслах (табл. 1).

Таблица 1. Распределение кавказских находок кельтов по видам памятников
Table 1. Distribution of the Caucasian finds of the celts by types of sites

Находки	Кол-во, экз.
Единичные, случайные	27
На поселениях	3
Клады	12
Прочие (неизвестного происхождения)	15
Итого	57

Как видим, большая часть кельтов происходит из единичных случайных находок. Если к числу случайных находок присоединить предметы, обстоятельства обнаружения которых выявить не удалось или они спорны, то превалирование единичных находок будет абсолютным.

Общие принципы классификации

В нашей литературе известно несколько схем классификации кельтов. Для нас наибольший интерес представляют типологические схемы волго-уральских и северопричерноморских кельтов. Самая известная из них разработана Е. Н. Черныхом (Черных, 1976. С. 68–88). Наряду с этой схемой были предложены другие классификации кельтов, разработанные Б. Г. Тихоновым (Тихонов, 1960. С. 41–54), В. С. Бочкаревым и А. М. Лесковым (Bočkarev, Leskov, 1980. S. 51–56), А. М. Лесковым (Leskov, 1981. S. 33–38). Учитывая накопленный опыт, в этой работе мы пользуемся новой классификационной схемой, разработанной для топоров-кельтов эпохи поздней бронзы Восточной Европы (Бочкарев, Пелих, 2010. С. 337–341; Бочкарев, 2017. С. 183–198).

В основу выделения типов положено сочетание разновидностей трех признаков: 1) форма фаски, 2) количество ушек, 3) местоположение ушек (рис. 1). По верхней горизонтали классификационной таблицы помещены все известные нам в Восточной Европе разновидности фасок. Они

помечены буквами латинского алфавита. По вертикали цифрами обозначены безушковые кельты (1), одноушковые (2, 3) и двуушковые (4, 5). Каждый из двух последних отделов разбит на два подотдела: первый из них включает орудия, ушки которых расположены у края втулки (2, 4), а второй — кельты, ушки которых ниже края втулки (3, 5). На пересечении горизонтальных и вертикальных линий выделены типы кельтов как реально известные, так и гипотетические, еще не открытые. Ячейки тех типов, которыми мы пользуемся в данной работе, выделены красными линиями. Пользоваться этой таблицей нужно следующим образом: первоначально определяется форма фаски (арочная, трапециевидная, вогнуто-линзовидная и т. д.), а затем фиксируется наличие или отсутствие ушек, их количество и месторасположение. Так, например, если мы имеем фаску варианта «G» (то есть арку без пещерки под ней) и одно ушко, расположенное у края втулки, то мы определяем искомый тип как «G-2». Конечно, такой табличный способ классификации не дает исчерпывающего представления обо всех типологических характеристиках того или иного конкретного изделия. В частности, не учитываются целый ряд мелких морфологических деталей, орнамент, размеры и пропорции. Большинство этих особенностей учитывается в описании. Иногда подобные особенности возводятся в ранг таксономически важных признаков — в таком случае внутри типов выделяются варианты и разновидности.

Итак, подчеркнем, что каждый из выделенных типов топоров-кельтов представляет собой сочетание трех признаков: формы фаски, количества ушек (от 0 до 2) и их месторасположения (у края втулки или ниже). Как показывает накопленный опыт и в нашей, и в зарубежной литературе, именно эти три признака в подавляющем большинстве случаев оказываются наиболее важными в таксономии кельтов.

Список находок топоров-кельтов (рис. 2–8)
Тип С-3. Кельты с трапециевидной фаской, одноушковые, ушко опущено ниже края втулки
1³. Чекон (Новичихин, 2013. С. 77–79, рис. 1, 2), находка близ хут. Чекон «в полях за железной дорогой», в пределах города-курорта Анапа Краснодарского края (рис. 2, 1).

³ Дана сквозная нумерация кельтов по всем их типам.

Форма фаски		Количество и местоположение ушек												
		A	B	C	D	E	F	G	H	J	K	L	M	N
Безушковые	1													
	Одноушковые	Ушки у края втулки 2												
Ушки ниже края втулки 3														
Двуушковые	Ушки у края втулки 4													
	Ушки ниже края втулки 5													

Рис. 1. Классификационная схема топоров-кельтов эпохи поздней бронзы Восточной Европы

Fig. 1. Classification scheme of celts/axes of the Middle Bronze Age in East Europe

Тип С-4. Кельты с трапецевидной фаской и двумя ушками, отходящими от края втулки
2(1⁴). Анапа (Клочко, Козыменко, 2011. С. 115, 174, ил. 186), обстоятельства находки неизвестны, происходит из города-курорта Анапа Краснодарского края (рис. 2, 2). По орнаменту этот кельт сближается с кельтом с подпрямоугольной аркой типа J-4 с Владыкиной горы.
3(2). Станционная щель, найден в оползне у ручья близ пос. Чемитоквадже, Лазаревский р-н города-курорта Сочи Краснодарского края. Сообщение о находке М. И. Кудина (рис. 2, 3).

Примечательно, что оба зафиксированных в регионе кельта типа С-4 имеют одинаковую особенность, которую можно считать местным признаком, — широкий налив металла по верху ушек. Этот налив, с одной стороны, служит соединением ушек с краем втулки, а с другой — как бы опускает ушки ниже самого этого края, тем самым сближая эти кельты с изделиями типа С-5.

Тип С-5. Кельты с трапецевидной фаской, двуушковые, ушки опущены ниже края втулки
4(1). Тауйхабль (Иессен, 1951. С. 86, 88, рис. 12; Анфимов, 1988. С. 170–174), Теучежский р-н Республики Адыгея, южный берег Краснодарского водохранилища (рис. 2, 4).
5(2). Пхагугапе (Тов, 2004. С. 302, 305, рис. 1), Теучежский р-н Республики Адыгея, близ аула Тауйхабль, южный берег Краснодарского водохранилища. Найден на многослойном поселении (рис. 2, 5).
6(3). Тщикский карьер (Там же. С. 302, 306, рис. 4), в 2 км к юго-западу от аула Адамий, Красногвардейский р-н Республики Адыгея, южный берег Краснодарского водохранилища (рис. 2, 6).
7(4). Нечерезий-1 (Там же. С. 302, 305, рис. 2), Теучежский р-н Республики Адыгея, находка на левом берегу р. Апчас, на юго-восточной окраине бывшего аула Нечерезий, южный берег Краснодарского водохранилища (рис. 2, 7).
8(5). Нечерезий-2 (Там же. С. 302, 306, рис. 3), Теучежский р-н Республики Адыгея, находка

⁴ В скобках дана нумерация кельтов внутри типа.

на левом берегу р. Апчас, на юго-восточной окраине бывшего аула Нечерезий, южный берег Краснодарского водохранилища (рис. 2, 8).

9(6). Нечерезий-3 (Там же. С. 303, 308, рис. 7), Теучежский р-н Республики Адыгея, находка на левом берегу р. Апчас, в пределах бывшего аула Нечерезий, южный берег Краснодарского водохранилища (рис. 2, 9).

10(7). Чишко (Там же. С. 303, 307, рис. 6), Теучежский р-н Республики Адыгея, в 1,6 км к северу от аула Тауйхабль, южный берег Краснодарского водохранилища. Найден на многослойном поселении (рис. 2, 10).

11(8). Тульский, Краеведческий музей Майкопского района им. супругов И. В. и Е. И. Жерноклевых, пос. Тульский, Майкопский р-н Республики Адыгея. Кельт находится в экспозиции музея (рис. 3, 11).

12(9). Уруп (Иессен, 1951. С. 86, 87, рис. 11, 4), зафиксирован в музее Грузии, обстоятельства и точное место находки неизвестны (рис. 3, 12).

13(10). Теберда, Карачаево-Черкесия. Хранится в Пятигорском краеведческом музее (рис. 3, 13).

14(11). Бекешевская (Там же. С. 92, рис. 21, 5), находка в кладе из станицы Бекешевской Предгорного р-на Ставропольского края (рис. 3, 14).

15(12). Селитряные скалы (Пелих, Фоменко, 2005. С. 67, 71, рис. 1, 2), окрестности г. Железноводска Ставропольского края (рис. 3, 15).

16(13). Карачаево-Черкесия (Там же. С. 67, 72, рис. 2, 1), находка без точных данных о локализации, зарисована в фондах Карачаево-Черкесского историко-археологического музея-заповедника (рис. 3, 16).

17(14). Лечинкай (Козенкова, 2013. С. 110, 170, рис. 56, 3), случайная находка в с. Лечинкай Чегемского р-на Кабардино-Балкарии (рис. 3, 17).

18(15). Чегемский Мост (Козенкова, 1996. С. 94, рис. 35, 45), случайная находка в районе г. Чегема Кабардино-Балкарии (рис. 3, 18).

19–21(16–18). Верхний Курп, кельты из клада, найденного в округе сельского поселения Верхний Курп Терского р-на Кабардино-Балкарии (рис. 3, 19; 4, 20, 21).

22(19). Тхмори (Гамбашидзе, 1963. Табл. IX, 1; Коридадзе, 1965. Табл. XVII, 27), с. Тхмори, Амбролаурский р-н Грузии, среднее течение р. Риони. Обнаружен в составе клада (рис. 4, 22).

23(20). Темная Щель, найден в 17 км от г. Геленджика в сторону г. Туапсе, в русле реки Темная Щель в ущелье (рис. 4, 23).

24(21). Русское (село), Крымский р-н Краснодарского края, находка при вспашке поля (рис. 4, 24).

25(22). Крымск (город), фонды Крымского краеведческого музея, Краснодарский край (рис. 4, 25).

26(23). Кореновск (Пелих, Пьянков, 2020. С. 23, 24, рис. 1). Кельт был найден в окрестностях г. Кореновска, Краснодарский край (рис. 4, 26).

Таким образом, на современном этапе мы имеем данные о найденных на Северном Кавказе 22 кельтах типа С-5 и одном кельте этого типа — из Закавказья. Из них семь происходят из достаточно ограниченной зоны современной территории севера Адыгеи — южного берега Краснодарского водохранилища. Эта территория ранее уже была обозначена как одна из зон компактного расположения памятников ПОММ (Пелих, 2003. С. 21; 2005. С. 206). В. Р. Эрлих на основании анализа наших данных предположил выделение западного центра ПОММ, связанного с поселениями равнинного Центрального Закубанья, для которого характерны кубанские двушковые кельты рассматриваемого нами типа (Эрлих, 2007. С. 32). Думается, накопление нового материала подтверждает это предположение.

Тип F-4. Кельты с вогнутолинзовидной (кардашинской) фаской и двумя ушками, отходящими от края втулки

27(1). Курганинск, случайная находка между г. Курганинском и станицей Родниковской (рис. 4, 27; 8, 1).

28(2). Бекешевская (Иессен, 1951. С. 92, рис. 21, 6), находка в кладе из станицы Бекешевской Предгорного р-на Ставропольского края. Возможно, этот кельт дает нам сочетание фасок кельтов групп С и F (рис. 4, 28).

29(3). Карачаево-Черкесия 2, без данных об обстоятельствах находки (рис. 5, 29).

Тип F-5. Кельты с вогнутолинзовидной (кардашинской) фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки

30, 31 (1, 2). Упорная (Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 121–135, рис. 2, 2, 3), находка двух однотипных кельтов в кладе в русле р. Чамлык, в 1,5 км к северу от станицы Упорной Лабинского р-на Краснодарского края (рис. 5, 30, 31).

Тип G-4. Кельты с арочной фаской, с двумя ушками, отходящими от верхнего края втулки

32(1). Ставрополь (Нечитайло, 1971. С. 32, 33, рис. 11, 2), находка на восточной окраине г. Ставрополя, на левом берегу р. Туапсинки (рис. 5, 32).

33(2). Береговое, поступление из Геленджикского р-на Краснодарского края, находится в Геленджикском историко-краеведческом музее (рис. 5, 33).

34(3). Адегой, находка с восточной окраины г. Новороссийска Краснодарского края, находится в экспозиции Новороссийского исторического музея-заповедника (рис. 5, 34).

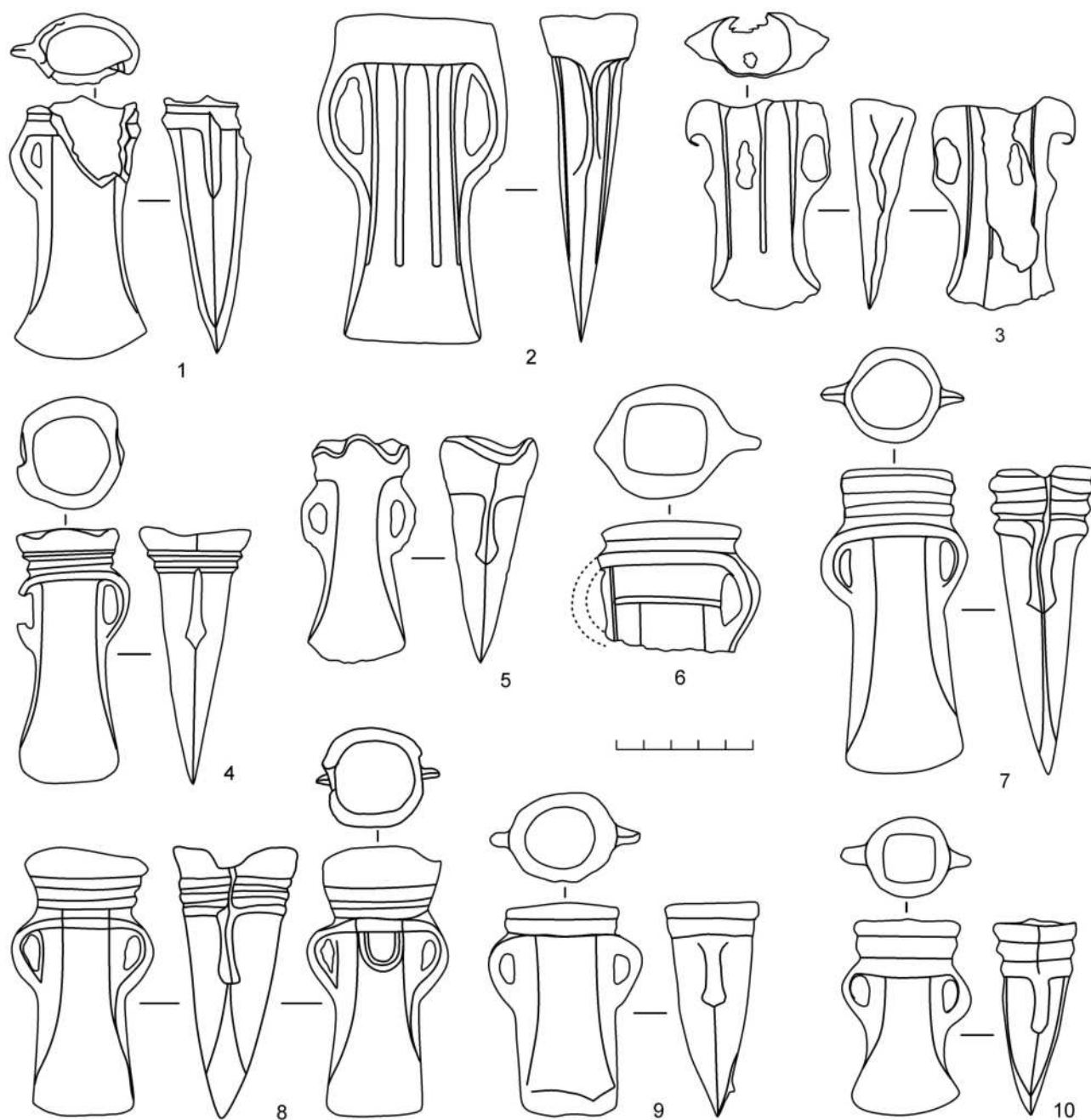

Рис. 2. Топоры-кельты Кавказа: 1 — Чекон; 2 — Анапа; 3 — Станционная щель; 4 — Тауйхабль; 5 — Пхагугапе; 6 — Тшицкий карьер; 7 — Нечерезий-1; 8 — Нечерезий-2; 9 — Нечерезий-3; 10 — Чишхо. Здесь и далее: номера на рисунках соответствуют номерам кельтов по списку; ссылки на источники рисунков, кроме оригинальных, приведены в тексте

Fig. 2. Celts/axes of the Caucasus: 1 — Chekon; 2 — Anapa; 3 — Shchel Station; 4 — Tauykhabl; 5 — Pkhagugape; 6 — Tshchik Quarry; 7 — Nechereziy-1; 8 — Nechereziy-2; 9 — Nechereziy-3; 10 — Chishkho.

Here and below the numbers in the figures correspond to celt numbers in the catalogue; references to sources of figures, other than the original ones, are given in the text

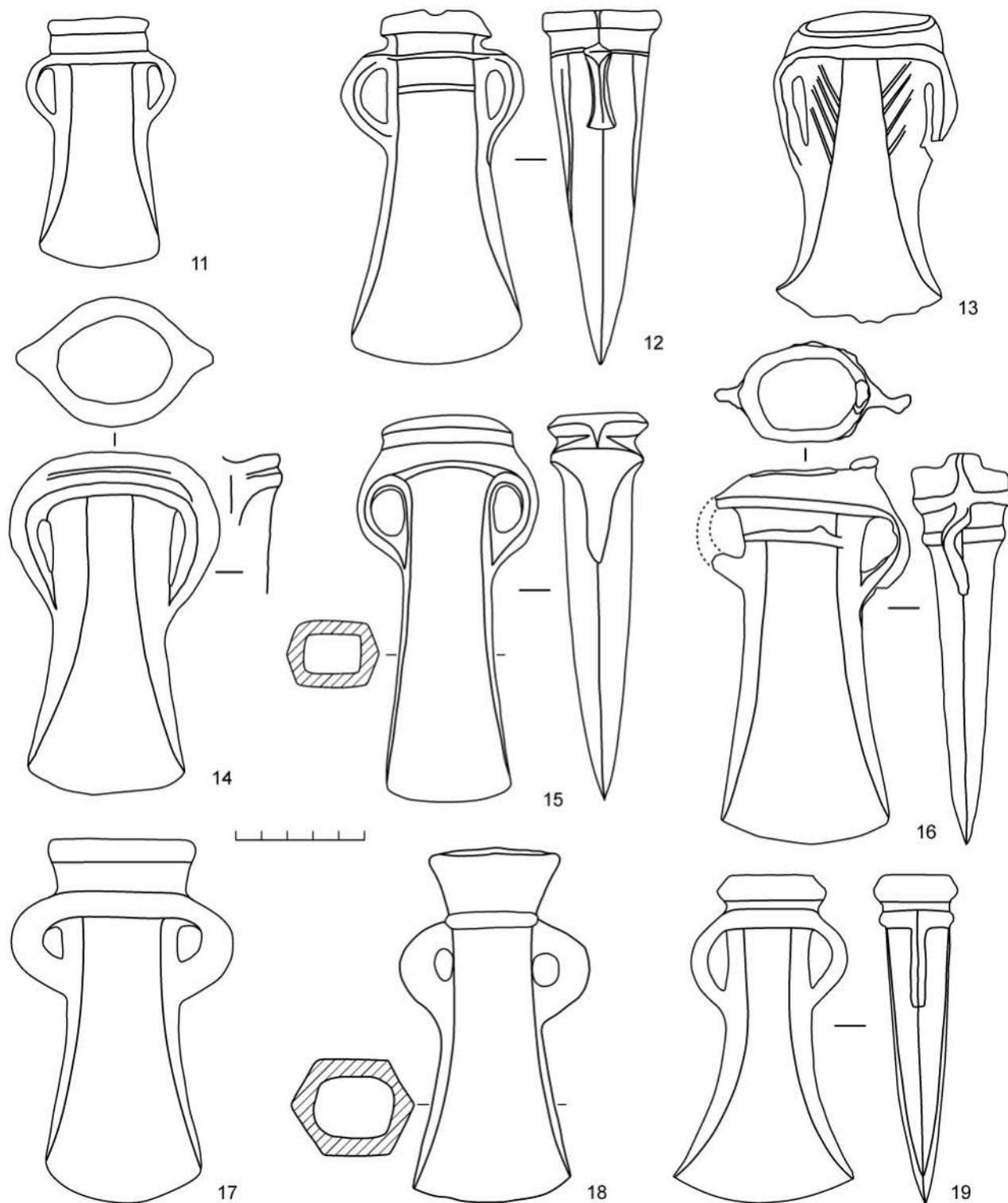

Рис. 3. Топоры-кельты Кавказа: 11 — Тульский; 12 — Уруп; 13 — Теберда; 14 — Бекешевская; 15 — Селитряные скалы; 16 — Карачаево-Черкессия; 17 — Лечинкай; 18 — Чегемский Мост (рисунок В. И. Козенковой); 19 — Верхний Курп

Fig. 3. Celts/axes of the Caucasus: 11 — Tulsy; 12 — Urup; 13 — Teberda; 14 — Bekeshevskaya; 15 — Selitryanye Skaly; 16 — Karachay-Cherkessia; 17 — Lechinkay; 18 — Chegemsky Most (drawing by V. I. Kozenkova); 19 — Verkhny Kurp

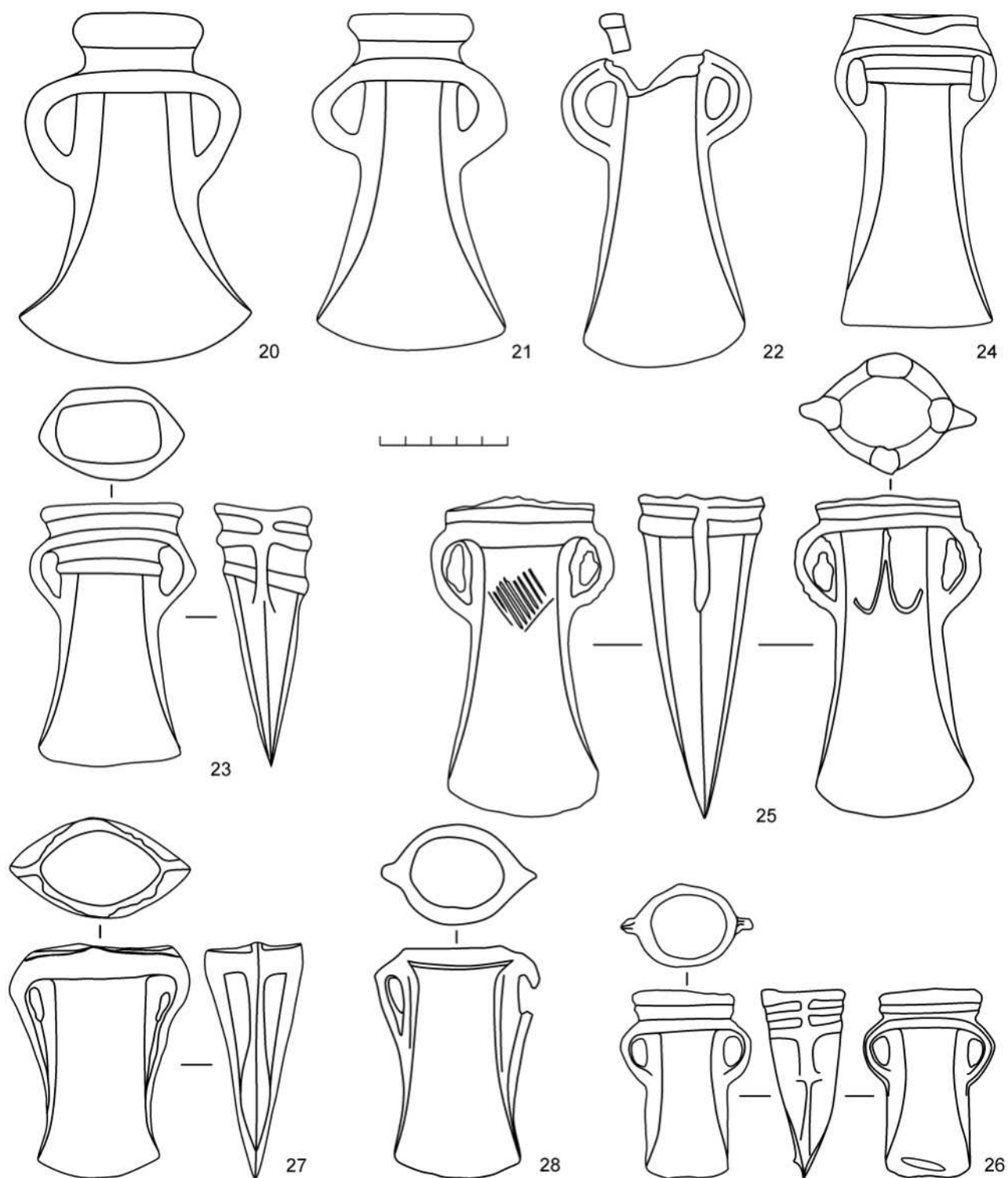

Рис. 4. Топоры-кельты Кавказа: 19–21 — Верхний Курп; 22 — Тхмори; 23 — Темная Щель (рисунок В. А. Трифонова); 24 — Русское; 25 — Крымск; 26 — Кореновск; 27 — Курганинск; 28 — Бекешевская (рисунок А. А. Иессена)
 Fig. 4. Celts/axes of the Caucasus: 19–21 — Verkhny Kurp; 22 — Tkhmori; 23 — Temnaya Shchel (drawing by V. A. Trifonov); 24 — Russkoye; 25 — Krymsk; 26 — Korenovsk; 27 — Kurganinsk; 28 — Bekeshevskaya (drawing by A. A. Iessen)

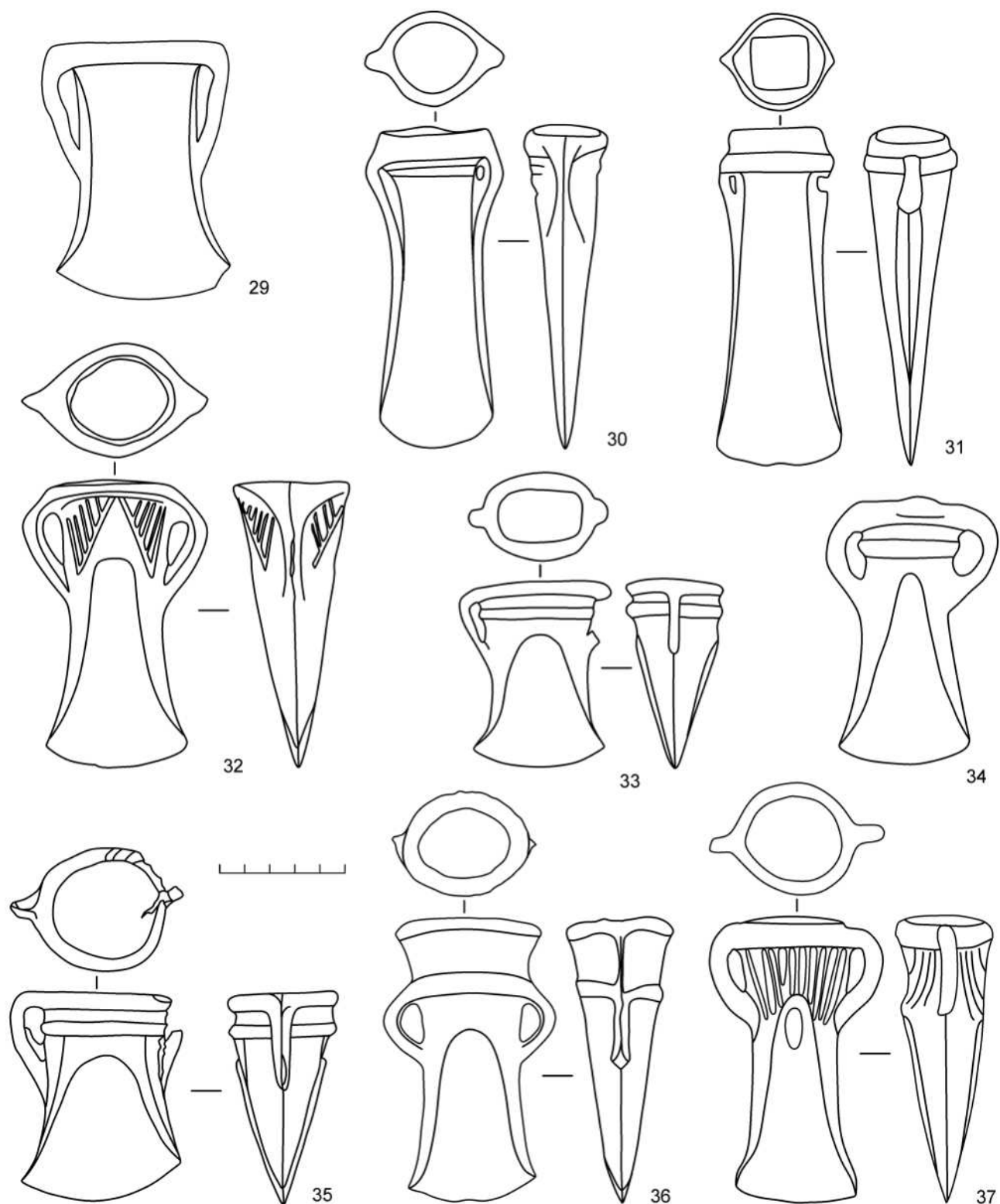

Рис. 5. Топоры-кельты Кавказа: 29 — Карачаево-Черкесия; 30, 31 — Упорная; 32 — Ставрополь; 33 — Береговое (рисунок В. А. Трифонова); 34 — Адегой (рисунок В. А. Трифонова); 35 — Чекон 2; 36 — Адыгейск; 37 — Упорная 3
 Fig. 5. Celts/axes of the Caucasus: 29 — Karachay-Cherkessia; 30, 31 — Upornaya; 32 — Stavropol; 33 — Beregovoye (drawing by V. A. Trifonov); 34 — Adegoy (drawing by V. A. Trifonov); 35 — Chekon 2; 36 — Adygeysk; 37 — Upornaya 3

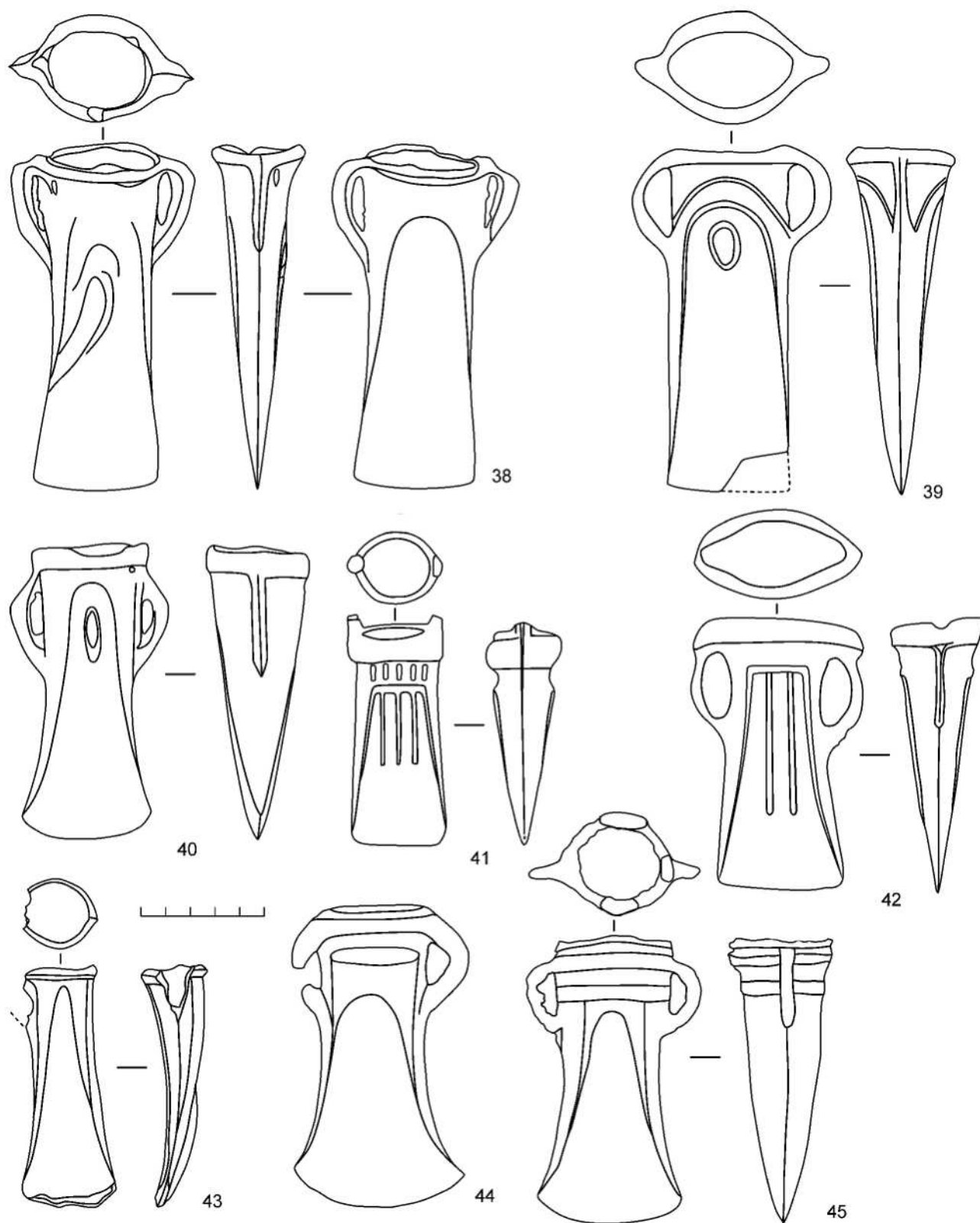

Рис. 6. Топоры-кельты Кавказа: 38 — Чижхо 2; 39 — Краснодарский музей; 40 — Келермесская; 41 — Пятигорский музей; 42 — Владыкина гора; 43 — Горгиппия; 44 — Ольгенфельд; 45 — Крымск

Fig. 6. Celts/axes of the Caucasus: 38 — Chishkho 2; 39 — Krasnodar Museum; 40 — Kelermesskaya; 41 — Pyatigorsk Museum; 42 — Vladykina Gora; 43— Gorgippia; 44 — Olgenfeld; 45 — Krymsk

35(4). Чекон 2 (Новичихин, 2013. С. 77–79, рис. 1, 1), найден к северо-западу от хут. Чекон, входящего в состав города-курорта Анапа Краснодарского края (рис. 5, 35).

Тип G-5. Кельты с арочной фаской, двуушковые, ушки опущены ниже края втулки

36. Адыгейск, хранится в Краеведческом музее г. Адыгейска Республики Адыгея. Обнаружен, видимо, на берегу Краснодарского водохранилища (рис. 5, 36; 8, 2).

Тип H-4. Кельты с арочной фаской и пещеркой под ней, снабжены двумя ушками, отходящими от края втулки

37(1). Упорная 3 (Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 121–135, рис. 2, 1), находка в кладе у станицы Упорной Лабинского р-на Краснодарского края (рис. 5, 37).

38(2). Чишхо 2 (Тов, 2004. С. 302, 303, 307, рис. 5), находка на многослойном поселении Чишхо, в 1,6 км к северу от аула Тауйхабль, Теучежский р-н Республики Адыгея (рис. 6, 38).

39(3). Краснодарский музей (Иессен, 1951. С. 86, 87, рис. 11, 1), из старых собраний Краснодарского музея (рис. 6, 39).

Тип H-5. Кельты с арочной фаской и пещеркой под ней, снабжены двумя ушками, опущенными ниже верхнего края втулки

40. Келермесская (ОИАК, 1907. С. 96, рис. 163; Иессен, 1951. С. 86, 87, рис. 11, 2), находка в насыпи кургана 5 у станицы Келермесской, Гиагинский р-н Республики Адыгея (рис. 6, 40).

Тип J-1. Безушковые кельты с фаской, оформленной в виде подпрямоугольной арки

41. Пятигорский музей (Иессен, 1951. С. 86, 87, рис. 11, 3), из старых фондов, происхождение неизвестно, из собрания В. Р. Апухтина (рис. 6, 41).

Тип J-4. Кельты с фаской, оформленной в виде подпрямоугольной арки и двумя ушками, отходящими от края втулки

42. Владыкина гора (Пьянков, Пономарев, 2002. С. 17, 18, рис. 1, 1), случайная находка из окрестности г. Абинска, Краснодарский край (рис. 6, 42).

Тип L-2. Кельты с совмещенной арочной и «кардашинской» фасками, одно ушко примыкает к краю втулки

43. Горгиппия (Новичихин, 2015. С. 203–205, рис. 1), находка с территории городища античной Горгиппии, в центре современного города-курорта Анапа (рис. 6, 43).

Тип M-4. Кельты с совмещенными арочной и трапециевидной фасками, два ушка примыкают к краю втулки

44. Ольгенфельд (ОИАК, 1893. С. 79, 80, рис. 59; Иессен, 1951. С. 86), бывшая немецкая колония

на р. Ея, ныне — пос. Машино Александровского р-на Ростовской области. Видимо, найден в составе клада в насыпи кургана (рис. 6, 44).

Тип M-5. Кельты с совмещенными арочной и трапециевидной фасками, два ушка опущены ниже края втулки

45. Крымск, фонды Крымского краеведческого музея, Краснодарский край (рис. 6, 45).

Особый тип, близкий G-4. Кельт с подтреугольной фаской и двумя ушками, отходящими от края втулки

46. Курчанская, находка 1986 г. кельта в кладе, обнаруженном при разработке карьера кирпичного завода в станице Курчанская Темрюкского р-на Краснодарского края. Представлен в экспозиции Темрюкского краеведческого музея (рис. 7, 46). Данный кельт можно отнести к особому типу, не выделенному в общей классификационной таблице (матрице). По нашему мнению, этот тип является дериватом одной из разновидностей кельтов так называемого старшего трансильванского типа (см.: Черных, 1976. Табл. VII, 9). Однако по своим параметрам он может быть сравнен с кельтами типа G-4.

Кроме охарактеризованных кельтов в нашем распоряжении есть еще восемь орудий, отнесение которых к конкретному типу по нашей схеме затруднено. От двух кельтов сохранилась только лезвийная часть.

47. Толстый Мыс, микрорайон г. Геленджика, Краснодарский край (рис. 7, 47).

48. Текос, Архипо-Осиповский сельский округ г. Геленджика (рис. 7, 48).

49–51. Сочи, три кельта из собрания Музея истории города-курорта Сочи, опубликованные А. А. Иессеном (Иессен, 1951. С. 99, 100, рис. 30). Первый из них — без выраженной фаски (рис. 7, 49). Второй кельт имеет слабо выраженную трапециевидную фаску (рис. 7, 50), чем близок топорам-кельтам группы С по нашей классификации, а точнее к типу С-1 или С-2. Третий сочинский кельт (рис. 7, 51) примечателен остроовальным сечением втулки. Такой разрез характерен для ряда кельтов предананьинского (маклашеевского) и раннеананьинского времени Волго-Уралья.

52–54. Фундучный сад, местонахождение — напротив аула Хаджико, правый берег р. Аше, Лазаревский р-н города-курорта Сочи Краснодарского края. Два из этих кельтов найдены при закладке фундучного сада (Кудин, Кизилов, 2016. С. 140, 141, 145, рис. 2, 10, 11). Оба кельта — безушковые (рис. 7, 52, 53), близки топорам-кельтам типа С-1 по нашей классификации. Третий кельт,

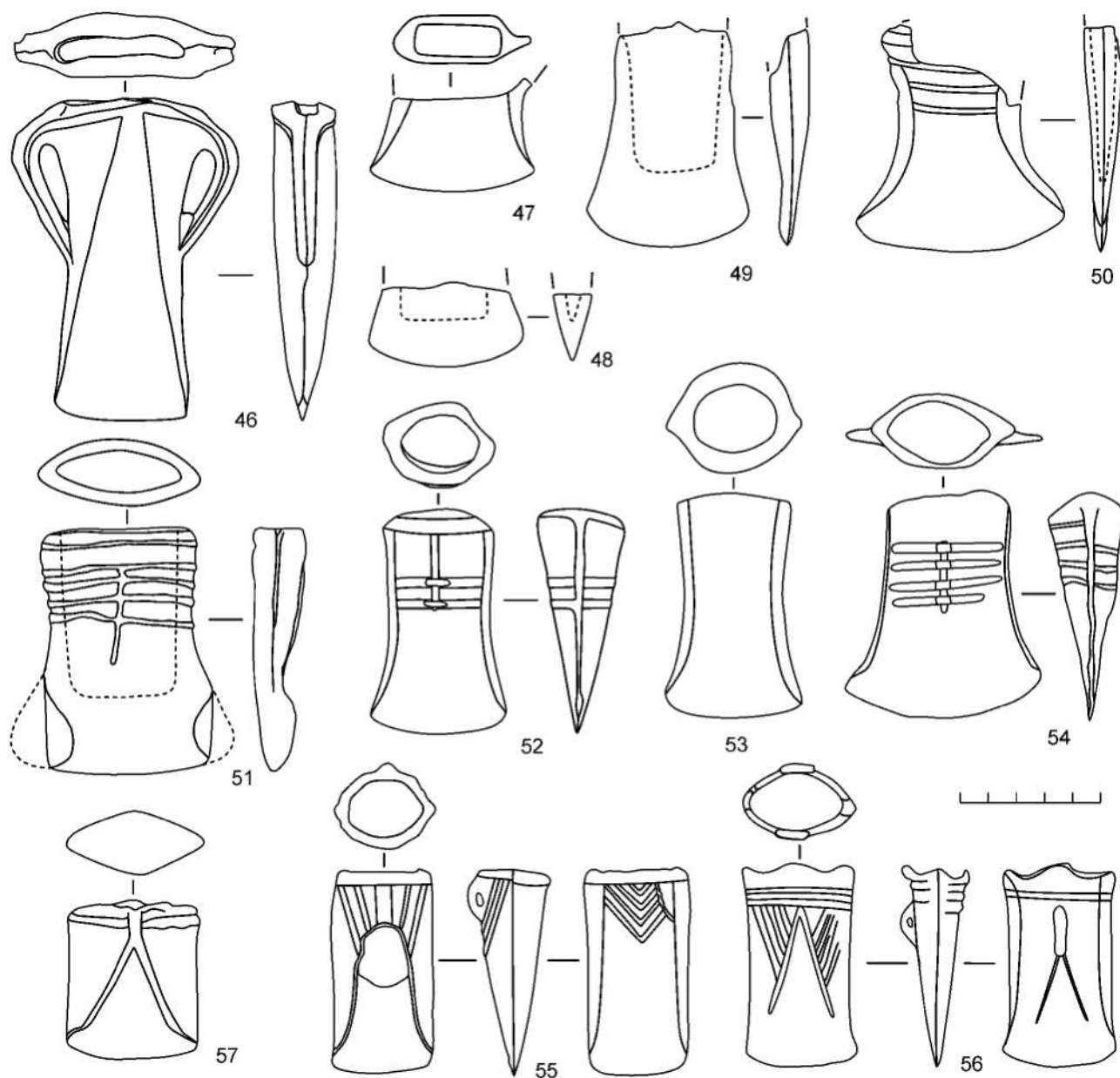

Рис. 7. Топоры-кельты и кельты-тесла Кавказа: 46 — Курчанская; 47 — Толстый Мыс; 48 — Текос; 49-51 — Сочи; 52-54 — Фундучный сад; 55 — Кореновск; 56 — Упорная; 57 — Майкоп (частично по: Иессен, 1951)

Fig. 7. Celts/axes and celts/adzes of the Caucasus: 46 — Kurchanskaya; 47 — Tolsty Mys; 48 — Tekos; 49-51 — Sochi; 52-54 — Funduchny Sad; 55 — Korenovsk; 56 — Upornaya; 57 — Maykop (partly after Иессен, 1951)

Рис. 8. Топоры-кельты Кавказа: 1 — Курганинск; 2 — Адыгейск
Fig. 8. Celts/axes of the Caucasus: 1 — Kurganinsk; 2 — Adygeysk

информация о котором авторам статьи передана М. И. Кудиным, также, видимо, подобран в фундучном саду (рис. 7, 54). Очевидно, что кельты из собрания Музея истории города-курорта Сочи и с местонахождения Фундучный сад представляют собой особую группу изделий. Это для сочинских кельтов было замечено еще А. А. Иессеном (Иессен, 1951. С. 100). Кельты из Фундучного сада А. Ю. Скаков склонен относить к концу II тыс. до н. э. (Скаков и др., 2021. С. 118). При этом, исходя из датировки предметов, которые так же, как и кельты, поступили с территории Фундучного сада, дату функционирования этой группы кельтов можно определять в пределах не только финала эпохи бронзы, но и начала раннего железного века.

Итак, на Кавказе удалось зафиксировать 54 топора-кельта, включая два фрагмента лезвий.

Кроме кельтов-топоров на Северном Кавказе найдено три экземпляра кельтов-тесел. Из них один — из клада, один — случайная находка, один — без точных данных об обстоятельствах обнаружения. Хотя эти орудия очень похожи на топоры-кельты, они все же являются другой категорией изделий, так как выполняли иную функцию.

При их рассмотрении нами использовалась классификационная схема волго-уральских кельтов-тесел. Так, к типу В-2 по схеме волго-уральских кельтов-тесел мы относим кельт, случайно найденный у г. Кореновска⁵, Краснодарский край (рис. 7, 55). Данный кельт схож, например, с кельтами из сёл Альменево и Сюкеево (Халиков, 1980. С. 87, табл. 45, 3, 4). К волго-уральскому типу D-2 относится и кельт из упорненского клада⁶ (Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 121–135, рис. 2, 4) (рис. 7, 56). Предмет, отмеченный как купленный в г. Майкопе в 1907 г.⁷ (Иессен, 1951. С. 87, 88, рис. 13), принадлежит типу G-2 (рис. 7, 57).

Картографический анализ

Почти все кавказские находки кельтов, кроме одной (22), происходят с территории Северного Кавказа и Черноморского побережья Краснодарского края (рис. 9; 10). При этом абсолютное большинство северокавказских находок — 46 из 56 — происходит с Северо-Западного Кавказа (с верховьями Кубани и Черноморским побережьем). В этом же регионе обнаружены все три кавказских кельта-тесла. Именно Кубань (с частью Черноморского побережья) дает нам абсолютное

большинство единичных находок кельтов. И только в Закубанье несколько кельтов четко привязаны к поселениям. В противовес этому кельты в кладах есть как в зоне ПОММ, так и вне ее. Обратим также внимание, что кельты фиксируются в первую очередь в равнинной и предгорной частях Северного Кавказа и на Черноморском побережье, в горах Северного Кавказа они редки. Однако и в степную зону Правобережья Кубани они практически не попадают, концентрируясь в Закубанье и в зоне дельты р. Кубань. В целом намечаются две ветви распространения кельтов, идущих от Тамани: одна ветвь далее идет по р. Кубань и ее притокам, а вторая — вдоль Черноморского побережья.

Но кельты неизвестны на Северо-Восточном Кавказе. Более того, их нет на территориях, где раскопано большинство ранних памятников кобанской и колхидской общностей — на территориях современных Чечни, Ингушетии, Северной и Южной Осетии и Абхазии.

При этом на Кавказе неизвестны кельты из достоверных погребальных комплексов. Находки с поселений также не могут дать полную информацию, так как все они происходят из сборов на разрушаемых памятниках. Из кладов происходят 11 из 54 кавказских находок топоров-кельтов и один кельт-тесло. Именно на эти находки можно опираться при составлении хронологических схем. Но в культурном отношении они нейтральны. Более того, из 12 находок топоров-кельтов и кельтов-тесел в кладах — шесть из них (половина) обнаружено в комплексах к востоку и югу от Северо-Западного Кавказа (рис. 9). Почти половина кавказских кельтов (27 из 57) происходит из достаточно хорошо документированных единичных случайных находок. Они, в противовес кельтам из кладов, как уже было сказано, в абсолютном большинстве (23 из 27) обнаружены на Северо-Западном Кавказе. Если исключить из общего списка находки в кладах, а учитывать только случайные, неизвестного происхождения (или плохо задокументированные) и находки с предполагаемых поселений, то преобладание Северо-Западного Кавказа (с побережьем) над другими регионами Кавказа станет абсолютным — 40 находок к 5.

Таким образом, картографический анализ позволяет с определенной долей уверенности говорить, что кельты на Кавказе были характерны именно для прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века. Их производство было налажено, скорее всего, в пределах ПОММ, а их импорт из более северных центров проходил именно через зону ПОММ.

⁵ Номер 55 на схемах и картах.

⁶ Номер 56 на схемах и картах.

⁷ Номер 57 на схемах и картах.

Рис. 9. Распространение кельтов на Кавказе. Дифференциация по видам памятников: а — топоры-кельты из кладов; б — топоры-кельты с поселений; в — отдельные находки топоров-кельтов; г — кельты-тесла в кладях; д — отдельные находки кельтов-тесел

Fig. 9. Distribution of celts in the Caucasus. Differentiation through types of the sites: а — celts/axes from hoards; б — celts/axes from settlements; в — isolated finds of celts/axes; г — celts/adzes in hoards; д — isolated finds of celts/adzes

Хронологический анализ

Большинство найденных на Кавказе кельтов можно систематизировать, исходя из схемы развития металлопроизводства позднего бронзового века Юга Восточной Европы, по В. С. Бочкареву (Бочкарев, 2017) (табл. 2).

Как показывает таблица 2, первые кельты-тесла на Северном Кавказе появляются только в IV периоде, а топоры-кельты этого времени еще в регионе неизвестны. Но они есть в Крыму и на Нижнем Дону (Бочкарев, Пелих, 2010. С. 346, 347). Поэтому вероятно, что их находки станут известны и на Кубани.

Небольшая группа топоров-кельтов появляется в следующий, V, период. Они известны всего в восьми экземплярах. Уже в этот период топоры-

кельты есть как на Северо-Западном Кавказе, так и в прилегающей к нему части Центрального Предкавказья (рис. 10).

Самая большая группа топоров-кельтов — минимум 38 экземпляров — приходится на конец эпохи бронзы. К этому же времени относятся и два кельта-тесла.

Таким образом, вполне очевидно, что наибольшее распространение эта категория орудий на Северном Кавказе получает в заключительные периоды эпохи бронзы (XII–X вв. до н. э.). Примечательно, что как раз в это время в Северном Причерноморье и Волго-Урале начинается упадок местного производства, а на Кубани, наоборот, происходит его подъем.

Рис. 10. Распространение кельтов на Кавказе. Дифференциация по хронологии: *a* — IV период (XV–XIV вв. до н. э.); *б* — V период (XIII в. до н. э.); *в* — VI–VII периоды (XII–X вв. до н. э.); *г* — конец позднебронзового — начало раннежелезного времени

Fig. 10. Distribution of celts in the Caucasus. Differentiation through chronology: *a* — period IV (15th–14th centuries BC); *б* — period V (13th century BC); *в* — periods VI–VII (12th–10th centuries BC); *г* — end of the Late Bronze Age — beginning of the Early Iron Age

Таблица 2. Распределение кавказских находок кельтов по хронологии
Table 2. Chronological distribution of the Caucasian finds of the celts

Номер периода	Дата, в. до н. э.	Кельты-топоры, номер по списку (тип)	Кельты-тесла, номер по списку (тип)	Итого, топор/тесла, шт.
VI–VII	XII–X	1 (C-3); 2, 3 (C-4); 4–26 (C-5); 30, 31 (F-5); 32–35 (G-4); 36 (G-5); 40 (H-5); 42 (J-4); 44 (M-4); 45 (M-5); 46 (≈G-4)	2 (D-2); 3 (G-2)	38/2
V	XIII	27–29 (F-4); 37–39 (H-4); 41 (J-1), 43 (L-2)	–	8/0
IV	XV–XIV	–	1 (B-2)	0/1
Итого	–	46	3	46/3

Согласно хронологии ПОММ (Бочкарев, Пелих, 2008; 2019. С. 179), кельт-тесло типа В-2 относится к ахметовскому периоду. Кельты типов F-4, H-4, J-1 и L-2 должны датироваться удобненским этапом. Все остальные топоры-кельты и кельты-тесла относятся к этапу, названному бекешевским. Возможно, позднее этого этапа доживают безушковые кельты, найденные в Большом Сочи.

Происхождение и местные особенности кавказских кельтов

Вполне очевидно, что кельты являются чуждыми для кавказских очагов металлопроизводства. Они были заимствованы из северных регионов — Урало-Поволжья и Нижнего Подонья, а также из Северного Причерноморья. С волго-уральскими производственными центрами можно связывать тесло типа В-2 — такие предметы были распространены на Урале и в Западной Сибири в IV периоде. Они не встречаются ни в Нижнем Поволжье, ни на Дону и тем более в Северном Причерноморье. Поэтому можно предполагать, что кореновский кельт был завезен на Кубань с далекого северо-востока.

Импортное происхождение можно также подозревать в отношении кельта-тесла из Упорной (тип D-2). Судя по его симметричному профилю и исходя из контекста находки, его следует датировать более поздним временем, но также связывать с волго-уральским производством.

Самым концом эпохи бронзы может быть датирован кельт-тесло типа G-2. По волго-уральским аналогиям (маклашеевская культура) этот кельт из Майкопа датируется непосредственно предананьинским временем.

Все остальные кавказские кельты позднего бронзового века (а именно кельты-топоры) имеют аналогии в Северном Причерноморье. Некоторые из них (кельт из коллекции Апухтина, кельт из Горгиппии) могли быть привезены из Северного или Западного Причерноморья. Остальные кельты с большой долей вероятности были произведены на месте, но их прототипы явно восходят к северным и особенно северо-западным образцам. В частности, это относится к кельтам самого распространенного на Кавказе (в первую очередь на Северо-Западном Кавказе) типа С-5.

К числу северокавказских особенностей относятся большие размеры многих из них; крупные ушки, которые иногда достигают половины длины

кельтов (рис. 2, 2, 3; 4, 20, 21; 6, 42; 7, 46; 8); расрубное оформление устьев втулки (Бочкарев, 2008. С. 246, 247). У одного из кельтов упорненского клада втулка имеет четырехугольную форму, что также совершенно несвойственно всем северным кельтам. Еще можно отметить, что у некоторых кавказских кельтов лезвие приобретает почти секирообразную форму — оно непропорционально широкое, а его кромка закруглена.

Анализ металла кубанских кельтов также указывает на местные источники сырья (Черных, Кузьминых, 1986. С. 136, 137). Может говорить о местном литье подобных изделий и находка литейного брака кельта типа С-4 — внекомплексный предмет из Станционной щели.

Все сказанное выше позволяет заключить, что большинство кавказских топоров-кельтов было местного производства. Но при этом нельзя забывать, что своим происхождением они обязаны северному и особенно северо-западному влиянию. На это указывают не только их типологические особенности, но и карта их распространения (рис. 9; 10). Как уже было сказано, такая карта отчетливо показывает, что наибольшее распространение кельты получили на Северо-Западном Кавказе. Они протянулись полосой от Верхнего Прикубанья до Тамани. Их находки также идут вдоль восточного побережья Черного моря от Анапы до Сочи. Указанная карта распространения кельтов смыкается с крымскими и, особенно, нижнеднепровскими находками. Это может говорить о том, что основное направление влияния шло с Нижнего Поднепровья и Северного Причерноморья через Крым на Тамань и далее в южном и юго-восточном направлениях.

Такой ход событий подтверждается материалами последних исследований на Таманском полуострове. Ими было установлено, что на Тамань проникало население сабаатиновской и белозерской культур (Кияшко, 2020; Горошников, Горошникова, 2019).

Благодаря контактам местного и пришлого населения в прикубанском очаге металлургии и металлообработки появились многие типы металлических изделий северопричерноморского облика, а на Тамани и в Крыму — прикубанского. Вероятно, металлообработка пришлого населения сабаатиновской и белозерской культур в основном базировалась на привозном сырье, которое, скорее всего, поступало с верхнекубанских месторождений.

- Анфимов*, 1988 — *Анфимов Н. В.* Бронзовый кельт из аула Тауйхабль Теучежского района // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. П. У. Аутлев. Майкоп: Адыгейская обл. тип. Управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1988. С. 170–174.
- Аптекарев, Козенкова*, 1986 — *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–135.
- Бочкарев*, 2008 — *Бочкарев В. С.* Знаменская находка // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–252.
- Бочкарев*, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus*. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.
- Бочкарев, Пелих*, 2008 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 года): Тезисы докладов Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2008. С. 64–66.
- Бочкарев, Пелих*, 2010 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северного Кавказа // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2010. Вып. 24. С. 331–354.
- Бочкарев, Пелих*, 2019 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. С. 179–183.
- Гамбашидзе*, 1963 — *Гамбашидзе О.* Тхморский клад. Тбилиси: Изд-во АН Грузин. ССР, 1963. 94 с.
- Горошников, Горошникова*, 2019 — *Горошников А. А., Горошникова З. В.* Новые данные о поселении эпохи поздней бронзы Панагия I на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2019 г.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири... СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. II. С. 168–169.
- Иессен*, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
- Кияшко*, 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 2020. Вып. 30. С. 207–222.
- Клочко, Козыменко*, 2011 — *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Наш недавний бронзовый век. Киев: Генеза, 2011. 193 с.
- Козенкова*, 1996 — *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пушинский науч. центр РАН, 1996. 163 с.
- Козенкова*, 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
- Коридзе*, 1965 — *Коридзе Д. Л.* К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 168 с.
- Крупнов*, 1958 — *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим данным) // Древние племена и народности Кавказа. М.; Л.: Наука, 1958 (МИА; № 68). С. 176–195.
- Кудин, Кизилов*, 2016 — *Кудин М. И., Кизилов А. С.* Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Междунар. археолог. конф. (Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.) / Отв. ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин, 2016. С. 139–147.
- Лесков*, 1967 — *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР: Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Лесков, Н. Я. Мерперт. Киев: Наукова думка, 1967. С. 143–178.
- Нечитайло*, 1971 — *Нечитайло А. Л.* Новые находки эпохи поздней бронзы в Ставропольском крае // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 32–34.
- Новичихин*, 2013 — *Новичихин А. М.* Бронзовые кельты из хутора Чекон // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы

- хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы междунар. археолог. конф. (Краснодар, 30–31 мая 2012 г.) / Отв. ред. Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика-Принт, 2013. С. 77–79.
- Новичихин, 2015 — Новичихин А. М. Находка бронзового кельта в Горгииппии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археолог. конф. (Краснодар, 26–28 мая 2015 г.) / Отв. ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика-Принт, 2015. С. 203–205.
- ОИАК, 1893 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1893. 187 с.
- ОИАК, 1907 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1904 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. 186 с.
- Пелих, 2003 — Пелих А. Л. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 26 с.
- Пелих, 2005 — Пелих А. Л. К вопросу о географическом и хронологическом районировании памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Офсет Принт, 2005. С. 205–207.
- Пелих, Пьянков, 2020 — Пелих А. Л., Пьянков А. В. Топор-кельт из окрестностей города Кореновска // Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады) / Отв. ред. С. Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. С. 23–24.
- Пелих, Фоменко, 2005 — Пелих А. Л., Фоменко В. А. Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2005. Вып. 5 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. С. 66–72.
- Пьянков, Пономарев, 2002 — Пьянков А. В., Пономарев В. П. Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска (Западное Закубанье) // Историко-археологический альманах. Армавир; М.: б. и., 2002. Вып. 8. С. 17–19.
- Скаков и др., 2021 — Скаков А. Ю., Кудин М. И., Кизилов А. С. Новые находки кобано-колхидских металлических изделий на северо-восточном побережье Черного моря (Краснодарский край). Ранее неизвестный ареал кобано-колхидской бронзы // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 105–126.
- Тихонов, 1960 — Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. М.: Наука, 1960 (МИА; № 90). С. 5–115.
- Тов, 2004 — Тов А. А. Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2004. Вып. 3. С. 301–308.
- Халиков, 1980 — Халиков А. Х. Приказанская культура. М.: Наука, 1980 (САИ; Вып. В1-24). 128 с.
- Черных, 1976 — Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.
- Черных, Кузьминых, 1986 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Химический состав металла клада у станции Упорной // СА. 1986. № 3. С. 135–138.
- Эрлих, 2007 — Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Vočkarev, Leskov, 1980 — Vočkarev V. S., Leskov A. M. Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. München: C. H. Beck, 1980 (Prähistorische Bronzefunde; Abt. 19, Bd. I). 122 S.
- Leskov, 1981 — Leskov A. M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet. I, Depots mit einheimischen Formen. München: C. H. Beck, 1981 (Prähistorische Bronzefunde; Abt. 20, Bd. 5). 113 S.

Finds of metal celts/axes from the Caucasus

V. S. Bochkarev, A. L. Pelikh⁸

Keywords: socket axes, Caucasus, Kuban centre of metallurgy and metalworking, Late Bronze Age.

This work summarizes 54 finds of axes/celts from the Caucasus area. Distribution of the artefacts over sites of different type (Table 1) shows that the majority of the celts are single finds. In order to systemize axes/celts from

⁸ Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Institute of History of St Petersburg State University; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: bovad872@gmail.com. Aleksey L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University; 159 ul. Rozy Lyuksemburg, Armavir, Krasnodar Kray, 352901, Russia; e-mail: pelich1976@mail.ru.

the Late Bronze Age, a new classification scheme is introduced (Fig. 1). As the basis for distinguishing the types, a combination of three features is accepted: 1) the shape of the chamfer; 2) the number of the ears (from 0 to 2); 3) the positions of the ears (near the edge of the socket or below it).

A list of celts found in the Caucasus was compiled (Fig. 2–7). Cartographic analysis has demonstrated that almost all the Caucasian finds of celts (except for one) come from the territory of the North Caucasus and the Black Sea coast of Krasnodar Krai (Fig. 9; 10). Moreover, the majority of finds are reported from the North-Western Caucasus. Generally, two branches of the spread of the celts are traceable: the first is extended from Taman with one of the sub-branches stretching along the Kuban River and its tributaries, while the other is stretched along the Black Sea coast. Thus celts from the Caucasus were typical exactly of the Kuban centre of metallurgy and metalworking in the Late Bronze Age. The majority of the celts discovered in the Caucasus can be systemized basing on the scheme of the development of the Bronze Age metalworking in the south of East Europe according to V. S. Bochkarev's periodization scheme (Table 2). The first celts/adzes from the Northern Caucasus appear only in period IV whereas celts/axes of the same time period are still unknown in this region. A rather small group of celts/axes appears only in next period V. The most numerous group of axes/celts is found in the end of the Bronze Age. To the same time, also two celts/adzes are dated. Thus it is quite clear that the widest distribution of this category of tools over the North Caucasus is attained during the concluding periods of the Bronze Age (12th–10th centuries BC).

Celts are alien to the Caucasian metal production centres. They were borrowed from more northern regions — Ural-Volga area and the Lower Don region, as well as from the Northern Black Sea littoral. Some may have been brought from the Northern and Western Black Sea coast. The majority of the celts probably were manufactured in the North Caucasus, however their prototypes are derived from more northern and, particularly, north-western examples. The map of the distribution of the Caucasian celts (Fig. 9; 10) adjoins the area of the Crimean and, especially, Low-Dnieper finds. This fact possibly suggests that the main direction of the influence was from the Lower Dnieper and Northern Black Sea littoral via Crimea and Taman and further to the south and south-east. This sequence is confirmed by the results of the last investigations on the Taman Peninsula. These data have established that populations of the Sabatinovka and Belozersk cultures penetrated to Taman. Owing to the contacts between the local and new-coming populations, many types of metal artefacts of the Northern Black Sea type appeared in the Kuban hearth of metallurgy and metalworking while objects of the Kuban type appeared in Taman and Crimea.

О выделении керамики таманского типа финала среднего бронзового века¹

А. В. Кияшко, О. П. Ларенок²

Аннотация. В статье на основе анализа находок на поселениях эпохи бронзы Таманского полуострова, большинство которых относится к финалу среднего бронзового века, выделен таманский тип керамики. Приведены характеристики такой посуды и основные мотивы ее орнаментации. Для изучения распространения таманского типа керамики и его происхождения проведен сравнительно-статистический анализ посуды синхронных поселений. Материалы эпонимных памятников культурных групп посткатакомбного времени Приазовья и Крыма (поселения Бабино III, Каменка, Ливенцовская крепость) сопоставлены с материалами недавно исследованных памятников Тамани и черноморского побережья Кавказа (Балка Хреева III, Дивноморское), на которых статистически доминирует керамика таманского типа. Высказано предположение о местных корнях керамики таманского типа, ее связи с наследием дольменной культуры Западного Кавказа.

Ключевые слова: финал среднего бронзового века, культурные круги Бабино и Лола, керамика таманского типа, валиковая рельефная орнаментация, дольменная культура Западного Кавказа, поселения Бабино III и Каменка, Ливенцовская крепость.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-155-174

Открытие и исследование в начале XXI в. многочисленных памятников эпохи бронзы на Таманском полуострове дали возможность выявить наличие и определить характер взаимодействия в Крымско-Таманском регионе известных культурных групп. Прежде всего речь идет о памятниках периода Бабино, сабаатиновских и белозерских древностях (Кияшко А. В., Сударев, 2018; Кияшко А. В., 2019; Кияшко А. В., Горошников, 2020). Начато уточнение их местных признаков и выявление специфики (Кияшко А. В., 2017; 2020; Кияшко А. В., Ларенок, 2020). В то же время в работах специалистов обсуждается присутствие на Таманском полуострове археологических следов срубной культуры (Клемешова и др., 2021; Кияшко А. В., Зиливинская, 2021. С. 93, 94).

В предлагаемой статье сделана попытка разобратся с особенностями таманских памятников

финала среднего бронзового века — времени существования культурных блоков Бабино и Лола (Литвиненко, 2011; Мимоход, 2013). Сложность заключена в том, что эти образования (особенно культуры блока Лола) выделены почти исключительно по материалам погребальных памятников, в то время как на Тамани финал среднего бронзового века представлен поселениями, а погребения единичны и безынвентарны (Кияшко А. В., Жупанин, 2021. Рис. 2, 1). На поселениях при наличии отдельных диагностирующих предметов (каменных топоров, бронзового ножа, костяной пряжки и т. д.), безусловно, доминирует керамика (Кияшко А. В., Ларенок, 2020. Рис. 1; 2).

Для степных культур эпохи бронзы изучение керамики — самой массовой категории инвентаря поселенческих и погребальных памятников — имеет особое значение. Традиции изготовления керамики были очень устойчивы, так как глиняную посуду лепили, очевидно, практически в каждом хозяйстве по рецептам, передававшимся из поколения в поколение. Поэтому на основе изучения керамики можно провести локальное членение больших общностей эпохи бронзы, которое отражает многообразие местных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 20-09-00469 и 20-39-90033.

² Кияшко А. В., Ларенок О. П. — Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: volgodon5@mail.ru; ksanalare@mail.ru.

традиций, существовавших порой на протяжении всей эпохи. В то же время керамика изменялась под влиянием эпохальных процессов: миграций, переориентации связей, идеологических новаций и т. д. Локально-хронологические особенности керамического комплекса эпохи, его простейшие пространственно-временные «ячейки», на наш взгляд, наиболее чутко отражают процесс развития и видоизменения археологической культуры (Кияшко А. В., 2002. С. 10).

Такой вывод применим для катакомбных культур эпохи средней бронзы степной полосы, которые различались между собой преимущественно формами и орнаментацией керамики (Попова, 1955. С. 67–93; Братченко, 1976. С. 30). В финале этого периода так называемые посткатакомбные культуры (Мимоход, 2016) на ранних этапах своего развития наследуют керамические и другие культурные стандарты среднего бронзового века. Это особенно очевидно для бабинской культуры: имеет место связь керамики со среднедонской катакомбной посудой и в широком плане — с культурами шнуровой керамики Восточной Европы. Для долинской культуры — это также явная близость керамики к восточноманычским катакомбным прототипам и в целом — к традициям культур среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа.

Далее в статье мы постараемся продемонстрировать особенности керамического комплекса таманских поселений финала среднего бронзового века, керамика которых в основном отлична от материалов бабинской, долинской и других синхронных культурных групп. Сравнительно-статистический анализ керамики будет проведен по материалам пяти памятников изучаемого времени. Это поселения Бабино III на нижнеднепровском левобережье, Каменка на крымском берегу Керченского пролива, Балка Хреева III на противоположном, таманском, берегу того же пролива, Дивноморское на побережье Черного моря южнее Геленджикской бухты и Ливенцовская крепость на правобережье донской дельты (рис. 1А, 1–5; табл. 1; 2).

Выбор именно этих объектов для оценки степени своеобразия таманских древностей определяется, во-первых, их эталонным характером для изучаемого периода (пожалуй, кроме еще практически не введенного в научный оборот поселения Дивноморское). Во-вторых, названные пункты связаны определенной источниковедческой и географической близостью: как поселенческие памятники на оси Нижнее Поднепровье —

Приазовье с Нижним Доном, Восточным Крымом и Таманью — Западный Кавказ. Культурные группы круга Лола географически тяготеют к восточным регионам Предкавказья и даже Заволжья (собственно долинская, волго-уральская) или выделены по данным погребальных памятников (невинномысская: см. Мимоход, 2022б. С. 77). По этой причине они не могут быть корректно сопоставлены с таманскими поселенческими материалами.

Отдельно остановимся на причинах исключения из исследования ряда памятников, которые традиционно связывают с каменско-ливенцовской группой: грот Гамовская балка и святилище Рансырт I (Каминская, Шарафутдинова, 1999; Райнхольд и др., 2020. С. 427–438). Оба памятника расположены в предгорьях и маркируют пограничье Западного и Центрального Кавказа. Поселение Гамовская балка расположено в верховьях р. Уруп, а Рансырт I — в 80 км к востоку от него, в верховьях р. Подкумок. Авторы публикации первого памятника увидели сходство ведущих типов керамики грота Гамовская балка и Ливенцовской крепости и нашли в этом подтверждение гипотезы С. Н. Братченко о северокавказских истоках населения этой крепости (Каминская, Шарафутдинова, 1999. С. 86, 87; Братченко, 1976, С. 127). Однако новые публикации и исследования ставят под сомнение такой вывод (Райнхольд и др., 2020). Обоснованию причин исключения этих объектов из каменско-ливенцовской группы памятников посвящена отдельная работа (Кияшко А. В., 2022).

Хронология и таксономия памятников финала среднего — начала позднего бронзового века еще находятся в стадии разработки. Отдельного изучения требует культурно-хронологический статус соответствующих памятников Восточного Крыма, которые имеют как минимум три наименования: «каменско-ливенцовские» (Братченко, 1985), «каменские» (Кислый, 2005) и «каменско-планерские» (Тоцев, 2007. С. 171).

В настоящей работе будут изучены особенности синхронных таманских древностей, наиболее ярко представленных материалами памятника Балка Хреева III.

Поселение Балка Хреева III располагалось в 7 км к востоку–юго-востоку от восточной окраины станицы Тамань и в 5,3 км к юго-западу от западной окраины поселка Приморский Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1А, 4). Оно находилось у подножия северного склона Комендантской гряды, в верховьях водосточных

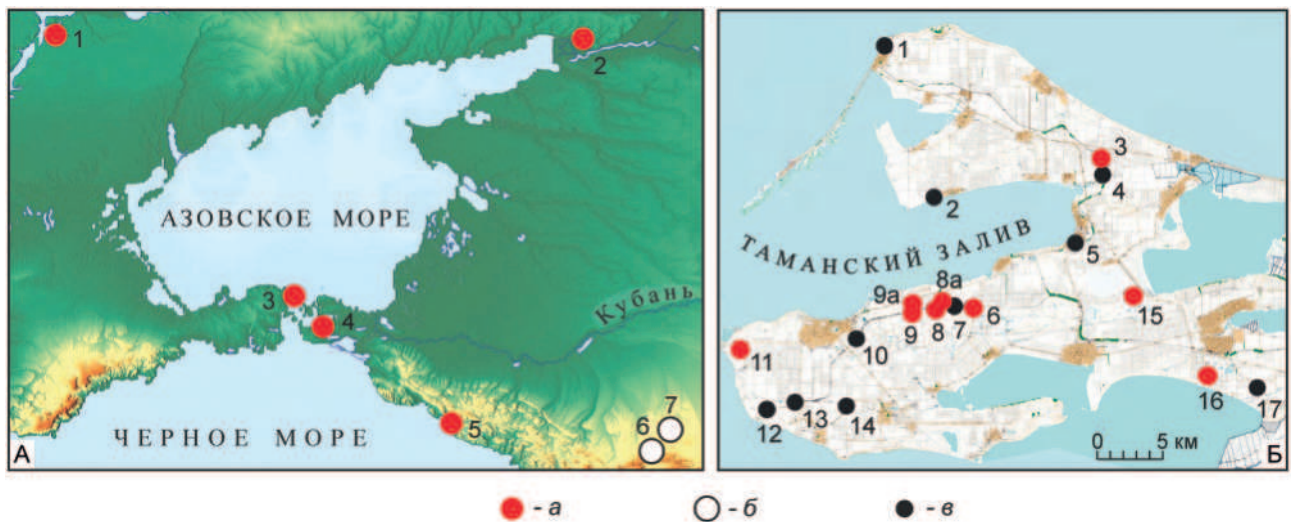

Рис. 1. Поселения среднего — позднего бронзового века южной части Восточной Европы (*a* — поселения с материалами финала среднего бронзового века; *б* — поселения дольменной культуры среднего бронзового века; *в* — поселения позднего бронзового века): *A* — памятники среднего и финала среднего бронзового века: 1 — Бабино III, 2 — Ливенцовская крепость, 3 — Каменка, 4 — Балка Хреева III, 5 — Дивноморское, 6 — Дегуакско-Даховское, 7 — Старчики; *Б* — памятники финала среднего — позднего бронзового века на Тамани: 1 — Ильич I, 2 — «Патрей», 3 — Юбилейный XIV, 4 — Юбилейный IV, 5 — Сенной, 6 — Гора Чиркова I, 7 — Балка Хреева II, 8 — Балка Хреева III, 8а — Балка Хреева I, 9 — Балка Лисовицкого-IV, 9а — Балка Лисовицкого I, 10 — Тамань XIV, 11 — Тузла VII, 12 — Панагия I, 13 — Волна I, 14 — Таманский 4, 7, 15 — Солёный II, 16 — Старотитаровская XX, 17 — Старотитаровская XVI

Fig. 1. Settlements of the Middle and Late Bronze Age in East Europe (*a* — sites with materials from the final of the Middle Bronze Age; *б* — settlements of the dolmen culture of the Middle Bronze Age; *в* — sites of the Late Bronze Age): *A* — sites of the middle and final of the Middle Bronze Age: 1 — Babino III, 2 — Liventsovskaya Fortress, 3 — Kamenka, 4 — Balka Khreyeva III, 5 — Divnomorskoye, 6 — Deguaksko-Dakhovskoye, 7 — Starchiki; *Б* — sites of the final of the Middle and Late Bronze Ages in Taman: 1 — Ilyich I, 2 — ‘Patraios’, 3 — Yubileyny XIV, 4 — Yubileyny IV, 5 — Sennoy, 6 — Gora Chirkova I, 7 — Balka Khreyeva II, 8 — Balka Khreyeva III, 8а — Balka Khreyeva I, 9 — Balka Lisovitskogo IV, 9а — Balka Lisovitskogo I, 10 — Taman XIV, 11 — Tuzla VII, 12 — Panagia I, 13 — Volna I, 14 — Tamansky 4, 7, 15 — Soleny II, 16 — Starotitarovskaya XX; 17 — Starotitarovskaya XVI

балок, впадающих в Таманский залив, у источников пресной воды. От берега залива памятник отстоял на 1,7 км к югу (рис. 1Б, 8). В 2016 г. на этом поселении сотрудниками ОАО «Наследие Кубани» В. П. Мокрушиным и Д. В. Кутуковым была исследована площадь 36 580 кв. м, которая попадала в зону строительства автодороги³. Значительную часть полученной на поселении коллекции, кроме относительно небольшой доли материалов раннего железного века и средневековья, составили находки финала среднего бронзового века.

Вещевой комплекс эпохи бронзы поселения Балка Хреева III представлен преимущественно керамикой, а также каменными и костяными изделиями. Каменные изделия включают серию

(более 10 экз.) песчаниковых терочников округлоуплощенной дисковидной формы. Найден также каменный топор из зеленоватого плотного камня. Он имел цилиндрический обух и секировидное расширение лезвия (рис. 2, 10). Еще одно изделие представляет собой шаровидное навершие булавы с уплощенным валикообразным основанием из светлого с серыми включениями камня (рис. 2, 5). Среди находок костяных изделий преобладают отдельные кости конечностей лошади или крупного рогатого скота (фаланги, метаподии, астрагалы и т. д.) со следами обработки, чаще всего с поперечно просверленными отверстиями. Особо следует отметить находку предмета в виде подпрямоугольного в сечении костяного стержня с встречным незаконченным сверлением в основании и двумя крючками на другом конце изделия, расположенными друг за другом остриями к основанию (рис. 2, 1). В одной хозяйственной

³ Благодарим авторов раскопок В. П. Мокрушина и Д. В. Кутукова за любезно предоставленные материалы.

яме (кв. Е–Ж 70, объект 1) с описанным предметом встречен костяной колок (проколка?) с вырезами вокруг основания (рис. 2, 2). В другой яме, расположенной в 40 м к западу (кв. Д63, объект 2), обнаружена фаланга животного, основание которой с торца было прорезано крестообразной насечкой (рис. 2, 3). На поселении найден бронзовый нож ромбовидной формы с плавными контурами черенка и плечиков, а также с удлиненной лезвийной частью (рис. 2, 4).

Керамика, исследованная на поселении Балка Хреева III, представляет собой достаточно однородный комплекс. В технологическом отношении — это лепные сосуды средней степени обжига, чаще со сглаженной, реже с рыхлой и пористой поверхностью светло-серого, серого, светло-коричневого и коричневого оттенков. Тесто на изломе, как правило, черное, с визуальной фиксируемой примесью шамота и дресвы. Реже встречается примесь ракушки или песка.

Анализ морфологии керамики позволяет наметить несколько основных типов посуды. Это баночные и слабопрофилированные формы средних размеров, в основном без орнамента. Иногда они украшены по краю венчика одним или двумя горизонтальными налипными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 14, 18, 20). Менее стандартны практически бесшейные сосуды с резко отогнутым краем венчика. Они имеют шаровидное, уплощенно-шаровидное или чашевидное тулово и украшены одним или чаще двумя рядами округло-продолговатых вдавлений под венчиком. Иногда на плечике этих сосудов встречаются налипные фигурные ручки-выступы (рис. 2, 17, 21, 23). Остальная керамика представлена сосудами средних и крупных размеров с округлым туловом, выраженными плечиками и довольно высоким горлом. Различия внутри этой группы сосудов намечаются по признаку прямой горловины, как правило, со слегка отогнутым венчиком (рис. 2, 20, 21, 25, 28, 30) или более или менее раструбной горловины (рис. 2, 16, 18, 19, 23, 29). При этом орнаментация обеих разновидностей единообразна. Чаще всего это уже

упомянутые двойные (реже — одинарные) ряды округло-продолговатых вдавлений на плечике сосуда (рис. 2, 20, 23, 25, 29, 30). Иногда эти отпечатки трансформируются в ряд косых или прямых удлиненно-овальных вдавлений (рис. 2, 21, 28) или в два ряда, образующих елочный мотив (рис. 2, 18). Изредка вместо вдавлений на плечике сосуда размещен налипной валик: прямой с насечками или волнистый (рис. 2, 16, 19). Встречены также миниатюрные сосудики: один баночной формы, украшенный прочерченными горизонтальными линиями и зигзагом (рис. 2, 7), и другой с биконическим туловом, раструбным горлом и стандартным рядом округлых вдавлений в основании шейки (рис. 2, 6). Среди найденной посуды следует особо выделить крупный сосуд в форме корчаги с биконическим туловом, высокой прямой горловиной и отогнутым венчиком. У дна сосуд имеет закраину, подчеркнутую пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 27).

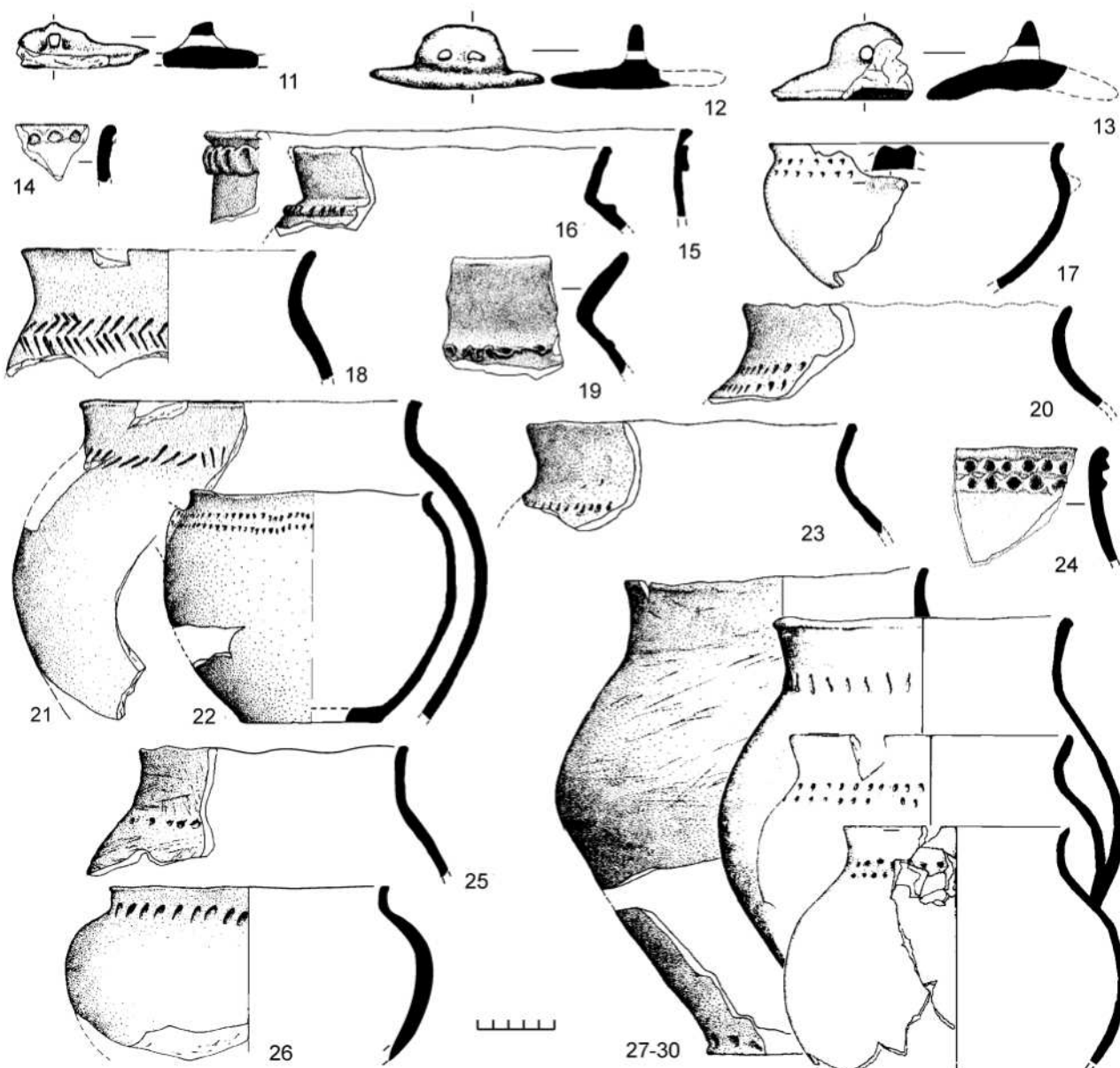
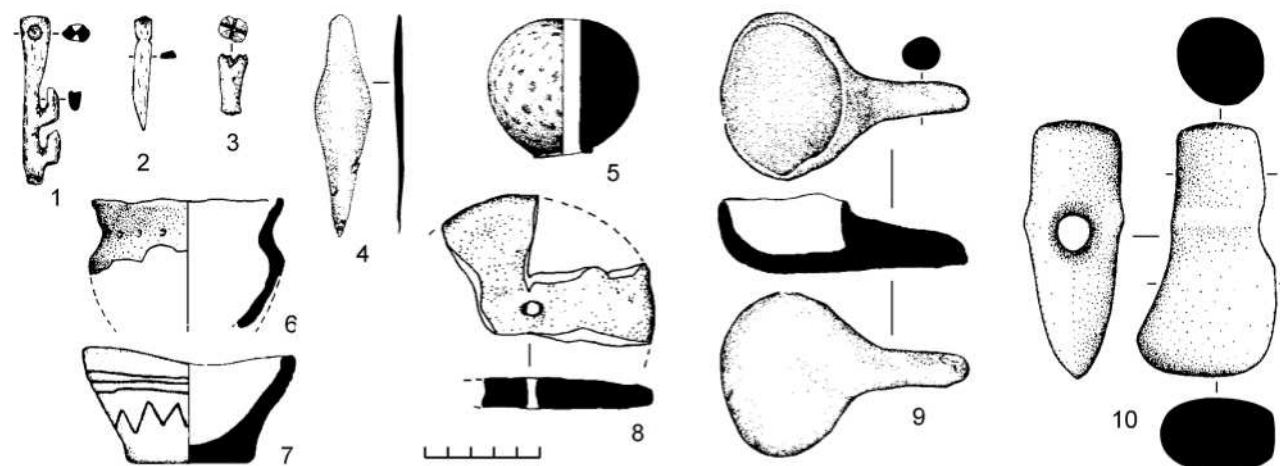
К числу специфических керамических изделий следует отнести крышки для миниатюрных сосудов (рис. 2, 11–13), фрагмент дисковидного предмета с центральным отверстием (рис. 2, 8), а также так называемую ложку — сосудик в форме ковши с круглой в сечении ручкой (рис. 2, 9).

Керамический комплекс поселения Балка Хреева III, а также ряд предметов из бронзы, камня, кости со всей определенностью указывают на его принадлежность к блоку посткатакомбных культурных образований финала среднего бронзового века черноморско-каспийских степей, времени существования культурных кругов Бабино и Лола (*Мимоход*, 2022б. С. 75).

В частности, найденный бронзовый нож (рис. 2, 4) по форме в целом близок 2-му типу подобных орудий лолинской культуры Предкавказья (*Мимоход*, 2013. С. 78, ил. 50, 13–16). Каменный топор (рис. 2, 10) по схеме лезвия отдаленно напоминает орудия из Бородинского клада, то же можно сказать и о морфологии найденного наверхия булавы (рис. 2, 5) (*Шишлина*, 2019. Рис. 12; 13). Костяное изделие из хозяйственной ямы (рис. 2, 1; объект 1 в кв. Е–Ж 70), возможно,

Рис. 2. Материалы поселения финала среднего бронзового века Балка Хреева III (раскопки Д. В. Кутукова и В. П. Мокрушина): 1–3 — костяные изделия; 4 — нож; 5 — булава; 6, 7 — миниатюрные лепные сосуды; 8 — диск; 9 — «ложка-лялька»; 10 — топор; 11–13 — крышки; 14–30 — фрагменты лепных сосудов. 1–3 — кость; 4 — бронза; 5, 10 — камень; 6–9, 11–30 — керамика

Fig. 2. Materials from the Balka Khreyeva III settlement of the final of the Middle Bronze Age (excavations by D. V. Kutukov and V. P. Mokrushin): 1–3 — bone objects; 4 — knife; 5 — mace; 6, 7 — miniature handmade vessels; 8 — disc; 9 — “casting ladle”; 10 — axe; 11–13 — lids; 14–30 — fragments of handmade vessels. 1–3 — bone; 4 — bronze; 5, 10 — stone; 6–9, 11–30 — ceramics

представляет собой разновидность крючково-планочной пряжки европейской традиции, которые известны также на территории Северного Приазовья в памятниках ранней днепро-донской бабинской культуры (*Мимоход*, 2018. С. 250, 251, рис. 1; 2).

Глиняная «ложка» (рис. 2, 9) обнаружена в комплексе с костяными изделиями и характерным миниатюрным сосудиком (рис. 2, 1, 2, б). На первый взгляд, это характерная для финала среднего бронзового века категория керамики, названная Р. А. Мимоходом «своеобразной визитной карточкой лолинской посуды». Он описывает ее как «небольшие плоски с одной ручкой» и относит к «ковшам»-сосудам 6-й группы лолинской керамики (*Мимоход*, 2013. С. 66–68, ил. 46, 1–7). Также исследователь обращает внимание на находку подобного ковша в материалах поселения Каменка в Восточном Крыму (*Мимоход*, 2013. С. 67; *Рыбалова*, 1974. С. 23, рис. 3, 17). Однако следует отметить, что «ковши» Балки Хреева III и Каменки отличаются от лолинских изделий по морфологии: малая миниатюрная чашечка и крупная удлиненная рукоятка, по толщине соответствующая высоте чашечки. Такая форма явно указывает на иной функционал предмета. Это не «ковш», а определенно «ложка», но скорее всего употреблявшаяся в качестве льячки.

Еще одну параллель с лолинской культурой обнаруживает миниатюрный баночный сосудик, украшенный прочерченным мотивом (рис. 2, 7), аналогичный по форме и декору сосудику из Волго-Донского междуречья (Пичуга I, курган 1, погребение 8), орнамент которого, правда, выполнен оттисками веревки (*Мимоход*, 2013. С. 494, ил. 45, 8).

Другие керамические предметы — крышки миниатюрных сосудов (рис. 2, 11–13), диск с отверстием в центре (рис. 2, 8) — также обнаруживают аналогии в памятниках посткатакомбного этапа среднего бронзового века. Фрагмент подобной крышки, хотя без отверстий в рукоятке, обнаружен на упоминавшемся поселении Каменка (*Рыбалова*, 1974. С. 26, рис. 4, 2). Глиняные диски с центральным отверстием известны, в частности, в материалах слоя бабинской культуры на поселении Ливенцовка I, которые автор раскопок трактовал как «колесики или пряслица» (*Братченко*, 1976. С. 114, 115, рис. 62, 5, 8, 9).

Мы привели достаточно аргументов для синхронизации поселения Балка Хреева III с памятниками финала среднего бронзового века, но пока не определились с его культурной атрибуцией.

С одной стороны, приведенные выше параллели вещевому комплексу демонстрируют разнонаправленные влияния — и лолинского, и бабинского культурного круга. С другой, в настоящей статье мы постулируем значение специфических признаков керамики для культурного определения памятников среднего бронзового века. Анализ керамики поселения Балка Хреева III выявил ее характерную разновидность — плоскодонные горшки средних и крупных размеров, со средней или высокой, прямой или отогнутой, иногда раструбной, горловиной, покатым плечиком и округлым туловом (рис. 2, 18, 20, 21, 23, 25, 27–30). Для орнамента характерны одинарный или двойной ряд наколов в месте перехода от горловины к тулову. Обращает внимание отсутствие на таких сосудах валикового декора.

В первой публикации материалов поселения Балка Хреева III немногочисленные аналогии подобной керамике были отмечены в материалах Каменки, на основании чего был сделан вывод о принадлежности таманского памятника к каменско-ливенцовской культуре Восточного Крыма и Приазовья (*Кияшко А. В., Ларенок*, 2020. С. 102). В настоящее время такая точка зрения представляется недостаточно аргументированной. Сомнение возникло после обнаружения типичной для Балки Хреева III керамики на ряде других поселений Таманского полуострова. Она была встречена на поселении Гора Чиркова I (рис. 1Б, 6; 3, 1–7); в нижних слоях поселений Балки Лисовицкого I и IV (рис. 1Б, 9, 9а; 3, 8–13), Юбилейное 14 (рис. 1Б, 3; 3, 14–16); на поселении Балка Хреева I (рис. 1Б, 8а; 3, 17, 18); на поселениях Старотитаровское XX (рис. 1Б, 16; 3, 19, 20), Тузла 7 (рис. 1Б, 11; 3, 21–23), Солёный II (рис. 1Б, 16; 3, 24–27). Надо отметить, что эта керамика встречалась в ряде случаев в комплексе с предметами, типичными для финала среднего бронзового века: каменными топориками и молотками (рис. 3, 7, 16), глиняными крышками (рис. 3, 8, 14).

Обширная территория распространения, количество и приоритет изучаемой посуды на Тамани (практически все побережье Таманского залива) позволяют высказать идею о существовании в финале среднего бронзового века особой разновидности — керамики таманского типа. Подобная керамика встречена на синхронных памятниках Северо-Западного Кавказа, например, поселении Дивноморское (рис. 1А, 5; табл. 1; 2). Попробуем обосновать ее корни в местном среднем бронзовом веке и сопоставить керамику Балки Хреева III и Дивноморского с керамическими комплексами

известных синхронных памятников: поселение Каменка в Восточном Крыму (рис. 1А, 3; табл. 1; 2), Ливенцовская крепость на Нижнем Дону (рис. 1А, 2; табл. 1; 2), поселение Бабино III на левобережье Нижнего Днепра (рис. 1А, 1; табл. 1; 2).

Поселение Дивноморское, находящееся южнее г. Геленджика Краснодарского края в западной части бухты с. Дивноморское, в 0,5 км севернее устья р. Мезыбы и в 0,2 км от берега Черного моря (рис. 1А, 5), было исследовано в 2017–2019 гг. сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» (Федосов, Белоусов, 2020)⁴. На памятнике выявлено два культурных слоя. Верхний — античный, датруемый второй половиной IV в. до н. э. — I в. н. э., практически полностью был разрушен плантажной распашкой под виноградник. Нижний слой, предварительно датруемый авторами работ III тыс. до н. э., содержал 14 строительных конструкций (жилища в виде полуземлянок квадратной формы и прямоугольных наземных домов с очагами) и около 300 хозяйственных ям. Исследователи, ссылаясь на работы В. И. Марковина и М. Б. Рысина, предполагают, что топография расположения памятника (новочерноморская терраса побережья Черного моря) и некоторые приемы сооружения жилищ (приведены параллели с Дегуакско-Даховским поселением) дают основание для отнесения Дивноморского к кругу поселений культуры строителей дольменов (Федосов, Белоусов, 2020. С. 264).

Такой вывод авторов публикации представляется абсолютно верным, но требует более узкой даты, потому что новые находки свидетельствуют о широком диапазоне существования культуры строителей дольменов, включающем не только III тыс. до н. э., но и, вероятно, часть II тыс. до н. э. (см.: Резепкин, 2019. С. 139).

Выборка предметов с поселения Дивноморское (рис. 4) дает достаточно ясное представление о его узкой датировке. Безусловно, это не ранний этап культуры строителей дольменов, известный по публикации материалов Дегуакско-Даховского поселения (Марковин, 1978. С. 212–244). Здесь мы видим ряд аналогий уже упомянутым в статье находкам на Балке Хреева III: каменный топор с цилиндрическим обухом и секировидным расширением лезвия (рис. 4, 1; ср. — рис. 2, 10); глиняную

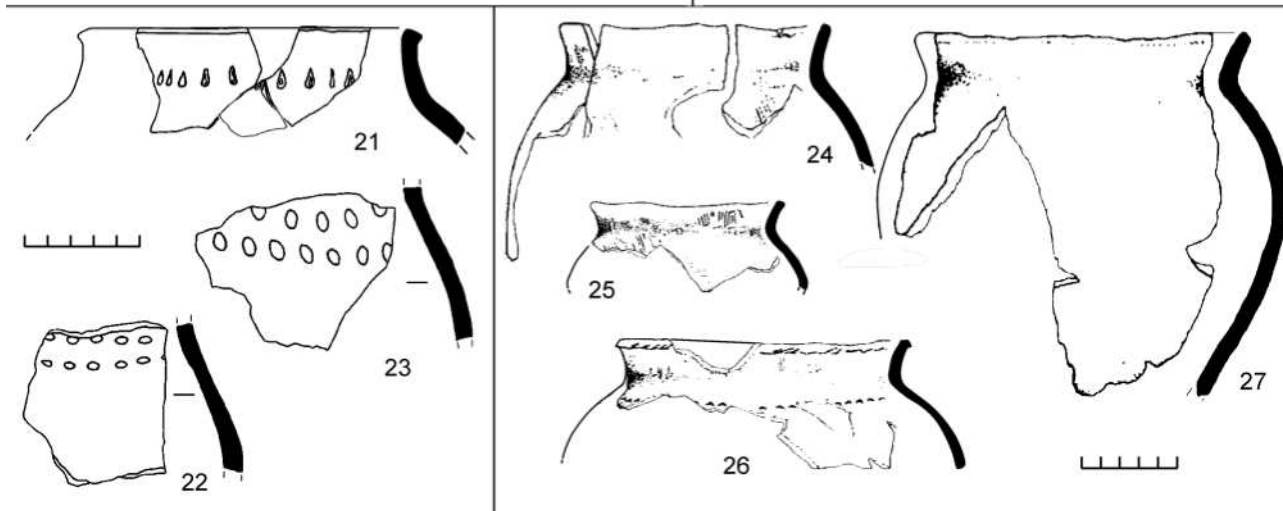
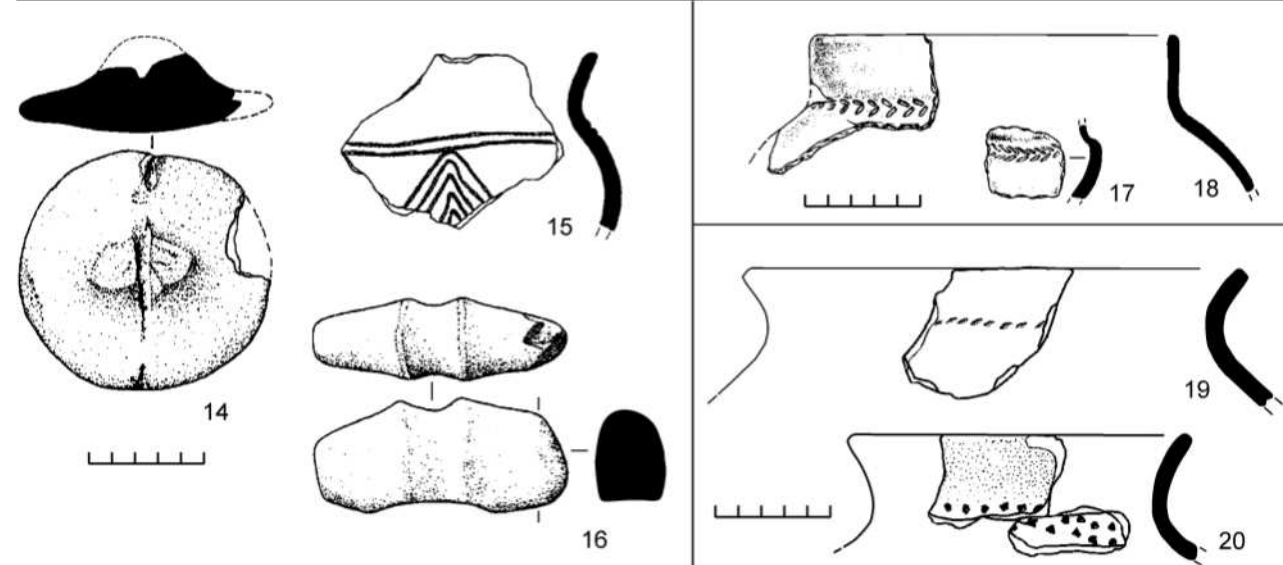
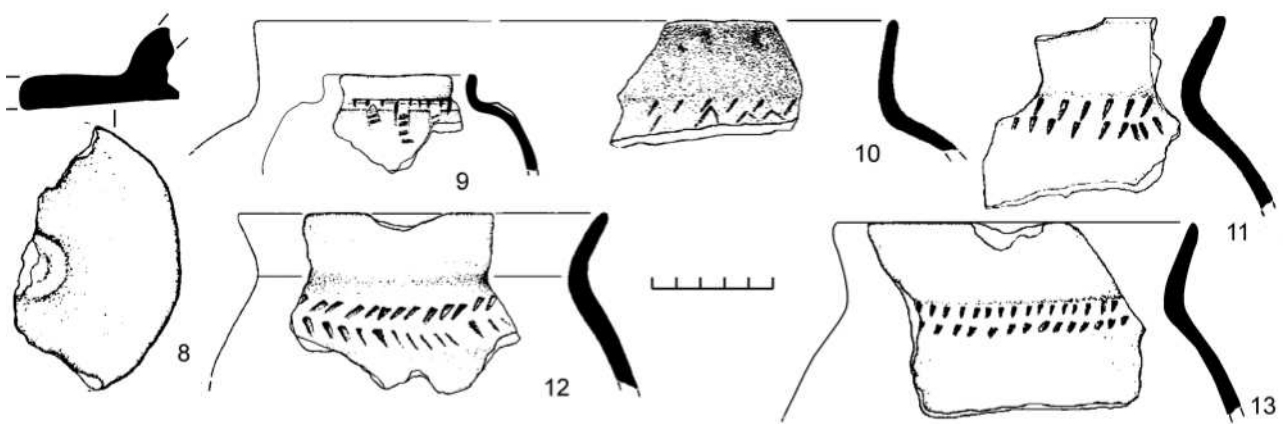
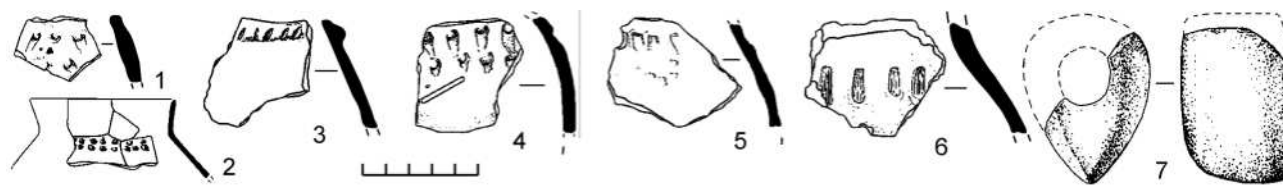
«ложку» (рис. 4, 2; ср. — рис. 2, 9). Кроме того, найдены выпрямители древков стрел (рис. 4, 3), известные в памятниках днепро-донской и волгодонской бабинских культур (см., например: Мимоход, 2013. С. 166, 562, ил. 124, 16), а также в материалах Каменки в Восточном Крыму (Рыбалова, 1974. С. 23, рис. 3, 2).

Таким образом, на поселении Дивноморское встречена серия предметов, которые определяют датировку слоя бронзового века посткатакомбным периодом — временем существования культурных кругов Бабино и Лола. Керамика поселения представлена чернолощеной и серолощеной плоскодонной посудой, орнаментированной, как правило, одним-тремя рядами наколов, округлых вдавлений или косых насечек, расположенных в месте перехода от горловины к тулову (рис. 4, 7–9, 11, 12, 13). В одном случае на этой части сосуда находится фриз из прочерченных, вписанных друг в друга, треугольников вершинами вниз (рис. 4, 4). Два сосуда имели ручку: пластинчатую и брусковидную (рис. 4, 7, 10). Валиковая орнаментация практически отсутствовала (1 экз. из общей выборки 25 экз.).

Весьма специфичными являются баночный сосуд с горизонтальной ручкой-упором (рис. 4, 5) и днище сосуда-цедилки, покрытое отверстиями (рис. 4, 6). Первый сосуд как раз наиболее близок к «ковшам»-сосудами 6-й группы лолинской керамики, по Р. А. Мимоходу. Хотя ручка-упор в нашем случае изящнее лолинских образцов и может быть трактована как орнаментальный налп, как, например, на сосуде с поселения Балка Хреева III (рис. 2, 17). Второй сосуд-цедилка — не частая, но характерная находка на памятниках бронзового века Тамани: они найдены по одному экземпляру на поселениях Балка Лисовицкого IV и Панатия I (Горошников, Горошникова, 2020. С. 110, 114, рис. 1, 1). Однако эти предметы были встречены вне комплексов, а поселения содержали материалы последовательных культурных периодов: посткатакомбного, сабашиновского и белозерского. Поэтому определяющей для всех цедилок становится находка на монокультурном (в эпоху бронзы) памятнике Дивноморское.

Подводя итог общему обзору керамики, следует отметить, что некоторые морфологические признаки (высокие сосуды S-видной формы с высокой или средних размеров раструбной горловиной) и практически все орнаментальные черты (элементы, мотивы, характер размещения на сосуде) точно соответствуют особенностям посуды таманского типа. При этом технология керамики

⁴ Авторы благодарят М. Ю. Федосова и А. В. Белоусова за любезно предоставленные дополнительные материалы из раскопок 2019 г., которые сданы ими в планируемый к изданию сборник «Археологические открытия 2019 года».

(лощение), а также некоторые детали, например ручки, отражают местные кавказские традиции. На территории Северо-Западного Кавказа носителями этих традиций были племена ранних этапов культуры строителей дольменов, они же стали субстратом формирования культуры финала среднего бронзового века как очередного этапа дольменного культуругенеза. Другими словами, тип керамики, так ярко обозначивший себя на Тамани, не имел корней в этом регионе. Памятники катакомбной культуры на полуострове представлены редкими курганными захоронениями, дольменные древности здесь практически неизвестны (если не считать упоминания плиточных сооружений у П. С. Палласа у села Чокрак-Кой на Фанталовском полуострове и у А. А. Иессена и А. А. Миллера — на южной косе мыса Тузла: см.: *Марковин, 1978. С. 29*).

В то же время на территории Западного Кавказа в зоне предгорий и на побережье Черного моря открыты сотни дольменных памятников и крупные поселения культуры строителей дольменов. Кроме поселения Дивноморского, очевидно, относившегося к достаточно поздней стадии дольменного культуругенеза, в статье рассматриваются материалы долговременных памятников: поселений Дегуакско-Даховского на р. Белой и Старчики на р. Фарс (рис. 1А, 6, 7). Они возникли на ранней стадии формирования культуры строителей дольменов и существовали на протяжении достаточно длительного времени (*Рысин, 1991; Марковин, 1997. С. 242, 243*).

Рассматривая стратиграфию поселения **Старчики** (снизу вверх: слои 3б, 3а, 2), М. Б. Рысин пришел к выводу, что она отражает эволюцию культуры строителей дольменов (соответственно: ранний, средний и поздний этапы) (*Рысин, 1991. С. 32–37*). Соответственно находки из верх-

него слоя 1 выходили за пределы этой культуры и считались в 1990-е гг. постдольменными материалами⁵. Здесь найдены единичные, но весьма характерные фрагменты керамики, которые находят аналогии среди посуды таманских поселений финала среднего бронзового века (рис. 5, 2–4 — *Рысин, 1993. Табл. IX, 5–7*). Они представлены сосудами с раструбными и прямыми горловинами, шейка которых в месте перехода к тулову декорирована налепным валиком или рядом косых наколов. Также найден фрагмент верхней части сосуда с фигурным налепом, напоминающим подобные детали на посуде поселений Дивноморское и Балка Хреева III.

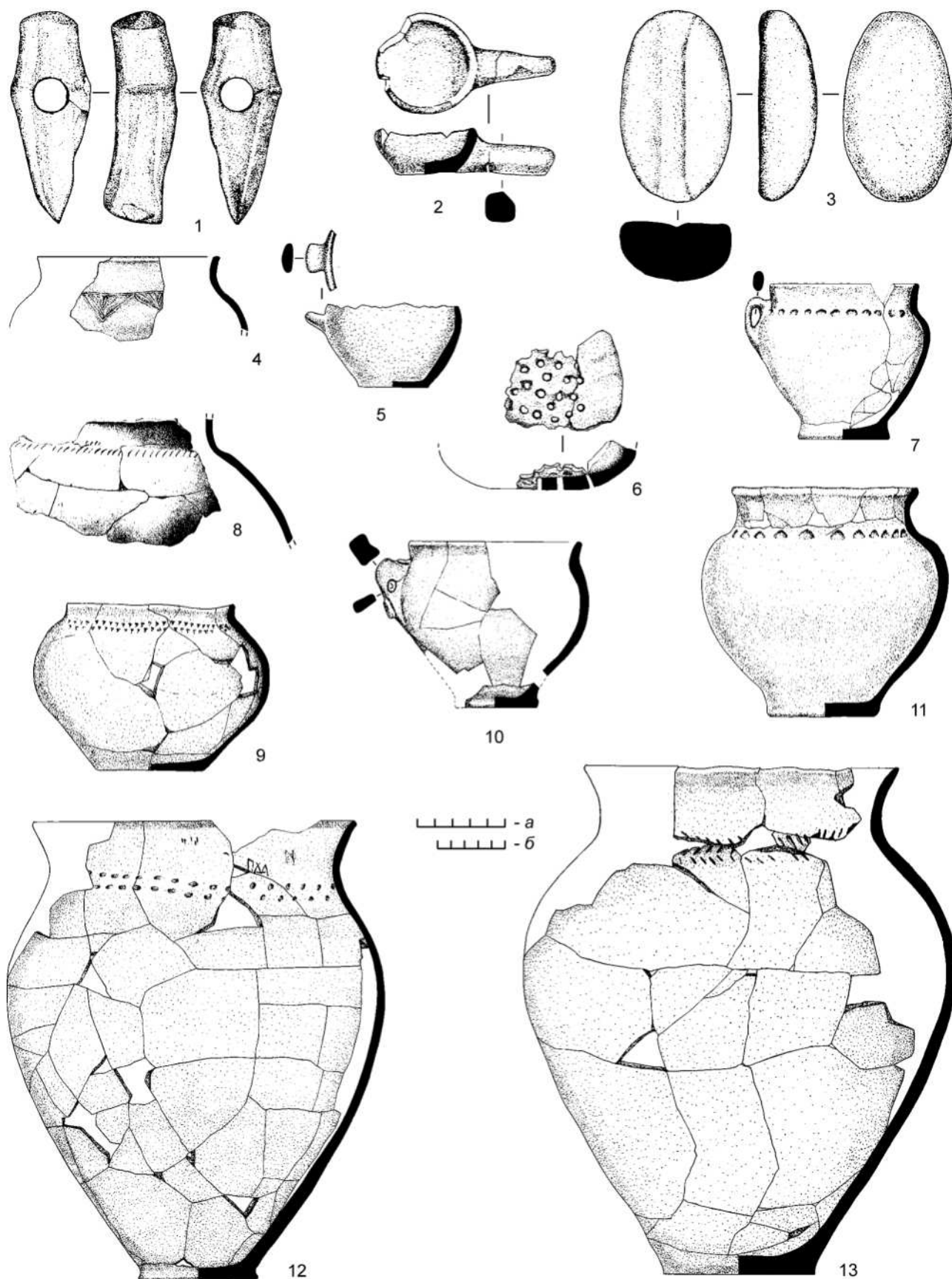
Таким образом, верхний слой Старчиков и по соотношению с нижележащими материалами, и по характерным признакам можно сопоставить с посткатакомбным горизонтом древностей — культурными кругами Лола и Бабино в целом, а также с поселениями Тамани и поселением Дивноморское в частности⁶.

⁵ В настоящее время новые находки и исследования (например, *Резепкин, 2019*) показали, сохранение дольменной традиции в финале среднего и, вероятно, в позднем бронзовом веке.

⁶ В своих работах по периодизации и хронологии культуры строителей дольменов М. Б. Рысин доказал трехэтапное членение этих древностей и их синхронизацию с этапами развития степных катакомбных памятников. Он пришел к выводу о том, что дольменная, катакомбная и северокавказская культуры связаны общностью происхождения и развития и входят в единый блок культур постновосвободненского времени (*Рысин, 1991. С. 37–41; 1993. С. 103–106*). Соответственно можно предполагать определенные параллели в развитии памятников на территории этих культур в период их распада — в финале среднего бронзового века.

Рис. 3. Материалы поселений финала среднего бронзового века Таманского полуострова: 1–7 — Гора Чиркова I (раскопки М. А. Коваленко; 1–6 — фрагменты сосудов, 7 — каменный топор); 8–13 — Балка Лисовицкого I (раскопки Ю. К. Гугуева; 8 — фрагмент крышки; 9–13 — фрагменты сосудов); 14–16 — Юбилейный 14 (раскопки О. В. Сергеевой; 14 — крышка, 15 — фрагмент сосуда, 16 — молот); 17, 18 — Балка Хреева I (раскопки А. В. Дмитриева; фрагменты сосудов); 19, 20 — Старотитаровская XX (раскопки О. В. Сергеевой; фрагменты сосудов); 21–23 — Тузла VII (раскопки С. А. Буравлева; фрагменты сосудов); 24–27 — Солёный II (раскопки Э. Д. Зиливинской; фрагменты сосудов). 1–6, 8–15, 17–27 — керамика; 7, 16 — камень

Fig. 3. Materials from settlements of the final of the Middle Bronze Age: 1–7 — Gora Chirkova I (excavations by M. A. Kovalenko; 1–6 — pottery fragments, 7 — stone axe); 8–13 — Balka Lisovitskogo I (excavations by Yu. K. Guguev; 8 — fragment of a lid; 9–13 — fragments of pottery); 14–16 — Yubileyny 14 (excavations by O. V. Sergeeva; 14 — lid, 15 — fragment of a vessel, 16 — hammer); 17, 18 — Balka Khreyeva I (excavations by A. V. Dmitriev; pottery fragments); 19, 20 — Starotitarovskaya XX (excavations by O. V. Sergeeva; pottery fragments); 21–23 — Tuzla VII (excavations by S. A. Buravlev; pottery fragments); 24–27 — Soleny II (excavations by E. D. Zilivinskaya; pottery fragments). 1–6, 8–13, 14–15, 17–27 — ceramics; 7, 16 — stone

Особое значение, на наш взгляд, имеет частая встречаемость элементов морфологии и орнаментации керамики таманского типа на керамике ранних слоев Старчиков (слой 3а: рис. 5, 1, 9, 10 — Рысин, 1993. Рис. XIX, 1, 3; XX, 7; слой 3б: рис. 5, 5–8 — Там же. Рис. IX, 5–7; XXXIX, 1; XLVI, 6), а также на керамике из дольменов Западного Кавказа (рис. 5, 11, 12, 14, 15 — Марковин, 1978. Рис. 120, 1, 2, 5; 121, 3). Наконец, в материалах Дегуакско-Даховского поселения, которое относится к раннему и развитому этапам культуры строителей дольменов (Рысин, 1991. С. 32–36), найдено определенное количество керамики с рядами горизонтальных наколов по шейке сосуда (рис. 5, 13, 16–24 — Марковин, 1997. Рис. 114, 13; 115, 23, 24, 36; 116, 5; 118, 7; 120, 30; 122, 24, 35).

Таким образом, в материалах дольменных памятников всего среднего бронзового века мы наблюдаем ранние проявления характерного мотива орнаментации керамики таманского типа финала этого периода. Даже когда дольменная керамика имеет более сложную композицию орнамента, часто включающую фриз из свисающих треугольников или вертикальный елочный узор, структурообразующим мотивом выступают все те же ряды наколов-насечек. Они всегда присутствуют на шейке сосуда, а другие мотивы декора располагаются ниже: по плечу и тулову изделия (рис. 5, 8–10, 14, 15). Этими рядами иногда выполняется контур или заполнение фигур орнамента, например треугольников (рис. 5, 14, 15). В то же время характерные для ранней дольменной культуры мотивы «свисающих треугольников» и «вертикальных елок» встречаются на посуде поселения финала среднего бронзового века Дивноморское (рис. 5, 10; ср. — рис. 4, 4), есть они и в орнаментации керамики таманских поселений Балка Хреева III и Балка Лисовицкого IV. Следует отметить морфологическое сходство керамики дольменов и поселений их строителей с посудой таманских памятников, а также поселения Дивноморское. Для обеих групп характерны округлобокие сосуды с высокой или средней, раструбной или прямой горловиной, с наличием ручек, ушек и налепов на тулове. Все эти взаимосвязи в мор-

фологии и орнаментике дают основания предполагать генетические корни сосудов таманского типа в дольменной керамической традиции.

Обращает на себя внимание керамика из недавно опубликованных комплексов: дольменного могильника Шушук (Резепкин, 2019) и археологического комплекса Шушук, определенного как памятник «постдольменного типа» (Эрлих и др., 2022)⁷. Она также демонстрирует диахронный и синхронный характер проявления признаков керамики таманского типа финала среднего бронзового века на Северном Кавказе. В материалах периода I археологического комплекса Шушук, который охватывает большую часть III тыс. до н. э. (XXVIII–XXIV вв. до н. э.), можно обнаружить орнаментальный мотив, впоследствии ставший основным признаком керамики таманского типа. Это горизонтальные ряды наколов-насечек (ногтевых вдавлений?) на шейке сосуда (Там же. Рис. 4, 43; 5, 69). Кроме того, это различного рода налепы-упоры и шишечки на тулове (Там же. Рис. 4, 44; 5, 61, 67).

Гораздо больше параллелей в керамике обнаруживают дольмены могильника Шушук и погребения археологического комплекса Шушук II периода, которые близки по времени таманским поселениям и селищу Дивноморскому. Дольмены

⁷ Авторы цитируемой статьи употребляют термин «постдольменные памятники», имея в виду конструкции погребений (каменные ящики, рамы и т. д.) из вторично использованных деталей и фрагментов разобранных дольменов (Эрлих и др., 2022. С. 8). Эта традиция, по их мнению, существовала параллельно обычаю сооружения дольменов на протяжении среднего и позднего бронзового века на одной и той же территории (!). Последний вывод представляется парадоксальным. Но и термин «постдольменные памятники» в конкретном случае, по меньшей мере, не совсем удачен. Такое выражение в археологии всегда подразумевает смену культурной парадигмы на новом хронологическом этапе (сравним «постновосвободненские», «посткатакомбные» и другие памятники). Определение памятников в качестве «постдольменных» может быть использовано только для древностей, хронологически следующих за дольменной культурой.

Рис. 4. Материалы поселения Дивноморское на черноморском побережье Западного Кавказа (раскопки М. Ю. Федосова и А. В. Белоусова): 1 — топор; 2 — «ложка-льяхка»; 3 — «выпрямитель»; 4–13 — фрагменты сосудов. 1, 3 — камень; 2, 4–13 — керамика. Масштаб: а — для 1–3; б — для 4–13

Fig. 4. Finds from the settlement of Divnomorskoye on the West Caucasus Black Sea coast (excavations by M. Yu. Fedosov and A. V. Belousov): 1 — axe; 2 — “casting ladle”; 3 — “shaft straightener”; 4–13 — pottery fragments. 1, 3 — stone; 2, 4–13 — ceramics. Scale: а — in 1–3; б — in 4–13

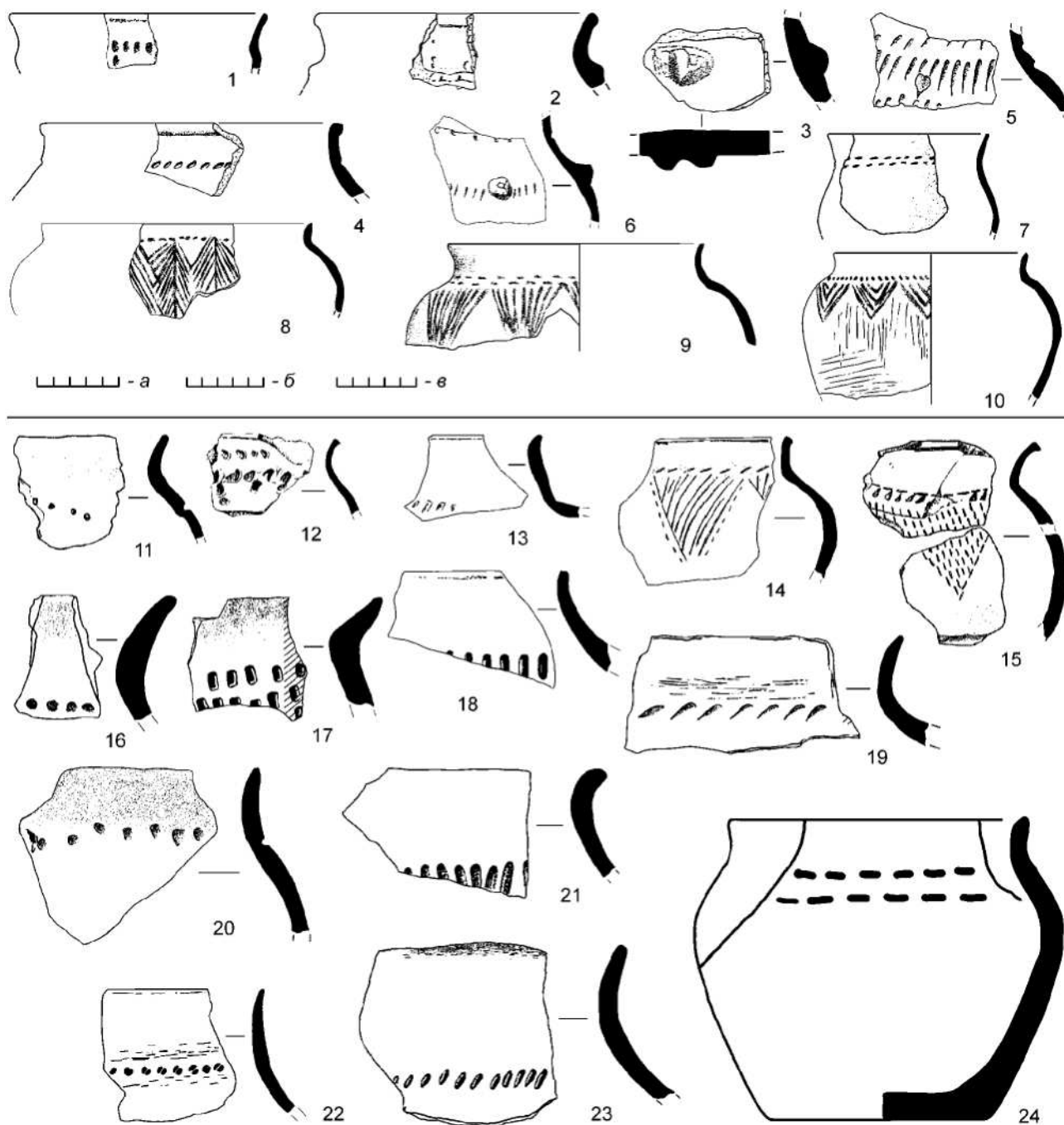

Рис. 5. Керамика из памятников дольменной культуры Западного Кавказа: 1-10 — поселение Старчики на р. Фарс (раскопки М. Б. Рысина; 1, 8-10 — слой 3а; 2-4 — слой 1; 5-7 — слой 3б); 11, 15 — дольмен № 75, р. Кизинка; 12 — дольмен № 2 Красноалександровский аул 1; 13, 16-24 — Дегуакско-Даховское поселение на р. Белой (раскопки В. И. Марковина); 14 — Геленджикское поселение. Масштаб: а — для 1-10; б — для 11-15; в — для 16-24

Fig. 5. Pottery from sites of the dolmen culture in the West Caucasus: 1-10 — settlement of Starchiki on the Fars River (excavations by M. B. Rysin; 1, 8-10 — layer 3a; 2-4 — layer 1; 5-7 — layer 3b); 11, 15 — dolmen No. 75, Kizinka River; 12 — dolmen No. 2, Krasnoalекsandrovsky Aul 1; 13, 16-24 — Deguaksko-Dakhovskoye settlement on the Belaya River (excavations by V. I. Markovin); 14 — Gelendzhik Settlement. Scale: a — in 1-10; б — in 11-15; в — in 16-24

«...с наиболее вероятной степенью <...> можно отнести к 19–18 вв. до н. э.» (Резепкин, 2019. С. 139), а погребения датируются «...наиболее вероятным диапазоном 18–16 вв. до н. э.» (Эрлих и др., 2022. С. 17). Действительно, керамика долины 1 могильника Шушук находит прямые аналогии среди посуды поселений Балка Хреева III и Дивноморское (рис. 2, 18, 20, 21, 23, 25, 26, 27–30; 5, 9, 10; ср. — Резепкин, 2019. Рис. 4, 13–16). Сосуды кавказских и таманско-черноморских памятников чрезвычайно схожи по форме. Они имеют стройные пропорции, округлые бока, высокие раструбные или прямые горловины, зауженные, выделенные закраинами днища, в единичных случаях оформленные кольцевидными поддонами. Керамика отличается наличием ручек-выступов на плечиках, а также скупой орнаментацией горизонтальными рядами наколов или продолговатыми углублениями округлой формы, как правило, в основании шейки сосуда. В технологическом отношении керамика тоже очень близка: по визуальному определению авторов раскопок она характеризуется слабым обжигом, светло-коричневым или серым цветом поверхности. В тесте — примесь дресвы (толченый известняк).

Среди материалов II периода археологического комплекса Шушук некоторые сосуды представляют полные аналогии керамике таманского типа (Эрлих и др., 2022. Рис. 6, 15), а иные экземпляры содержат характерные детали, свойственные посткатакомбному горизонту памятников Тамани: налепы, ручки-упоры, налепной валик в основании шейки с косями насечками (Там же. Рис. 6, 20, 25, 27).

Еще одним регионом, где наблюдается распространение керамики таманского типа, является Крымский полуостров, преимущественно его восточная часть. Правда, в отличие от Северного Кавказа, здесь не идет речь о каком-то длительном времени бытования этой традиции. Большинство экземпляров этой посуды было найдено на поселении Каменка близ г. Керчь и относится к каменной культуре финала среднего бронзового века (Кислый, 2005; 2022) — она же каменно-ливенцовская, или каменно-планерская (см.: Братченко, 2006. С. 186–208; Тощев, 2007. С. 171). Эта выборка характерных форм сосудов с отогнутыми или прямыми горловинами, округлым туловом, украшенным рядами наколов или вдавлений в основании шейки (рис. 6, 9–16 — по: Рыбалова, 1974. Рис. 3, 10; 4, 1, 10, 13, 14; Братченко, 2006. Рис. 90, 3, 5, 7, 9, 15; 93, 6; Кислый, 2022. Рис. 31, 1) стала эталоном для отнесения поселения Балка Хреева III на Таманском полуострове (Кияшко А. В.,

Ларенок, 2020) к каменной (каменно-ливенцовской) культуре. Однако, как уже отмечалось, новые исследования показали доминирование этого типа керамики на Тамани. В Восточном Крыму, напротив, несмотря на наличие некоторого количества такой посуды на ряде памятников помимо Каменского поселения (Ивановка, Аршинцево — см.: Братченко, 2006. Рис. 96, 1, 2, 7, 9; Маяк, Слюсарев — см.: Кислый, 2022. Рис. 36, 15; 37, 13), керамика, определяемая нами как таманский тип, не составляет большинства ни на отдельных памятниках, ни в целом по региону⁸.

На территории степного Приазовья эталонными памятниками финала среднего бронзового века являются поселение Бабино III на Нижнем Днепре и Ливенцовская крепость на Нижнем Дону (Добровольский, 1957; Братченко, 2006; современные данные по датировке последней см.: Мимоход, 2022а). Тщательный анализ керамики обоих памятников провел С. Н. Братченко (2006. С. 206–219). По данным ученого, на Бабино III было обнаружено 387 орнаментированных фрагментов и целых форм сосудов, среди которых 63

⁸ В 2022 г. были опубликованы материалы шурфовок Тарханкутской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Щеглова поселения Ярылгачское Восточное на Северо-Западе Крыма. На памятнике была обнаружена керамика, где наряду с экземплярами со шнуровым и прочерченным орнаментом были найдены фрагменты с характерными рядами «овальных (фасолевидных?) или узких прямоугольных наколов-вдавнений», расположенных у основания шейки сосуда. Авторы публикации указывают еще на два памятника (Тарханкут-18 и Тарханкут-22а), где получена подобная керамика, и приводят полученные ими радиоуглеродные даты этих памятников в диапазоне последней трети XXII — середины XX в. до н. э., то есть это заключительный период среднего бронзового века (Кашуба, Вахтина, 2022. С. 275, рис. 4, 5–8). Можно согласиться с заключением авторов этой публикации, что речь идет о первых находках поселений каменной культуры на Северо-Западе Крыма. Добавим — с закономерным для Крыма наличием керамики таманского типа. Тезис авторов о местной катакомбной подоснове каменского керамического комплекса, включая интересующую нас разновидность посуды, подлежит проверке (Там же. С. 275). В приведенной ими ссылке на материалы Г. Н. Тощева и Т. А. Копьевой признаки таманского типа есть лишь у двух-трех сосудов из погребений ингульской позднекатакомбной культуры. Поселенческие материалы (нижние катакомбные слои Планерского и Кировского поселений) такой керамики не содержат.

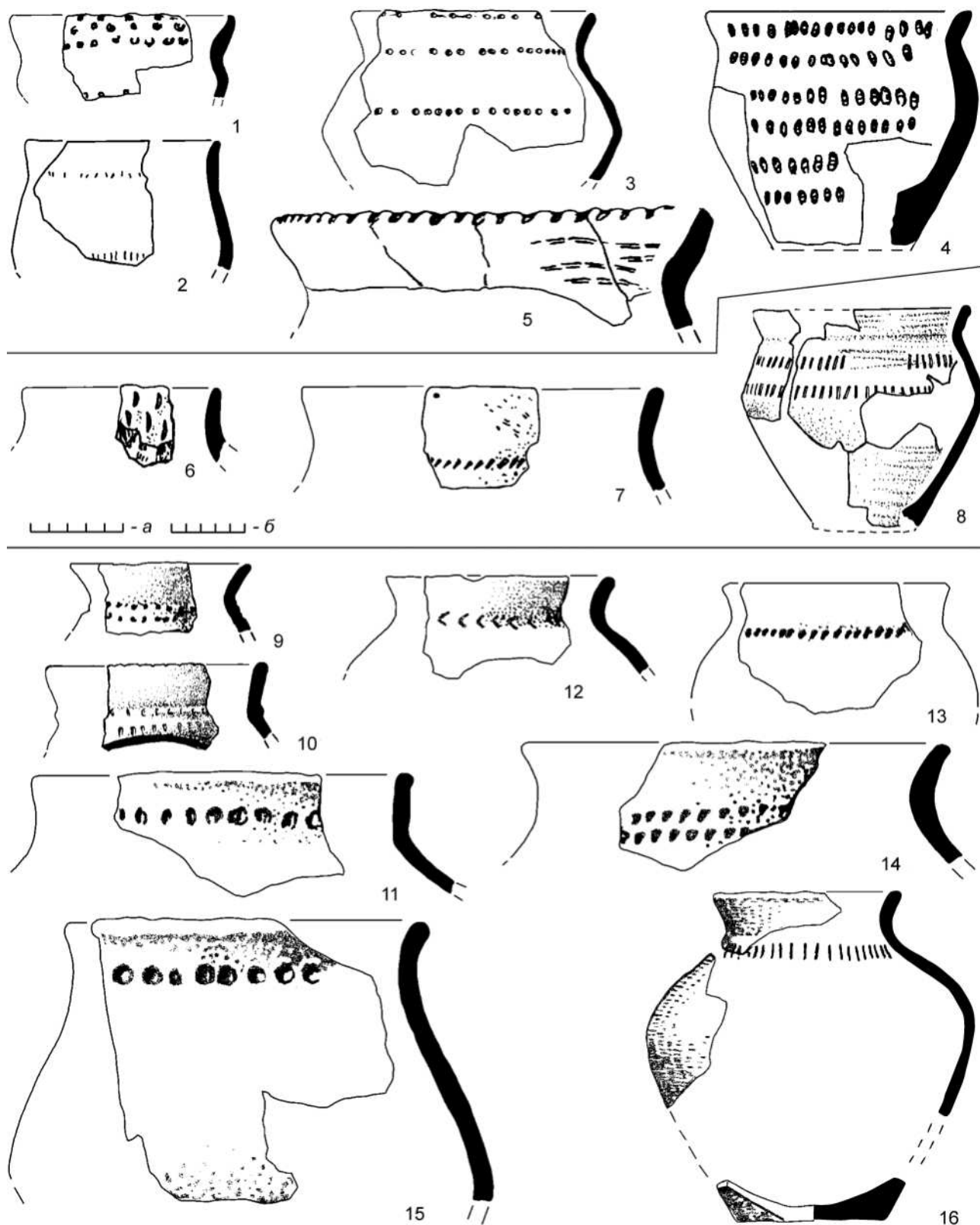

Рис. 6. Керамика из поселений финала среднего бронзового века низовий Днепра, Дона и с территории Восточного Крыма: 1-5 — Бабино III; 6-8 — Ливенцовская крепость; 9-16 — Каменка. Масштаб: а — для 1-8; б — для 9-16
 Fig. 6. Pottery from settlements of the final of the Middle Bronze Age at the low reaches of the Dnieper, Don, and from Eastern Crimea: 1-5 — Babino III; 6-8 — Liventsovskaya Fortress; 9-16 — Kamenka. Scale: a — in 1-8; б — in 9-16

были орнаментированы рядами наколов, округлых или овальных вдавлений (рис. 6, 1–5 — Братченко, 2006. Рис. 105, 8, 11; 106, 1, 3; 108, 11). Однако характер этих отпечатков, их размещение на керамике и сами сосуды, имеющие характерную для бабинской культуры ребристую форму тулова, отличаются от стандартов керамики таманского типа. В материалах Ливенцовской крепости подобная керамика встречена еще в меньшем количестве: на 180 орнаментированных фрагментах всего 12 образцов (рис. 6, 6–8 — Братченко, 2006. Рис. 43, 1; 46, 2, 1).

Таким образом, мы предполагаем южные, западнокавказские, корни керамики таманского типа, ее связь с наследием среднебронзовой дольменной культуры (или культуры строителей дольменов — Рысин, 1997). На северной, степной, периферии распространения дольменной керамической традиции в финале среднего бронзового века на Тамани и особенно в Крыму произошло ее «столкновение» с навыками гончарства бабинской культуры. Речь идет о рельефной, валиковой орнаментации, сформировавшейся еще севернее — в доно-донецких и днепровских степях. Фактически общий орнаментальный мотив — пояс в основании шейки, выполняемый насечками или вдавлениями на Западном Кавказе, в Северном Приазовье оформлялся налепным валиком, также покрытым насечками или вдавлениями.

Здесь мы приводим самое простое соответствие, не учитывая всю сложность и многообразие элементов и мотивов как дольменной, так и многоваликовой керамики финала среднего бронзового века. Однако, как следует из таблиц территориально-статистического (по реперным памятникам) анализа встречаемости налепного валикового и накольчатого декора на керамике (табл. 1; 2), разные способы нанесения орнамента маркировали глубокие локальные различия культурных групп финала среднего бронзового века. В то же время сочетание этих способов орнаментации в отдельных регионах определяет их в качестве зон контактов различных культурных групп.

Следует отметить, что нами учтено количество экземпляров керамического комплекса сопоставляемых поселений по следующим категориям: все фрагменты керамики (включая целые формы); орнаментированные фрагменты (сосудов); фрагменты (сосудов) с рядом (рядами) горизонтальных насечек или вдавлений в основании шейки сосуда (таманский тип); фрагменты (сосудов) с любыми налепными валиковыми

мотивами орнамента и их сочетаниями; фрагменты (сосудов) с иными элементами (не валики и не насечки)⁹.

К сожалению, выборка керамики по пяти основным памятникам весьма неравномерна в количественном отношении, а в отдельных случаях статистика орнамента крайне затруднена из-за неясных исходных чисел каждой рассматриваемой группы керамики (табл. 1). Последнее касается поселения Каменка в Восточном Крыму. При анализе этого памятника мы руководствуемся лишь ориентировочными процентными соотношениями двух сопоставляемых мотивов орнамента, установленных С. Н. Братченко. Этот же автор привел весьма полноценную статистику по Ливенцовской крепости и поселению Бабино III (Братченко, 2006. С. 214–219). По Балке Хреева III статистика собрана нами по материалам отчета о раскопках этого поселения (Мокрушин, Кутуков, 2016). По Дивноморскому мы руководствовались небольшой выборкой керамики по данным авторов раскопок и их публикации (Федосов, Белоусов, 2020). Несмотря на некоторые несоответствия изучаемых коллекций, были сделаны весьма интересные наблюдения, отражающие, по нашему мнению, существенные культурно-генетические и локальные тенденции развития в финале среднего бронзового века.

Во-первых, мы видим, что керамика с рядами наколов в основании шейки сосудов и с валиковой орнаментацией совокупно на каждом памятнике составляет не менее 54 % (Каменка, среднее арифметическое от приведенных в таблице диапазонов). Далее идет Ливенцовская крепость — 69 %; Балка Хреева III — 78,5 %; Бабино III — 83,9 %; Дивноморское — 91,7 %. Если отбросить крайние, не слишком верифицированные данные Каменки и Дивноморского, то и диапазон 69,0–83,9 % подчеркивает преобладание двух типов орнаментации.

Во-вторых, в этой паре разновидностей декора намечается доминирование накольчатого узора над валиково-налепным на южных поселениях: Дивноморское (Черноморское побережье Кавказа) — 87,5 и 4,2 %; Балка Хреева III (Тамань) — 48,1 и 30,4 % соответственно. И обратное соотношение на северных памятниках (валики к наколам-насечкам): Ливенцовская крепость (Нижний Дон) — 62,2 и 6,8 %; Бабино III (Нижний Днепр) — 67,7 и 16,2 % соответственно.

⁹ Речь идет в основном о прочерченных, зубчатых и веревочных элементах орнаментации.

Таблица 1. Встречаемость основных элементов орнамента на керамике памятников Приазовья и Северного Причерноморья

Table 1. Occurrence of the basic elements of the ornamentation on pottery from sites of the Azov Sea region and Black Sea littoral

Памятник	Количество фрагментов с элементом орнамента, шт. (доля от всех орнаментированных фрагментов)			Орнаментированные фрагменты, шт. (доля от общего количества фрагментов керамики на памятнике)
	С наколом	С валиком	С иным	
Дивноморское	21 (87,5 %)	1 (4,2 %)	2 (8,3 %)	24
Балка Хреева III	38 (48,1 %)	24 (30,4 %)	17 (21,5 %)	79 (около 38 % от 209)
Каменка	? (10–15 %)	? (33–50 %)	?	?
Бабино III	63 (16,2 %)	262 (67,7 %)	62 (16,1 %)	387 (около 40 % от 968)
Ливенцовская крепость	12 (6,7 %)	112 (62,2 %)	56 (31,1 %)	180 (около 40 % от 450)

Таблица 2. Соотношение встречаемости валикового и горизонтально-накольчатого орнамента на фрагментах керамики на основных памятниках Приазовья и Северного Причерноморья

Table 2. Ratio between the occurrence of the cordoned and horizontal stab ornamentation on pottery fragments from the most important sites of the Azov Sea region and Black Sea littoral

Памятник	Доля фрагментов в общем числе, %									
	0–10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	90–100
Дивноморское	≈	–	–	–	–	–	–	–	//	–
Балка Хреева III	–	–	–	≈	//	–	–	–	–	–
Каменка	–	//	–	≈	≈	–	–	–	–	–
Бабино III	–	//	–	–	–	–	≈	–	–	–
Ливенцовская крепость	//	–	–	–	–	–	≈	–	–	–

// — горизонтальные линии наколов; ≈ — налепные валики.

Таким образом, на северокавказских южных памятниках практически половина и более (от 48,1 до 87,5 %) орнаментированной керамики украшено рядами наколов-насечек-вдавлений в основании шейки сосуда, а на степных северных объектах — свыше половины и более (от 62,2 до 67,7 %) — налепными валиковыми мотивами. Особые результаты в этом отношении демонстрирует поселение Каменка в Восточном Крыму (несмотря даже на не очень ясные количественные показатели по орнаментированной керамике). Памятник занимает промежуточное положение между наметившимися культурными регионами, хотя в географическом аспекте все же тяготеет к северному степному миру. Это подтверждают и статистические данные: 33–50 % (среднее арифметическое — 41,5 %)

многоваликовой керамики и 10–15 % (12,5 %) накольчатой. И все же на Каменке контраст между двумя стилями орнамента не столь велик (как, впрочем, и на Балке Хреева III, только там преобладают наколы), что показывает наличие в Керченско-Таманском регионе контактной зоны между двумя традициями.

Таблица 2 наглядно отражает тенденцию территориальной обусловленности процентных соотношений, представленных в таблице 1 и проанализированных выше. В таблице 2 памятники расположены по вертикали: в географической последовательности с севера (левобережье Нижнего Поднепровья) на юг (Западный Кавказ). В итоге выявлена тенденция, согласно которой доля валикового орнамента уменьшается с севера на юг со значительных до практически нулевых

процентных значений, а доля накольчатого, наоборот, нарастает с единичных экземпляров на севере до тотального преобладания на юге. На промежуточной территории Крыма — Тамани обе традиции орнаментации представлены в близких пропорциях, что означает наличие здесь их контактной зоны.

Проведенный в статье анализ керамики поселенческих памятников финала среднего бронзового века Таманского полуострова в контексте древностей Западного Кавказа и степей Приазовья позволяет сделать ряд выводов.

Характерным признаком периода служат находки на Тамани целых форм или фрагментов плоскодонных горшков средних и крупных размеров, со средней или высокой, прямой или отогнутой, иногда раструбной, горловиной, покатым плечиком и плавно профилированным туловом. Орнамент образуют одинарные или двойные ряды косых наколов (либо округлые, так называемые пальцевые или ногтевые вдавления) в месте перехода от горловины к тулову (рис. 2, 17, 18, 20, 21, 23, 25, 26, 27–30; 3, 1–6, 9–13, 17–27). Обращает внимание отсутствие на этих сосудах шнуrowого, прочерченного орнамента, а также валикового декора, свойственного посуде изучаемого этапа бронзового века. Предлагаем называть эту разновидность *керамикой таманского типа*, понимая, что под общим термином скрывается определенное разнообразие форм, пропорций, размеров.

Подобная керамика встречена также в Крыму (рис. 6, 9–16), в ареале каменской культуры, хотя, в отличие от Тамани, статистически она там не преобладает. Еще севернее, в материалах Ливенцовской крепости на Нижнем Дону, находки посуды таманского типа единичны (рис. 6, 6–8). Для другого эпонимного памятника этого времени — поселения Бабино III на Нижнем Днепре — можно сказать, что такой тип как совокупность формы и орнамента отсутствует. Но влияние

таманской традиции выражено в самом наличии на бабинской ребристой керамике горизонтальных рядов наколов и вдавлений, расположенных не столько в основании шейки, сколько по краю венчика, ребру и по всей поверхности сосуда (рис. 6, 1–5).

Существенно также, что на всех обозначенных территориях, в том числе и на Тамани, признаки изучаемого типа керамики не прослеживаются на предшествующих этапах среднего бронзового века. Регионом, где распространен таманский тип керамики (Дивноморское поселение — рис. 4, 7–9, 10, 12, 13), а также его прототипы в материалах более ранних дольменов и поселений дольменной культуры (рис. 5), являются черноморское побережье и предгорная зона Западного Кавказа.

Таким образом, дольменная культура оказывала постоянное влияние на развитие населения степного Приазовья. Речь идет о распространении навыков обработки металла, приемов каменного строительства, а также о влиянии кавказского гончарства.

В начале среднего бронзового века мы фиксируем появление дольменной керамики в степи, подражание ей в керамическом комплексе ранних этапов катакомбной культуры (Кияшко В. Я., 1979; Кияшко А. В., 1999. С. 70–73).

На развитом этапе периода воздействие дольменной традиции определяет специфику керамики батуринского варианта катакомбной культуры (Трифонов, 1991. С. 112).

Наконец, в финале среднего бронзового века влияние дольменной культуры выразилось в распространении, прежде всего в Таманско-Крымском регионе, керамики таманского типа.

Все факторы этого процесса, как и их роль в становлении и развитии посткатакомбных культур региона Приазовья: днепро-донской бабинской, каменско-ливенцовской, невинномысской (Мимоход, 2023), еще предстоит выяснить.

Братченко, 1976 — Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.

Братченко, 1985 — Братченко С. Н. Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. Т. 1: Первобытная археология / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. 1985. С. 458–462.

Братченко, 2006 — Братченко С. Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового

века: Збірник наукових праць / За ред. С. М. Санжарова. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006 (Матеріали та дослідження з археології Східної України; Вип. 6). 312 с.

Горошников, Горошникова, 2020 — Горошников А. А., Горошникова З. В. Исследование поселения эпохи поздней бронзы «Панагия I» в юго-западной части Таманского полуострова в 2017–2019 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы: Материалы XV Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов

- (Ростов-н/Д., 26–27 ноября 2020 г.) / Редкол. Е. В. Вдовченков и др. Ростов-н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 106–115.
- Добровольский, 1957 — Добровольский А. В.* Поселение бронзового века Бабино III // Краткие сообщения Института археологии Украины. Вып. 7. Киев, 1957. С. 40–45.
- Каминская, Шарафутдинова, 1999 — Каминская И. В., Шарафутдинова Э. С.* Жилой комплекс Гамовская балка — новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе // АВ. 1999. Вып. 6. С. 86–101.
- Каиуба, Вахтина, 2022 — Каиуба М. Т., Вахтина М. Ю.* Поселение бронзового века Ярылгачское Восточное (Тарханкут) по данным 1975 г. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 271–279.
- Кислый, 2005 — Кислый А. Е.* Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // Stratum Plus. Кишинев: ВАШ, 2005. № 2: Воины медного века. С. 93–126.
- Кислый, 2022 — Кислый А. Е.* Каменная культура Восточного Крыма: древность и современность. Ростов-н/Д.: б. и., 2022. 191 с.
- Кияшко А. В., 1999 — Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999. 183 с.
- Кияшко А. В., 2002 — Кияшко А. В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. 227 с.
- Кияшко А. В., 2017 — Кияшко А. В.* Колесовидный мотив рельефного орнамента на керамике саба-тиновской культуры Таманского полуострова // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока: Материалы XII Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26–29 ноября 2017 г.). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 68–73.
- Кияшко А. В., 2019 — Кияшко А. В.* Финал среднего — поздний бронзовый век Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. С. 54–55.
- Кияшко А. В., 2020 — Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 2020. Вып. 30. С. 209–221.
- Кияшко А. В., 2022 — Кияшко А. В.* К вопросу о культурно-хронологической позиции поселения бронзового века Гамовская балка на р. Уруп // Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья: Материалы XVII Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 27 ноября — 1 декабря 2022 г.) / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. С. 26–28.
- Кияшко А. В., Горошников, 2020 — Кияшко А. В., Горошников А. А.* О памятниках белозерской культуры на Таманском полуострове // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: Материалы VI Нижневолжской междунар. археолог. науч. конф. / Отв. ред. А. С. Скрипкин, М. В. Кривошеев. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2020. С. 40–46.
- Кияшко А. В., Жупанин, 2021 — Кияшко А. В., Жупанин О. Ф.* Грунтовые погребения эпохи бронзы на поселении Балка Лисовицкого I (раскопки 2018 года) // Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья: Материалы XVI Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 25–30 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 98–102.
- Кияшко А. В., Зиливинская, 2021 — Кияшко А. В., Зиливинская Э. Д.* Грунтовый могильник периода поздней бронзы на поселении Солёный II на Тамани // Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья: Материалы XV Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26–27 ноября 2020 г.) / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 91–97.
- Кияшко А. В., Ларенок, 2020 — Кияшко А. В., Ларенок О. П.* Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // Проблемы археологии Восточной Европы: Материалы XV Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26–27 ноября 2020 г.) / Редкол. Е. В. Вдовченков и др. Ростов-н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 97–105.
- Кияшко А. В., Сударев, 2018 — Кияшко А. В., Сударев Н. И.* К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 212–218.

- Кияшко В. Я., 1979 — Кияшко В. Я. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тезисы докладов конф. Донецк: б. и., 1979. С. 49–50.
- Клемешова и др., 2021 — Клемешова М. Е., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Горизонт погребений поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове // РА. 2021. № 1. С. 43–57.
- Литвиненко, 2011 — Литвиненко Р. А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Марковин, 1978 — Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 327 с.
- Марковин, 1997 — Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 403 с.
- Мимоход, 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16). 568 с.
- Мимоход, 2016 — Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский ГУ, 2016. С. 45–47.
- Мимоход, 2018 — Мимоход Р. А. Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. 2018. Вып. 24. С. 247–275.
- Мимоход, 2022а — Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований (решение проблемы) // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья: Сб. ст. в честь юбилея А. В. Кияшко / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. С. 75–87.
- Мимоход, 2022б — Мимоход Р. А. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира? // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 79–96.
- Мимоход, 2023 — Мимоход Р. А. Западное и южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группе к невинномысской культуре // РА. 2023. № 1. В печати.
- Мокрушин, Кутуков, 2016 — Мокрушин В. П., Кутуков Д. В. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопки) на территории участка выявленного поселения «Балка Хреева 3» на площади 36 580 кв. м, расположенного в зоне строительства объекта: «Реконструкция участков автомобильной дороги Новороссийск — Керченский пролив (на Симферополь). Строительство подъезда от автомобильной дороги М-25 Новороссийск — Керченский пролив в г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 — км 42, Темрюкский район Краснодарский край в 2016 г.» // НОА ИА РАН. Р-1. № 61743. Т. 1. Стратиграфия раскопа. Пласт 1. № 61742. Т. 2. Пласты 1–4.
- Попова, 1955 — Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. М.: ГИМ, 1955 (Тр. ГИМ; Вып. 24). 180 с.
- Райнхольд и др., 2020 — Райнхольд С., Белинский А. Б., Атабиев Б. Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). С. 405–455.
- Резепкин, 2019 — Резепкин А. Д. Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5: Циркумпонтика. С. 125–141.
- Рыбалова, 1974 — Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. Л.: Аврора, 1974. № 16. С. 19–49.
- Рысин, 1991 — Рысин М. Б. Поселение Старчики и проблема периодизации эпохи средней бронзы Западного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л.: ЛОИА, 1991 (Археологические изыскания; Вып. 3). С. 32–41.
- Рысин, 1993 — Рысин М. Б. Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 533.
- Рысин, 1997 — Рысин М. Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания; Вып. 46). С. 85–123.
- Тощев, 2007 — Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского ГУ, 2007. 307 с.
- Трифонов, 1991 — Трифонов В. А. Батурицкий вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья: источники, проблемы, исследования / Отв. ред. С. Н. Братченко. Киев: Респ. ассоц. молодых

- ученых и специалистов АН Украины, 1991. С. 101–116.
- Федосов, Белоусов, 2020 — Федосов М. Ю., Белоусов А. В. Археологические раскопки на селище Дивноморское в 2017–2018 гг. // АО 2018 г. М.: ИА РАН, 2020. С. 262–264.
- Шишлина, 2019 — Шишлина Н. И. Бородинский клад: Каталог // Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественнонаучный и исторический контекст / Отв. ред. Н. И. Шишлина. М.: Ист. музей, 2019 (Труды ГИМ; Вып. 211). С. 14–41.
- Эрлих и др., 2022 — Эрлих В. Р., Клещенко А. А., Так Е. И., Годизов Г. Л. Археологический комплекс Шушук — эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней–поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 7–23.

On distinguishing the Taman type pottery of the final of the Middle Bronze Age

A. V. Kiyashko, O. P. Larenok¹⁰

Keywords: final of the Middle Bronze Age, cultural circles of Babino and Lola, pottery of the Taman type, Relief-band (Valikovaya) ornamentation, dolmen culture of the Western Caucasus, archaeological sites of Babino III and Kamenka, Liventsovskaya fortress.

This paper singles out a *Taman type* of pottery on the basis of analysis of finds from settlement-sites of the Bronze Age on the Taman Peninsula. The majority of pottery of this type emerged in the final of the Middle Bronze Age. The category of pottery under consideration is represented by complete forms or fragments of flat-bottom pots of a medium or large size, with a medium-height or high rim, straight or outturned, occasionally flaring; a sloping shoulder and a smoothly profiled body. The decoration is formed of single or double rows of slanting stabs (or rounded pits i.e. fingerprint or nail impressions) in the place of transition from the neck to the body. Furthermore, notable is the absence of the relief roll decoration typical to the final of the Middle Bronze Age. The investigation of the spread of pottery of the Taman type, its origin and relation with the classical ribbed ware of the Babino culture decorated with a multi-cordon ornament was carried out using the method of comparative statistic analysis of the pottery from settlements of the period under study. The majority of them are type sites of the cultural groups of the post-Catacomb time in the Azov Sea littoral and Crimea: settlements of Babino III, Kamenka and Liventsovskaya fortress. The recently studied sites of Taman and the Black Sea Caucasian coast were compared with these type sites: Balka Khreyeva III and Divnomorskoye where pottery of the Taman type statistically predominates. This regular occurrence, as well as the presence of prototypes in the Caucasian pottery-making of the Middle Bronze Age, suggests local roots for the pottery of the Taman type and the latter's links with the heritage of the dolmen culture of the Western Caucasus.

¹⁰ Aleksey V. Kiyashko, Oksana P. Larenok — Institute of History and International Relations, Southern Federal University; city of Rostov-on-Don, 344006, Russia; e-mail: volgodon5@mail.ru; ksanalare@mail.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Взгляды на периодизацию и хронологию майкопской культуры в исторической ретроспективе: от Н. И. Веселовского до А. А. Иессена¹

В. А. Трифонов²

Аннотация. В статье рассматривается ранний этап изучения майкопской культуры и анализируются причины, по которым научное сообщество поддержало наиболее правдоподобную, но ошибочную линию в сравнительной типологии, в то время как верное решение было первоначально отвергнуто и признано справедливым спустя почти 50 лет.

Ключевые слова: Кавказ, эпоха бронзы, майкопская культура, Н. И. Веселовский, Д. Я. Самоквасов, А. А. Спицын, В. А. Городцов, А. М. Тальгрэн, Б. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев, Г. Чайлд, Г. Франкфорт, А. В. Шмидт, Ф. Ханчар, А. А. Иессен.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-175-221

The past is never dead. It's not even past
(Прошлое не умирает. Оно даже не проходит).
Уильям Фолкнер, 1951

Введение

Определение исторического контекста и хронология памятников круга Майкопского кургана, открытого Н. И. Веселовским в 1897 г. (ОИАК, 1900. С. 1–11), до сегодняшнего дня остаются одной из ключевых проблем в доисторической археологии Старого Света. В зависимости от ее решения на протяжении последнего столетия заметно менялись не только представления о культурно-хронологической систематизации памятников эпохи бронзы Кавказа и сопредельной восточноевропейской степи, но в значительной степени и реконструкция общей системы культурных связей Европы с ранними цивилизациями Древнего Востока.

Историю изучения майкопской культуры невозможно представить как процесс прямого

необратимого и постепенного перехода из сумеречной области предположений к ясности систематизированных фактов и обоснованных концепций. В ней присутствует существенная доля творческого хаоса, порожденная совокупностью исторических обстоятельств, в которых пришлось действовать основным участникам этого процесса. Мотивы и цели их исследований часто не совпадали, они принадлежали к различным научным школам и сообществам, наконец, это были просто разные люди со свойственными им симпатиями, амбициями и предрасположениями. Все это формировало уникальную научную среду, в которой принимались решения по майкопской проблеме. У многих из них были альтернативы, и ретроспективный взгляд позволяет оценить, в какой степени реально принятые были не только наиболее вероятными, но и единственно возможными.

Концептуально всю историю изучения майкопской культуры можно разделить на два этапа, связанные с двумя разными системами культурно-хронологических координат, в которых рассматривался майкопский феномен: эгейско-малоазийской III–II тыс. до н. э. и переднеазиатской IV тыс. до н. э. Несмотря на постоянное пересечение

¹ Статья подготовлена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru.

этих систем с самого начала изучения памятников майкопского круга, реальная смена парадигм произошла только с публикацией во второй половине 1970-х гг. двух работ М. В. Андреевой (*Андреева*, 1977; 1979). К этому моменту в отечественной археологии доминирующей была концепция А. А. Иессена.

Эта статья — попытка проследить историю изменения взглядов на периодизацию и хронологию майкопской культуры от Н. И. Веселовского до А. А. Иессена, следуя за участниками дискуссии (рис. 1), их открытиями, ошибками и упущенными возможностями по их исправлению.

**Н. И. Веселовский — Д. Я. Самоквасов —
А. А. Спицын — В. А. Городцов —
А. М. Тальгрэн**

К 1930-м гг., в пору формирования взглядов А. А. Иессена на майкопскую проблему, единства мнений еще не было, но основные подходы к ее решению уже были намечены первым поколением исследователей.

В представлениях современников открытия Майкопского кургана он парадоксальным образом сочетал разнообразие и богатство инвентаря с архаичным обрядом «бедных» подкурганых погребений, в массе известных к тому времени на юге России. Это обстоятельство создавало заметные трудности при поиске аутентичного культурно-исторического контекста памятника. Такой контекст должен дать ответы на четыре основных вопроса: 1) к какой эпохе относится Майкопский курган; 2) какие памятники входят в его круг; 3) как эти памятники соотносятся между собой; 4) какое место они занимают среди других памятников?

Культурную и хронологическую специфику Майкопского кургана Н. И. Веселовский как востоковед и археолог оценил быстро и, можно сказать, довольно точно, учитывая исключительную новизну материалов. Уже в январе 1898 г. он выступил с сообщением в Санкт-Петербургском археологическом институте «...о следах ассирийской культуры в курганах северного Кавказа» (АИЗ, № 2, 1898. С. 76).

Принципиальное значение имели три основных тезиса доклада. Во-первых, опираясь на манеру «изображения животных на серебряных сосудах...», а также «...некоторое сходство по типу изображения животных (львов, быков) с ассирийскими...», Веселовский верно определил культуру Древнего Востока (в широком смысле этого слова) как источник влияния на майкопский художественный стиль и «...культуру древних

закавказских народов» в целом (АИЗ, № 2, 1898. С. 76; АИЗ, № 3–4, 1898. С. 137).

Во-вторых, Н. И. Веселовский прямо связал Майкопский курган с возможностью «...объяснить многие курганы юга России <...>, в которых найдены скелеты в согнутом положении и окрашены в ярко-пунцовую краску» (АИЗ, № 2, 1898. С. 76). Другими словами, он первым высказал предположение о возможной связи между древневосточным влиянием, обрядом погребения в Майкопском кургане и погребениями «со скорченными и окрашенными костяками» в курганах южнорусской степи.

В-третьих, Н. И. Веселовский, исходя из «...отсутствия в могильнике железа и стекла...», верно определил время основного погребения в Майкопском кургане эпохой бронзы.

В хронологии степных и кавказских древностей он, судя по всему, разделял популярные в то время взгляды Д. Я. Самоквасова, полагавшего, что эпоха железа в «Надпонтских» областях наступила с появлением греческих колоний «в начале VI века до Р. Х.» (*Самоквасов*, 1892. С. XI). Поэтому в контексте хронологических представлений тех лет склонность Н. И. Веселовского относить Майкопский курган «не ближе, как к седьмому веку до Р. Х.» (АИЗ, № 2, 1898. С. 76), не должна удивлять — по существу, он высказался в пользу датировки памятника поздним бронзовым веком. Пусть и на ощупь, но это был шаг в правильном направлении. За ним стояли большая доля здравого смысла и, конечно, не меньшая — стереотипов мышления эволюционистского толка. Качество и разнообразие вещей из Майкопского кургана казались стадially несопоставимыми с находками из хорошо известных ему погребений «со скорченными и окрашенными костяками». Выбор пришелся на VII в. до н. э. по двум довольно тривиальным причинам: отсутствию железа (это не позволяло омолаживать) и высокому уровню «жизненного комфорта», который, как казалось, не допускал значительного удреждения возраста основного погребения в Майкопском кургане. Спустя десятилетие исследователь положил VIII в. до н. э. хронологическим пределом для него и Старомышастовского клада (*Веселовский*, 1910б. С. 102).

При датировке дольменов станицы Царской, открытых им в 1898 г. (ОИАК, 1901. С. 33–38), у Н. И. Веселовского не было сомнений относительно их появления в эпоху бронзы, так как тщательная отделка плит «...едва ли доступна для каменных орудий» (*Веселовский*, 1905. С. 65, 66).

Рис. 1. Основные участники дискуссии по кавказской археологии эпохи бронзы первой половины XX в.

Fig. 1. The main participants of the discussion (the first half of the 20th century) on the Caucasian archaeology of the Bronze Age

Точнее о возрасте дольменов Царской он не высказывался, полагая, что для хронологии в исследовании первобытной культуры «...очень мало точек опоры, а потому <...> много простора для личных предположений» (Там же. С. 83, 84). Сам он допускал, что серебро появляется в позднем бронзовом веке раньше железа и это можно рассматривать как основание для датировки Майкопского кургана. Следуя его логике, к тому же позднему бронзовому веку необходимо относить

и дольмены Царской, инвентарь которых соответствует его критериям датировки.

Любопытно, что Н. И. Веселовский при его очевидном интересе к теме погребального обряда в южнорусских курганах (ЗРАО, 1898. С. 372) ни разу не отметил элементы сходства между погребениями в Майкопском кургане и дольменами у Царской. Возможно, просто не успел высказаться на эту тему раньше А. А. Спицына, включившего описание обоих памятников в свой каталог

курганов «с окрашенными костяками» (Спицын, 1899), изданный еще до публикации результатов раскопок Н. И. Веселовского.

В истории изучения майкопской проблемы этой статье А. А. Спицына принадлежит особое место. Она знаменует смену общей парадигмы методики выделения хронологических признаков в археологических памятниках. Вместо поиска внешних индикаторов эпохальной принадлежности, отражающих эволюционные представления о технологическом прогрессе (камень — бронза — железо), при анализе и систематизации памятников А. А. Спицын сосредоточился на выделении уникальной совокупности локальных типологических признаков, в которых имманентно присутствует и хронологическая характеристика. Если совокупность признаков выделена верно и образует в пространстве (на карте) замкнутую область, то это указывает на реальность явления. Определить время существования такого феномена — дело техники в прямом смысле этого слова. Сегодня это, например, радиоуглеродное датирование, а во времена Спицына — перекрестное, выводящее на древние астрономические календарные системы. Подход Спицына к систематизации археологического материала соответствовал общеевропейским тенденциям культурно-исторических исследований в археологии. Одним из признаков этого направления стало широкое употребление понятия «археологическая культура» или его эквивалентов (см.: Клейн, 2008. С. 66, 67). Строго говоря, под названием «курганы с окрашенными костяками Кубанского района» А. А. Спицын впервые выделил археологическое явление, позднее широко известное под названиями «большие кубанские курганы» и «майкопская культура». Этому в полном объеме соответствует перечисленный им список памятников группы и их основных признаков (Спицын, 1899. С. 55–57, 81). Более того, термином «майкопская культура» он и сам пользовался в обиходе научной переписки с А. М. Тальгреном уже в 1912 г. (см.: Кузьминых, 2011. С. 8, 11).

А. А. Спицын сделал попытку определить и взаимное хронологическое соотношение Майкопского кургана и дольменов Царской. Последние, по его мнению, были старше, чем Майкопский курган. Археологических доказательств этому (в современном понимании) у него не было, и он полагался на верность двух предположений: о распространении курганов «с окрашенными костяками» «...окружным путем из Ассирии, или же прямым из Малой Азии...» (отсюда: чем южнее,

тем древнее), и древность дольменов, на смену которым пришли ямы (отсюда: Майкоп позднее Царской) (Спицын, 1899. С. 74, 75).

Значение объединения Майкопского кургана и дольменов Царской в кубанскую локальную группу погребений «с окрашенными костяками» первоначально никто не оценил: представители ни старой школы систематизаторов российских доисторических древностей (Самоквасов, 1908), ни новой (Городцов, 1907. С. 210–285).

Д. Я. Самоквасов оспаривал значимость выбранных А. А. Спицыным оснований классификации (курганы и «окрашенность костяков») и продолжал придерживаться эволюционистских принципов эпохальной систематизации в исторической терминологии. Отсутствие в погребениях железа он рассматривал как главный признак «киммерийской эпохи», к которой он относил и «окрашенные костяки». Классификацию А. А. Спицына он рассматривал как неудачную альтернативу своей собственной, которая, с его точки зрения, превосходила спицынскую всеобъемлющей универсальностью (Самоквасов, 1892; 1908. С. 43–50). Оценить перспективность новаторского подхода ему мешала не только приверженность эволюционизму, но и едва скрываемое раздражение от амбициозного, неучтываемого и, главное, несправедливого замечания А. А. Спицына о теме изучения курганов «с окрашенными костяками», которая в России до него «не занимала ничьего внимания» (Спицын, 1899. С. 53).

Трудно сказать, почему В. А. Городцов — российский пионер культурно-хронологической систематизации на базе сравнительной стратиграфии типов погребений в курганах — оставил без внимания объединение А. А. Спицыным Майкопского кургана и дольменов Царской в одну группу. У этого, вероятно, было две причины.

Во-первых, судя по всему, до 1910 г. у В. А. Городцова не было ясного представления даже об эпохальной принадлежности Майкопского кургана. Об этом косвенно говорит его датировка Старомышастовского клада первыми веками новой эры (Городцов, 1907. С. 260), ошибочность которой в контексте связей клада и Майкопского кургана зло отметил Н. И. Веселовский (1910а. С. 102). Во-вторых, для В. А. Городцова, вероятно, было неприемлемо объединение погребальных сооружений разного типа в одну группу, так как это противоречило главному критерию его собственной классификации. Погребение в Майкопском кургане он, видимо, относил к срубному типу, но считал, что «связь <...> придонских

срубных погребений с подобными погребениями в Кубанской области не устанавливается» (*Городцов*, 1907. С. 234).

Дольмены Царской В. А. Городцов, как и Н. И. Веселовский, относил к бронзовой эпохе по совокупности признаков: присутствию кремневых, бронзовых и золотых предметов «...при совершенном отсутствии железных» (*Там же*. С. 231). Этот памятник он рассматривал как одну из немногих хронологических опор для всей своей бахмутской периодизации. Сравнивая бронзовые крюки и керамику из донецких катакомб с материалами из дольменов Царской (*Там же*. С. 230–232), он косвенно давал понять, что последние позднее донецких погребений в ямах и раньше погребений в срубах.

От обсуждения абсолютной датировки Майкопского кургана и дольменов Царской А. А. Спицын и В. А. Городцов некоторое время воздерживались, вероятно, из-за отсутствия убедительных, в первую очередь для них самих, аргументов.

Действительно, в кавказской доисторической археологии в это время хронологически опереться было не на что. Н. И. Веселовский с сожалением отмечал шаткость оснований на примере расхождения мнений о дате Кобанского могильника примерно в 3000 лет (*Веселовский*, 1905. С. 84). Ему же принадлежит и первая попытка приблизительного определения возраста кубанских погребений «с окрашенными костяками». При датировке открытого в 1909 г. ульского комплекса со статуэтками он воспользовался возможностями перекрестного датирования, которые появились с выделением в 1899 г. В. В. Хвойка трипольской культуры (*Хвойка*, 1901), ее общеевропейской интерпретацией и датировкой «домикенским» периодом (*Штерн*, 1907). Речь шла о неолите Южной Европы и недавно открытой А. Эвансом минойской цивилизации, предшествующей микенской, хронология которой была довольно надежно увязана с египетской, опиравшейся на астрономический календарь. Ориентируясь на типологическое сходство алебастровых ульских и мраморных цикладских статуэток, относящихся «...в пределах Древней Греции» по данным стратиграфии к эпохе, «...предшествовавшей микенско-критскому периоду», Н. И. Веселовский допускает, что ульский комплекс, а с ним и кубанские погребения «с окрашенными костяками», могут датироваться III тыс. до н. э. и относиться к самому началу «домикенской» культуры (*Веселовский*, 1910а. С. 7).

Таким образом, в доисторической северокавказской археологии с осторожностью и оговор-

ками был установлен первый абсолютный хронологический репер, относительно которого предстояло определить хронологическую позицию Майкопского кургана и дольменов Царской. Из контекста статей Н. И. Веселовского следует, что к 1910 г. он придерживался следующей хронологической схемы: ульский комплекс среди погребений «с окрашенными костяками» он считал ранним и относил к «медному веку», дольмены Царской — к бронзовому, а Майкопский курган — к финалу эпохи бронзы. Перспектива удревнения Майкопского кургана до III тыс. до н. э., которую открывала предполагаемая дата ульского погребения, тогда казалась ему неприемлемой.

В том же 1910 г. В. А. Городцов опубликовал курс лекций для вольнослушателей Московского археологического института, в котором изложил свои новые взгляды на Майкопский курган и дольмены Царской (*Городцов*, 1910). Теперь он объединил оба памятника в одну группу, включая погребение в кургане у станицы Костромской и «совершенно аналогичные <...> в разных пунктах Кубанской области» (*Там же*. С. 255). К «майкопскому типу» он отнес погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, ориентированными головой на юг, с «...каменными и бронзовыми орудиями, золотыми спиральными кольцами и глиняными сосудами» (*Там же*. С. 256). В таком виде это было бы аналогом «кубанской группы погребений с окрашенными костяками» А. А. Спицына (*Спицын*, 1899), но В. А. Городцов этим не ограничился и объединил с погребениями «майкопского типа» кубанские погребения с костяными молоточковидными булавками, выпрямителями древков стрел (он считал их литейными формами) и курильницами (*Городцов*, 1910. С. 256). Более того, в «...одну культуру с ясно выраженными чертами и потому отличимую от других культур» он включил все северокавказские погребения с костяными и бронзовыми молоточковидными булавками («булавки с выступами в виде кнопок») (*Там же*. С. 256–258). Для полной ясности, в современной терминологии это означало бы объединение, как минимум, памятников майкопской и северокавказской культур.

А. А. Спицын допускал территориальное, но не культурно-хронологическое объединение кубанской, терской и таманской групп в пределах Кавказского района. В выделении и интерпретации признаков он оказался строже и последовательнее В. А. Городцова, предполагая, что кубанская группа древнее терской (читай: майкопская

культура древнее северокавказской. — В. Т.) (Спицын, 1899. С. 81, 82). В пользу своей хронологической интерпретации А. А. Спицын мог привести только косвенные наблюдения. Высокую степень проявления признаков переднеазиатского влияния в кубанских погребениях он оценивал как показатель их древности. Ученый полагал, что с этим культурным наследием некая «народность» «...из Ассирии или <...> Малой Азии» пришла на Кубань и оставила курганы «с окрашенными костяками» (Там же. С. 74). Соответственно, отсутствие в кубанских погребениях «терских» молоточковидных булавок и сопутствующего им инвентаря А. А. Спицын интерпретировал как признак более позднего появления таких вещей на Северном Кавказе.

В 1910 г. В. А. Городцов, как и А. А. Спицын за 10 лет до него, считал Месопотамию вместе с малоазиатским влиянием «первоисточником» Майкопа и Царской (Городцов, 1910. С. 259). Полагаясь на собственный опыт раскопок курганов в бассейне Северского Донца, он пренебрег догадками А. А. Спицына о хронологических различиях между кубанской и терской группами. С одной стороны, все известные ему кавказские аналогии происходили из катакомбных погребений и отсутствовали, с его точки зрения, в более ранних ямных могилах. С другой, аналоги катакомбным вещам В. А. Городцов видел в инвентаре как кубанской, так и терской групп, и поэтому хронологических различий между ними не делал. Согласиться со А. А. Спицыным и считать кубанскую (майкопскую. — В. Т.) группу более ранней, чем терская (северокавказская — В. Т.), В. А. Городцов, видимо, не мог, так как не видел в ямной культуре подходящего реципиента кавказского культурного влияния.

Катакомбный крюк и керамику он сравнивал с вещами из дольменов Царской (Городцов, 1907. С. 231, 232) и в этом же хронологическом контексте рассматривал бронзовые ножи, булавки, шилья, бусы, серебряные кольца в один оборот с утолщенными концами, бусы из пасты, зубов ископаемых рыб и оленя, большинство поделок из камня — короче, почти весь донецкий катакомбный материальный комплекс, повторяя: «...совершенно схожи с кавказскими», «...являются как бы повторением кавказских» или «...вырабатывались на Кавказе» (Городцов, 1910. С. 262, 266, 267).

При всех хронологических издержках увлечения кавказским влиянием на степные культуры В. А. Городцов стал первым, чья оценка места Майкопского кургана и дольменов Царской

в общей картине развития бронзового века носила концептуальный характер.

Ключевым элементом этой концепции была теория культурных очагов и культурных течений, заимствованная им из русских переводов П. Ю. Шмидта и М. Д. Гродецкого работ видных представителей европейской школы антропогеографии Э. Реклю и Л. И. Мечникова (Реклю, 1906; Мечников, 1898). В упрощенном изложении культурные очаги (*foyer de culture*) или очаги цивилизаций (*foyers de civilisation*) интерпретировались как эпицентры традиций со сферами влияния и маршрутами его распространения, обусловленными особенностями ландшафта и климата. Стремление цивилизаций к распространению своего влияния вызывало цепную реакцию возникновения вторичных культурных очагов там, где пути цивилизаций пересекались, и там, где они взаимодействовали с местными традициями (рис. 2, 1) (Реклю, 1906. С. 324, 325, карта).

Всеобщую историю древнейших очагов цивилизаций в изложении Э. Реклю и Л. И. Мечникова В. А. Городцов творчески адаптировал к известным ему российским археологическим реалиям эпохи меди и бронзы (рис. 2, 2) (Городцов, 1910. С. 160–290).

Он рассматривал Кавказ как вторичный («второстепенный») очаг, возникший на пути «северного луча» культурного влияния Месопотамии — первичного очага цивилизации, или, по его терминологии, очага «культурной базы» (рис. 3, 1, 2) (Там же. С. 214, 215; приложение: карты культурных очагов). На раннем этапе своего существования, к которому В. А. Городцов вместе с «терскими» погребениями отнес Майкопский курган и дольмены Царской, кавказский очаг выполнял в основном роль потребителя месопотамской высокотехнологичной продукции и престижных украшений из редких материалов, часть которых транзитом попадала в южнорусскую степь. «Из Месопотамии заимствованы топоры, кирки, долота, пластинки рубанков, золотая, серебряная и бронзовая посуда, все металлические украшения и украшения из драгоценных камней и белой пасты» (Там же. С. 259), «...и все это имело или чисто месопотамское происхождение, или происхождение под живым месопотамским воздействием» — отмечает исследователь в другом месте (Там же. С. 214, 215). Он был очень последователен в поиске проявлений месопотамского влияния на Кавказе и видел его не только в формах утилитарных вещей и украшений, но и в сюжетных и стилистических особенностях

изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана (*Там же*. С. 259, 260). В подтверждение своих взглядов В. А. Городцов ссылается на «...месопотамские кирки, совершенно схожие с майкопскими» и изображение на «...месопотамском бронзовом блюде, где, как и в майкопском рисунке, среди гор представлен медведь, поднявшийся на задних лапах и срывающий с дерева плоды» (*Там же*).

Приведенные В. А. Городцовым аналогии старовавилонского и ассирийского периодов, почерпнутые из доступных ему книг (*Montelius*, 1900; возможно, *Montelius*, 1903; *Perrot, Chipiez*, 1884), были малопригодны для датирования Майкопского кургана, но их культурное значение было выше хронологического. Они демонстрировали, что по совокупности традиций майкопские памятники восходят к месопотамскому очагу в широком культурном смысле, и это открывало новые возможности для дальнейших уточнений хронологической позиции и культурных связей памятников майкопского круга в переднеазиатском контексте. Однако сторонников у такой интерпретации тогда не оказалось. Удивительно, но даже А. М. Тальгрэн, штудировавший «Бытовую археологию», оставил без внимания гипотезу В. А. Городцова о месопотамском происхождении Майкопского кургана и дольменов Царской. Это довольно странно, учитывая центральное значение, которое этим памятникам он придавал в собственном исследовании (см.: *Tallgren*, 1911).

Взгляды В. А. Городцова на Майкоп и Царскую, изложенные в «Бытовой археологии», сформировались у него в очень короткий период, приблизительно между 1908 и 1910 гг., и можно предположить, что на них оказало влияние обсуждение майкопской темы с молодым А. М. Тальгреном, уступавшем В. А. Городцову в опыте, но превосходившем в образовании. В 1908 г. А. М. Тальгрэн впервые приехал в Москву для работы с археологическими коллекциями в Историческом музее (см.: *Кузьминых, Сафоно*, 2014. С. 10), в том числе из дольменов Царской. Сам В. А. Городцов как раз работал в это время над «Бытовой археологией». Тогда же А. М. Тальгрэн отправлял ему из Гельсингфорса недоступные в Москве книги, включая «Хронологию...» О. Монтелиуса 1900 г.³ Если причиной замалчивания А. М. Тальгреном взглядов В. А. Городцова не было скрытое соперничество, то, возможно, он это сделал из деликатного нежелания омрачить отношения критикой

взглядов маститого ученого, которому он был обязан поддержкой. Принципиальных методических или теоретических разногласий между ним и В. А. Городцовым не было. Оба придерживались популярного в начале века диффузионистского тренда, привнесенного в археологию из западноевропейской социальной географии и этнологии. В. А. Городцов воспринял русскую интерпретацию французской концепции культурных очагов самостоятельно в процессе самообразования, а А. М. Тальгрэн со студенческих времен следовал курсом немецкой школы «культурных кругов» (*Kulturkreis*) (Ф. Ратцель, Л. Фробениус и др.). За различиями в терминологии скрывалось единство общих представлений о культурных центрах (цивилизациях) как источниках распространения функционально связанных между собой атрибутов культурного комплекса. Тем не менее при сходстве подходов В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн заметно разошлись в интерпретации кавказских материалов.

В систематизации памятников майкопского типа (Майкоп — Царская — Костромская) А. М. Тальгрэн следовал за А. А. Спицыным. К общему названию он добавил одну из выделенных А. А. Спицыным характеристик «кубанской группы» — большой размер курганов и статус культуры. В итоге на немецком языке название группы превратилось в «культуру больших кубанских курганов» (*Kubaner Grosskurgan-Kultur*) (*Tallgren*, 1911. S. 91). Он признавал хронологические различия между «кубанской» и «терской» группами погребений «с окрашенными костяками», отмеченные А. А. Спицыным и не принятые во внимание В. А. Городцовым, добавив к ним собственные наблюдения относительно впускного погребения в Майкопском кургане и погребений с молоточковидными булавками, например, из станции Андрюковской раскопок 1896 г. (*Ibid.* S. 109, 209).

Эти частные разногласия не идут ни в какое сравнение с принципиальным размежеванием по вопросу определения главного центра влияния, породившего памятники типа Майкопского кургана и дольменов Царской. А. М. Тальгрэн полагал, что они принадлежат к эгейско-средиземноморскому кругу культур и даже образуют кубано-троянский культурный круг (*Kuban-Trojaer Kulturkreise*), или трояно-кубанскую культурную область (*trojanisch-kubanischen Kulturgebiet*) (*Ibid.* S. 125, 217). В поддержку своей гипотезы он привел небольшой список троянских аналогий вещам из Майкопского кургана и дольменов Царской.

³ Т. Сальминен, личное сообщение.

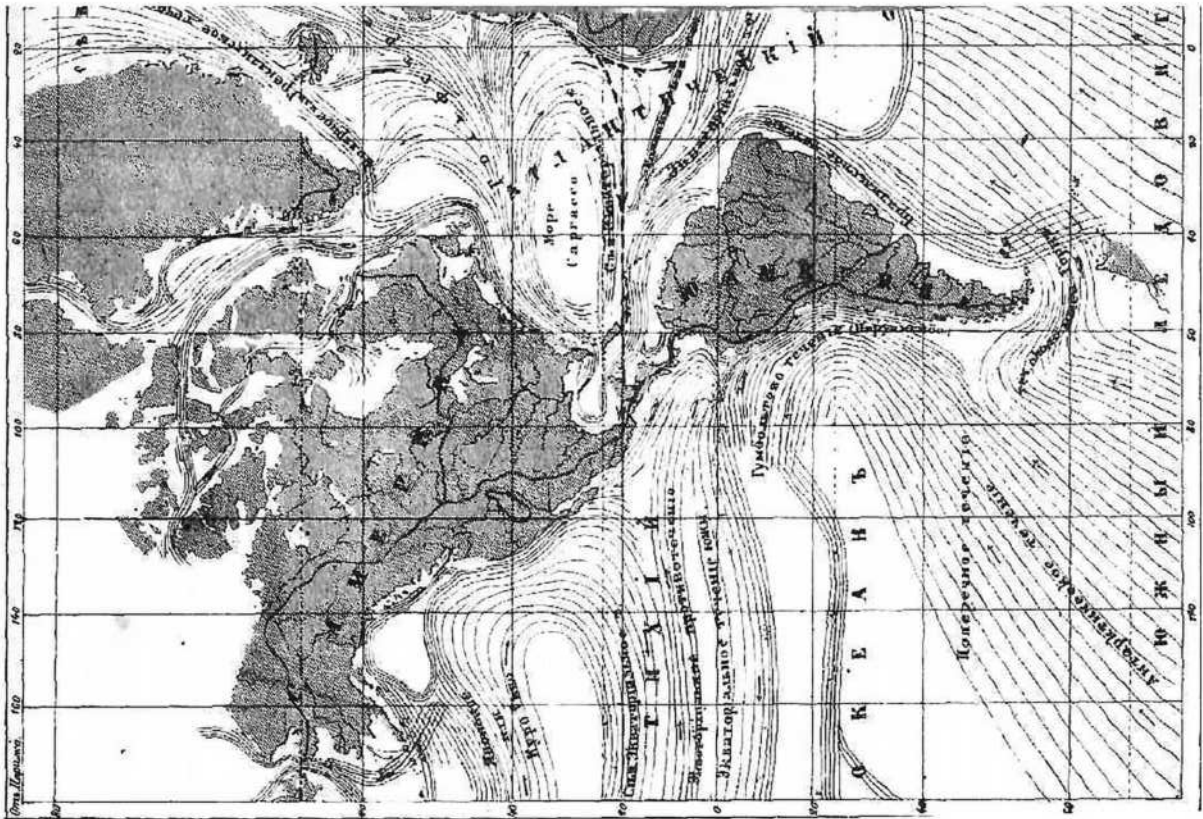
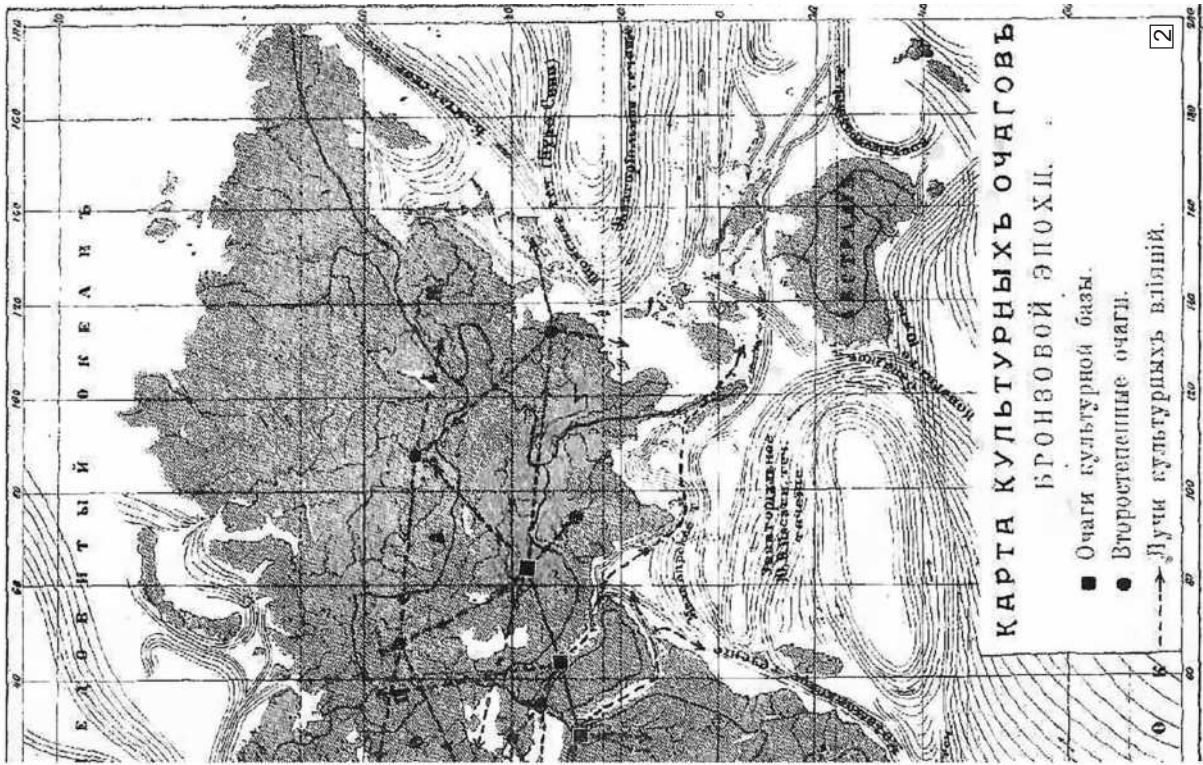

Рис. 2. Культурные очаги: 1 — по: Реклю, 1906. Между страницами 324 и 325; 2 — по: Городицов, 1910. В конце книги

Fig. 2. Hearths of culture: 1 — after Реклю, 1906. Between pages 324 and 325; 2 — after Городицов, 1910. In the end of the book

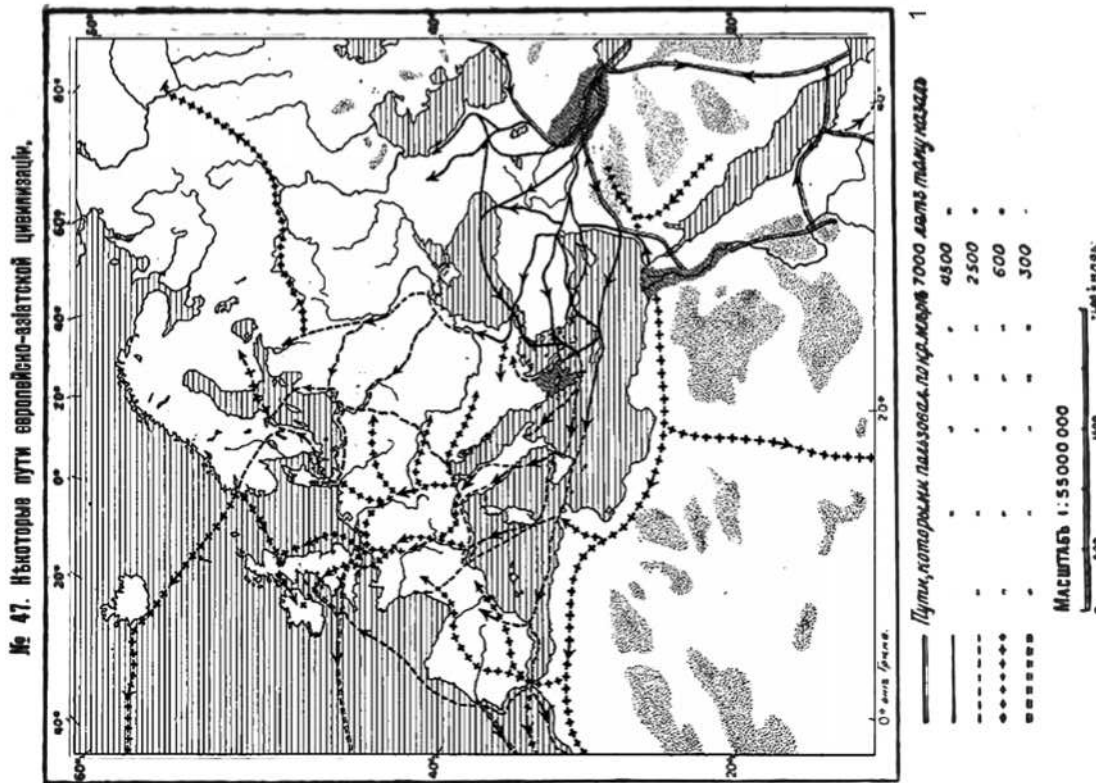

Рис. 3. Пути и «лучи» распространения культурных влияний: 1 — по: Реклю, 1906. С. 325; 2 — по: Гордцов, 1910. В конце книги
 Fig. 3. Ways and “rays” of the spread of cultural influences: 1 — after Реклю, 1906. P. 325; 2 — after Гордцов, 1910. In the end of the book

Все они происходили, главным образом, из «кладов» в слоях Трои II–V, по терминологии Г. Шлимана и В. Дерпфельда. Среди них были бронзовые тесла из «клада Приама», нож с навершием в виде фигурки быка (аналогия майкопским фигуркам быков) и булавки с крючковидным навершием (Hakenpfeil) как параллели посоховидным булавкам Царской (Tallgren, 1911. S. 208; Dörpfeld, 1902. S. 345, 356, Abb. 264; 294a). В ряду сильных аргументов в пользу западной линии синхронизации Майкоп/Царская — фатьяновская культура — культура шаровидных амфор — Троя II–V А. М. Тальгрена особенно выделял небольшую троянскую золотую флягу с шаровидным туловом, форму которой он сравнивал с «бомбовидными» керамическими сосудами из дольменов Царской (Tallgren, 1911. S. 204, 210, Abb. 118; Dörpfeld, 1902. S. 350, Abb. 275). С его точки зрения эта параллель элегантно дополняла общую концепцию западных контактов Кавказа, в основе которой лежала уверенность в существовании связей между фатьяновской керамикой и посудой из дольменов Царской. Идея принадлежала А. А. Спицыну. Надо отдать ему должное в убедительности ее изложения, аккуратно подкрепленном выбором ракурса съемки и масштабом изображений в публикации сосудов из Царской и Великосельского могильника (Спицын, 1903. С. 91, 92, рис. 68; 69). Знакомство А. М. Тальгрена с коллекциями только укрепило его веру в непоколебимость мнения А. А. Спицына об этих связях, которое разделял и не менее авторитетный для него В. А. Городцов (1910. С. 271, 272). Трудно представить каким путем пошло бы изучение майкопских древностей, если бы не это надолго укоренившееся заблуждение.

Для А. М. Тальгрена дольмены Царской были интереснее Майкопского кургана, так как они легче вписывались в западную линию синхронизации. Кроме керамики он привел в качестве аналогии конструкцию мегалитической гробницы из Бернбурга (Саксония-Анхальт, Германия), которая, на первый взгляд, обладала всеми атрибутами дольменов Царской. Это было двухкамерное сооружение, разделенное плитой с отверстием и перекрытое 5,5-метровой насыпью кургана диаметром 133 м. Среди погребального инвентаря оказались две шаровидные амфоры, напоминающие формой сосуд с ручками из дольмена Царской (Tallgren, 1911. S. 202, 203; Lindenschmit, 1902. Taf. 13, 190–202). Кроме амфор и «бомбовидных» сосудов в список центральноевропейских керамических аналогий вошли чаши, на взгляд А. М. Тальгрена, близкие по форме

металлическим чашам из Майкопского кургана и дольменов Царской, и бусы из золота, цветных камней и кости (Tallgren, 1911. S. 204). В итоге А. М. Тальгрена добился подобия системности западной линии аналогий между дольменами Царской, центральноевропейскими памятниками культуры шаровидных амфор и Троей II–V, чего не скажешь о его анализе «ориентальных» связей памятников майкопского круга.

Казалось бы, здесь внимание Тальгрена должно быть сосредоточено на параллелях комплексу из Майкопского кургана, но вопреки ожиданиям приоритетными опять оказались дольмены Царской. О «восточных» связях Майкопа А. М. Тальгрена высказался очень сдержанно, признавая стиль изображения животных в майкопской терракоте и металлопластике результатом взаимодействия с кругом древневосточных идей (Orientalischen Ideenkreis), но точнее определить источник этого влияния не рискнул. «Литература, которой я располагаю, не позволяет решить <...>, является ли это влияние халдейского или персидского происхождения, или, возможно, идет со средиземноморского побережья, Крита или Кипра» (Ibid. S. 206).

На самом деле, едва ли причиной нерешительности была недоступность необходимой литературы. Первую половину 1908 г. А. М. Тальгрена провел в Лондоне и Париже, работая в библиотеках, где пробелов в литературе не было (см.: Кузьминых и др., 2014. С. 8). Истинных причин могло быть несколько, включая и тривиальный недостаток времени у молодого диссертанта на глубокую проработку всех аспектов исследования. Однако главной из них, скорее всего, было его ощущение отсутствия очевидной хронологической ценности стилистических сопоставлений, появление которой он не исключал в будущем (Ibid. S. 206). Тонкостям сравнительного анализа особенностей майкопского изобразительного стиля А. М. Тальгрена предпочел серию грубоватых прямолинейных сопоставлений вещей из дольменов Царской с находками эпохи бронзы (начало II тыс. до н. э.) из могильника Хинаман в окрестностях Кермана (Юго-Восточный Иран). Раскопки носили случайный характер, и комплексность находок изначально вызывала сомнения (Greenwell, 1907; Curtis, 1988). Не обращая на это внимания, А. М. Тальгрена интерпретировал находки как совокупность аналогий «шаровидной» керамике, бронзовым чашам и посоховидным булавкам Царской. Для этого ему пришлось допустить изрядные преувеличения. Керамика из иранского могильника

не сохранилась, и он целиком полагался только на ее описание К. Гринвеллом: бронзовая чаша с ручкой, которую он сравнивал с черпаком из дольмена Царской, на самом деле была сосудом со сливным носиком, а аналогии булавам представляли собой изогнутые бронзовые «скипетры» длиной 47 см (*Tallgren*, 1911. S. 205; *Greenwell*, 1907. P. 198; *Curtis*, 1988. P. 117, fig. 6). Сделано это было из желания усилить оригинальную линию синхронизации между Европой и Азией и подтвердить «ориентальное» происхождение фатьяновской керамики — одного из ключевых элементов концепции его книги 1911 г. Вера в собственную правоту подсознательно подталкивала А. М. Тальгрена отдавать предпочтение тем аналогиям, которые согласовывались с его гипотезой. При таком подходе вся аргументация приобретала характер предвзятого подтверждения. Альтернативные гипотезы он не рассматривал.

Первым в России на его концепцию откликнулся А. А. Спицын, на чье одобрение А. М. Тальгрена, казалось бы, мог рассчитывать. Однако в письме от 09.01.1912 г. вместе с благодарностью за присланный экземпляр книги А. А. Спицын упрекает А. М. Тальгрена в поспешности основных выводов, которые он не принимает. Давая понять А. М. Тальгрена, что в его троянских аналогиях майкопским вещам ничего нового для него нет, он пишет: «Я уже давным-давно знаю, что и медная [видимо, имеется в виду серебряная. — В. Т.] посуда Майкопского кургана близка к Троянской, равно как и некоторые медные орудия и бусы...», и дальше о происхождении и хронологии — «...Майкоп необходимо выводить из Ассирийских древностей или из каких-нибудь еще неизвестных Мидийских или Лидийских. Хронология Майкопской культуры, а отсюда и Фатьяновской чрез Трою, мне кажется не имеет никакого значения, особенно без должной оговорки» (см.: *Кузьминых*, 2011. С. 12).

Неизвестно, ответил ли А. М. Тальгрена А. А. Спицыну, но противоречивость его комментария должна быть ему очевидна. Чтобы упрекать А. М. Тальгрена в несостоятельности троянской линии синхронизации, А. А. Спицыну следовало бы сначала дезавуировать собственное заключение о связях фатьяновской керамики с посудой из дольменов Царской, а также отказаться от объединения Царской и Майкопа в одну культурную группу. В своих построениях А. М. Тальгрена исходил именно из этих положений. Категоричный по форме совет А. А. Спицына, откуда следует выводить Майкоп, по содержанию выглядел

беспомощным: от Лидии до Мидии — это вся Малая и Западная Азия. Если бы А. А. Спицын признал «давным-давно» известные ему троянские аналогии майкопской металлической посуде случайными, то это бы объяснило причину его недоверия к абсолютной датировке А. М. Тальгреном Майкопа временем Трои II–V, но об этом в письме ни слова, как и о «месопотамской» гипотезе коллеги В. А. Городцова.

В отличие от А. А. Спицына, В. А. Городцов вместе с троянской линией аналогий принял и предложенные А. М. Тальгреном даты для Трои II–V, с оговорками распространяя их на фатьяновскую культуру и, фактически, памятники майкопского круга. Гарантией от ошибки для него была связь между фатьяновской керамикой и шаровидными сосудами из дольменов Царской, которую, как и прежде, он считал надежно установленной (*Городцов*, 1915. С. 126, 161, 162). Даты, пожалуй, единственное заимствование В. А. Городцова у А. М. Тальгрена. Шаг этот был практичным и вынужденным. Такую работу едва ли он смог бы выполнить сам. Вероятно, В. А. Городцов считал, что такое заимствование носит технический характер и не требует концептуального компромисса. В декабре 1916 г. он написал А. М. Тальгрена: «Мы разошлись с вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на крито-эгейскую культуру...; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре... Как видите, разница принципиальная, требующая примирения в решении основного вопроса о ходе развития главных очагов культурной базы». В ответном письме А. М. Тальгрена тему «общечеловеческого культурного развития» не поднимал и сделал вид, что связям «восточно-русского бронзового века» с Месопотамией и Крито-Микенским краем большого значения не придает. «Они лежат слишком далеко» — заметил А. М. Тальгрена (цит. по: *Кузьминых, Сафоносов*, 2014. С. 149), как будто бы он и не писал несколькими годами раньше о «трояно-кубанском» культурном круге и «ориентальных» контактах.

В конечном счете от дискуссии по майкопской проблематике с В. А. Городцовым и А. А. Спицыным — авторитетными специалистами в русской доисторической археологии — А. М. Тальгрена деликатно уклонился, тем более что к его взглядам на майкопскую проблему благосклонно отнеслись в среде российских «античников», можно сказать, археологической элиты того времени.

А. М. Тальгрэн — Б. В. Фармаковский —
М. И. Ростовцев — Г. Чайлд

В российской классической археологии майкопская тематика появилась в начале XX в. на фоне изучения взаимоотношений искусства Древнего Востока и народов Северного Причерноморья в период, предшествующий греческой колонизации.

Раньше и обстоятельнее многих она была представлена Б. В. Фармаковским в его переработанном для печати докладе на конгрессе историков в Лондоне в 1913 г. (*Фармаковский*, 1914). Это было, в первую очередь, искусствоведческое исследование майкопского изобразительного стиля с привлечением сравнительного материала и поиском аналогий в духе иконографической школы Н. П. Кондакова, к которой принадлежал Б. В. Фармаковский.

Детали общего археологического контекста, группировки и классификации памятников майкопского круга (над чем ломали голову А. А. Спицын и В. А. Городцов) Б. В. Фармаковский в расчет не принимал. Его интересовала только дата Майкопского кургана, вытекающая из предполагаемой А. М. Тальгреном синхронизации с Троей II–V. Б. В. Фармаковский сообщает читателям, что синхронизация доказана «...путем сравнения обряда погребения и инвентаря могилы [Майкопского кургана. — В. Т.] с аналогичными явлениями в других местах». Это, конечно, было явным преувеличением, призванным укрепить доверие к «...большой, методически сделанной, основательной» работе А. М. Тальгрена и скорректированной «по новейшим исследованиям» дате — «около 1500 до Р. Хр.» (*Там же*. С. 50). По замыслу Б. В. Фармаковского эта дата должна служить ключевым элементом проверки корректности результатов его искусствоведческого анализа, выполненного независимо от археологических выкладок А. М. Тальгрена. В действительности тальгреневская датировка Майкопского кургана постоянно подталкивала его к предвзятой интерпретации собственных оригинальных наблюдений относительно майкопского изобразительного стиля.

В майкопской стилистике он видел сочетание нескольких художественных традиций разных периодов — хеттской, ассиро-вавилонской, древневавилонской, египетской эпохи Древнего царства и додинастического периода, но при этом решил, что «...наибольшую близость к майкопским вещам представляют <...> хеттские памятники» (*Там же*. С. 55–62). Следуя исходному замыслу своего исследования, Б. В. Фармаковский, как

ему казалось, независимым путем достиг намеченной цели. «Мои изыскания <...> вполне сходятся с изысканиями А. М. Тальгрена», прокомментировал он вычисленную им дату Майкопа, «...вплоть до половины II тысячелетия» (*Там же*. С. 61).

Если не быть таким же пристрастным, как Б. В. Фармаковский, то нетрудно заметить, что совокупность приведенных им аналогий имеет не одну, а несколько возможных интерпретаций. Ключевые параллели майкопским львам и быкам Б. В. Фармаковский видел в хеттских рельефах из Зенджирли (Сенджирли) — памятника начала I тыс. до н. э. на юго-востоке современной Турции. Там же на рельефах он увидел аналогии майкопским ожерельям и диадемам, правда, отметил, что последний мотив не является исключительно хеттским и представлен «...в эгейском, в ассиро-вавилонском, в древне-ионийском и греческом позднейшем искусствах» (*Там же*. С. 52). Поздняя дата материалов из Зенджирли и заметные стилистические различия между майкопскими и хеттскими материалами Б. В. Фармаковского не смущали. Напротив, именно в позднем возрасте памятника он видел причину «какой-то изношенности стиля» в изображениях быков из Зенджирли, по сравнению со «свежестью, которою дышит стиль майкопских быков». Из этого он делал вывод (здесь лучше процитировать): «Весьма вероятно, что майкопские быки и представляют произведение древнейшего хеттского искусства, когда это искусство еще не выродилось..., т. е. хеттского искусства II-го тысячелетия до Р. Хр.» (*Там же*. С. 58). При таком допущении немедленно возникла проблема, которую Б. В. Фармаковский не решился обсуждать, — образцов «древнейшего хеттского искусства», аналогичных майкопскому, он предъявить не мог.

Интересно, что в исследовании Б. В. Фармаковского переднеазиатские и египетские аналогии майкопской торевтике и металлопластике заметно преобладают над малоазийскими. Более того, он замечает, что наиболее близкие стилистические параллели относятся к периоду древнее намеченного А. М. Тальгреном и принятого им для Майкопа хронологического рубежа около 1500 г. до н. э. Большинство его «древневавилонских» аналогий майкопским изображениям быков и серебряным гравированным сосудам по современной периодизации относятся к раннединастическому и аккадскому периодам (ср.: *Фармаковский*, 1914. С. 60; *Bahrani*, 2017. P. 69, 133, fig. 3, 4; 5, 18). Еще более древними оказались приведенные им композиционные и стилистические аналогии

изображениям майкопских животных на египетских каменных палетках додинастической эпохи и времени первых династий. «Как бы это не казалось странным на первых порах, поразительное сходство налицо», — напишет он, понимая, что это требует объяснения. Можно было не оглядываться на дату А. М. Тальгрена и искать первоисточник майкопского художественного стиля в пределах всего хронологического диапазона, очерченного уже найденными им аналогиями. Б. В. Фармаковский остановился на другом варианте и интерпретировал самые ранние параллели Майкопу как непрямое наследие «древнеавилонского» и египетского кладов через хеттское искусство. В контексте дебатов того времени это решение выглядело непротиворечивым, но в итоге, как показало время, оказалось ошибочным (Фармаковский, 1914).

Хронология А. М. Тальгрена первоначально оставалась ориентиром и для М. И. Ростовцева — археолога, антиковеда и петербургского коллеги Б. В. Фармаковского по Археологической комиссии. Вероятно, что майкопская тема приобрела вес в его исследованиях под влиянием Б. В. Фармаковского после совместного участия в лондонском конгрессе историков 1913 г. Оба разделяли интерес к изучению культурных связей Северного Причерноморья с древними цивилизациями до начала греческой колонизации и как ученики Н. П. Кондакова отдавали предпочтение иконографическому методу анализа произведений древнего искусства.

Свой взгляд на памятники майкопского круга М. И. Ростовцев впервые изложил в книге «Эллинизм и иранство на юге России», опубликованной в Петрограде в 1918 г. (Ростовцев, 1918). Это был научно-популярный очерк без каких-либо библиографических ссылок, но из текста ясно, что развитие степного юга России в эпоху энеолита и раннего бронзового века он трактует в духе концепции культурных очагов В. А. Городцова. Похожих взглядов он придерживается и на природу происхождения памятников майкопского круга как результата влияния «блестящих юго-восточных культурных очагов» на Кавказ и «главным образом на Кубань» (Там же. С. 15). В хронологии М. И. Ростовцев следовал за А. М. Тальгреном и ориентировался на возраст «старейших слоев Трои». Соответственно и на Древнем Востоке он искал аналогии майкопским древностям в пределах II тыс. до н. э. на ближайших к Кавказу территориях древних государств той поры — Хеттской державы и Митанни. При таком сужении горизонта поиска действительно могло показаться,

что майкопское искусство «...тесно примыкает к стилю и технике ранних произведений хеттского царства» (Там же. С. 23).

В целом на фоне предшествующих работ В. А. Городцова, А. М. Тальгрена и Б. В. Фармаковского взгляды М. И. Ростовцева на Майкоп в 1918 г. не отличались новизной. Этот историографический эпизод можно было бы и не упоминать, если бы его автором не был человек, через два года бросивший вызов едва возникшему научному консенсусу по майкопской проблеме.

Летом 1918 г. М. И. Ростовцев выехал из Петрограда в зарубежную научную командировку и в Россию больше не возвращался. В Швеции (Боренсберг), а с августа уже в Англии (Оксфорд) он продолжает работать над темой ранних связей юга России с цивилизациями Древнего Востока, уделяя внимание более древним, чем прежде, историческим эпохам. «Работаю тут над звериным стилем. Приходится начинать с 3-го тысячелетия» — писал М. И. Ростовцев А. М. Тальгрена в декабре 1918 г. (см.: Бонгард-Левин, 1997. С. 505). Он планирует издать в Англии или во Франции только что опубликованную в России работу «Эллинизм и иранство...». Нужных книг по российской археологии не хватало, и Ростовцев сосредотачивается на изучении доступной в Оксфорде (Бодлианская библиотека и музей Эшмола) литературы и археологических материалов по Передней Азии и Египту. При отсутствии выбора и вопреки собственным привычкам [«я привык работать, имея вещи в руках, так как знаю, как трудно полагаться на публикации»] он берется за анализ находок, известных только по любительским рисункам и описанию. Это была коллекция вещей из случайных раскопок 1841 г. на древнем поселении недалеко от Астрабада на северо-востоке Персии (совр. Тюренг-Тепе, недалеко от Горгана, Северо-Восточный Иран). Находки были зарисованы и описаны членом русской дипломатической миссии в Тегеране бароном К. де Бодде и опубликованы в 1844 г. известным английским антикваром Роучем Смитом. Возможно, об этих находках и публикации М. И. Ростовцев впервые узнал от П. Г. Виноградова, оксфордского профессора, который поделился с ним деталями биографии К. де Бодде (Rostovtzeff, 1920b. P. 4).

Так или иначе, работа с материалами из старой публикации подтолкнула М. И. Ростовцева к пересмотру собственных взглядов на датировку памятников майкопского круга и культурную среду, под влиянием которой они сформировались. Анализируя астрабадские находки,

он легко продемонстрировал, что они не имеют отношения к скифскому, микенскому или эгейскому культурным мирам, как полагали прежде. Для него было достаточно внимательного просмотра французского издания «Открытия в Халдее» (*Sarzec, Heuzey*, 1884–1912), чтобы убедиться в принадлежности астрабадского золотого кубка с гравировкой к кругу месопотамских и эламских древностей времени «первых царей Лагаша» (*Rostovtzeff*, 1920b. P. 8). В круг ближайших аналогий «двулезвийному боевому топору» и вилам из астрабадской коллекции М. И. Ростовцев включает отдаленно похожий втульчатый топор-тесло из Майкопского кургана и двузубые крюки из дольмена Царской. Оба памятника он считает одновременными. Вероятно, с крюками он был знаком только по рисункам и фотографиям (с 1903 г. они хранились в Историческом музее в Москве), иначе трудно объяснить его восприятие этих небольших предметов как боевых вил. В качестве аналогий астрабадскому копью с насадом М. И. Ростовцев привел роскошное копьё с гравировкой и надписью одного из царей Киша и копьё из погребения у Каркемышша (*Ibid.* P. 22). Намеренно или случайно, но неупомнутый им наконечник копья из дольмена Царской по умолчанию вошел в круг этих аналогий.

При определении абсолютного возраста астрабадской коллекции и, косвенно, Майкопского кургана и дольменов Царской М. И. Ростовцев проявил максимальную осторожность. Он описал это время как «начало роста и укрепления государственности в Месопотамии, Эламе и Египте» и расцвета искусства, подчеркивая, что даты все еще остаются предметом споров и собственного мнения на этот счет у него нет. «Даже самые осторожные критики не идут дальше 30 века до н. э., предпочитая более поздние даты <...> по причинам благоразумности» (*Ibid.*). Кто эти осторожные критики — М. И. Ростовцев не указал, но из контекста статьи понятно, что он тоже склоняется к датам в пределах III тыс. до н. э. В этой статье, однако, даты вовсе не главное. За археологической рутинной типологических сопоставлений скрывается более содержательный сравнительный стилистический анализ изобразительного искусства и новаторский подход к интерпретации его результатов.

Исходя из специфики астрабадских вещей, которые, по мнению М. И. Ростовцева, если и не являлись закрытым комплексом, то относились к одной эпохе, вся коллекция представляет местный, еще неизвестный культурный центр,

сопоставимый по своему значению с Шумером и Эламом (*Ibid.* P. 26). Его интерпретация впечатляет своей пронизательностью. Этот центр — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) — был открыт В. И. Сарианиди только в 1970-е гг., а его культурно-историческая трактовка, включая художественный стиль, в ряде аспектов оказалась созвучной гипотезе М. И. Ростовцева (*Сарианиди*, 1974; *Deshayes*, 1977; *Amiet*, 1988; и др.). Он отмечает, что некоторым стилистическим сходством изображения животных на астрабадских и майкопских сосудах обязаны независимому наследию из древних культурных пластов Элама и Египта (*Rostovtzeff*, 1920b. P. 14).

Майкопская тематика была вплетена М. И. Ростовцевым в концептуальную канву анализа астрабадских находок, в первую очередь, как аналогия процессам формирования локальных центров развития «древневосточных» традиций. Он предположил, что дельта Кубани, как и бассейны других великих рек, была одним из таких центров. С одной стороны, эта идея отражает влияние теории Л. И. Мечникова о связях ранних цивилизаций с великими реками (*Мечников*, 1898), с другой, она заметно отличается от интерпретации этой теории В. А. Городцовым. Последний представлял майкопские памятники как вторичный культурный центр на пути «северного луча» шумерского влияния, загадочно бесследного на большей части своего маршрута из Месопотамии на Северный Кавказ (*Городцов*, 1910). М. И. Ростовцев рисует другую картину. В ней кубанский центр, наряду с «астрабадским», шумерским, эламским и даже египетским, возникает из общего для этих территорий культурного субстрата предшествующей эпохи. К этой оригинальной мысли М. И. Ростовцева, вероятно, подтолкнули впечатления от поразившего его сходства манеры изображения животных в майкопской торевице и той части египетского додинастического искусства, в котором прослеживались связи с Месопотамией. Он открывает для себя, что египетские параллели настолько многочисленнее и точнее уже упомянутых Б. В. Фармаковским, что их анализ выходит за пределы главной темы «астрабадской» статьи и потребует от него отдельной публикации (*Rostovtzeff*, 1920b. P. 14, 17).

Эта работа заняла у М. И. Ростовцева почти два года и вышла из печати во французском археологическом журнале в конце 1920 г. — всего несколько месяцев спустя после «Астрабадских сокровищ» (*Rostovtzeff*, 1920a). Прямолинейное и емкое название статьи «Медный век Северного

Кавказа и цивилизации Шумера и додинастического Египта» отражало новизну его интерпретации и готовность к дискуссии, которой он пока избегал (*Ibid.*).

Археологический контекст памятников майкопского круга М. И. Ростовцев трактует в духе А. А. Спицына и В. А. Городцова, особенно не вникая в различия между их взглядами на археологическую систематизацию «погребений с окрашенными костяками». Его интересовала общая хронологическая канва связей юга России в эпоху меди–бронзы с культурными центрами Европы и Азии. Она должна служить общей системой хронологических координат всего майкопского исследования. Исследователь принимает в расчет мнение В. А. Городцова относительно синхронности дольменов Царской с катакомбной культурой Донетчины и связях последней с культурами расписной керамики бассейнов Днепра и Дуная. Финал памятников майкопского круга он связывает с погребением из кургана в Ульском ауле (*terminus ante quem* для Майкопа), открытым Н. И. Веселовским в 1909 г. (*Ibid.* P. 2, 13). К этой мысли он, вероятно, пришел не без влияния работ А. А. Спицына и А. М. Тальгрена. Сомнений относительно одновременности Майкопского кургана и дольменов Царской у М. И. Ростовцева не было (*Ibid.* P. 10). Приступая к анализу эталонных памятников, он добавил к ним клад из Старомышастовской, который В. А. Городцов, скорее всего, из своеуравия и обиды на колкое замечание Н. И. Веселовского, так и не решился публично признать майкопским.

Немного упрощая общую картину мнений, М. И. Ростовцев относит все памятники майкопского круга к эпохе меди и общую проблему формулирует как вопрос: «...Синхронен ли медный век на Северном Кавказе, в Месопотамии, Туркестане и Египте или [на Северном Кавказе. — В. Т.] он значительно моложе?» (*Ibid.* P. 14).

Изложение собственных взглядов М. И. Ростовцев начинает с решительного заявления о своем несогласии с относительной и абсолютной датировкой майкопских древностей большинством исследователей. Главными из них он считает А. М. Тальгрена и Б. В. Фармаковского — сторонников датировки Майкопа II тыс. до н. э. В. А. Городцова среди них нет, вероятно, по двум причинам. В вопросах датировки его мнение казалось М. И. Ростовцеву несамостоятельным, а шумерская гипотеза чуть принижала оригинальность его собственных взглядов.

Продолжение его статьи — это защита двух основных тезисов: 1) медный век Кавказа и медный

век Месопотамии одновременны; 2) майкопский изобразительный стиль аналогичен художественному стилю Элама, Шумера и Египта III тыс. до н. э. (*Ibid.* P. 14, 15). Главным являлся, конечно, второй тезис, на доказательстве которого М. И. Ростовцев и сосредоточился. Он отверг все параллели Майкопу из хеттского искусства, приведенные Б. В. Фармаковским, как «неубедительные и далекие от истины», но принял ряд указанных им аналогий из Элама, Месопотамии и Египта (*Ibid.* P. 15). К ним он добавил ряд очень точных параллелей из памятников додинастического и протодинастического Египта, в первую очередь, гравированные изображения животных на костяных рукоятках ритуальных кремневых ножей. Эти изображения стали центральным звеном всей его системы стилистических аналогий, во многом базирующейся на их анализе куратором отдела египтологии в Лувре Ж. Бенедитом (*Bénédite*, 1916). Ключом к культурно-исторической интерпретации этого стиля стало изображение на ручке ножа из Джебел эль-Арака, приобретенном Ж. Бенедитом в Каире в 1914 г. Под впечатлением облика центрального персонажа в «халдейском» облачении, державшего за горло двух львов, он риторически спрашивает: «кто этот герой, <...> если не Гильгамеш?» (*Bénédite*, 1916. P. 32; *Delange*, 2009). Сюжетное, композиционное и стилистическое сходство фигуративного искусства додинастического Египта времени культуры Накада (Негада) и ранней месопотамской цивилизации оказалось настолько значительным, что хранитель отдела ближневосточных древностей Лувра Л. Хьюз даже планировал переместить некоторые египетские находки этого времени в азиатские коллекции (*Bénédite*, 1916. P. 33, 34).

Следуя за Ж. Бенедитом, М. И. Ростовцев легко расширил круг аналогий не только гравированным и штампованным майкопским изображениям животных, но и скульптуре льва из Старомышастовского клада среди додинастических и протоэламских предметов из раскопок Ф. Петри в Абидосе и Ж. де Моргана в Сузах (*Capart*, 1905. P. 182, fig. 143; *Jequier*, 1905. P. 4, fig. 7). Несомненно, местное производство рукоятей египетских накадских ритуальных ножей укрепило М. И. Ростовцева во мнении, что и майкопские художественные предметы в определенной степени самобытны, а стилистическое сходство изображений обязано историческому периоду культурной общности на обширной территории от Египта до Кавказа (*Rostovtzeff*, 1920a. P. 28).

В подтверждение справедливости культурно-хронологических результатов своего

стилистического анализа М. И. Ростовцев приводит ряд параллелей инвентарю из погребений майкопского круга. Кроме уже упомянутых в «астрабадской» статье крюков, неудачно сопоставленных с боевыми вилами, он отмечает форму копья из Киша, напоминающего наконецник из дольмена Царской, и, положившись на описание Н. И. Веселовского (ОИАК, 1898. С. 38), ошибочно сравнивает черенковые долота из Царской со «штыком» из эламского некрополя Тепе Али-Абад (*Rostovtzeff*, 1920a. P. 31; *Cautier, Lampre*, 1905. P. 146, fig. 297).

Надо признать, что типологический анализ — не самая сильная сторона М. И. Ростовцева. Да и главной целью «типологического» раздела его статьи было не столько желание подкрепить собственные выводы, сколько опровергнуть аргументы оппонентов. М. И. Ростовцев взялся доказать, что Майкоп значительно древнее Трои II, а не синхронен ей, на чем настаивал А. М. Тальгрэн и с чем легко согласились А. А. Спицын и В. А. Городцов. Он последовательно разбирает элементы сходства между троянской и майкопской металлической посудой и украшениями, отмеченные А. М. Тальгрэном, и приходит к выводу, что они носят самый общий характер. Троянская посуда, как правило, со сложными ручками, неизвестной в Майкопе формы; троянские диадемы, тиары и серьги несравнимо богаче и разнообразнее по форме; среди троянских бус нет сделанных из цветных камней. Если между Майкопом и Троей II и есть связь, то она опосредована принадлежностью к одной культурной «семье». Майкоп определенно древнее, и по этой причине в Трое II «...мы нигде не находим [образцов] раннего звериного стиля, который мы видим на Северном Кавказе, в Эламе, Месопотамии и додинастическом Египте» — заключает М. И. Ростовцев. Понимая, что в очерченном культурном пространстве есть заметная лакуна, он предположил, что памятники, аналогичные майкопским, будут найдены и в Закавказье (*Rostovtzeff*, 1920a. P. 35, 36).

Отвергая троянские аналогии А. М. Тальгрэна, М. И. Ростовцев стремился к хронологической цельности своей теории, но при этом оставил без объяснений два заметных пробела, как бы предлагая внимательным читателям заполнить их. После пересмотра троянских аналогий он не стал вносить каких-либо поправок в хронологию северной линии синхронизации майкопских памятников с катакомбной и фатьяновской культурами, о чем писали В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн. Это было бы логичным продолжением пересмотра хронологии А. М. Тальгрэна, но вместо

этого М. И. Ростовцев предпочел упомянуть его имя в более комплиментарном контексте, смягчая первоначальную резкость своей критики. У него нашлись примирительные слова понимания и для Б. В. Фармаковского, чьи хеттские аналогии он находит «интересными», если их интерпретировать как результат влияния Кавказа на хеттов, а не наоборот. Этот комментарий М. И. Ростовцев сопроводил впечатляющим по дальновидности предположением о существовании в Малой Азии еще неоткрытого культурного центра «медного века» (Аладжи?! — В. Т.), предшествующего расцвету хеттского искусства (*Ibid.* P. 36, 37).

Без объяснения М. И. Ростовцев оставил и свой выбор датировать майкопские древности III тыс. до н. э., а не более ранним временем, к которому относилась самая близкая и многочисленная серия стилистических аналогий Майкопу из додинастических памятников Египта. Датировка этих памятников в начале XX в. оставалась предметом дискуссии, но даже по самым умеренным оценкам приходилась на первую половину — середину IV тыс. до н. э. (*Capart*, 1905. P. 17, 18; *Breasted*, 1906. P. 40; *Meyer*, 1909. S. 17). Но эламские стилистические аналогии М. И. Ростовцева относились, главным образом, к протоэламскому периоду в Сузах и датировались тогда примерно началом III тыс. до н. э. (*Pottier*, 1912. P. 65, 66). Ни урукский период, ни его связи и синхронность с культурой Накада II–III в ту пору еще не были известны, и М. И. Ростовцев, видимо, просто не решился на удревнение в пользу египетских аналогий.

Отредактированный вариант статьи М. И. Ростовцева в *Revue Archeologique* вошел в главу «Доисторические цивилизации» его книги «Iranians and Greeks in South Russia», опубликованной в Оксфорде в 1922 г. Основные положения статьи были сохранены, но полемическая часть была сокращена настолько, что о споре с А. М. Тальгрэном можно было узнать, только обратившись к оригиналу статьи. Тем не менее оригинальные идеи М. И. Ростовцева о природе майкопских материалов, их датировке и аргументы в ее пользу, изложенные в 1920–1922 гг. в статьях и книге (*Rostovtzeff*, 1922), быстро достигли целевой аудитории и вызвали определенное замешательство.

Судя по реакции, А. М. Тальгрэн был озадачен не столько критикой его взглядов, сколько неразрешимым противоречием между его собственным представлением о синхронности культур и хронологическими выкладками М. И. Ростовцева. И дело было вовсе не в троянских аналогиях.

В феврале 1922 г. А. М. Тальгрэн откровенно поясняет причину своих сомнений в письме своему другу и коллеге Карлу Нордману (см.: *Salminen*, 2017. P. 7). Ход его мыслей был следующим. С одной стороны, аналогии изображениям на майкопских сосудах М. И. Ростовцев видит в архаичных образцах искусства Элама самой ранней поры, к которой относится и протоэламская расписная керамика. С другой, памятники трипольской культуры с расписной керамикой древнее «больших кубанских курганов». Если эти курганы позднее трипольской расписной керамики, то они не могут быть одновременны с протоэламской, потому что, и это кажется невероятным, А. М. Тальгрэн верил в синхронность расписной керамики в Сузах и Триполье. С его точки зрения утверждение М. И. Ростовцева противоречило хронологическому соотношению майкопских и трипольских памятников. Нельзя сказать, что оба утверждения, на которые опирался А. М. Тальгрэн, были в то время безальтернативными и у него не было выбора.

Действительно, более поздний возраст южно-русских курганов «с окрашенными костяками» относительно трипольских «площадок» был довольно рано установлен стратиграфически (*Беляшевский*, 1900) и в кругу российских археологов в то время споров не вызывал, хотя В. А. Городцов, видимо намеренно, упоминает курганы трипольской культуры, раскопанные Д. И. Щербаковским, оставляя тем самым место для дискуссии на эту тему (*Городцов*, 1910. С. 153).

Понять процесс формирования мнения А. М. Тальгрэна о родстве трипольской расписной керамики с протоэламской немного сложнее. Автором этой гипотезы был Ф. К. Волков (1847–1918) — известный российский антрополог, археолог и украиновед. Раннюю расписную керамику из Суз он впервые увидел на археологической выставке в Париже, организованной де Морганом в 1901 г. Ф. К. Волков показал ему образцы керамики из приднепровских стоянок, и, по его словам, де Морган был поражен сходством днепровской и сузианской керамики (*Городцов*, 1910. С. 149). Ободренный мнением де Моргана, Ф. К. Волков высказал предположение о распространении этого декоративного стиля из Западной Азии в Юго-Восточную Европу через Малую Азию, Кипр и острова Эгейского моря. «Сузианский» сюжет вошел только в украинское резюме его доклада на Антропологическом конгрессе в Париже (1900 г.), опубликованное спустя пять лет после конгресса (*Volkov*, 1902; *Вовк*, 1905. С. 27), и поэтому остался

малоизвестным для большинства западноевропейских археологов. Среди них в это время набирала популярность идея независимости феномена расписной керамики в Юго-Восточной Европе (*Schmidt H.*, 1904; *Ursulescu, Rubel*, 2020. P. 3, 4). Хуберт Шмидт, в равной степени знакомый с керамикой Кукутень, Анау и Суз, считал азиатский и европейский стили росписи абсолютно не связанными друг с другом (*Schmidt H.*, 1908. S. 82). Несмотря на эту тенденцию, Ф. К. Волков не оставлял своей идеи (*Волков*, 1914. С. 177), которая оставалась популярна среди российских коллег А. М. Тальгрэна, в том числе А. А. Спицына, В. А. Городцова и М. И. Ростовцева (*Спицын*, 1904. С. 118; *Городцов*, 1910. С. 149, 150; *Rostovtzeff*, 1920b. P. 24–26; *Щербаківський*, 1926. С. 130–132).

Свою приверженность идеям Ф. К. Волкова и их роль в оценке гипотезы М. И. Ростовцева А. М. Тальгрэн никогда не обсуждал публично. В частной переписке идею М. И. Ростовцева он называет «ужасно интересной» и сетует, что ни в Хельсинки, ни в Тарту, где он в то время преподавал, нет подходящих коллекций и литературы для ее проверки (см.: *Salminen*, 2017. P. 7).

Оставаясь уверенным в своей правоте, А. М. Тальгрэн не вступает в открытую полемику с М. И. Ростовцевым и только упоминает его вместе с Г. Коссинной как приверженцев более ранней датировки «кубанских курганов» относительно своей собственной (*Tallgren*, 1925a. S. 71). На самом деле у М. И. Ростовцева и Г. Коссинны не было ничего общего, кроме критических замечаний в адрес хронологии А. М. Тальгрэна, разных по своим основаниям (см.: *Kossinna*, 1921. S. 69). Невзирая на них, в статье 1925 г. А. М. Тальгрэн допускает некоторое удревнение «кубанских курганов» относительно ранее предложенной им датировки, до «2000 г. до н. э. или немного позже», и продолжает наращивать аргументацию в ее пользу (*Tallgren*, 1925a. S. 71). В качестве нового доказательства своей правоты он привел бронзовые бритвы/кинжалы из минойских Кносса и Мохлоса, датированные в то время первой половиной II тыс. до н. э. и похожие, по мнению Х. Шмидта, на уникальный «кинжал» из Майкопского кургана (*Schmidt H.*, 1924. S. 101; *Tallgren*, 1925a. S. 71, Abb. 19–21). Доказательной силой эти аналогии не обладали, но А. М. Тальгрэн воспользовался ими для придания системного вида своей троянско-эгейской линии синхронизации — фундамента его абсолютной хронологии.

А. М. Тальгрэн не оставлял попыток обосновать датировку фатьяновской культуры и

Галичского клада их синхронизацией с майкопскими памятниками. Основное внимание теперь он переносит на памятники в степи — транзитном регионе между Кавказом и культурами эпохи бронзы Русской равнины. Здесь он исходил из наблюдений В. А. Городцова о преобладании кавказских материалов в катакомбных памятниках, которые, по мнению обоих, с одной стороны, синхронны фатьяновской культуре, а с другой — майкопской. Под последней В. А. Городцов умозрительно подразумевал памятники типа Майкопского кургана, дольменов Царской и северокавказские погребения «с окрашенными костяками» «терской» и «таманской» групп, по терминологии А. А. Спицына. В глазах А. М. Тальгрена это мнение выглядело логичным, и он взялся его доказать вопреки своим ранним догадкам о более позднем возрасте комплексов с молоточковидными булавами относительно майкопских курганов (*Tallgren*, 1911. S. 209). В процессе доказательства он допускает ряд ошибок, которые оправдывают приватное замечание В. А. Городцова, записанное им по другому поводу летом 1924 г.: «...Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые уже много лет он развивает» (см.: *Кузьминых, Сафонов*, 2014. С. 148). Парадокс высказывания в том, что в этом случае А. М. Тальгрэн развивал идеи самого В. А. Городцова.

Подбирая аргументы в пользу синхронности больших майкопских курганов с погребениями северокавказской культуры (по современной терминологии. — *В. Т.*), А. М. Тальгрэн обращается к комплексам вещей из погребения «терской» группы, раскопанного в 1882 г. Д. Я. Самоквасовым у села Константиновское недалеко от Пятигорска, погребений катакомбного времени на северной окраине кавказской степи у станиц Константиновская и Ремонтная и в Приднепровье (Новогригорьевка) (*Tallgren*, 1925a. S. 69, Abb. 18). Он выстраивает свою линию доказательств, полагаясь на сомнительные утверждения и аналогии. А. М. Тальгрэн заявляет, что Майкопский курган, дольмены Царской и погребение в кургане под Пятигорском представляют хронологически однородную группу, о чем свидетельствуют широко распространенные в «погребениях с окрашенными костяками» бронзовые «кинжалы» простой листовидной формы, которые «...характеризуют конец каменного века и последующий период около 2000 г. до н. э. и позднее» (*Ibid.* S. 71). Такого легковесного обоснования хронологии А. М. Тальгрэн прежде себе не позволял, и причиной этого может быть только его уверенность

в доказательной силе всей совокупности аргументов. Однако среди них нет ни одного надежного. Он ссылается на майкопское погребение из кургана 6 под Андрюковской, в котором якобы есть такие же шнуровые подвески, как и в погребении у села Константиновское, но это ошибка. На самом деле Н. И. Веселовский нашел в этом погребении свернутые из золотой проволоки пронизи, а не подвески (*Tallgren*, 1925a. S. 72, 73; ОИАК, 1898. С. 54). За этим следуют легко уязвимые для критики сопоставления золотых дисковидных бус из Майкопского кургана с «костяными» бусами из зубов ископаемых рыб и сердоликовых подвесок из Старомышастовского клада с бронзовыми «ложковидными» подвесками. Свой анализ А. М. Тальгрэн завершает включением в инвентарь культуры «больших кубанских курганов» и других ярких атрибутов «северокавказской» культуры: костяных и бронзовых молоточковидных булавок, блях, украшенных пуансоном, и каменных топоров пятигорского типа (*Tallgren*, 1925a. S. 75).

Статья 1925 г. по содержанию представляет конспективное изложение взглядов А. М. Тальгрена на роль и место памятников майкопского круга в эпоху раннего металла, подробно представленных им в опубликованной летом 1926 г. книге о «Предскифской Понтиде» (*Tallgren*, 1926). Это была первая компетентная систематизация памятников эпохи меди и бронзы степной части Северного Причерноморья и Кавказа. Трудно сказать, какими могли оказаться результаты этого амбициозного по замыслу исследования, если бы А. М. Тальгрэн принял в расчет открытие В. А. Городцовым хронологической последовательности основных типов погребальных сооружений на Донетчине (*Городцов*, 1907. С. 210–285). Однако допущенные В. А. Городцовым ошибки с выделением в отдельную хронологическую группу погребений в каменных ящиках и впускных погребений в насыпи в его глазах бросали тень сомнения на всю периодизацию В. А. Городцова. А. М. Тальгрэн ее не принял и в вопросах систематизации степных погребений оставался на позициях, близких скорее к А. А. Спицыну (*Спицын*, 1899), чем к В. А. Городцову. Он допускал, с оговорками, одновременное существование разных типов погребальных сооружений (*Tallgren*, 1926. P. 38), и стратиграфия курганов не имела для него решающего значения. Королевой доказательств оставалась аналогия, а одной из главных задач — определение границ культурных влияний.

Памятники круга «больших кубанских курганов» А. М. Тальгрэн интерпретирует как

результат воздействия культурного потока из Северной и Центральной Европы на степное население Северного Кавказа и его последующей «ориентализации». В начале II тыс. до н. э. этот процесс превратил районы Кубани и Терека в «империю», доминирующую в причерноморской степи (*Ibid.* P. 214). Европейское влияние исследователь связывает с продвижением на юго-восток «северных индоевропейцев», представленных культурами одиночных погребений, кубков, шнуровой керамики и шаровидных амфор. В результате исчезает трипольская культура, а в областях, охваченных центральноевропейским влиянием, формируются новые культуры, в том числе фатьяновская, катакомбная и кубанская. Поднятая «северными индоевропейцами» культурная волна прокатилась, по мнению ученого, через Центральную Россию и Северный Кавказ до Дагестана (Каякентский могильник) (*Ibid.* P. 120). На новые территории она принесла кубки, шаровидные амфоры, каменные боевые топоры, шнуровой орнамент и «...такие же как в Тюрингии» мегалитические гробницы. Малочисленные пришельцы с северо-запада были ассимилированы местным населением, а культура превратилась в смешанную, «...как в современных крупных городах» (*Ibid.* P. 80, 87, 143).

Вероятно, А. М. Тальгрэн искал объяснение присутствию «центральноевропейских» (в его интерпретации) элементов только в дольменах Царской, и чтобы уравновесить картину, он подобрал подходящую по происхождению аналогию каменному сосуду с золотой крышечкой из Майкопского кургана. На одной из иллюстраций рядом с ним он недвусмысленно поместил изображение шаровидной амфоры с крышечкой (*Ibid.* P. 84, fig. 56, 9), но обсуждать эту параллель не решился. Текст книги сохранил и другие следы его колебаний с принятием решений. Тальгрэн воспроизводит все приведенные им ранее (*Tallgren, 1925a*) доводы в пользу синхронности Майкопского кургана и дольменов Царской с погребениями «терской» группы в районе Пятигорска и погребениями с молоточковидными булавками на сопредельных территориях, но неожиданно проявляет неуверенность с определением хронологической позиции комплекса со статуэтками из Ульского кургана. На 81-й странице книги Ульский комплекс еще в одном списке с Майкопским курганом, на 85-й — А. М. Тальгрэн признает, что этот комплекс отличается от инвентаря майкопской группы, на 114-й — выражает сомнение в его достоверности, а на 122–124-й — соглашается с гипотезой М. И. Ростовцева о более

позднем возрасте Ульского погребения относительно Майкопского кургана и дольменов Царской (ср.: *Rostovtzeff, 1920b. S. 13; Tallgren, 1926. P. 81, 82, 85, 114, 122–124*). При этом пересматривать хронологическую позицию всей «терской» группы погребений с булавками А. М. Тальгрэн не стал.

По сравнению с работой 15-летней давности (*Tallgren, 1911*) его взгляды на абсолютную хронологию памятников майкопского круга почти не изменились, но в них появились новые акценты, хорошо заметные в составленной им синхронистической таблице (*Tallgren, 1926. P. 142*). В комментарии к ней он поясняет, что кубанскую культуру и Майкоп следует датировать периодом 2000–1600 гг. до н. э., но в таблице позиция Майкопского кургана обозначена более узким периодом — 1800–1500 гг. до н. э., синхронным переходу между среднеминойским III и позднеминойским I в Эгейском регионе. Из этого становится понятным, что при датировке Майкопа А. М. Тальгрэн теперь отдает предпочтение минойским аналогиям уникальному майкопскому «кинжалу» с закругленным окончанием, а не троянским параллелям майкопской металлургической посуде, как он делал раньше.

К этой идее он больше не возвращается, но и не признает, что причиной изменений во взглядах, скорее всего, была критика М. И. Ростовцева. Они продолжали поддерживать деловую переписку, и М. И. Ростовцев, сглаживая впечатление от своих радикальных идей и резких высказываний, сообщает А. М. Тальгрэну в одном из писем 1925 г., что «...культуру Майкопа можно датировать и самым концом III или началом II тысячелетия. На это указывают и аналогии с Троей» (см.: *Бонгард-Левин, 1997. С. 507*). Вероятно, примирительный тон письма не ввел А. М. Тальгрэна в заблуждение, и в книге 1926 г. из троянских аналогий остались только булавки с изогнутым навершием (*Tallgren, 1926. P. 82*). В том же письме М. И. Ростовцев ясно дал понять, что причиной его готовности принять более поздние даты было вовсе не согласие с хронологическими выкладками А. М. Тальгрэна, а допущение хронологической задержки в развитии протодинастического художественного стиля Египта и Шумера где-то по пути из Передней Азии на Кавказ. Этот хронологический маневр М. И. Ростовцева, несомненно, был вынужденной уступкой консолидированному мнению А. М. Тальгрэна и Г. Чайлда относительно возраста Майкопского кургана. Оба проявили интерес к гипотезе М. И. Ростовцева, но по разным причинам отвергли ее хронологические утверждения.

В начале 1925 г. Гордон Чайлд (1892–1957) завершал работу над рукописью прославившей его книги «The Dawn of European Civilization» (*Childe*, 1925a), но до последнего момента затруднялся с оценкой роли культурного вклада народов южнорусских степей в становление европейской цивилизации. Его смущала неопределенность относительной и абсолютной хронологии «погребений с окрашенными костяками» в контексте европейской и переднеазиатской археологии. С этой проблемой Г. Чайлд обратился к А. М. Тальгрону, у которого уже была репутация эксперта по российской археологии. В одном из писем (01.01.1925) А. М. Тальгрону он сетует на неопределенность кубанской хронологии, отсутствие связей между Кубанью и Средиземноморьем и непригодность месопотамских типов для датирования из-за их чрезмерно долгого существования (см: *Salminen*, 2017. Р. 10). Судя по всему, А. М. Тальгрэн не торопился рассеять сомнения Г. Чайлда и сообщить ему до публикации своей собственной статьи об эгейских аналогиях майкопскому «кинжалу», подобранных им (*Schmidt H.*, 1924. S. 101; *Tallgren*, 1925a. S. 71; *Montelius*, 1924. Taf. 16; 22; 23; *Seager*, 1912. P. 49, 50, fig. 45). Сама книга была хорошо известна Г. Чайлду (*Childe*, 1925b), но упоминание Х. Шмидтом эгейских бритв в качестве майкопских параллелей он оставил без внимания.

Не получив помощи от А. М. Тальгрена, Г. Чайлд самостоятельно берется за разработку хронологии «погребений с окрашенными костяками», включая памятники майкопского круга (рис. 4). В классификации этих погребений он полагался на работы А. А. Спицына и отчасти В. А. Городцова в изложении А. М. Тальгрена (*Childe*, 1925a. P. 138, 143). Различиям в их взглядах на относительную хронологию «кубанской» и «терской» групп он не придавал значения. В качестве эталонных образцов «погребений с окрашенными костяками» Г. Чайлд выбрал пять погребений кубанской группы: основное погребение в Майкопском кургане, два дольмена у станции Царской и два погребения из курганов 5 и 7 у Ульского аула со статуэтками и моделью повозки. Все они, с его точки зрения, принадлежали к одному хронологическому периоду и включали пригодный для перекрестного датирования материал.

Г. Чайлд стоял перед выбором одной из двух взаимоисключающих гипотез о происхождении и распространении культуры «погребений с окрашенными костяками», и обе были отягощены эмоциями этнолингвистической интерпретации. Общей платформой обеих гипотез было признание

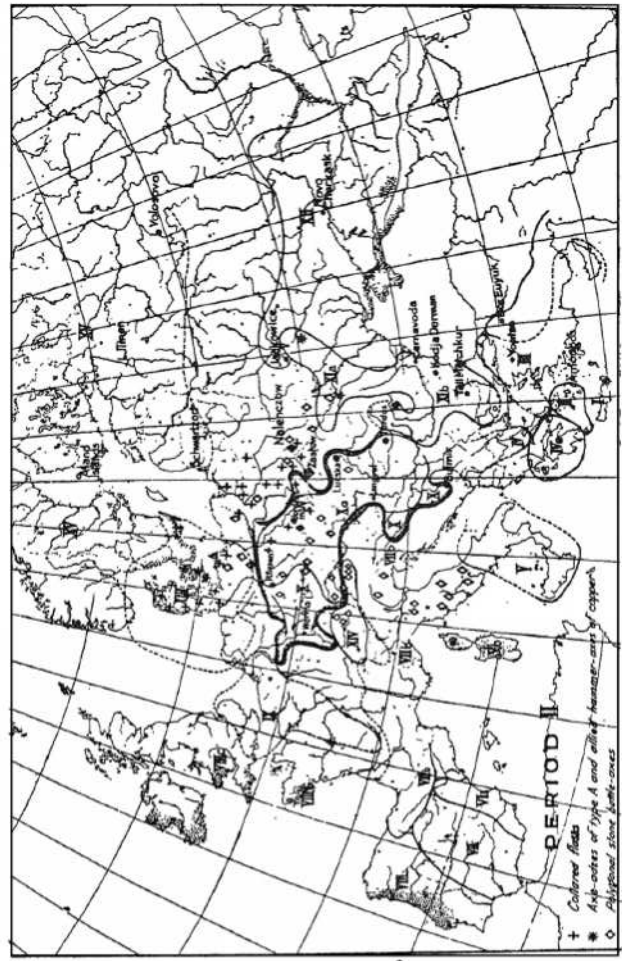
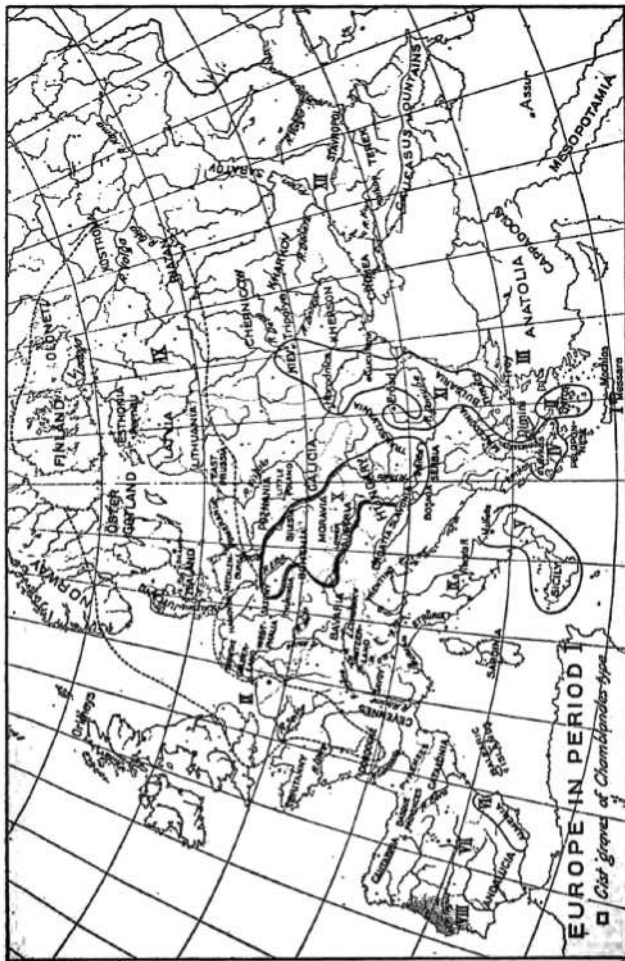
культурной связи Кубани с фатьяновской культурой в Центральной России и культурой шаровидных амфор в Центральной Европе. Эта идея восходила к роковому сопоставлению А. А. Спицыным фатьяновской керамики с посудой из дольменов Царской (*Спицын*, 1903) и безоговорочно разделялась всеми участниками дискуссии. Разногласия касались только состава признаков контактов и объяснения механизма связей.

В кубанских материалах Г. Чайлд выделил три группы типов вещей, маркирующих внешние связи региона с Месопотамской цивилизацией, Эгейским миром и Северо-Западной Европой.

В «месопотамскую» группу из Майкопского кургана он включил: бронзовый втульчатый топор с поперечным лезвием как «чисто месопотамский тип»; втульчатый топор-тесло, неизвестный в Месопотамии, но правдоподобно напоминающий комбинацию из двух известных там типов топоров; ромбический кремневый наконечник, близкий найденному в Сузах; набор микролитов, бывших в ходу у «доисторических обитателей Вавилонии». Из дольменов Царской в этот список вошли как «шумерские типы» долота с изогнутым полукругом лезвием и копье с насадом как аналогия копьям, найденным в Сузах. Изогнутым «посоховидным» булавам из Царской и Ульского кургана, без учета их различий, Г. Чайлд приводит более точные, с его точки зрения, чем А. М. Тальгрэн, параллели из ранних «хеттских» погребений в Северной Сирии. Он также допускает южное происхождение ульских глиняных «идолов» и даже влияние месопотамской гончарной традиции на форму донецких «кубков» (*Childe*, 1925a. P. 146). Самое удивительное в «месопотамском» списке Г. Чайлда — это отсутствие даже упоминания образцов майкопской художественной торевки.

«Эгейская» группа типов в кубанских материалах у Г. Чайлда выглядит довольно скромно. Вслед за А. М. Тальгреном в нее он включил украшения и «золотые» (так в тексте, скорее всего, имелись в виду серебряные. — В. Т.) сосуды из Майкопского кургана, которые он сравнивает с похожими предметами из Трои II (*Ibid.* P. 146, 147).

Северо-западные связи Кубани, на взгляд Г. Чайлда, превосходят по глубине и эгейские, и месопотамские. Он подчеркивает, заимствуя у А. М. Тальгрена, что керамика из дольменов Царской по всем параметрам относится к «семье <...> шаровидных амфор», лучше всего представленных в бассейне Эльбы — Заале, где в Баальберге они были найдены в двухкамерной мегалитической

MAP I. EUROPE IN PERIOD I THE FIRST HALF OF THE THIRD MILLENNIUM B.C.

Provinces

- I The Minoan civilization (chapter II).
 - II Cycladic civilization (chapter III).
 - III Anatolian civilization (Troy I, chapter IV).
 - IV Greek neolithic culture of Thessalian II except Dimini (chapter V).
 - V Sicilian and South Italian neolithic culture (chapter VI).
 - VI Almerian culture, neolithic (chapter VIII).
 - VII ? Cave cultures (chapter VIII).
 - VIII Portuguese neolithic culture, ? first dolmens (chapter VIII).
 - IX Area where unpublished implements of Campignian or Næstvet or Suomajärvi types, occur (chapters I, XIV and XV).
 - X Danubian I civilization (chapter XII).
 - XI Cultures with painted pottery, Erdöd-Dimini, Cucuteni A-Tripolye A (chapters V and XI).
 - XII Oldest ochre graves (chapter X).
- The blank areas were probably uninhabited.
Areas frequently referred to are here defined in the sense in which the names are used in this book.

MAP II. EUROPE IN THE SECOND HALF OF THE THIRD MILLENNIUM B.C. PERIOD II

Provinces

- I The Minoan civilization E.M. III (chapter II).
- II Cycladic civilization E.C. III (chapter III).
- III Anatolian civilization, Troy II (chapter IV).
- IV Thessalian culture, period III (chapter V).
- IVa Early Helladic civilization (chapter V).
- V Sicilian and South Italian neolithic cultures (chapter VI).
- Vb Proto-Sardinian culture (chapter VII).
- VI Almerian culture, later neolithic (chapter VIII).
- VIIa, b, and c. Cave cultures (chapters VIII and XVII).
- VIIIa, b, and c. Atlantic megalith culture, dolmens (chapters VIII, XVIII and XIX).
- IX Area where thin-butted flint celtis of West European type occur (chapter XVIII).
- X Danubian I cultures, the boundaries are hatched (chapter XII).
- Xa Danubian II culture (chapter XII).
- XI Erdöd, later stages (chapter XI).
- XIa Cucuteni-Tripolye B (chapter XI).
- XIb Thracian culture with graphited ware (chapter XI).
- XII Ochre graves (chapter X).
- XIII Nordic thin-butted celts and dolmens (chapter XIII).
- XIV Nucleus of Alpine lacustrine culture (chapter XVI).
- XV Bone and slate cultures allied to the Arctic (chapter XIV).
Megalithic areas stippled.

N.B.—The collared flasks from North-west Germany are omitted.
The polygonal battle-axes from the Alps and Italy belong to period III. Scandinavian examples are omitted.

MAP III. EUROPE ABOUT 2000 B.C. PERIOD III

- I Minoan civilization, M.M. I-II, with extensions to the islands.
- III Anatolian civilization, Troy II III.
- IVa Middle Helladic civilization.
- IVb Centres of Minyan culture.
- IVc Thessalian culture, period IV.
- Va Sicilian I.
- Vb Chalcolithic culture of South Italy.
- VI Almerian culture, full chalcolithic.
- VIIa Orientalizing civilization of Los Millares-Palmella.
- VII Bell beaker civilization.
- VIIIa, b, and c Atlantic megalith culture—passage graves and early covered galleries.
- IX West European flint province.
- X Possible western extension of Danubian I culture.
- XIa Last phases of Cucuteni B.
- XIb Thracian culture with graphited ware.
- XII Ochre graves.
- XIIa Battle-axe culture of mixed types.
- XIIb Thuringian barrows with corded ware.
- XIIc Separate graves of Jutland.
- XIIId Fatyanovo battle-axe culture.
- XIIe Copper battle-axe culture.
- XIII Nordic megalith culture with thick-butted cells.
- XIVa Swiss lake dwellings.
- XIVb Altheim-Mondsee culture.
- XIVc Michelsberg culture.
- XV Arctic and allied cultures of hunters and fishers.
- XVI North Italian copper culture.

Distributions:

The several battle-axe cultures are appropriately hatched in as much as they extend into the areas occupied by other peoples.

Horizontal shading denotes the Jutland-Thuringian and allied groups; vertical the Fatyanovo and Silesian groups; oblique the Hungarian copper age group; and cross-hatched the ochre graves.

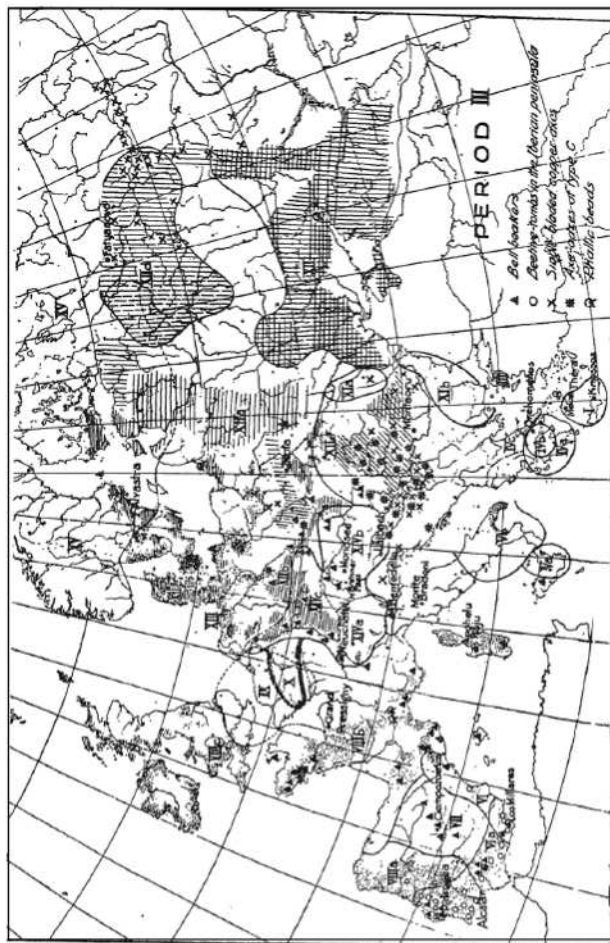

Рис. 4. Г. Чайлд, 1925 г. Археологические карты (по: Childe, 1925a. P. 306–311)
 Fig. 4. G. Childe, 1925. Archaeological maps (after Childe, 1925a. P. 306–311)

«цисте» с поперечной плитой с отверстием, как в дольменах у Царской. Кроме этого, номады русской степи неотделимы от «шнуровиков» Тюрингии и культуры одиночных погребений Ютландии. Всех их объединяют скорченное положение погребенных под курганом, каменные боевые топоры, украшения из просверленных зубов и орнаментированные шнуром кубки. Вдобавок к этому, между Кубанью, степью и Северо-Западной Европой лежит территория фатьяновской культуры, в равной степени близкой обоим культурным регионам. Наконец Г. Чайлд упоминает об антропологической близости «тюрингцев» и людей из «погребений с окрашенными костяками» (*Ibid.* P. 147, 148).

В итоге Г. Чайлд формировал у читателя картину конгломерата родственных культур от Северной Европы до Кавказа, испытавших влияние двух удаленных от них центров цивилизаций: эгейской и месопотамской. Оставалось только определить пассионарный центр культурного развития в этой части Европы. На выбор у Г. Чайлда было два готовых решения.

«Германисты» во главе с Густавом Коссинной (1858–1931) считали таким центром Северо-Западную Европу, откуда воинственные индогерманцы отправились колонизировать южнорусские степи, дошли до Кавказа, пересекли хребет и в Малой Азии передали индоевропейский компонент хеттам. Дольмены Царской с «шаровидными амфорами» в этом контексте выглядели как возрождение на Кавказе привычной для обитателей Скандинавии и Северной Германии мегалитической погребальной архитектуры. Археологическую канву этого сюжета в пределах России Г. Коссина заимствовал у А. М. Тальгрена, правда, слегка путаясь в терминах «большие курганы» и «кубанская культура» (*Kossinna*, 1909; 1921. S. 64–69). Для этнолингвистической и исторической картины Г. Коссины датировка А. М. Тальгреном фатьяновской и кубанской культур периодом около 2000 г. до н. э. была неприемлема, так как по его представлениям «северные индоевропейцы» должны были появиться в Малой Азии на несколько столетий раньше, уж точно не позднее письменных свидетельств о вражде хеттов с царем аккадской династии Нарамсином (совр. Нарам-Суэн), правившим (по хронологии времен Г. Коссины) около 2750 г. до н. э. Соответственно Г. Коссина считал, что А. М. Тальгреном ошибся «на несколько веков» и с датировкой 2000 г. до н. э. североевропейских аналогов фатьяновской культуры (*Kossinna*, 1921. S. 69). В итоге по хронологии Г. Коссины

дольмены Царской и кубанскую культуру следовало датировать не раньше, чем «индогерманцы» покинули север Европы, и не позднее их прибытия в Малую Азию, то есть в пределах III тыс. до н. э.

Автором альтернативной гипотезы о роли народов южнорусской степи, оставивших «окрашенные погребения», Г. Чайлд называет Джона Майерса (1869–1954) — одного из своих учителей по Оксфорду. Излагая взгляды Дж. Майерса, он ссылается на одну из его ранних работ (*Childe*, 1925a. P. 148; *Myres*, 1906), но на самом деле представляет их по тексту его более поздней книги «The Dawn of history» («На заре истории») (*Myres*, 1911). Заслуживают упоминания различия между двумя публикациями в интерпретации исторической роли «курганного народа», так как они характеризуют общий тренд дискуссии на эту тему в тот период. В статье 1906 г. проблема «курганного народа» рассматривается преимущественно в контексте палеоантропологии и социальной географии. По этой версии «длинноголовые блондины курганного народа» были коренным населением степных районов между Карпатами и Волгой, а с изменением климата, рельефа (! — *B. T.*) и формированием сквозного степного коридора до Алтая (*Ratzel*, 1898; 1900) распространились до Тобольска — на востоке, Балкан и Малой Азии — на юго-западе (*Myres*, 1906. P. 541, 542, 551).

Спустя пять лет Дж. Майерс пересмотрел свою гипотезу и придал ей этнолингвистическое звучание. Теперь он рассматривал «курганский народ» как «ариев», мигрировавших из Центральной Азии двумя потоками через Туркестан и Персидское плато к северу и югу от Каспийского моря. Идея спровоцированных климатическими изменениями миграций из Центральной Азии, вероятно, принадлежала американскому географу Элсуорту Хантингтону (1876–1947) — участнику экспедиции Р. Пампелли в Центральную Азию в 1903–1904 гг. (*Huntington*, 1907). Правда, судя по отсутствию взаимного цитирования, Р. Пампелли, видимо, оспаривал приоритет Э. Хантингтона и развивал концепцию связи климатических циклов с миграциями самостоятельно (*Pumpelly*, 1908, T. I. P. 57–62, 67–75). Решение «арийской проблемы» было одной из целей его экспедиции, но в итоге он ограничился осторожным признанием возможной связи одного из циклов аридизации в IV тыс. до н. э. с миграцией пастушеского народа из Центральной Азии «по евразийской степи <...> к северу от Черного моря».

Р. Пампелли рассматривал эту гипотезу как фрагментарный вклад в решение «великой

проблемы» (*Ibid.* Р. XXXII, XXXIII, 72), а Дж. Майерс увидел в ней готовое решение. Его особенно вдохновляла популярная в то время идея связи расписной керамики Анау, Суз, Южной России и Фессалии. Распространение этой «неолитической» традиции одновременно на юго-запад Ирана и в Юго-Восточную Европу он рассматривал как модель для более позднего «арийского» движения по тем же маршрутам. Из причерноморской степи по долинам Дуная индоевропейские по языку номады, по мнению Дж. Майерса, распространились в Центральную Европу и дальше, через Богемию, на север до Балтийского моря. Способность «курганного народа» к быстрому перемещению он связывал с использованием лошадей и датировал «арийское» движение периодом около 1600 г. до н. э., когда иранские касситы с лошадьми и колесницами впервые появились в Верхней Месопотамии (*Myres*, 1911. Р. 202, 239).

Взгляды Дж. Майерса Г. Чайлд рассматривал вместе с идеями Гарольда Пика (1867–1946), который отказался от вышедшей из моды гипотезы об азиатской колыбели индоевропейцев и стал придерживаться концепции их степной европейской прародины в духе теории немецкого филолога Отто Шредера (1855–1919) (*Childe*, 1925a. Р. 148; *Peake*, 1922. Р. 138–141; *Schrader*, 1890. Р. 426–443).

Культуру «окрашенных костяков», или «курганного народа», Г. Пик предлагал назвать «степным», делая упор на его географической характеристике (*Peake*, 1922. Р. 67). По его мнению, со времен палеолита это было автохтонное население степи «прото-нордического типа» «к востоку от Днепра» (*Ibid.* Р. 140). Под влиянием периодических засух эти номады на лошадях перемещались в разных направлениях в поиске более благоприятных мест обитания, попутно сокрушая земледельческие центры культуры: Триполье на западе и Анау на востоке. На юго-западе берегом Черного моря они добрались до Фессалии и перешли в Малую Азию. Там разрушили Трою II и растеклись по степям Анатолии, где письменные источники фиксируют их уже под именем хеттов. Это грандиозное движение, по мнению Г. Пика, началось где-то между 2400 и 2200 гг. до н. э., но на север Европы «степняки» могли перебраться еще раньше (*Ibid.* Р. 71–76). В рамках этой картины Г. Пик рассматривает памятники майкопского круга как неотъемлемую часть культуры «погребений с окрашенными костяками», или «степного народа» по его терминологии, с той лишь разницей, что в погребениях вроде Майкопского кургана оказались награбленные у южных соседей

сокровища. Он не согласен с мнением М. И. Ростовцева о существовании на Кубани особого центра цивилизации, но с симпатией относится к его датировке Майкопа III тыс. до н. э., совпадающей с его собственными представлениями о хронологии этой эпохи (*Ibid.* Р. 67).

Итак, к 1925 г. «в ходу» были две противостоящие друг другу концепции «арийской» прародины, и Г. Чайлд колебался с выбором между ними. Теория «германистов» явно превосходила «степную» гипотезу археологической детализацией, но ей не хватало убедительной для Г. Чайлда хронологии. Все могли бы решить надежные даты для самых ранних одиночных погребений Дании и погребений «с окрашенными костяками» на Кубани, но таких дат, на его взгляд, не было. Все аналогии в Эгейском регионе и Месопотамии он считал хронологически бесполезными из-за их продолжительного существования. В этой ситуации неопределенности он, тем не менее, нашел неожиданный аргумент, подрывающий доверие к взглядам сторонников Г. Коссины. Ссылаясь на раскопки Леонарда Вулли в Кише и Уре, он замечает, что прототипы втульчатого топора с поперечным лезвием из Майкопского кургана появляются в Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э., что делает неправдоподобной идею их происхождения от североевропейских каменных боевых втульчатых топоров, которой придерживались «германисты», «...ибо даже самые крайние немецкие археологи не утверждают, что северяне достигли Кавказа, а тем более Месопотамии, в столь раннее время», — заключает Г. Чайлд (*Childe*, 1925a. Р. 149).

Это противоречие Г. Чайлд развивает в контраргумент, приводя в его поддержку исключительно авторитетное мнение Оскара Монтелиуса (1843–1921) о возможном происхождении некоторых типов скандинавских боевых каменных топоров от металлических втульчатых топоров-тесел. О. Монтелиус, правда, имел в виду прототипы из Венгрии (*Montelius*, 1900. Р. 951, fig. 431), но Г. Чайлд настаивал, что и венгерские топоры-тесла происходят от кубанских. Рассуждая о втульчатых топорах, он заключает, что каменные образцы (например, фатьяновские) произошли от металлических майкопских (Майкопский курган, Воздвиженская) и производились преимущественно на севере Европы только из-за недостатка там металла (*Childe*, 1925a. Р. 150). «Но если все европейские каменные боевые топоры происходят из южной России, то вполне вероятно, что и их владельцы пришли оттуда же» (*Ibid.*

Р. 150, 151). Г. Чайлд дает понять, что он с теми, кто считает южнорусскую степь прародиной «индоевропейцев» и разворачивает северо-западный поток аналогий А. М. Тальгрена в противоположном направлении.

Теперь вся история в его изложении выглядит следующим образом. Воинственные степные всадники на Кавказе вступили в контакт с Шумерской цивилизацией, заимствовали и преобразовали ряд элементов «высокой культуры» и разными маршрутами несколькими волнами принесли их в Северную и Центральную Европу (*Ibid.* Р. 151). Г. Чайлда, видимо, незнакомого с идеями В. А. Городцова десятилетней давности, вдохновила идея «шумерского» влияния через Кавказ и степь на Европу, где этот поток пересекается с эгейским и дунайским (*Ibid.* Р. 302, 303), но он продолжал испытывать затруднения с абсолютной и относительной датировками Майкопского кургана и дольменов Царской — ключевых памятников в кавказском секторе его картины доисторической Европы. То, что легко маскировалось в тексте альтернативными гипотезами и ссылками на трудность проблемы, было невозможно скрыть на составленных им археологических картах. На них графически воплощены взгляды Г. Чайлда, часть которых он оставил без комментариев в тексте книги.

Из четырех карт приложения Майкопский курган (Майкоп курсивом. — В. Т.) отмечен только на одной (рис. 4), отражающей археологическую ситуацию в Европе в первой половине III тыс. до н. э. Это выглядит неожиданным, но обдуманым шагом, в чем убеждают дополнительные текстовые обозначения географических областей — Кавказа и Месопотамии, отсутствующие на остальных трех картах (*Ibid.* Р. 307, 309, 311, 313). Судя по комментариям к карте, Г. Чайлд допускал, что Майкопский курган появился в период между 3000–2500 гг. до н. э. как результат контактов культуры «погребений с окрашенными костяками» раннего этапа (у Г. Чайлда — «XII — *oldest ochregraves*») с месопотамской цивилизацией. На этом этапе памятники майкопского круга еще не оказывали какого-либо влияния на соседей и сосуществовали с раннетрипольскими памятниками, Троей I и самыми ранними памятниками Минойской цивилизации (*Ibid.* Р. 306).

На археологической карте Европы второй половины III тыс. до н. э. кубанские памятники скрываются за названием «XII — *ochregraves*», то есть это та же культура с «окрашенными костяками», но только без эпитета «древнейшая» (*Ibid.* Р. 308,

309). Она синхронна поздне-трипольским памятникам, Трое II, концу раннеминойского периода, а также топорам-теслам типа А в Венгрии (происхождение которых Г. Чайлд связывал с похожим орудием из Майкопского кургана) и памятникам культуры воронковидных кубков с характерными флягами с воротничком (*collared flask* — *англ.*, *Kragenflasche* — *нем.*). Возможным прототипом последних Г. Чайлд рассматривал серебряный сосуд с золотым «воротничком» из Майкопского кургана (*Ibid.* Р. 139, fig. 61; 232).

Наконец, на третьей карте Европы «около 2000 г. до н. э.» цифрой XII с дополнительными индексами обозначена не только культура «с окрашенными костяками», но еще пять культурных групп: а) боевых топоров, б) тюрингских курганов со шнуровой керамикой, в) одиночных погребений Ютландии, г) фатьяновской в Центральной России, д) медных боевых топоров в Трансильвании (*Ibid.* Р. 310, 311). Общим номером с индексами Г. Чайлд подчеркнул связь культур между собой, отметив в комментарии к карте их синхронность с Троей II–III, среднеминойским II и среднеэладским периодами. Для полной ясности он обозначил области распространения «погребений с окрашенными костяками» особой штриховкой, причем на юге она занимает только часть Северо-Западного Кавказа и Восточный Крым — территорию распространения мегалитических памятников, к которым относятся и дольмены Царской (рис. 4). Керамику из этих дольменов он рассматривает как прототипы «шаровидных амфор» в Центральной России (фатьяновская культура), Тюрингии и Саксонии, а сами дольмены — как прототипы центральноевропейских мегалитических гробниц с отверстием в плите (*Ibid.* Р. 226, 234–239).

Сравнение графического и нарративного вариантов представления Г. Чайлдом своих собственных взглядов позволяет реконструировать его нетривиальный подход к оценке роли памятников майкопского круга в истории Европы в III тыс. до н. э. Судя по картам и комментариям к ним, он допускал, что Майкопский курган и дольмены Царской не одновременные памятники, как считали А. М. Тальгрэн и В. А. Городцов, а одновременные, причем Майкопский курган значительно древнее дольменов Царской. Очевидной причиной такого решения было существенное хронологическое расхождение между аналогиями, как их видел Г. Чайлд, обоим памятникам за пределами Северного Кавказа. Неочевидным поводом, вероятно, оказалось наличие

в инвентаре Майкопского кургана очень раннего «месопотамского» топора с поперечным лезвием и отсутствие похожих вещей в дольменах Царской плюс влияние гипотезы М. И. Ростовцева, которую Г. Чайлд принимал во внимание, называя ее «весьма красивой теорией» (“a very pretty theory”) (см.: *Salminen*, 2017. P. 10).

Однако неуверенность в правильности выбора между идеями сторонников Г. Коссины и О. Шредера не оставляла Г. Чайлда на протяжении всего периода работы над «Рассветом европейской цивилизации». В ней он несколько раз напоминает читателям, что идея миграции из Южной России на Северо-Запад Европы — все еще только гипотеза, и альтернативную теорию «германистов» пока рано сбрасывать со счетов (*Childe*, 1925a. P. 232, 234, 303). Предчувствие его не обмануло, и уже в сентябре 1925 г. Г. Чайлд под впечатлением от последних статей А. М. Тальгрена (*Tallgren*, 1925a; 1925b) признается ему в частном письме, что готов принять его хронологию «погребений с окрашенными костяками» в пределах II тыс. до н. э. и признать хронологический приоритет датских одиночных погребений и тюрингских курганов с шаровидными амфорами. «...Боюсь, что эта точка зрения [Дж. Майерса и Г. Пика. — В. Т.] не может поддерживаться дальше и я должен присоединиться к германистам», — заключает Г. Чайлд (см.: *Salminen*, 2017. P. 10). Статьи А. М. Тальгрена застали Г. Чайлда врасплох, а главное, они подрывали основания одной из основных гипотез его только что сданной в печать новой книги «Арийцы» (*Childe*, 1926). Времени, судя по всему, для переработки ключевых разделов книги у него не было, и он отзывает из набора только две последние главы (см.: *Salminen*, 2017. P. 10). В исправленном тексте Г. Чайлд не скрывает спешки с внесением дополнений и утешает читателя мыслью, что его разворот на 180 градусов не меняет арийской сущности народа культуры «погребений с окрашенными костяками». Переход на сторону «германистов» он подает как шаг вынужденный, но не окончательный (*Childe*, 1926. P. 200–204).

Г. Чайлд остается верным своему стилю теоретических спекуляций с остроумно подобранными иллюстрациями и теперь в сокровищах «царских» курганов Кубани видит, как и А. М. Тальгрэн, трофеи (*Tallgren*, 1925a. P. 25) будущих индоиранцев, чьи вожди совершали разбойничьи рейды в Иран и Месопотамию накануне своего массового вторжения. В его воображении этот маршрут пролегал вдоль западного берега Каспийского моря, а

топор-тесло из Атрабадского клада и «дольмены» Калакента и Ленкорани, включая «двухкамерную цисту с поперечной плитой с отверстием из Джоню» (*Morgan*, 1896. P. 48, fig. 48), были материальным воплощением реальности походов «кубанских» вождов (*Childe*, 1926. P. 193–195).

Для объяснения происхождения дольменов Кавказа, включая гробницы Царской, у Г. Чайлда в «Арийцах» наготове две подходящие гипотезы: «германская», в духе Г. Коссины и А. М. Тальгрена, и «морская», с «детьми Солнца», похожими на «разведчиков», Г. Пика (*Ibid.* P. 176, 193). В книге это второстепенные сюжеты, и Г. Чайлд, импровизируя, не тратит времени на их согласование. Он не скрывает легкого отношения к собственным гипотезам и годом позднее оставляет соответствующие разделы второго издания «Рассвета европейской цивилизации» без каких-либо изменений (*Childe*, 1927). Обычным читателям предстояло самостоятельно определиться, какой из его гипотез о происхождении и хронологии «погребений с окрашенными костяками», Майкопского кургана и дольменов Царской следует отдать предпочтение.

У А. М. Тальгрена такой проблемы выбора, конечно, не было, и хронологические маневры Чайлда не могли ввести его в заблуждение. Составленный Г. Чайлдом список аналогий, хронологически значимых для датировки Майкопского кургана и дольменов Царской, в основном включал заимствования из его работ, в том числе «бритву» майкопского типа из Мохлоса (*Tallgren*, 1925a. P. 71, fig. 19–21). И хотя Г. Чайлд умолчал об авторстве открытия этой параллели, ее место в начале списка (*Childe*, 1926. P. 204, 205) было для А. М. Тальгрена сигналом принятия его датировки Майкопского кургана первой половиной II тыс. до н. э.

Скорее всего, поддержка Г. Чайлда не только придала А. М. Тальгрэну уверенности в собственной правоте, но и способствовала широкому распространению этой точки зрения благодаря репутации обоих как экспертов в европейской археологии. Для достижения достоверного результата Г. Чайлд и А. М. Тальгрэн были вынуждены конструировать сложную многолинейную трансконтинентальную систему перекрестного датирования, встраивая майкопское звено сразу в несколько хронологических цепочек, протянувшихся из Европы через Кавказ к центрам ранних цивилизаций с календарными системами. По замыслу это должно компенсировать возможные ошибки в отдельных звеньях, но на практике

такие построения не уточняли даты, а скорее накапливали хронологическую ошибку из-за сравнительно-типологических просчетов, несовершенства региональных периодизаций, огромных территориально-хронологических лакун и ошибочности исторических календарей. Можно сказать, что Г. Чайлд и А. М. Тальгрэн стремились к недостижимой в 1920-е гг. хронологической точности, поэтому согласованность европейской, кавказской и переднеазиатской хронологии в их построениях была обманчивой. Оба серьезно недооценивали шаткость хронологических оснований доисторической археологии и, рассуждая о точности дат в столетиях, не допускали, что ошибка в датировке Майкопского кургана и дольменов Царской в действительности может быть в полторы тысячи лет, как предполагал М. И. Ростовцев. Естественно, им были ближе даты Б. В. Фармаковского, полученные привычным и проверяемым методом перекрестного датирования. С их точки зрения они нуждались только в уточнениях, в то время как даты М. И. Ростовцева абсолютно не вписывались в их представления о евроазиатской системе хронологических аналогий.

Г. Франкфорт — Г. Чайлд —
А. М. Тальгрэн — А. В. Шмидт

Между тем идеи М. И. Ростовцева нашли понимание у тех археологов, которые рассматривали Кавказ преимущественно в переднеазиатском контексте и не были обременены необходимостью согласования европейской и древневосточной хронологий. Одним из них был Генри Франкфорт (1897–1954) — археолог и востоковед голландского происхождения. Как специалист по сравнительному изучению древнеегипетской и месопотамской культур, он мог по достоинству оценить работы М. И. Ростовцева на майкопскую тему. Г. Франкфорт импонировала шумерская интерпретация Атрабадского клада и идея М. И. Ростовцева о существовании обширной культурной зоны, включающей Месопотамию, Иран и Кавказ. С последним он связывал развитие «экстраординарно ранней шумерской индустрии меди». Поскольку равнинная Месопотамия не могла быть центром возникновения медной металлургии из-за отсутствия рудных ресурсов, Г. Франкфорт предположил, что он располагался там, где они были, — «...где-то к югу от Кавказа». По его мнению, этот гипотетический центр был источником распространения похожих типов в пределах всей зоны влияния «горской» культуры шумеров, чем и объясняется сходство вещей из Атрабадского

клада, Майкопского кургана, дольменов Царской и погребений в Уре. Формирование кавказского центра металлургии ученый относил к периоду «...задолго до 3000 г. до н. э.» (Frankfort, 1928. P. 230–233). Древность его датировок даже относительно хронологии Ростовцева не должна вводить в заблуждение. Он ориентировался на даты ранних погребений в могильнике Ура, которых в то время придерживался Леонард Вулли (Woolley, 1928. P. 4–6).

В общей концепции Г. Франкфорта майкопский сюжет выглядел второстепенным событием на северной периферии шумерского мира, но при взгляде со стороны Кавказа это явление приобретало прежде неизвестные черты. Первым на это обратил внимание Алексей Викторович Шмидт (1894–1935) — археолог и историк Древнего Востока, выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета (1916 г.), ученик Б. А. Тураева, С. А. Жебелёва, В. В. Струве и М. И. Ростовцева. Изучая коллекцию из курганов у станицы Константиновской, материалы которой А. М. Тальгрэн использовал как один из аргументов в пользу синхронизации Ульского комплекса с Майкопом и Царской, А. В. Шмидт пришел к заключению о существенных хронологических различиях между всеми тремя памятниками. Ориентиром для определения их хронологической последовательности для него стала разница между приведенными Г. Франкфортом датами аналогий предметам из Майкопского кургана и дольменов Царской, которой он сам значения не придавал. А. В. Шмидт расширил и систематизировал эти аналогии. В итоге он пришел к выводу, что золотые наконечник копья и долота из захоронений в Уре, которые Л. Вулли датировал около 3200–3100 гг. до н. э. (Woolley, 1928. P. 4, tab. VIII, 2), ближе всего предметам из дольменов Царской, а золотая диадема с цветами, сердоликовые и золотые бусы из раннеминойских погребений в Мохлосе на Крите (PM II, 2800–2400 гг. до н. э., по А. Эвансу) (Seager, 1912. Fig. 8, 20) являются аналогами украшений из Майкопского кургана. В таком раскладе дат А. В. Шмидт видел основание для датировки дольменов Царской более ранним периодом, чем Майкопского кургана (Schmidt A., 1929. S. 19, 20). С его точки зрения памятники майкопского круга, которые он выделил в ранний этап кубанской культуры, следует датировать первой половиной III тыс. до н. э. Мinoisкие аналогии II тыс. до н. э. майкопской «бритве», на которые полагались А. М. Тальгрэн и Г. Чайлд, А. В. Шмидт отверг, заметив, что другие

основания для такой поздней датировки Майкопа ему неизвестны (*Ibid.* S. 18, 20).

А. В. Шмидт оспаривал не только датировку А. М. Тальгреном Майкопа и Царской, но и возражал против их синхронизации с погребениями константиновского и ульского типов. Последние (северокавказские, по современной терминологии. — В. Т.) наряду с катакомбными погребениями, на его взгляд, представляли более поздний этап развития древностей Кубани. В поддержку гипотезы он привел три серьезных аргумента. Во-первых, памятники майкопского и константиновского типов занимают примерно одну и ту же территорию; во-вторых, характерные для константиновского типа предметы, включая молоточковидные булавки и «шнуровые» украшения, никогда не встречаются в погребениях майкопского типа; в-третьих, общие для обеих групп категории инвентаря — тесла и кинжалы — имеют разные пропорции (*Ibid.* S. 16, 17). Для надежной хронологической интерпретации этих наблюдений не хватало только данных стратиграфии. Вместо них А. В. Шмидт полагался на верность замеченной им хронологической тенденции в изменении пропорций тесел и кинжалов — «привольненские» тесла он считал более поздними по сравнению с майкопскими (*Ibid.* S. 15–17).

При датировке погребений константиновского типа, включая погребения из Ульского аула, А. В. Шмидт воспользовался аналогиями уникальному кинжалу, найденному вместе с бронзовыми молоточковидными булавками в погребении кургана 8 у Андрюковской (ОИАК, 1900. С. 22, рис. 79–82). На его взгляд, он имел сходство с так называемыми кипрскими кинжалами, которые А. Эванс и Г. Чайлд относили к финалу раннекикладского периода и датировали 2400–2100 гг. до н. э. (*Schmidt A.*, 1929. S. 20). В представлении ученого эти даты косвенно подтверждали правоту его датировки Царской и Майкопа первой половиной III тыс. до н. э. Любопытно, что в финальной версии своей хронологии он оставил без объяснений двухсотлетний зазор между финалом «ранней группы кубанской культуры» (2500 г. до н. э.) и появлением погребений «центрально-кубанской» группы (2300 г. до н. э.), подчеркивая этим отсутствие преемственности между группами. Свою гипотезу о ранней датировке Царской и Майкопа А. В. Шмидт рассматривал как созвучную идеям М. И. Ростовцева, высказанным задолго до появления, с его точки зрения подтверждающих их, материалов из раскопок Л. Вулли в Уре. Поразительно, но статьи

М. И. Ростовцева оказались недоступными для А. В. Шмидта в Ленинграде, и о его взглядах он знал из работ Г. Чайлда и А. М. Тальгрена (см.: *Ibid.* S. 19).

Можно только догадываться, какой была бы его аргументация после знакомства с полными текстами М. И. Ростовцева, которыми, безусловно, располагал А. М. Тальгрэн — главный редактор журнала, в котором была опубликована статья А. В. Шмидта. В 1928 г. А. М. Тальгрэн был в Ленинграде (*Tallgren*, 1929. P. 22), но А. В. Шмидт едва ли обращался к нему за помощью с литературой, иначе трудно представить, что А. М. Тальгрэн отказал. Деликатность сложившейся ситуации состояла в том, что в этом же выпуске *Eurasia Septentrionalis Antiqua* за 1929 г. была опубликована статья самого А. М. Тальгрена по существу на ту же тему и с теми же материалами, что и работа А. В. Шмидта (*Ibid.*). Не исключено, что, умалчивая в своей статье о публикации А. В. Шмидта, А. М. Тальгрэн хотел подчеркнуть независимость обоих исследований с частично совпадающими выводами.

Без каких-либо упоминаний своей предыдущей статьи о погребениях у станицы Константиновской (*Tallgren*, 1925a) и даже самого памятника он внес изменения в предыдущую версию периодизации кубанских древностей и, как и А. В. Шмидт, стал рассматривать ульские погребения с булавками, статуэтками и моделями «повозок» синхронными катакомбным погребениям с курильницами и как более поздние относительно памятников майкопского круга. Соответственно Майкопский курган и дольмены Царской теперь он синхронизировал с «...ямными погребениями с сосудами яйцевидной формы» (*Tallgren*, 1929. P. 35). Прямых аргументов в пользу синхронизации ямных погребений с майкопскими у А. М. Тальгрена не было, и этот вывод, скорее всего, был косвенным результатом принятия им в расчет общей периодизации В. И. Городцова.

А. М. Тальгрэн оставался непреклонным в датировании погребений майкопского круга началом II тыс. до н. э., но с выделением «ульского» этапа стал испытывать трудности с хронологическим размежеванием всех кубанских памятников эпохи энеолита и бронзы на коротком отрезке между 2000 и 1200 гг. до н. э. Он не оставляет попыток датировать ульские погребения по статуэткам таким образом, чтобы они были «не намного позднее» его дат для Майкопа и дольменов Царской. Для этого ему приходится прибегать к противоречивой аргументации. С одной стороны,

чтобы идола кикладского типа оказались на Северном Кавказе к искомой им дате, он допускает многовековое запаздывание в их распространении через Юго-Восточную Европу, а с другой, считает, что на Кавказе они могли появиться в самом конце своего существования на Кикладах. «...Нижняя [хронологическая. — В. Т.] граница кикладских идолов неизвестна, и я не нашел ничего, что делало бы невозможным ее отнесение примерно к 1600 г. до н. э.», то есть как раз «не намного» позднее Майкопа (*Ibid.* P. 39).

Впервые с 1911 г. А. М. Тальгрэн исключил из перекрестного датирования Майкопа и Царской переднеазиатскую линию аналогий, вероятно, затрудняясь в ее согласовании с эгейской и центральноевропейской (*Ibid.* P. 40). Возражая А. В. Шмидту, он признает, что его переднеазиатские параллели «поразительно точны», но полностью игнорирует их (*Tallgren*, 1931a. S. 141, 144). Он вновь возвращается к отвергнутым А. В. Шмидтом минойским бритвам как аналогиям майкопскому «кинжалу» и добавляет еще пару похожих «столовых ножей» из микенских шахтовых гробниц, замеченных им в витрине Афинского музея. Он торопится и допускает несвойственные ему прежде ошибки при работе с уже опубликованной к тому времени коллекцией (ср.: *Tallgren*, 1931a. S. 144; *Karo*, 1930. S. 135, 156) и одновременно становится заметно предвзятым в подборе аналогий. Пытаясь усилить впечатление о перспективе поздней датировки Старомышастовского клада, он приводит лишние контекста аналогии и даже публикует присланные ему по ошибке Г. И. Боровкой поздние бляшки из золотой фольги, якобы относящиеся к этому комплексу (*Tallgren*, 1931a. S. 141, 142, Abb. 53–57).

В лекции, прочитанной Антропологическому обществу в Вене, А. М. Тальгрэн объясняет причины настойчивой защиты основ своей концепции. Во-первых, он уверен в установленной им относительной хронологии и связях культур; во-вторых, считает культуры бассейна Эгейского моря единственной областью в Европе с достоверной абсолютной хронологией; в-третьих, не верит в «длинную» хронологию (*die lange "Inflationschronologie"*), как не имеющую аналогов в реальности (*Tallgren*, 1931b. S. 83, 84, 97). Отсюда упреки М. И. Ростовцеву и А. В. Шмидту в их невероятной, с его точки зрения, оценке древности и продолжительности существования памятников майкопского круга, которым сам он отводил вместе с «катакомбниками» и «северокавказцами»

короткий период между 1800 и 1300 гг. до н. э. (рис. 5, 1) (*Tallgren*, 1931a. S. 156; 1931b. S. 94, 96).

Несомненно, А. М. Тальгрэн понимал, что без хронологически удовлетворительного объяснения присутствия переднеазиатского компонента в майкопских древностях его решительное отрицание взглядов М. И. Ростовцева и А. В. Шмидта выглядит лишеной оснований настойчивостью. В 1933 г. он представляет обновленную версию культурно-исторического содержания своей концепции в рамках принятой им хронологии (*Tallgren*, 1933). Ее главным элементом была переоценка роли Передней Азии в сложении «кубанской культуры эпохи ранней бронзы» — так А. М. Тальгрэн стал называть памятники типа Майкопского кургана и дольменов Царской (*Ibid.* P. 190). Он повысил эту культуру в статусе до цивилизации и даже «империи воинственных номадов», занятых скотоводством, а возможно, и земледелием и имевших в услужении ремесленников и художников переднеазиатского происхождения (*Ibid.* P. 198).

Кубанская культура была «ориентализирована» до такой степени, что переднеазиатские элементы стали преобладать в ней, включая драгоценные украшения, металл и все сделанные из него предметы. Областью происхождения «ориентального» влияния А. М. Тальгрэн теперь считает Элам или Малую Азию (*Ibid.* P. 198, 199). В этой трактовке очевидно влияние работ М. И. Ростовцева и Г. Чайлда, но А. М. Тальгрэн последовательно избегает их точного цитирования, повторяя уже приведенные Г. Чайлдом аналогии копьям с насадом из раскопок Л. Вулли или отсылая читателя неполной ссылкой к «некоторым аналогиям в Персии» (*Childe*, 1927. P. 146; *Tallgren*, 1933. P. 199, note 8), за которыми скрывались копья из раскопок в Астрабаде (Тюренг-тепе) (*Wulsin*, 1932. Pl. XX), аналогичные уже опубликованному М. И. Ростовцевым из Астрабадского клада (*Rostovtzeff*, 1920b. Pl. III, 10). Упоминание А. М. Тальгреном Элама — очевидное заимствование из М. И. Ростовцева, рассматривавшего его как один из источников майкопского художественного стиля, но не типологического состава металлического инвентаря.

Умалчивая о наблюдениях М. И. Ростовцева, Г. Чайлда и А. В. Шмидта, А. М. Тальгрэн не только освобождал себя от необходимости разбирать их хронологический контекст, который абсолютно не вписывался в его схему, но и не счел нужным прокомментировать датировку собственных аналогий. Он пытается заполнить пробелы

Absolute Chronologie	Ost- und Zentralrußland	Die Pontischen Steppen	Der Kaukasus	Skandinavien	Böhmen	Süddeutschland	Italien	Kreta u. Griechenland
1800—	Steinaxthammergräber: Fatjanovokultur [FM 1915, 1924. SMYA 32]	Katakombengräber, Hockergräber, Krüickennadeln u. a. m. [ESA II, IV (Rau)]	Maikop, III	Ganggräber	Schnurkeramik Vor-Aunjetitz Hoch-Aunjetitz Aunjetitz II	Per. A (Reinecke) B 1	Molfetta Stentinello	MM III
—1300	Abaševo [ESA I, IV] [FUF XX]		Carcvskaja. Klein-gräber im Kuban [Rev. Arch. 1920] [ESA II, IV] [FM 1924]	Dolchzeit			Villafrati-Moarda Castelluccio	L M I II III
1300—	Galič [SMYA 25, 32] [Stud. orient. I] [FM 1924] [ESA II]	Holzbaugräber [ESA II] Schatzfunde: Adžiaevsk, Borodino, Privoljnoje, Skakun, Kievka [ESA II]	Mittelkubanisch [ESA IV] Gräberfeld von Koban	BZ II (O. Montelius)	B 2	Terramare Sikul. II BZ II	LM III	
—1000	Seima [FM 1915, 1924] [ESA II] [Rig 1920]		Turbina [Rig 1920] [FUF XVIII, XX]			BZ III	BZ III	Postmykenisch Vrokaastro
				BZ III	Lau-sitzer	C 1 C 2		

Kouban	Steppes pontiques proprement dites	Zones forestières: Russie	Europe centrale	Monde Egéen	Chronologie absolue
Période I des dolmens (Tsarskaya etc.)	Tripolié III ?	Culture dite fatianovienne	Cult. Bernbourg II—III. Tombes mégalithiques de l'Allemagne occidentale.	MM II.2 Début de Troie II.	1800 ? —
Pér. II des dolmens (Ech-cry): Maikop. Staromychastovskaya. Vases à pied.	Tombes à catacombe. Epingles-marteaux.		Culture dite d'Unéice. «Leningbinger Hügel». Cistes mégalithes en Suède.	Destruction de Troie II. Tombes à fosse mycéniennes	— 1500 BC.

Рис. 5. А. М. Тальгрэн, хронологические таблицы: 1 — 1931 г., фрагмент (Tallgren, 1931b. S. 96); 2 — 1934 г. (Tallgren, 1934. P. 29)

Fig. 5. A. M. Tallgren, chronological tables: 1 — 1931, a fragment (Tallgren, 1931b. S. 96); 2 — 1934 (Tallgren, 1934. P. 29)

в археологической хронологии исторической реконструкцией событий, объясняющих, с его точки зрения, симбиоз центральноевропейских и переднеазиатских элементов культуры в памятниках майкопского круга. В этой картине дольмены Царской оказываются азиатского происхождения, а камеры гробницы Майкопского кургана интерпретированы как их деревянный эквивалент. Два памятника одновременны и представляют одну культуру, оказавшуюся на пути двух встречных потоков культурного влияния: ранне-бронзового переднеазиатского и поздненеолитического центральноевропейского (шаровидные амфоры). Было и встречное движение с Кавказа. В Центральную Европу, по мнению А. М. Тальгрена, оно принесло редкие там мегалиты с отверстием в плите и оказало влияние на формирование коридорных гробниц. Относительно движения на юг А. М. Тальгрэн высказался менее определенно, предположив, что кубанская культура стоит у истоков «...одной из культур, известных в Малой Азии во II тыс. до н. э.» (Tallgren, 1933. P. 200).

В поддержку своей археологической концепции он предложил ее этнолингвистическую интерпретацию, созданную под впечатлением работы Берджиха Грозного о языках и народах Малой Азии в хеттскую эпоху (Hrozny, 1931). Если коротко, то дольмены Западного Кавказа, по А. М. Тальгрэну, оставили местные кавказские хурриты, но «высокую» кубанскую культуру (Майкоп — Царская) создала «тюрингская» ориентализированная индоевропейская аристократия, позднее продвинувшаяся в Малую Азию и известная там около 1600 г. до н. э. под именем митаннийцев (Tallgren, 1933. P. 202). Дата в этом эпизоде имела для А. М. Тальгрена принципиальное значение, так как из трех возможных миграций с Кавказа или через Кавказ (хатты, хурриты, митаннийцы, по Б. Грозному) по хронологии и сюжету А. М. Тальгрэну подходила только последняя (Ibid. P. 200).

В начале 1930-х гг. А. М. Тальгрэн понял, что возможности полноценно заниматься изучением Кавказа в советской России у него больше не будет, и ему следует обобщить собранные за предыдущие годы материалы «...ввиду огромной

ценности доисторических находок на Кавказе для исследования европейской и ближневосточной преистории» (*Tallgren, 1931a. S. 126*).

Основное беспокойство А. М. Тальгрена по-прежнему доставляла несогласованность европейской и переднеазиатской линий синхронизации. Под влиянием новых открытий на Древнем Востоке в Европе росло количество археологов, склоняющихся к значительному удревнению Майкопа и Царской, но он считал эту хронологию методически несостоятельной (*Tallgren, 1934. P. 31*). Ему казалось, что его оппоненты злоупотребляют отдельными аналогиями, в то время как вещи следует сравнивать в контексте культур. С типами вне контекста «оказываешься в открытом море и, куда бы ни плыл, везде найдешь землю — отдельные правдоподобные, но ненадежные в практическом плане аналогии», — пояснял А. М. Тальгрена (*Tallgren, 1931b. S. 82*). С его точки зрения признание датировки Майкопа III или IV тыс. до н. э. «нанесло бы смертельный удар методу, применявшемуся до сих пор в археологических исследованиях в Европе, потому что все сравнения групп и культурных форм оказались бы ложными» (*Tallgren, 1934. P. 32*). Он и в мыслях не допускал, что именно его европейская линия синхронизации ошибочна.

Вопреки собственным правилам А. М. Тальгрена широко использовал отдельные аналогии для датировки, сопровождая их парадоксальными комментариями. Металлические изделия из Майкопского кургана и Старомышастовского клада он рассматривал «естественным образом связанными, прежде всего, с Передней Азией (Анатолия — Персия) и отличными от микенских», но датировал их по микенским аналогиям, которые «дают фиксированную хронологическую точку». Отчасти здесь он следовал за Б. В. Фармаковским и Х. Шмидтом, но сравнение устройства шахтовых гробниц Микен с гробницей в Майкопском кургане — целиком вклад А. М. Тальгрена (*Tallgren, 1934. P. 35, 36*).

Окончательно определиться с датой Майкопского кургана А. М. Тальгрена помогла новая троянская хронология Нильса Оберга (1888–1957) — соотечественника, ученика и последователя О. Монтелиуса (*Aberg, 1932*). Н. Оберг синхронизировал Трою II и шахтовые гробницы Микен в пределах 1600–1500 гг. до н. э., что принесло А. М. Тальгрена, по его словам, облегчение (*Tallgren, 1934. P. 32*), а также Н. Оберг одобрил его хронологию, с которой познакомился по присланной А. М. Тальгреном рукописи статьи (см.: *Salminen, 2017. P. 11*).

Ободренный Н. Обергом А. М. Тальгрена датирует Майкопский курган и Старомышастовский клад около 1500 г. до н. э., а дольмены Царской Н. Оберг — примерно 1800 г. до н. э. Внешне хронологическая последовательность Царская — Майкоп соответствовала схеме А. В. Шмидта, но ее основания у А. М. Тальгрена были другими. В его представлениях Царская представляла первоначальный этап проникновения на Кавказ центральноевропейского культурного элемента (шаровидные амфоры — фатьяновская керамика) при минимальном переднеазиатском влиянии, а Майкоп — период мощной ориентализации этой культуры до полного исчезновения следов ее европейского происхождения. «Шумерские» формы в Майкопе он объяснял их заимствованием из поздних и пока неизвестных вторичных центров в Сирии или Персии (*Tallgren, 1934. P. 36*). Надо отметить, что, в отличие от предсказаний М. И. Ростовцева, это предположение А. М. Тальгрена не оправдалось.

При сравнении синхронистических таблиц А. М. Тальгрена 1931 и 1934 гг. (*Tallgren, 1931b. S. 96; 1934. P. 29*) очевидны несколько принципиальных изменений (рис. 5). И главное из них — не в датах, сокративших эпоху Майкопа и Царской до 300 лет, а в причудливой относительной периодизации. В последней версии А. М. Тальгрена делит памятники майкопского круга на два этапа, причем Майкоп и Царская, в отличие от схемы 1931 г., меняются местами, в то время как катакомбные и северокавказские погребения остаются на своих местах. Только теперь они синхронны не дольменам Царской, а Майкопскому кургану и Старомышастовскому кладу. Соответственно меняются и некоторые атрибуты периодов. Северокавказские и катакомбные булавки с изогнутым навершием (посоховидные) в таблицу 1934 г. не попадают. После перестановки местами Майкопа и Царской их присутствие уже не выглядит аргументом в пользу хронологической близости между майкопскими и северокавказскими погребениями, так как в Майкопе таких булавок нет. В новой таблице их место занимают молоточковидные булавки.

Оставляя в своей реконструкции хронологический коридор для распространения западных европейцев в Среднюю Россию (фатьяновская культура) и через степь — на Кавказ, А. М. Тальгрена допускает частичную синхронность дольменов Царской и памятников позднего Триполья, но места для «городцовских ямников» в его схеме нет. Она и так перенасыщена различными

культурными группами, которым он приписывает социальное или этнографическое значение: Майкоп — это княжеская усыпальница, а катакомба — могила пастуха (Tallgren, 1934. P. 31, 35). Исследователь так и не решился на включение в синхронистическую таблицу переднеазиатского раздела — он не знал, чем его заполнить, а эгейский раздел скорректировал по Н. Обергу таким образом, что «царский» и «майкопский» этапы пришлось на один и тот же период Трои II.

В целом, даже для современников А. М. Тальгрена, его периодизация и хронология выглядели исключительно уязвимыми для критики. Раньше других этим воспользовался Г. Чайлд, отметив, что укороченная Н. Обергом хронология Трои II, которую А. М. Тальгрена положил в основу датировки кубанских памятников 1800–1500 гг. до н. э., как аргумент лишена силы публикацией Куртом Биттелем (1907–1991) каппадокийских параллелей с Троей (Childe, 1935. P. 364).

Из старых российских оппонентов А. М. Тальгрена никто не откликнулся. М. И. Ростовцев в 1932 г. еще раз попытался обосновать дату Астрабадского клада и, соответственно, Майкопа 3000 г. до н. э. и позднее к этой теме не возвращался (Rostovtzeff, 1932), В. А. Городцов еще в конце 1920-х гг. махнул на А. М. Тальгрена рукой (см.: Кузьминых, Сафонов, 2014. С. 151), А. В. Шмидт был арестован и погиб в 1935 г.

Однако майкопская проблематика постоянно привлекала новых исследователей, и работа А. М. Тальгрена не осталась без внимания в советской России.

А. А. Иессен — Г. Чайлд — Ф. Ханчар

В начале 1930-х гг. изучением кавказского металла майкопского круга в Ленинграде кроме А. В. Шмидта занимался А. А. Иессен (1896–1964) — в то время старший научный сотрудник отдела доклассового общества Гос. Эрмитажа и одновременно сотрудник ГАИМК, где он работал над «порученной» ему историей «древней металлургии СССР» (Между Азией и Европой..., 1996. С. 11). В нем удивительным образом сочетались качества его старших коллег — страсть к накоплению археологических материалов А. А. Спицына, увлечение систематизацией В. А. Городцова, образованность и кругозор А. М. Тальгрена. Полевой опыт А. А. Иессен приобрел, принимая участие в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Летом 1933 г. во время работы экспедиции, организованной по заданию Комиссии металлов (Главзолото

и Союзредметразведка), он даже осмотрел раскопанные Н. И. Веселовским в 1898 г. курганы у станции Царской, к тому времени уже переименованной (1920 г.) в Новосвободную (Иессен, 1935а; Иессен, Пассек, 1935).

В 1935 г. А. А. Иессен опубликовал результаты своего исследования и в том же году изложил взгляды на древнейшую металлургию Кавказа и ее роль в Передней Азии в докладе на Третьем международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (Иессен, 1935б; 1939).

Придерживаясь систематизации А. В. Шмидта, он рассматривает металл Майкопского кургана и дольменов Новосвободной (бывш. Царской) в рамках раннекубанской хронологической группы, но при этом отвергает предложенную А. В. Шмидтом и А. М. Тальгреном последовательность ключевых памятников внутри группы. С его точки зрения Майкопский курган древнее дольменов Новосвободной, а не наоборот. Надежных аргументов в пользу такой последовательности у него не было, и в основании всей концепции лежала оценка удельной доли переднеазиатского вклада. На его взгляд, в Майкопском кургане он был преобладающим — металлические изделия, если и не привозные, то изготовлены под сильным влиянием «южных» форм. Кроме этого, его инвентарь включал импорт, как минимум, неизвестных на Кавказе бирюзы, лазурита и морской пенки. Однако дольмены Новосвободной — локальное явление, в них меньше импорта, а металл, демонстрируя связь с Майкопским курганом, уже «несомненно» местного производства (Иессен, 1935б. С. 17; 1939. С. 94). Таким образом, сокращение признаков переднеазиатского происхождения от Майкопа к Новосвободной А. А. Иессен интерпретирует как хронологический вектор. У А. М. Тальгрена наоборот: степень «ориентализации» росла от ранней Царской (совр. Новосвободной) к более позднему Майкопу. Строго говоря, оба суждения были концептуально мотивированными и лишены объективных доказательств.

Осторожно датируя майкопскую и новосвободненскую подгруппы раннекубанского этапа рубежом III и II тыс. до н. э., А. А. Иессен полностью отказывается от хронологии А. М. Тальгрена. Он молчаливо отсекает его европейскую линию синхронизации (Царская — фатьяновская — шаровидные амфоры) и вслед за А. В. Шмидтом признает ошибочность эгейских аналогий майкопскому «кинжалу» (Иессен, 1935б. С. 17). Пригодных для датировки альтернативных аналогий у него тогда еще не было, и даже предложенную

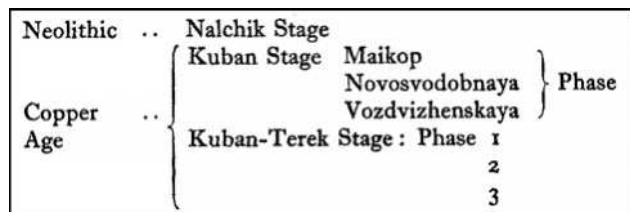

Рис. 6. Периодизация Ф. Ханчара (1937) в графической интерпретации Г. Чайлда (1938) (*Hančar, 1937; Childe, 1938. P. 368*)

Fig. 6. Periodization by F. Hančar (1937) in the graphic interpretation by G. Childe (1938) (*Hančar, 1937; Childe, 1938. P. 368*)

датировку он рассматривает как предварительную, рассчитывая на уточнения в зависимости от исследований в Закавказье. Майкопскую металлургию оценивает как периферийную относительно Передней Азии с возможным источником в Иране.

На фоне бурной дискуссии предшествующих лет дебют А. А. Иессена в майкопской теме выглядел предельно осторожным и очень сдержанным, что, как показало время, было его стилем. Вероятно, указывая на Иран, А. А. Иессен имел в виду новые находки из раскопок американской экспедиции на Тепе Гиссар, которые с 1931 г. начал публиковать директор проекта Эрих Шмидт (1897–1964) (*Schmidt E., 1931*). Перспективы решения майкопской проблемы в свете находок с этого памятника первым отметил Г. Чайлд (*Childe, 1935a. P. 364*), но в кавказском контексте их раньше других использовал австрийский археолог Франц Ханчар (*Hančar, 1937*). Он отлично знал русский язык, и его работа оказалась самым полным собранием сведений об исследованиях Кавказа от заселения до эпохи раннего металла. Систематизация памятников майкопского круга была, по существу, одной из главных проблем его диссертационной работы.

Ф. Ханчар принял периодизацию раннекубанской группы А. А. Иессена с фазами Майкопа и Новосвободной, но при этом сделал попытку дополнить их третьей, типа погребения у станции Воздвиженской (рис. 6). Исходя из логики А. А. Иессена, он пытался выделить финальный этап майкопских древностей, на котором переднеазиатские импорты полностью исчезают, а вместо них появляются европейские, символом которых служит медный топор-молот из Воздвиженской, который, по мнению Арне Эйрпяя, коллеги и соотечественника А. М. Тальгрена, символизирует влияние культур круга каменных боевых топоров (*Hančar, 1937. S. 346, 379; Äyräpää, 1933*). Отказ от признания западных культурных контактов

раннекубанской группы Ф. Ханчар считал слабым местом в построениях А. А. Иессена. Правда, также поступили М. И. Ростовцев и А. В. Шмидт. Сам Ф. Ханчар этим контактам придавал кардинальное значение, в том числе в свете индогерманской проблемы (*Hančar, 1937. S. 338–362*).

В вопросах хронологии Ф. Ханчар чувствовал себя значительно свободнее и увереннее, чем в типологической систематизации и периодизации. Здесь заимствовать у А. А. Иессена ему было нечего. Ф. Ханчар полагал, что он нашел решение проблемы почти тысячелетнего расхождения между датировками Майкопа А. М. Тальгреном и М. И. Ростовцевым. Для поправки хронологии А. М. Тальгрена он перешел на новые датировки Трои II (2400–1950 гг. до н. э.), по К. Биттелю, что чуть раньше предложил сделать Г. Чайлд (*Childe, 1935a. P. 364; Hančar, 1937. S. 318*), а в системе аналогий М. И. Ростовцева передатировал, как ему казалось, ключевой компонент — Атрабадский клад. После раскопок на Тюрент-Тепе, где он был и найден, и расположенном в том же районе Ирана Тепе Гиссар, клад, опубликованный М. И. Ростовцевым, можно было датировать временем Гиссар III–II, примерно второй половиной III тыс. до н. э., по представлениям того времени. В итоге Ф. Ханчар предложил новую линию синхронизации: Майкоп — Новосвободная/Царская — Гиссар III — Троя II, которая, на его взгляд, снимала противоречия между датировками Майкопа М. И. Ростовцевым и А. М. Тальгреном (*Hančar, 1937. S. 312–318*).

На самом деле Атрабадский клад был самым слабым звеном в хронологическом и типологическом раскладах М. И. Ростовцева, и его новая датировка не отменяла результатов его сравнительного стилистического анализа, о которых Ф. Ханчар был очень высокого мнения (*Ibid. S. 310*). Ф. Ханчар исключал конвергентную природу сходства между майкопским, эламским и додинастическим египетским искусством, но не находил у М. И. Ростовцева прагматичного объяснения общности этих культурных черт благодаря завоеванию, переселению или торговле. Он понимал М. И. Ростовцева, только когда тот переходил на язык упрощенных объяснений короткого периода расцвета майкопского искусства «сильным шумерским влиянием» (ср.: *Rostovtzeff, 1921. P. 209; 1922. P. 18*). Так и не решив, как хронологически интерпретировать сравнительный материал М. И. Ростовцева, Ф. Ханчар оставил этот вопрос открытым (*Hančar, 1937. S. 311*).

Похожие трудности для него создали и ранние «шумерские» аналогии майкопскому металлу,

приведенные в работах Г. Франкфорта, Г. Чайлда и А. В. Шмидта. Отвергая идею Г. Франкфорта о Кавказе как колыбели шумерской металлургии (*Frankfort, 1932*), Ф. Ханчар соглашается с мнением Г. Чайлда, что шумерские прототипы майкопских топора с поперечным лезвием и наконечника копья с насадом появляются еще в «досаргонскую» эпоху, не позднее IV тыс. до н. э., но, как и Г. Чайлд, не может определить время их проникновения на Кавказ (*Childe, 1936; Hančar, 1937. S. 318–322*).

Майкопская хронология Ф. Ханчара учитывала все актуальные тренды в европейских и переднеазиатских хронологических исследованиях 1930-х гг., но при этом низводила различия между М. И. Ростовцевым и А. М. Тальгреном только к приверженности разным датам, в то время как у них в головах Майкоп был частью разных картин мира. В интерпретации Ф. Ханчара хронология А. М. Тальгрена была разрушена, но и оригинальность идей М. И. Ростовцева потускнела в тени его компромиссных решений. Они маскировали проблемы кавказской археологии, но не решали их (*Childe, 1938. P. 370*).

Работа Ф. Ханчара была последним обстоятельным анализом проблемы периодизации и хронологии памятников майкопского круга перед началом Второй мировой войны. Вынужденная пауза продлилась до конца 1940-х гг. В этот период А. А. Иессен без особого успеха искал соответствие намеченной им последовательности Майкоп — Новосвободная в стратиграфии поселения Долинское, но убедительно подтвердить это результатами сравнительного анализа керамики не смог (*Иессен, 1941. С. 16–19*).

В одной из глав небольшой книги о предпосылках и особенностях греческой колонизации Северного Причерноморья А. А. Иессен без каких-либо принципиальных дополнений реферативно излагает результаты своей работы 1935 г., пояснив в предисловии, что книга была закончена в 1942 г. в условиях эвакуации и отсутствия необходимой для работы литературы (*Иессен, 1947. С. 3, 14–18*). Судя по его историографии, книгу Ф. Ханчара он прочел только после войны.

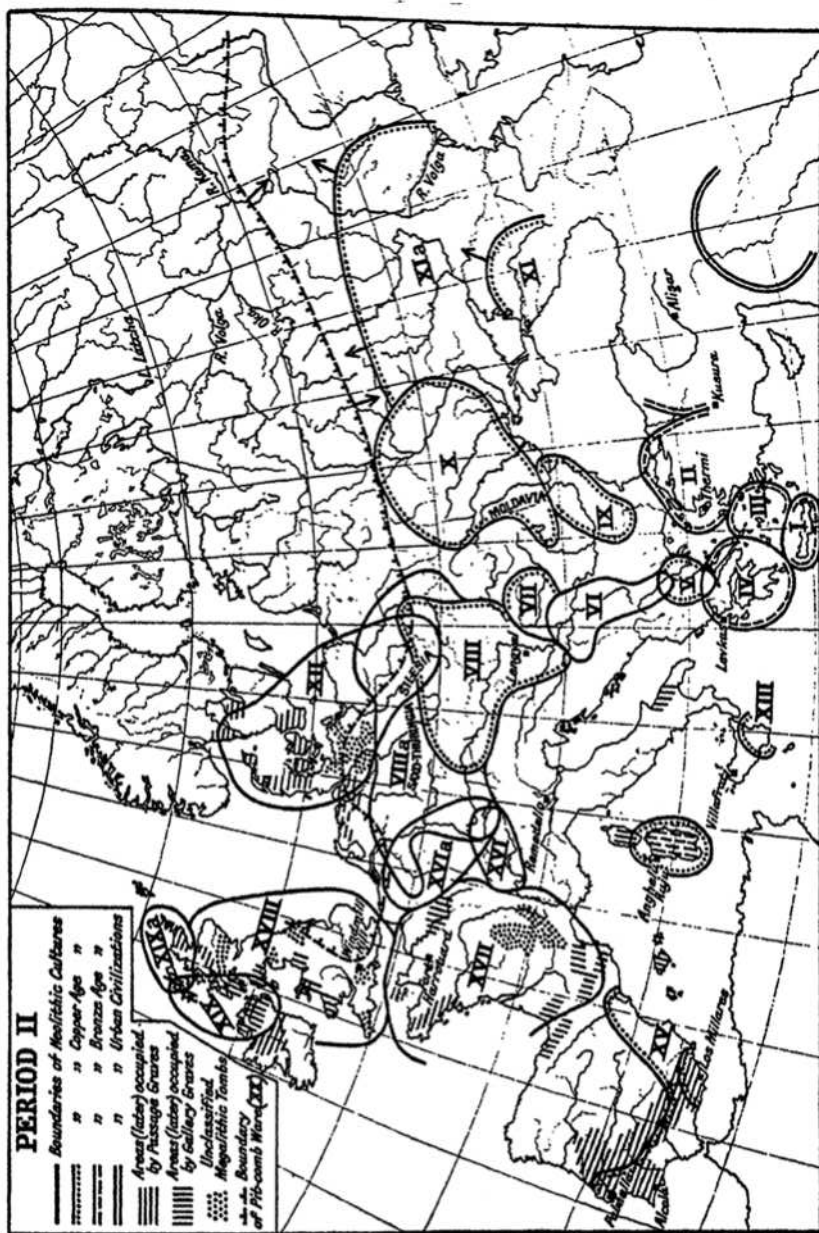
Г. Чайлд, как и А. А. Иессен, в это время не выпускал майкопскую проблематику из виду, но в печати ограничился в основном внесением изменений в текст третьего и мало отличающегося в «майкопской» части четвертого изданий своей книги «У истоков...» (*Childe, 1939b; 1947*). Большинство хронологических поправок уже были им высказаны в рецензиях на работы А. М. Тальгрена (1934) и Ф. Ханчара (1937). В характеристике

«ранней кубанской культуры» теперь он ориентируется на работы А. В. Шмидта и А. А. Иессена, но различиям в их взглядах на хронологическую последовательность Майкопского кургана и дольменов Новосвободной большого значения не придает, так как в их основе лежат типологические наблюдения, не подкрепленные стратиграфически (*Childe, 1939b. P. 149*). Сам Г. Чайлд склоняется к мысли, что дольмены Новосвободной («двухкамерные мегалитические цисты») появились «немного» позднее.

Металл и драгоценности из Майкопского кургана, вслед за А. А. Иессеном, он считает в основном, переднеазиатским импортом, но, вразрез с его мнением, трактует как плату местным вождям за право добывать местные металлы для «месопотамских городов». Скорее всего, это была реминисценция прежней привязанности Г. Чайлда к гипотезе Г. Пика о роли «старателей» как культуртрегеров. В воображении Г. Чайлда обилие металла в погребениях вождей вполне сочетается с его полным отсутствием у остального населения, похороненного в синхронных Мариупольском и Нальчикском могильниках (*Ibid. P. 149*). В хронологическом аспекте Г. Чайлд переносит внимание с Майкопского кургана на дольмены Новосвободной. Почти всему металлу последней теперь он находит аналогии в материалах Гиссара III, но керамику по-прежнему сравнивает с фатьяновской и шаровидными амфорами (*Ibid. P. 151*).

Г. Чайлд не нашел объяснений хронологическому разрыву между датировками протоэламских и додинастических египетских стилистических аналогий М. И. Ростовцева майкопскому искусству и хронологией Гиссара III и молча обошел эту проблему. Он безусловно понимает, что эти никем не оспоренные аналогии, в контексте установленной к концу 1930-х гг. хронологии и периодизации Месопотамии и Египта, должны относиться, как минимум, ко второй половине IV тыс. до н. э. — эпохе Джемдет-Наср и Урука, но к такому повороту Г. Чайлд не готов. Это противоречило выстроенной им системе хронологических соответствий между Древним Востоком и Европой (*Childe, 1939a. P. 11, 19*).

Г. Чайлд наконец признает степную периодизацию В. А. Городцова, подтвержденную раскопками на Маньче и Волге, и использует ее в синхронистической таблице (*Childe, 1939b. P. 153, 331*). Однако его переполняют противоречивые идеи, которые мешают адекватно отразить хронологию графически (рис. 7; 8). Разместить в таблице Новосвободную рядом с Майкопским

EUROPE IN PERIOD II

- I Early Minoan civilization.
- II West Anatolian culture.
- III Early Cycladic culture.
- IV Early Helladic culture.
- V Early Macedonian culture.
- VI Vardar-Morava complex.
- VII Tisza culture.
- VIII Danubian II culture.
- VIIIa Danubian I survivals.
- IX Gumelnița culture.
- X Tripolye culture.
- XI Kuban culture.
- XIa Steppe cultures (?).
- XII First Northern culture.
- XIII Siculan I culture.
- XV Los Millares culture and colonial extensions.
- XVI Cortaillod culture.
- XVIa Michelsberg culture.
- XVII Chassey culture.
- XVIII Windmill Hill culture.
- XIX Becharra culture.
- XIXa Unstan culture.
- XX Forest cultures with pit-comb ware.

Рис. 7. Г. Чайлд, 1939 г. Археологическая карта (Childe, 1939b, P. 340, 341)

Fig. 7. G. Childe, 1939. Archaeological map (Childe, 1939b, P. 340, 341)

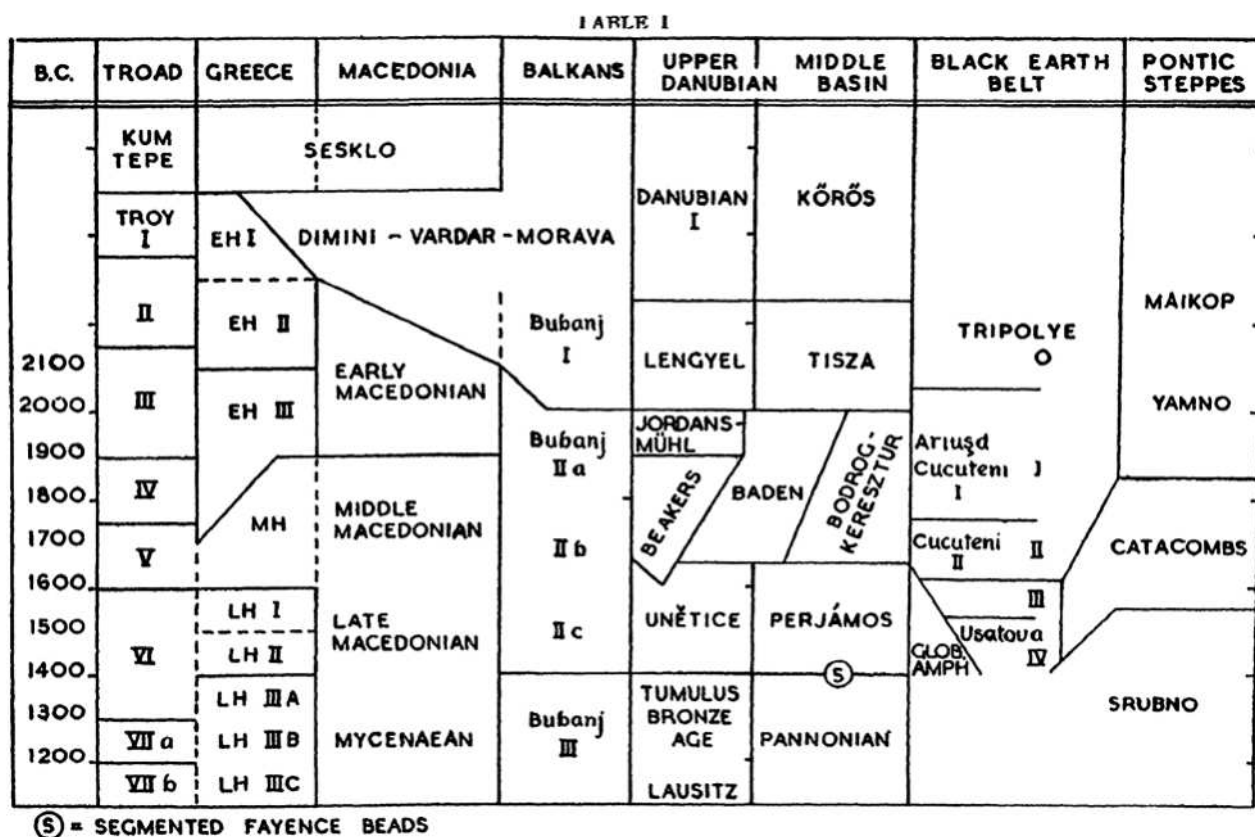

Рис. 8. Г. Чайлд, 1939 г. Хронологическая таблица (Childe, 1939b. P. 331)

Fig. 8. G. Childe, 1939. Chronological table (Childe, 1939b. P. 331)

курганом и параллельно шаровидным амфорам, фатьяновской и катакомбной культурами, синхронность которых он признает (*Ibid.* P. 159, 160), невозможно. В итоге Новосвободная просто исчезает из таблицы (рис. 8).

Скорее всего, А. А. Иессен не знал о замечаниях Г. Чайлда к основаниям его периодизации и хронологии раннекубанской группы памятников, но после попыток Б. Е. Деген-Ковалевского и М. И. Артамонова радикально пересмотреть этой схемы (Деген-Ковалевский, 1939; Артамонов, 1948) ясно представлял ее уязвимые для критики стороны. В первую очередь, А. А. Иессен раскрыл ошибочность археологического основания обеих гипотез и показал, что совокупность предметов из 3-го Разменного кургана у станции Костромской (раскопки Н. И. Веселовского в 1897 г.), включающая предметы майкопского облика и скифскую корчагу с изображением оленя, — не комплекс, а результат ошибочной атрибуции при хранении вещей в Археологической комиссии (Деген-Ковалевский, 1939. С. 16; Артамонов, 1948; Иессен, 1950. С. 180–182). По существу этого

было достаточно, чтобы по археологическим основаниям однозначно отклонить обе концепции, но, учитывая идеологическую атмосферу тех лет, А. А. Иессен посвятил несколько страниц демонстрации несостоятельности социологических аргументов Б. Е. Деген-Ковалевского (см.: Иессен, 1950. С. 193–197).

В археологической хронологии А. А. Иессен был сторонником классического перекрестного датирования на основе результатов сравнительно-типологического анализа. Задача «...советских археологов разработать свою систему не только относительной, но и абсолютной хронологии, независимую от хронологии западноевропейской, сложившейся на основе синхронизмов с культурами Средиземноморья и, в конечном счете, Египта», идти надо «...путем синхронизации <...> памятников Кавказа — с малоазиатскими, месопотамскими и иранскими <...> и индийскими» (Там же. С. 158). Чем многочисленнее перекрещивающиеся линии синхронизаций, тем менее вероятны ошибки в датировании. Существенные расхождения в датировке памятников

майкопского круга, которые в стиле молодого А. М. Тальгрена он называл «Большие кубанские курганы», А. А. Иессен рассматривал как результат промахов в типологической систематизации, стратиграфических наблюдениях и стилистическом анализе. Если на каждом из этих этапов не допускать грубых ошибок, то, по его расчету, он найдет твердые основания для своей пока почти интуитивной майкопской периодизации и хронологии.

А. А. Иессен строго придерживается намеченного плана и на первом этапе работы систематизирует материалы в рамках четырех групп: майкопской, новосвободненской, тех, что не могут быть разделены «бесспорным образом» и предположительно майкопские. Результаты анализа стратиграфических данных оказались очень скромными. В трех случаях из семи они подтверждали смену погребений раннекубанской группы среднекубанской (майкопских — катакомбными и северокавказскими), и только один случай послужил А. А. Иессену «...одним из оснований считать основное погребение Майкопского кургана более древним, чем погребения в подкурганых дольменах Новосвободной станицы» (*Там же*. С. 165). На самом деле это было очень зыбкое стратиграфическое основание, так как ни у впускного погребения в Майкопский курган, ни у инвентаря из него (нож и серебряное спиральное кольцо) не было никаких «новосвободненских» признаков.

Такой же бесполезной для оценки хронологического соотношения Майкопского кургана и дольменов Новосвободной была ссылка А. А. Иессена на стратиграфию поселения Долинское, в слоях которого, по его собственному признанию, не было керамики, типичной для Майкопа или Новосвободной. Строго говоря, составленная им схема была вольной интерпретацией стратиграфии и слабым аргументом в пользу предлагаемого хронологического соотношения ключевых памятников (*Там же*. С. 168, 169).

Без надежной стратиграфии и ясного хронологического вектора А. А. Иессен не мог в полной мере проявить свой талант аналитика в типологическом анализе. Парадоксально, но проблему реконструкции типологического развития майкопского инвентаря на относительно коротком историческом отрезке Майкоп — Новосвободная осложняла высокая степень его разнообразия, не позволяющая выстроить по категориям параллельные типологические ряды и тем самым определить градиент времени. Различия

в типологическом составе металлического инвентаря майкопской и новосвободненской групп были очевидными, но продемонстрировать процесс его эволюции в пределах раннекубанской группы А. А. Иессен не мог. Вместе со стратиграфическими данными это сработало только в сравнении с металлом среднекубанской группы. Здесь он подвел черту под спором со времен А. А. Спицына и В. А. Городцова о хронологическом соотношении памятников майкопского круга и «кубанотерских» погребений. Получалось, что А. А. Спицын был прав, а В. И. Городцов ошибался.

В форме дополнительной аргументации А. А. Иессен пытался представить инвентарь Майкопского кургана более архаичным и, соответственно, более древним, из-за присутствия там «пережитков неолитической культуры», «менее ярко выявленных в курганах ст. Новосвободной». В качестве пережитков в Майкопском кургане он рассматривал микролиты и каменный топор «в пережиточно-ритуальной форме, с тупым лезвием», в дольменах Новосвободной — подвески из зубов оленя (*Там же*. С. 170).

Рассматривать керамику с хронологической точки зрения А. А. Иессен считал преждевременным, но прозорливо отметил, что майкопская высококачественная посуда производит впечатление «чужеродного элемента», а новосвободненская несет признаки «грубой местной керамики» (*Там же*. С. 176).

Вместо ожидаемого стилистического анализа майкопского художественного стиля А. А. Иессен отметил, что «...в настоящее время для определения относительной хронологии интересующей нас группы погребений [он. — В. Т.] не применим» из-за отсутствия на Северном Кавказе сравнительного материала, а для датировки бесплоден, так как «изобразительное искусство Майкопской группы вполне доказательных и близких аналогий, которые позволили бы сразу точно определить его культурную и хронологическую принадлежность, не имеет также и на юге». Свою скептическую оценку он оправдывал тысячелетней разницей в датировке майкопского стиля Б. В. Фармаковским и М. И. Ростовцевым (*Там же*. С. 185). А. А. Иессен оказался единственным из всех, занимавшихся майкопской проблематикой, на кого стилистический анализ М. И. Ростовцева не произвел впечатления. С его точки зрения М. И. Ростовцев лишь установил для памятников Прикубанья *terminus post quem*, а Б. В. Фармаковский с его ориентацией на хеттское искусство — *terminus ante quem* (*Там же*. С. 187, 188).

СХЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ

Технический этап	Схема А. В. Шмидта 1929 г.	Схема А. А. Миллера 1932 г.	Схема А. А. Иессена 1935 г.	Предлагаемая схема					Абсолютная датировка до н. э.
				Черноморское побережье	Прикубанье	Пятигорье и Кабарда	Степное Предкавказье	Восточный Кавказ	
Раннежелезный век		Скифская стадия	—		Скифская культура	Позднекубанская культура	Скифская культура	Исти-су, Урус-Мартан	ок. 700 г.
Бронзовый век	Позднекубанская группа	III стадия	III этап металлургии	Колхидская культура	Позднекубанская культура	Кобанская культура	Предкавказская катакомбная культура II	Хорочоевская культура	ок. 1000 г.
Медный век	Среднекубанская группа	II стадия	II этап металлургии	Вторичные погребения эшерских дольменов Эшерские дольмены	Среднекубанская культура	Костромской этап	Кабардино-Пятигорская поздняя группа Кабардино-Пятигорская ранняя группа	Предкавказская катакомбная культура I	ок. 1700 г.
	Привольпесский этап								
	Раннекубанская группа		I этап металлургии	Геленджик, Бочаров Ручей и т. п.	Раннекубанская культура	Новосвободненский этап	Долинское II	Древнейшие кург. погребения	Курган Закал-юрт
						Майкопский этап			
							Долинское I		ок. 2000 г. ок. 2300 г.
Неолит	—	I стадия	—	Неолит Причерноморья (Кистрик и т. п.)	Следы неолита	Нальчикский могильник, Агубековское поселение	Марципольский могильник		ок. 3500 г.

Рис. 9. А. А. Иессен, 1950 г. Хронологическая таблица (Иессен, 1950. С. 199)
Fig. 9. Chronological table (Иессен, 1950. С. 199)

По существу, при решении проблемы датировки Майкопа и Новосвободной А. А. Иессену не удалось создать свою собственную «независимую от <...> западноевропейской» абсолютную хронологию. Он повторил путь, уже пройденный А. М. Тальгреном, Г. Чайлдом и Ф. Ханчаром, воспроизводя приведенные ими троянские и большинство переднеазиатских аналогий майкопской металлической посуде, долотам, копью и украшениям. Его датировка раннекубанской группы основана на тех же датах Трои II с поправками К. Биттеля, которыми, датируя Майкоп, пользовались Ф. Ханчар и Г. Чайлд. Подгруппу Майкопского кургана А. А. Иессен предлагает датировать «примерно пределами от 2300 до 1900 гг. до н. э.», почти так же как Ф. Ханчар, хронологически отождествлявший Майкоп и Трою II (2400–1900 гг. до н. э.) (Hансар, 1937. С. 318; Иессен, 1950. С. 190–193). Оригинальной особенностью хронологии А. А. Иессена 1950 г. было выделение 200-летнего переходного периода сосуществования майкопского и новосвободненского этапов, который можно было интерпретировать и как переходный период (2300/1900–2100/1700 гг. до н. э.). Не исключено, что выделением этого периода

А. А. Иессен оставлял возможность интерпретации новосвободненского этапа как локального варианта. В табличной форме периодизация раннекубанской культуры — именно так А. А. Иессен теперь называет памятники майкопского круга — заметно отличается от ее описания в тексте (рис. 9). Она включает этап, предшествующий Майкопскому кургану (нижний слой поселения Долинское) с пустой хронологической графой, приблизительно между 3000 и 2500 гг. до н. э., а финал новосвободненского этапа в таблице проведен ближе к 2000, а не 1700 г. до н. э. (Иессен, 1950. С. 193, 199). Различия текста и таблицы не выглядят случайными, и можно предположить, что последняя отражает перспективы уточнения хронологии, как их себе представлял А. А. Иессен.

Это подтверждает его последняя версия майкопской периодизации и хронологии, опубликованная тезисно в 1962 г. (Иессен, 1962)⁴. Здесь он

⁴ Развернутая версия тезисов доклада А. А. Иессена «Майкопская культура и ее датировка» в виде рукописи на 26 машинописных страницах была обнаружена в 2022 г. в научном архиве ИИМК РАН и публикуется

увереннее говорит о возможности выделения «...памятников более ранних, чем группа Майкопского кургана», разделяя общее для того времени заблуждение относительно майкопской атрибуции энеолитических поселений типа Мешоко, и отказывается от гипотезы о локальности новосвободненского этапа (*Там же*. С. 20).

Точных аналогий майкопскому металлургическому комплексу А. А. Иессен не находит нигде, специально отмечая, что южномесопотамские аналогии «времени царских погребений и I династии Ура были неудачны». Он считает, раннединастический Ур старше Новосвободной, «а, вероятно, и Майкопского кургана», и там господствовала непохожая на майкопскую производственная традиция. Погребения Аладжи А. А. Иессен, в отличие от Ура, считает более поздними относительно майкопского и, частично, новосвободненского этапов. По его расчетам майкопская культура хронологически должна оказаться между Уром и Аладжой. В цифрах это выглядело теперь так: начальный этап — первая половина III тыс. до н. э., майкопский — около 2500–2400 гг. до н. э., новосвободненский — около 2300–2000 гг. до н. э. (*Там же*. С. 21, 22). И никакого периода сосуществования между этапами, как в статье 1950 г.

В его хронологических вычислениях методом «интерполяции» (*Там же*. С. 20) больше всего озадачивает уверенность в расположении Майкопа между раннединастическим Уром и Аладжой при отрицании каких-либо аналогий между ними и преувеличенных опасений переоценить внешние связи при решении проблемы происхождения майкопской культуры. А. А. Иессен так и не решился обозначить культурную область Старого Света, к которой, по его мнению, тяготел Майкоп. Он предлагал ждать, когда вновь открытые памятники, антропологический материал и радиоуглеродные даты позволят решить эту проблему (*Там же*. С. 22).

Г. Чайлд не дожидаясь последних поправок А. А. Иессена к майкопской хронологии, но был знаком с его статьей 1950 г., которая, судя по характеру цитирования, не произвела на него особого впечатления. Он несколько раз ссылается на нее в своем шестом издании «У истоков...», главным образом при характеристике майкопской и новосвободненской групп, но не касается абсолютной датировки, которая мало чем отличалась от его собственной. Г. Чайлд продолжал развивать

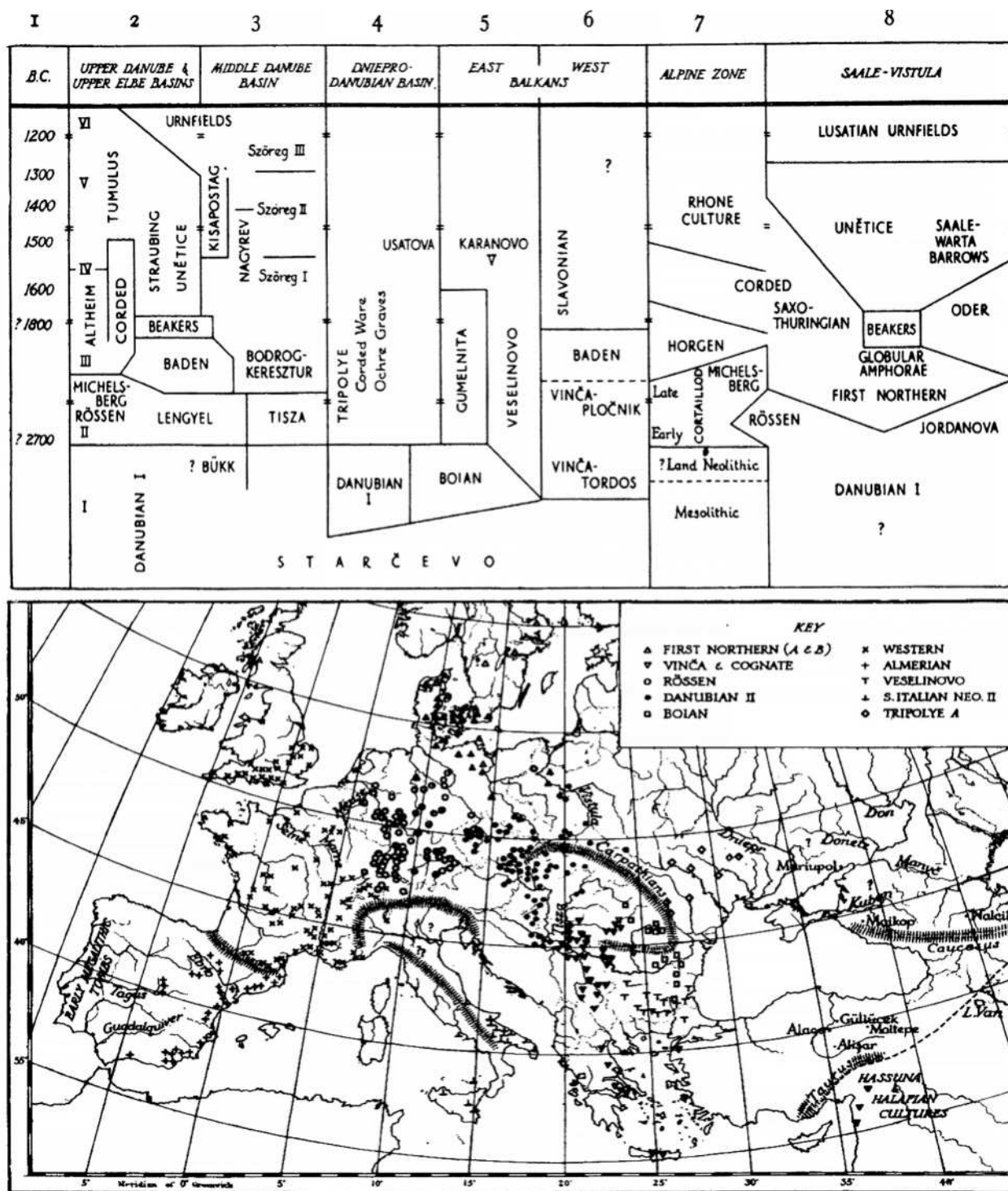
шумерскую и иранскую линии аналогий, впервые обращая внимание на серую иранскую керамику времени Гиссар III как аналогию керамике Майкопского кургана (*Childe*, 1957. Р. 152, 157). При этом он по инерции оставляет параграф о сходстве фатьяновской и новосвободненской керамики, хотя еще в 1944 г., ссылаясь на довоенные советские исследования, отверг это широко известное по работам А. А. Спицына и А. М. Тальгрена сопоставление (*Childe*, 1944. Р. 41, 42). Самое удивительное — это отсутствие в синхронистической таблице традиционного для Чайлда раздела хронологии культур «понтийской степи», в которой он обычно размещал майкопские памятники (*Childe*, 1939b; 1947. Р. 331; 1957. Р. 346). Вместо него в таблицу вернулось архаичное название «окрашенных охрой погребений», размещенное в разделе Днепро-Дунайского бассейна (рис. 10).

У этого решения, вероятно, было несколько причин. Рост археологической информации в послевоенной Европе и СССР носил взрывной характер, и за ней становилось сложно следить. Торопясь, Г. Чайлд пропускал противоречащие друг другу параграфы, используя 5-е издание своей книги как корректуру 6-го издания с отметками на полях для редактора (рис. 11). Появились признаки, что эта книга наскучила ему как «безнадежно устаревшая», особенно в свете результатов радиоуглеродного датирования, и у него не было желания ее снова пересматривать. И, наконец, он разочаровался в советской археологии (см.: *Mehner*, 2017. Р. 100, 101).

Последнее прижизненное издание «У истоков...» не имело такого же успеха, как первые довоенные. Новое поколение археологов находило книгу «трудной для чтения, сложной и запутанной» (см.: *Moberg*, 1959. Р. 110). К этому времени изменения в археологии Старого Света были так велики, что появление актуального панъевропейского обзора было невозможно. В фокусе оказались региональные исследования, и в Западной Европе майкопская проблема переместилась на периферию интересов. Чаще всего о ней вспоминали в контексте истории искусства Древнего Востока (*Frankfort*, 1954).

На русский язык было переведено не «ревизионистское» 6-е, а 5-е издание книги Г. Чайлда, где в майкопском разделе — почти копия предыдущих двух изданий 1939 и 1947 гг. со сдержанно-одобрительным отзывом о периодизации и хронологии А. А. Иессена (*Чайлд*, 1952). Это только добавило авторитета и без того высокой репутации А. А. Иессена среди советских археологов.

в настоящем издании (с. 250–262). — Примеч. отв. редактора вступки.

Europe in Period II.

Рис. 10. Г. Чайлд, 1957 г. Хронологическая таблица и археологическая карта (Childe, 1957. P. 346, 349)
 Fig. 10. G. Childe, 1957. Chronological table and archaeological map (Childe, 1957. P. 346, 349)

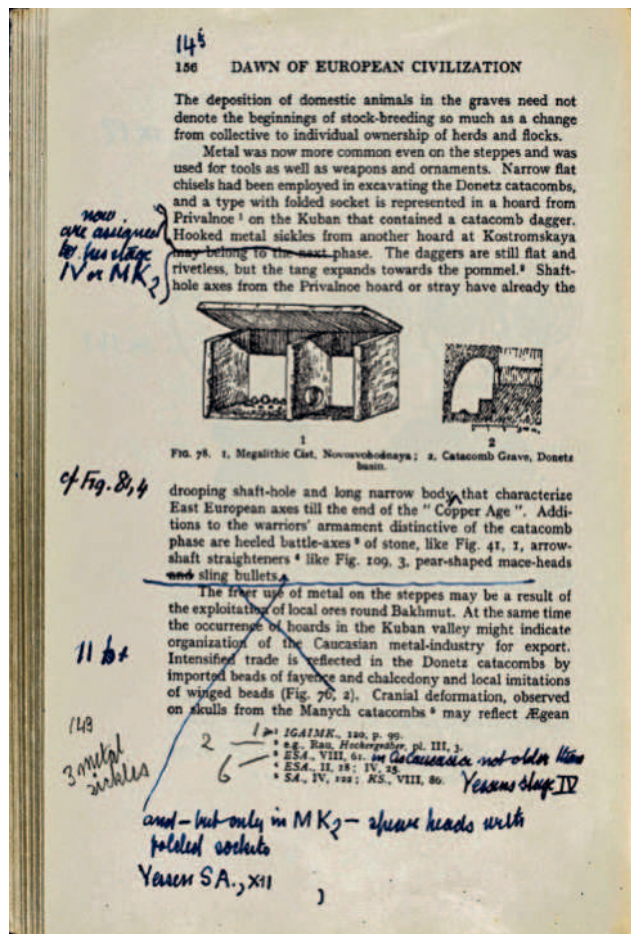

Рис. 11. Страница 5-го издания "The Dawn of European Civilization" (1950 г.), использованная Г. Чайлдом для внесения изменений в 6-е издание (1957 г.) с учетом публикаций А. А. Иессена (Meheux, 2017. P. 100, fig. 4)

Fig. 11. A page of the 5th edition of "The Dawn of European Civilization" (1950) used by G. Childe for making corrections to the 6th edition (1957) considering publications by A. A. Iessen (Meheux, 2017. P. 100, fig. 4)

Как позднее писал Р. М. Мунчаев, А. А. Иессен «на годы вперед <...> положил <...> конец спорам и путанице с датировкой „больших кубанских курганов“ и определил убедительно их хронологическое положение в ряду памятников бронзового века Северного Кавказа» (Мунчаев, 1975. С. 28).

Оппонентов равного класса в послевоенное время у А. А. Иессена не нашлось. На историю изучения майкопской культуры смотрели с его позиции, где главными были решения о датировках. Периодизация и хронология стали общепризнанными и легли в основу большинства

региональных культурно-хронологических систематизаций раннего и среднего бронзового века. При такой консолидации во взглядах цена ошибки в исходных положениях многократно возрастает. Со временем нарастало ощущение, что в узких рамках хронологии А. А. Иессена невозможно разместить все разнообразие региональных периодизаций культур Северного Кавказа и сопредельной степи эпохи энеолита и ранней бронзы. Кроме этого, не находил ответа вопрос происхождения майкопской культуры.

Решение появилось неожиданно в виде двух статей М. В. Андреевой, вернувшей в научный оборот идеи М. И. Ростовцева, на которые она обратила внимание по совету В. С. Титова — специалиста по неолиту Южной и Центральной Европы (Андреева, 1977; 1979). Это было по-настоящему революционное исследование, а не просто посмертный реванш М. И. Ростовцева, потому что М. В. Андреева решила проблемы и противоречия, с которыми сам М. И. Ростовцев справиться не смог. Она первой взялась за работу, на которую в силу разных причин не решились А. В. Шмидт и А. А. Иессен, — рассмотрела в переднеазиатском контексте в комплексе майкопский художественный стиль, керамику и отчасти погребальный обряд. Результат был ошеломительным — по всем основным признакам майкопские памятники входили в круг переднеазиатских культур урукского и протоэламского периодов IV тыс. до н. э. Оказалось, что бывшая в ходу хронология А. А. Иессена, как, впрочем, Г. Чайлда и Ф. Ханчара, ошибочна в оценке возраста майкопской культуры почти на 1000 лет, и причина не столько в датировке, сколько в относительной синхронизации культур и эпох.

Открытие М. В. Андреевой вызвало не просто цепную реакцию хронологических поправок, а стало началом пересмотра общей и региональных концепций культурного развития Кавказа и сопредельных с ним областей. В истории изучения майкопской культуры это означало смену парадигм и завершение первого этапа ее изучения — с 1897 по 1977 г.

Заключение

Рассматривая в ретроспективе первые 80 лет изучения майкопской культуры, можно сделать несколько методически поучительных и практических в прикладном плане наблюдений.

В этой истории больше всего поражает не величина хронологической ошибки — в археологии случались и более крупные, а упущенные возможности ее исправить на протяжении

почти 60 лет. Большинство работ по переднеазиатской керамике и искусству, на которые ссылалась М. В. Андреева, опубликованы в 1920–1950-е гг. (Андреева, 1977. С. 50; 1979. С. 30–34) и были доступны всем участникам дискуссии по майкопской проблеме. Другими словами, дело вовсе не в недостатке материалов, на что постоянно сетовал А. А. Иессен.

Талант М. И. Ростовцева был в способности найти верное решение именно при минимуме материалов. Ведь его оппоненты не опровергали его стилистические аргументы, а находили их невероятными. А. М. Тальгрэн, Ф. Ханчар, А. А. Иессен — все трое твердые сторонники строгой процедуры, но именно им оказалось сложнее всего оценить художественный стиль как аналитическую

категорию. Склонность Г. Чайлда к теоретическим экспериментам и концептуализации майкопского феномена несколько раз выводила его на путь к правильному решению проблемы, но научная дисциплина брала верх над интуицией.

Принятие точки зрения М. И. Ростовцева не выдержала бы ни одна из имевшихся тогда хронологических систем, и обрушение этих построений было вопросом времени. Их не могли спасти ни медленный дрейф А. А. Иессена в сторону удревления Майкопа, ни хронологические маневры Г. Чайлда, ни радиоуглеродные даты, на которые оба так рассчитывали. Решение лежало за пределами их способности к изменению общего взгляда на проблему, и найти его довелось уже другому поколению археологов.

АИЗ, № 2, 1898 — Археологические известия и заметки Московского археологического общества. 1898. № 2.

АИЗ, № 3–4, 1898 — Археологические известия и заметки Московского археологического общества. 1898. № 3–4.

Андреева, 1977 — Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 39–56.

Андреева, 1979 — Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1. С. 22–34.

Артамонов, 1948 — Артамонов М. И. Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. 1948. Т. X. С. 161–182.

Беляшевский, 1900 — Беляшевский Н. Ф. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистаго Звенигородского уезда Киевской губ. // Археологическая летопись Южной России / Под ред. Н. Ф. Беляшевского. Киев, 1900. Т. II. С. 148–164.

Бонгард-Левин, 1997 — Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.

Веселовский, 1905 — Веселовский Н. И. Первообытный человек. Доисторическая археология. Лекции. Изд. и рисунки Н. С. Соломко. СПб., 1905. 93 с.

Веселовский, 1910а — Веселовский Н. И. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 1–11.

Веселовский, 1910б — Веселовский Н. И. По поводу ответа В. А. Городцова // Известия ИАК. 1910. Вып. 37. С. 98–102.

Вовк, 1905 — Вовк Х. Вироби передмікеньского типу в неолітичних становищах на Україні (Відчит

на міжнародному археологічному конгресі 1900 р. в Парижі) // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1905. Т. VI. С. 1–27.

Волков, 1914 — Волков Ф. К. Приложение I // Гернес М. Первообытная культура. Ч. I. Каменный век. Рига: Наука и жизнь, 1914. С. 171–179.

Городцов, 1907 — Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. Т. I / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1907. С. 210–285.

Городцов, 1910 — Городцов В. А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов, 1915 — Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического Музея Имени Императора Александра III за 1914 год. М.: Синодальная типография, 1915. С. 121–226.

Деген-Ковалевский, 1939 — Деген-Ковалевский Б. Е. Проблема датировки «больших кубанских курганов» // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 14–17.

ЗРАО, 1898 — Записки Русского археологического общества. Т. 10, вып. 1–2: Труды Отделения Славянской и Русской Археологии. Кн. 3 / Под ред. С. О. Платонова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1898. 384 с.

Иессен, 1935а — Иессен А. А. Работы Комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). Общий отчет // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 158–162.

Иессен, 1935б — Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 7–237.

Иессен, 1939 — Иессен А. А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии //

- III Международный конгресс по иранскому искусству: Доклады / Ред. И. А. Орбели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 91–103.
- Иессен*, 1941 — *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 3). С. 7–50.
- Иессен*, 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. 92 с.
- Иессен*, 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «Больших кубанских курганов» // *СА*. 1950. Т. XII. С. 157–200.
- Иессен*, 1962 — *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // *Заседания, посвященные итогам полевых исследований в 1961 г. ИА АН СССР: Тезисы докладов*. М., 1962. С. 19–22.
- Иессен, Пассек*, 1935 — *Иессен А. А., Пассек Т. С.* Золото Кавказа // *Известия ГАИМК*. 1935. Вып. 110. С. 162–178.
- Клейн*, 2008 — *Клейн Л. С.* Место А. А. Спицына в мировой археологии // *История и практика археологических исследований: Материалы Международ. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, профессора А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.)* / Отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 61–72.
- Кузьминых*, 2011 — *Кузьминых С. В. А. А. Спицын и А. М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века* // *Тверской археологический сборник*. 2011. Вып. 8, т. II. С. 5–27.
- Кузьминых, Сафонов*, 2014 — *Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений* // *РА*. 2014. № 4. С. 145–154.
- Кузьминых и др.*, 2014 — *Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т., Сафонов И. Е. А. М. Тальгрэн в истории российской археологии* // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы: Сб.* / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.
- Между Азией и Европой...*, 1996 — *Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена* / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. 204[5] с.
- Мечников*, 1898 — *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. СПб.: Ред. журн. «Жизнь», 1898. 206 с.
- Мунчаев*, 1975 — *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 416 с.
- ОИАК, 1898 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. 252 с.
- ОИАК, 1900 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб., 1900. 192 с.
- ОИАК, 1901 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб., 1901. 191 с.
- Реклю*, 1906 — *Реклю Э.* Человек и земля. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. Т. I. 543 с.
- Ростовцев*, 1918 — *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 190 с.
- Самоквасов*, 1892 — *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской России. Варшава: тип. М. Земкевич, 1892. [4], VI, XLII, 101 с., 10 л. ил.
- Самоквасов*, 1908 — *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М.: Синодальная тип., 1908. IV, 283 с.
- Сарианиди*, 1974 — *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы // *СА*. 1974. № 4. С. 49–71.
- Спицын*, 1899 — *Спицын А. А.* Курганы с окрашенными костяками // *ЗРАО*. 1899. Т. XI, вып. 1/2. Новая серия. С. 53–133.
- Спицын*, 1903 — *Спицын А. А.* Медный век в верхнем Поволжье // *ЗРАО*. 1903. Т. V, вып. 1. С. 77–93.
- Фармаковский*, 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // *Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном*. Пг.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1914 (МАР; Вып. 34). С. 15–78.
- Хвойка*, 1901 — *Хвойка В. В.* Каменный век Среднего Приднепровья // *Труды XI АС. М.*; Тип. Г. Лисснера и А. Гепеля, 1901. Т. 1. С. 736–754.
- Чайлд*, 1952 — *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 466 с.
- Штерн*, 1907 — *Штерн Э. Р.* Доисторическая греческая культура на юге России // *Труды XIII АС. М.*, 1907. Т. 1. С. 9–95.
- Щербаківський*, 1926 — *Щербаківський В.* Тілопальні точки і мальована кераміка // *Трипільська культура на Україні*. Київ, 1926. Вип. I. С. 121–123.
- Aberg*, 1932 — *Aberg N.* Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie. 3. Kupfer- und Frühbronzezeit. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historieoch Antikvitets Akad., 1932. 363 S.
- Amiet*, 1988 — *Amiet P.* Elam et Bactriane. in *L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'Age du Fer*. Paris: de Boccard, 1988. P. 27–30.
- Äyräpää*, 1933 — *Äyräpää A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland Studien über die Verbreitung neolithischer

- Elemente aus Mitteleuropa nach Osten // *ESA*. 1933. T. VIII. S. 1–159.
- Bahrani*, 2017 — *Bahrani Z.* Le Mesopotamia. Arte e architettura. London: Thames & Hudson, 2017. 375 p.
- Bénédite*, 1916 — *Bénédite G.* Le couteau de Gebel el-'Arak // Étude sur un nouvelle objet préhistorique acquis par le musée du Louvre. Paris: Fondation Eugène Piot, 1916 (Monuments et mémoires; vol. XXII). P. 1–34.
- Breasted*, 1906 — *Breasted J.* Ancient records of Egypt. Vol. I. Chicago: The University of Chicago Press, 1906. 370 p.
- Capart*, 1905 — *Capart J.* Primitive art in Egypt. London: H. Grevel & Co., 1905. XX + 304 p.
- Cautier, Lampre*, 1905 — *Gautier J.-E., Lampre G.* Fouilles de Moussian. Chartres imp. de Durand, 1905. 106 p.
- Childe*, 1925a — *Childe G.* The Dawn of European Civilization. London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: Knopf, 1925. XVI + 328 p.
- Childe*, 1925b — *Childe G. H. Schmidt* *Vorgeschichte Europas* // *Man*. 1925. Vol. 25. P. 109–110.
- Childe*, 1926 — *Childe G.* The Aryans: a Study of Indo-European Origins. London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: Knopf, 1926. XIII + 221 pp.
- Childe*, 1927 — *Childe G.* The Dawn of European Civilization. Second edition. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO. LTd, 1927. 828 p.
- Childe*, 1935 — *Childe G.* Reviews. Minns Volume: *ESA*, IX, Helsinki, 1934 // *Antiquity*. 1935. Vol. 9, is. 35. P. 363–365.
- Childe*, 1936 — *Childe G.* The Axes from Maikop and Caucasian Metallurgy // *Annals of Archaeology and Anthropology*. 1936. Vol. 23. P. 113–119.
- Childe*, 1938 — *Childe G.* Reviews. *Urgeschichte Kaukasiens*. By Franz Hančar. Verlag von Anton Schroll and Co. Vienna, 1937 // *Antiquity*. 1938. Vol. 12, is. 47. P. 366–370.
- Childe*, 1939a — *Childe G.* The Orient and Europe // *American Journal of Archaeology*. 1939. Vol. 43, is. 1. P. 10–26.
- Childe*, 1939b — *Childe G.* The Dawn of European Civilization (3rd edition; revised and reset). London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: Knopf, 1939. XVIII + 351 pp.
- Childe*, 1944 — *Childe G.* Recent excavations on prehistoric sites in Soviet Russia // *Man*. 1944. Vol. 44. P. 41–43.
- Childe*, 1947 — *Childe G.* The Dawn of European Civilization (4th edition, revised and reset; actually published in 1948 and so referred to in subsequent editions). London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1947. XVIII + 362 pp.
- Childe*, 1950 — *Childe G.* The Dawn of European Civilization (5th edition, revised). London: Routledge & Kegan Paul, 1950. XVIII + 362 pp.
- Childe*, 1957 — *Childe G.* The Dawn of European Civilization (6th edition, revised and reset). London: Routledge & Kegan Paul, 1957. XIII + 368 pp.
- Curtis*, 1988 — *Curtis J.* A Reconsideration of the Cemetery at Khinaman, South-East Iran // *Iranica Antiqua*. 1988. Vol. 23/1. P. 97–128.
- Delange*, 2009 — *Delange É.* Le poignard égyptien dit “du Gebel el-Arak”. Collection SOLO. Paris: Musée du Louvre, 2009. 64 p.
- Deshayes*, 1977 — *Deshayes J.* À propos des terrasses hautes de la fin du IIIe millénaire en Iran et Asie centrale // Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique: leurs relations à la lumière des documents archéologiques, actes du colloque international 567, 22–24 mars 1976 / Ed. by J. Deshayes. Paris, 1977. P. 95–111.
- Dörpfeld*, 1902 — *Dörpfeld W.* Troja und Ilion. Athens: Beck & Barth, 1902. XX + 652 S.
- Frankfort*, 1928 — *Frankfort H.* Sumerians, Semites, and the Origin of Copper-working // *The Antiquaries Journal*. 1928. Vol. VIII. P. 217–235.
- Frankfort*, 1932 — *Frankfort H.* Archaeology and the Sumerian Problem. Vol. 4 of *The Oriental Institute of the University of Chicago studies in ancient Oriental civilization Chicago*, The University of Chicago press, 1932. XI + 72 S.
- Frankfort*, 1954 — *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1954. XXVIII + 298 p. + 192 p. of plates.
- Greenwell*, 1907 — *Greenwell C.* Notes on a collection of bronze weapons, implements and vessels found to the west of Kerman in south-east Persia, by major P. Molesworth Sykes // *Journal of the Royal Anthropological institute of Great Britain and Ireland*. 1907. Vol. 37. P. 196–200.
- Hančar*, 1937 — *Hančar F.* *Urgeschichte Kaukasiens*. Vienna: Verlag von Anton Schroll and Co, 1937. 448 p. + 56 p. of plates.
- Hrozny*, 1931 — *Hrozny B.* Le Hittite: Histoire et progrès du déchiffrement des textes // *Archiv Orientalni*. 1931. Vol. III. P. 272–295.
- Huntington*, 1907 — *Huntington E.* The Pulse of Asia. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 1907. XXX + 415 p.
- Jequier*, 1905 — *Jequier G.* Cachets et cylindres archaïques // *Délégation en Perse* / Ed. By M. J. de Morgan. Paris: Ernest Leroux, 1905 (Mémoires; T. VIII). P. 1–27.
- Karo*, 1930 — *Karo G.* Die Schachtgräber von Mykenai (Band 1): Text. München: Bruckmann, 1930/1933. 172 S.

- Kossinna*, 1909 — *Kossinna G.* Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen und ihre Ausbreitung nach dem Osten // *Mannus*. 1909. Bd. I. S. 225–245.
- Kossinna*, 1921 — *Kossinna G.* Die Indogermanen. Ein Abriss. I. Teil: Das indogermanische Urvolk (Mannus-Bibliothek; Nr. 26). Leipzig: Verlag Curt Kabitzsch, 1921. 79 S.
- Lindenschmit*, 1902 — *Lindenschmit L.* Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit. V Band, 1902. [231 S.]
- Meheux*, 2017 — *Meheux K.* Digitising and Re-examining Vere Gordon Childe's "Dawn of European Civilization": a celebration of the UCL Institute of Archaeology's 80th Anniversary // *Archaeology International*. 2017. Vol. 20. P. 91–105.
- Meyer*, 1909 — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums, I, 2 editions. Stuttgart; Berlin: J. G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1909. 894 S.
- Moberg*, 1959 — *Moberg C.-A.* Revid Work(s). The Dawn of European Civilization by V. Gordon Childe // *Man*. 1959. Vol. 59. P. 109–111.
- Montelius*, 1900 — *Montelius O.* Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Norddeutschland und Skandinavien. Braunschweig: Verlag Friedrich Vieweg und Sohn, 1900. 239 S.
- Montelius*, 1903 — *Montelius O.* Älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. Part I. Die Methode. Stockholm: Selbstverlag des Verfassers, 1903. 135 S.
- Montelius*, 1924 — *Montelius O.* La Grèce préclassique. Premier partie. Stockholm: Haeggström, 1924. 253 p.
- Morgan*, 1896 — *Morgan J.* Mission scientifique en Perse. T. IV, p. 1. Paris: Ernest Leroux, 1896. 302 p.
- Myres*, 1906 — *Myres J. L.* The Alpine races in Europe // *The Geographical Journal*. 1906. Vol. 28, no. 6. P. 537–553.
- Myres*, 1911 — *Myres J. L.* The dawn of History. London: Williams & Norgate, 1911. 256 p.
- Peake*, 1922 — *Peake H.* The Bronze Age and the Celtic world. London: Benn Bros., 1922. 201 p. + XIV tables.
- Perrot*, *Chipiez*, 1884 — *Perrot G., Chipiez C.* Histoire de L'Art dans Antiquité. T. II. Paris: Librairie Hachette et C., 1884. 825 p.
- Pottier*, 1912 — *Pottier E.* Etude historique et chronologique sur les vases peints de l'acropole de Suse // *Délégation en Perse* / Ed. by M. J. de Morgan. Paris: Ernest Leroux, 1912 (Memoires; T. XIII). P. 27–103.
- Pumpelly*, 1908 — *Pumpelly R.* Preface. Part I. Ancient Anau and the oasis world // *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904* / Ed. by R. Pumpelly. Washington: Carnegie Institution in Washington, 1908. P. 3–80.
- Ratzel*, 1898 — *Ratzel F.* Der Ursprung und das Wandern der Völker geographisch betrachtet // *Berichte über die Verhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*. Leipzig: Königlich Sächsische Gesellschaft der Wissenschaften, 1898 (Philologisch-Historische Classe; Bd. 50). S. 1–75.
- Ratzel*, 1900 — *Ratzel F.* Der Ursprung und das Wandern der Völker geographisch betrachtet // *Berichte über die Verhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*. Leipzig: Königlich Sächsische Gesellschaft der Wissenschaften, 1900 (Philologisch-Historische Classe; Bd. 52). S. 23–148.
- Rostovtzeff*, 1920a — *Rostovtzeff M.* L'Age du Cuivre dans le Caucase Septentrional et les Civilisation de Soumer et de l'Egypte Protodynastique // *Revue Archéologique*. 1920. Cinquième Serie. T. XII. Juillet-Octobre. P. 1–37.
- Rostovtzeff*, 1920b — *Rostovtzeff M.* The Sumerian Treasure of Astrabad // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1920. Vol. 6, no. 1. P. 4–27.
- Rostovtzeff*, 1921 — *Rostovtzeff M.* South Russia in the prehistoric and classical period // *The American Historical Review*. 1921. Vol. 26, no. 2. P. 203–224.
- Rostovtzeff*, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XXVI + 260 p.
- Rostovtzeff*, 1932 — *Rostovtzeff M.* The Sumerian Treasure of Astrabad again // *Studies presented to F. Cl. Griffith* / Ed. by H. Milford. London: Oxford university press, 1932. P. 341–345.
- Salminen*, 2017 — *Salminen T.* Aarne Michaël Tallgren and the International Discussion on the Bronze Age of Russia // *Bulletin of the History of Archaeology*. 2017. Vol. 27(1). P. 1–17.
- Sarzec*, *Heuzey*, 1884–1912 — *Sarzec G., Heuzey L.* Découvertes en Chaldée. Paris: Didier, 1884–1912.
- Seager*, 1912 — *Seager R. B.* Exploration in the island of Mochlos. Boston & New York: American School of classical studies at Athens, 1912. 111 p. + XI Pl.
- Schmidt A.*, 1929 — *Schmidt A.* Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja // *ESA*. 1929. T. IV. S. 9–21.
- Schmidt E.*, 1931 — *Schmidt E.* Tepe Hissar Excavations 1931 // *The Museum Journal*. Philadelphia, 1933. Vol. XXIII, 4. P. 341–365.
- Schmidt H.*, 1904 — *Schmidt H.* Die spätneolithischen Ansiedlungen mit bemalter Keramik am oberen Laufe des Altflusses // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1904. Nr. 36. S. 145–146.
- Schmidt H.*, 1908 — *Schmidt H.* Part II. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // *Explorations in Turkestan, Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau. Origins, Growth, and Influence of Environment, 1* / Ed. by R. Pumpelly. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. P. 83–232.
- Schmidt H.*, 1924 — *Schmidt H.* Vorgeschichte Europas. Grundzüge der alteuropäischen Kulturentwicklung.

- Bd. I (Stein- und Bronzezeit). Aus Natur und Geisteswelt. Leipzig; Berlin, 1924. 105 S.
- Schrader*, 1890 — *Schrader O.* Prehistoric antiquities of the Aryan peoples: a manual of comparative philology and the earliest culture. Trans. Frank Jevons. New York: Scribner and Welford, 1890. XV, 486 p.
- Tallgren*, 1911 — *Tallgren A.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I: Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsinki, 1911 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA); T. XXV). 230 S.
- Tallgren*, 1925a — *Tallgren A. M.* Zur frühen Metallkultur Südrusslands // Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie. Leipzig: Alfred Gotzedargebracht, 1925. S. 66–76.
- Tallgren*, 1925b — *Tallgren A. M.* The Copper Idols from Galich and Their Relatives // *Studia Orientalia*. 1925. I. P. 312–341.
- Tallgren*, 1926 — *Tallgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki: K.F. Puumiehen Kirjapaino O.Y., 1926 (ESA; Vol. II). 218 P.
- Tallgren*, 1929 — *Tallgren A. M.* Études sur le Caucase du nord // *ESA*. 1929. Vol. IV. P. 22–40.
- Tallgren*, 1931a — *Tallgren A. M.* Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // *ESA*. 1931. Vol. VI. S. 126–145.
- Tallgren*, 1931b — *Tallgren A. M.* Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1931. Bd. LXI. S. 81–97.
- Tallgren*, 1933 — *Tallgren A. M.* Dolmens of North Caucasia // *Antiquity*. 1933. No. 7(26). P. 190–202.
- Tallgren*, 1934 — *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // *ESA*. 1934. Vol. IX. P. 1–46.
- Ursulescu, Rubel*, 2020 — *Ursulescu N., Rubel A.* Hubert Schmidt und Cucuteni Einblicke in die Entdeckungsgeschichte der Cucuteni-Kultur anhand neuer Dokumente // *Die Cucuteni-Kultur und ihre südlichen Nachbarn* / Hrsg. G. Bodi et al. Suceava: Verlag Karl A. Romstorfer, 2020. S. 1–20.
- Volkov*, 1902 — *Volkov F.* L'industrie prémycénienne dans les stations néolithiques de l'Ukraine // *Congres International d'Anthropologie et Archeologie prehistoriques. Compte-rendu de la XII session*. Paris, 1900. Paris, 1902. P. 401–404.
- Woolley*, 1928 — *Woolley L.* Excavations at Ur 1926–7. Part II // *The Antiquaries Journal*. 1928. Vol. VIII, no 1. P. 1–29.
- Wulsin*, 1932 — *Wulsin F.* Excavations at Tureng Tepe near Asterabad. Supplement of the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology 2/1 bis. New York: American Institute for Persian Art and Archaeology, 1932. 12 p.

Views on the periodization and chronology of the Maykop culture in historical retrospect: from N. I. Veselovsky to A. A. Yessen

V. A. Trifonov⁵

Keywords: Caucasus, Bronze Age, Maykop archaeological culture, N. I. Veselovsky, D. Ya. Samokvasov, A. A. Spitsyn, V. A. Gorodtsov, A. M. Tallgren, B. V. Farmakovskiy, M. I. Rostovtsev, G. Childe, H. Frankfort, A. V. Schmidt, F. Hančar, A. A. Yessen.

The paper considers the early stage of the study of the Maykop archaeological culture and analyzes the reasons why the scientific community supported the plausible but erroneous trend in comparative typology while the correct solution was initially rejected and recognized as true almost fifty years afterwards. The consequences of this historiographic episode are evaluated for the development of archaeology of the Caucasus and South of East Europe of the Bronze Age. The article traces the history of changing views on periodization and chronology of the Maykop culture, depending on which, over the past century, not only the ideas about the cultural and chronological systematization of the Bronze Age sites of the Caucasus and the adjacent East European steppe have noticeably changed, but, to a large extent, the reconstruction of the general network of cultural relations between Europe and the early civilizations of the Ancient East. The paper analyses the motives and goals of the main participants of the discussion on the Caucasian archaeology of the Bronze Age in the first half of the 20th century: N. I. Veselovsky, D. Ya. Samokvasov, A. A. Spitsyn, V. A. Gorodtsov, A. M. Tallgren, B. V. Farmakovskiy, M. I. Rostovtsev, G. Childe, H. Frankfort, A. V. Schmidt, F. Hančar, A. A. Yessen.

⁵ Victor A. Trifonov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru.

А. А. Иессен (†). Тезисы доклада «Производство медных и бронзовых изделий в Причерноморских и Приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом» (1941 г.)

Комментарии В. С. Бочкарёва¹

Аннотация. Впервые публикуются ранее неизвестные тезисы доклада А. А. Иессена (1 февраля 1941 г., конференция в Институте археологии АН УССР, Киев). В комментариях к ним подчеркнуты идеи исследователя, которые не потеряли своей актуальности спустя многие десятилетия. Речь идет об упоминании ученым нижнеднепровского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века, а также высказанных предположениях А. А. Иессена о роли трипольского металлопроизводства в Восточной Европе, значении донецкого горно-металлургического центра, роли кавказской металлургии для степной зоны Восточной Европы, которые получили подтверждения в работах следующих поколений археологов.

Ключевые слова: А. А. Иессен, эпоха бронзы, Северное Причерноморье, очаг металлургии и металлообработки, идеи о происхождении металлопроизводства в Восточной Европе.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-222-225

Александр Александрович Иессен (1896–1964) принадлежит к числу выдающихся отечественных археологов. Он внес крупный вклад в нашу науку. Особенно больших успехов ему удалось достигнуть в исследовании древнейшей металлургии Кавказа. А. А. Иессен установил основные этапы ее развития, заложил основы ее хронологии и выделил локальные центры производства. Следует особенно подчеркнуть, что в результате исследования кавказского материала А. А. Иессен пришел к выводу, что металлопроизводство в эпоху бронзы развивалось в виде отдельных территориальных центров, очагов. Это было настоящим научным открытием. Отныне металлопроизводство можно было рассматривать как отдельную фракцию культуры, которая существовала и функционировала относительно автономно. Про-

дукция одного очага могла обеспечивать население одной или нескольких культур. Родственные очаги образовывали зоны металлопроизводства, а последние могли группироваться в более крупные объединения. Одним словом, работы А. А. Иессена открывали новые перспективы в исследовании древнейшей металлургии не только Кавказа, но и всей Евразии.

Его идея об «очагах» не сразу была воспринята в советской археологии, хотя ее практическое воплощение блестяще продемонстрировал сам А. А. Иессен, выделив прикубанский очаг металлургии и металлообработки позднего бронзового века (Иессен, 1951). Эта идея по достоинству была оценена только в 60-е гг. прошлого столетия, когда началось крупномасштабное исследование металла эпохи бронзы Восточной Европы (работы Е. Н. Черных, А. М. Лескова, В. А. Дергачёва и др.). Тогда были выделены очаги металлургии и металлообработки на Урале, в Поволжье, Поднепровье и Северном Причерноморье.

Видимо, А. А. Иессен предвидел эту ситуацию. По его мнению, в бронзовом веке на территории Восточной Европы сформировались кроме Кавказа по меньшей мере еще два очага: на Урале и в Нижнем Поднепровье. Данные о первом из этих очагов он представил в 1947 г. на Уральском

¹ ИИМК РАН; Институт истории, СПбГУ; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: bovad872@gmail.com. Сообщение подготовлено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

археологическом совещании в Перми (бывш. г. Молотов). Текст его доклада был опубликован в следующем году (Иессен, 1948).

Что касается нижнеднепровского очага, то краткие сведения о нем были изложены А. А. Иессеном в книге «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (Иессен, 1947. С. 25–29). В более поздних работах А. А. Иессена об этом очаге не упоминается.

Некоторое время тому назад при разборе россыпи документов в отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН была обнаружена копия тезисов доклада А. А. Иессена², прочитанного им 1 февраля 1941 г. в Киеве на IV научной конференции Института археологии АН УССР, посвященной эпохам неолита и бронзы на Украине. Они озаглавлены «Производство медных и бронзовых изделий в Причерноморских и Приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом». Ссылка на этот киевский доклад А. А. Иессена есть в его книге по греческой колонизации Северного Причерноморья (Там же. С. 27).

² Оригинал текста хранится в личном фонде А. А. Иессена в научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 76).

Производство медных и бронзовых изделий в Причерноморских и Приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом (тезисы доклада на IV научной конференции Института археологии АН УССР, посвященной эпохам неолита и бронзы на Украине. 1 февраля 1941 г., вечером)

А. А. Иессен (†)

1. За последние 20 лет накоплен огромный материал по истории культуры в степных и лесостепных областях юга СССР, от Карпат до Южного Урала, в III–I тыс. до н. э. Этот материал впервые позволил дать общую характеристику протекавшего здесь исторического процесса, осветив многие частные вопросы.

Одним из отстающих участков в изучении этого периода является история металлургии и металлообработки. Весьма значительный количественно [прим. — в количественном отношении] материал по медным и бронзовым орудиям и другим изделиям из металла до сих пор изучался весьма слабо.

2. Правильная постановка проблемы древней металлургии и металлообработки требует учета

Правда, здесь доклад озаглавлен несколько иначе: «Производство металлических изделий бронзового века в степях Восточной Европы в связи с вопросом о происхождении металла».

Эти тезисы киевского доклада А. А. Иессена сегодня вызывают интерес не только с историографической точки зрения. Конечно, многие их положения уже устарели. Особенно это касается абсолютной хронологии и культурной атрибуции металлических изделий. Вместе с тем основные идеи этой работы актуальны по сей день. К их числу относится проблема происхождения металлопроизводства на территории Восточной Европы, источников сырья для этого производства, а также вопросы культурной идентификации целого ряда очагов металлургии и металлообработки. Следует отметить, что многие предположения А. А. Иессена получили подтверждение в ходе дальнейших исследований. Это относится к оценке роли трипольского металлопроизводства в Восточной Европе, значении донецкого горно-металлургического центра, а также роли кавказской металлургии для степной зоны Восточной Европы. Все это говорит о важности и целесообразности публикации тезисов доклада А. А. Иессена 1941 г.

естественных условий возникновения и развития этих производств, т. е. выяснения тех рудных ресурсов, которые могли быть доступны древнему населению. Для самостоятельного возникновения и развития металлургии меди в степях не было достаточных предпосылок; незначительные месторождения меди в Донецком бассейне могли играть только вспомогательную роль. Основное питание медью должно было происходить извне, за счет ее добычи в соседних, более обеспеченных рудным сырьем областях и странах. В качестве таковых следует учитывать на западе Семиградско-Венгерские меднорудные районы; на юго-западе и юге — Болгарию и Анатолию; на юго-востоке — Кавказ, а на востоке — Южный Урал. Во всех этих районах медь добывалась в древности.

3. Задачей исследования является:

- а) выделение определенных комплексов металлических изделий;
- б) выяснение их хронологических и территориальных соотношений;
- в) определение для каждой такой группы районов производства, т. е. очагов металлообработки;
- г) установление связи этих очагов с определенными районами древней металлургии меди и добычи руды.

Выполнение указанной работы позволит дать общую картину истории освоения и использования металлов в стране, включив ее в общую историю культуры. Сейчас еще нет возможности дать такую развернутую картину; тем не менее ряд существенных ее черт выясняется.

4. Наиболее ранние изделия из меди на правобережной Украине, связанные с памятниками трипольской культуры, определенным образом тяготеют к Западу, скорее всего к Семиградскому очагу древней металлургии. Среди ранних медных изделий более восточных областей, в основной массе вероятно более поздних, чем время Трипольской культуры, намечается известная близость с находками на Северном Кавказе.

5. Вопрос о происхождении металла и о районах его обработки для II тыс. до н. э. еще недостаточно выяснен. Около середины II тыс. до н. э. и во второй его половине довольно широко распространены медные изделия местных типов, свидетельствующие о местной обработке металла в степях. В то же время многие предметы тяготеют к западным, южным и восточным центрам.

В этот же период в Южной Украине прослеживается бесспорный импорт южного, эгейско-малоазийского происхождения, а в более восточных районах — кавказских предметов.

6. Значительно более яркую и полную картину мы имеем для позднего бронзового века, с кон-

ца II тыс. до 7 в. до н. э. В этот период мы можем проследить импорт изделий «венгерских» типов на западе, ряд находок кавказского происхождения («кобанских» и закавказских типов на Дону и на Украине). В то же время производство медных и бронзовых изделий распространяется широко по всей степной области, опираясь в основном на использование привозного металла.

Особенно яркий очаг такого местного производства существует в районе Нижнего Днепра; возникновение его свидетельствует о связях с югом, предшествующих времени греческой колонизации побережья. Помимо этого очага можно выделить несколько других местных групп (западную, волжскую, юго-восточную). Последняя из них связана с установлением недавно [выявленного] очага металлообработки и металлургии на Северо-Западном Кавказе, в Прикубанье, игравшего по-видимому крупную роль в снабжении степей металлом также в раннескифское время.

Определить район использования донецкой меди пока представляется затруднительным.

Эта картина, намеченная в самых общих чертах, свидетельствует об оживленных межплеменных сношениях в период, предшествовавший переходу местного населения на высшую ступень варварства (в скифскую стадию).

7. Для разработки поставленной проблемы необходим прежде всего возможно более полный учет всего имеющегося материала и последующее его изучение. В программу работ должен быть включен и химический анализ металла, до сих пор почти не производившийся.

При этих условиях история использования металла и история металлических изделий, помимо своего специального интереса, позволит уточнить многие вопросы общей истории медно-бронзового периода на юге СССР и в частности вопросы хронологии.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 76. Личный фонд А. А. Иессена.

Иессен, 1947 — Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. 92 с.

Иессен, 1948 — Иессен А. А. Уральский очаг древней металлургии // Первое уральское археол. совещание при Молотовск. ун-те. 20–25-е апр. 1947 г. / Отв. ред. Р. В. Мерцлин. Молотов: тип. Молотовск. госун-та, 1948 (Доклады научной конференций

Молотовского государственного университета; Вып. 1–4. Авторефераты, тезисы докладов и общие постановления по вопросам археологических исследований на Урале). С. 59–64.

Иессен, 1951 — Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.

A. A. Iessen. Theses of the lecture “Manufacture of copper and bronze objects in the Black Sea and Azov Sea steppes and the question about sources of the metal” (1941)

Comments by V. S. Bochkarev³

Keywords: A. A. Iessen, Bronze Age, Northern Black Sea littoral, centre of metallurgy and metalworking, ideas on the origin of metal production in East Europe.

Earlier unknown theses of the lecture by A. A. Iessen (February 1, 1941, conference in the city of Kiev, Institute of Archaeology AS UkSSR) are presented. In commentaries to them, the researcher’s ideas are highlighted which have not lost their importance after many decades. The issue concerned is the researcher’s mention of the Lower Dnieper hearth of metallurgy and metalworking in the Late Bronze Age, as well A. A. Iessen’s hypotheses on the role of the Tripolye metal production in East Europe, the importance of the Donets mining metallurgical centre and the role of the Caucasian metallurgy for the steppe zone of East Europe. These ideas have been proved in the works of the next generations of archaeologists.

³ Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: bovad872@gmail.com.

А. А. Иессен (†). [Майкопская культура и ее датировка]

Подготовка текста и вступительная заметка М. В. Медведевой¹

Аннотация. Впервые вводится в научный оборот неопубликованная статья А. А. Иессена, посвященная проблемам хронологии памятников майкопской культуры. Текст рукописи обнаружен в научном архиве ИИМК РАН и является развернутой версией тезисов доклада «Майкопская культура и ее датировка» (1962 г.).

Ключевые слова: А. А. Иессен, майкопская культура, хронология эпохи бронзы Кавказа, история археологии, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-38-226-238

Выдающийся вклад А. А. Иессена в изучение археологических памятников и древней истории Кавказа эпохи бронзы широко известен в отечественной науке. Материалы его бесценного документального наследия, хранящиеся в научном архиве ИИМК РАН, чрезвычайно востребованы у современных специалистов и в наши дни не теряют своей актуальности и научной значимости. Талантливый ученый не успел опубликовать все, что планировал, и до сих пор результаты его плодотворной научной деятельности введены в научный оборот не в полной мере. Значительные документальные коллекции, сложившиеся в процессе профессиональных занятий ученого, представлены в фондах ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИА АН СССР — учреждений, с которыми связана вся его основная служебная и научная жизнь (*Лазаревская*, 1996)². Огромное количество рукописных материалов А. А. Иессена по разнообразным научно-исследовательским темам собрано в его личном фонде, который, к сожалению, пока остается недоступным для исследователей (*Васильева*,

1987). Вместе с тем отдельные документы ученого обнаруживаются в материалах его коллег и учеников, продолжавших разрабатывать тематику исследований А. А. Иессена и активно использовавших его документальное наследие.

В 2022 г. во время первичной разборки и систематизации документов личного рукописного фонда археолога К. Х. Кушнарёвой для подготовки его предварительного обзора в архиве исследовательницы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 105) был обнаружен целый комплекс материалов, относящихся к результатам научной деятельности ее учителя и научного руководителя А. А. Иессена (рис. 1). Среди них сохранилась представительная подборка материалов о раскопках могильника эпохи бронзы Южного Закавказья Кызыл-Ванка, несколько кратких отчетов о научной работе А. А. Иессена за 1940–1950 гг., планы его исследований по Северному Кавказу (*Григорьева и др.*, 2022. С. 42, 43).

В этом же блоке документов оказалась папка, содержащая машинописный черновик неопубликованной статьи А. А. Иессена на 26 страницах. На первой странице рукописи пропечатаны дата 31 марта 1962 г. и имя автора — А. А. Иессен (рис. 2). Название текста отсутствует, как и какая-либо авторская правка. Не вызывает сомнений, что это одновременно набранный на печатной машинке текст уже практически готовой к публикации статьи, за исключением ссылок и иллюстраций, которые, видимо, автор планировал вставить на последнем этапе. В статье рассматриваются проблемы хронологии, генезис и ареал распространения памятников майкопской

¹ ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru. Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² О рукописных материалах А. А. Иессена в научном архиве ИИМК РАН см. статью В. Н. Кузнецовой в настоящем выпуске. с. 30–47.

Рис. 1. К. Х. Кушнарёва, А. А. Иессен (второй справа), И. Б. Брашинский (первый слева) с норвежскими коллегами, ок. 1960 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.929/86

Fig 1. K. Kh. Kushnareva, A. A. Iessen (second from right), I. B. Brashinsky (first from left) with Norwegian colleagues, nearly 1960. SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 929/86

культуры. Из контекста стало очевидно, что это расширенная версия тезисов доклада А. А. Иессена «Майкопская культура и ее датировка». Доклад на эту тему прозвучал на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г., и вызвал большой научный интерес. В печатном виде вышли только краткие тезисы на трех страницах (Иессен, 1962), где ученый весьма лаконично сформулировал основные положения и выводы. Несмотря на небольшой объем, эта публикация заняла прочное место в ряду основополагающих работ из библиографического списка изданий, посвященных проблемам изучения памятников майкопской культуры и эпохи бронзы Кавказа в целом. Именно с работами А. А. Иессена связывают один из важных периодов разработки хронологии и выделения этапов майкопской культуры. Безусловно, многие положения о датировке майкопской культуры, выдвинутые им в тезисах 1962 г., в настоящее время пересмотрены, ведь наука не стоит на месте и находится в постоянном движении и развитии. Прекрасно понимал это и сам А. А. Иессен. Дальновидность и научную интуицию ученого демонстрирует заключительная часть очерка, где он отметил необходимость накопления материалов и предугадал

определяющую роль методов точных наук в создании объективной хронологии памятников майкопской культуры.

С того времени открыты и изучены новые памятники, по теме бронзового века Кавказа получено множество новых источников, активно применяются современные естественнонаучные методы исследований, дающие широкие возможности для точной датировки. Тем не менее дискуссия о хронологии и синхронизации памятников майкопской культуры продолжается.

В свете этого представляется необходимым ввести в научный оборот обнаруженную в научном архиве ИИМК РАН работу А. А. Иессена целиком. Где сам исследователь планировал это опубликовать и почему этого не произошло, остается только догадываться. К. Х. Кушнарёва уже после кончины своего наставника, видимо, собиралась издать его статью, и поэтому текст очутился в ее материалах, но, к сожалению, так и остался неизданным. Учитывая ценность этого документа, в 2022 г. его перенесли в архивный фонд рукописей сотрудников ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2), и таким образом спустя 60 лет после написания появилась возможность опубликовать развернутый очерк А. А. Иессена

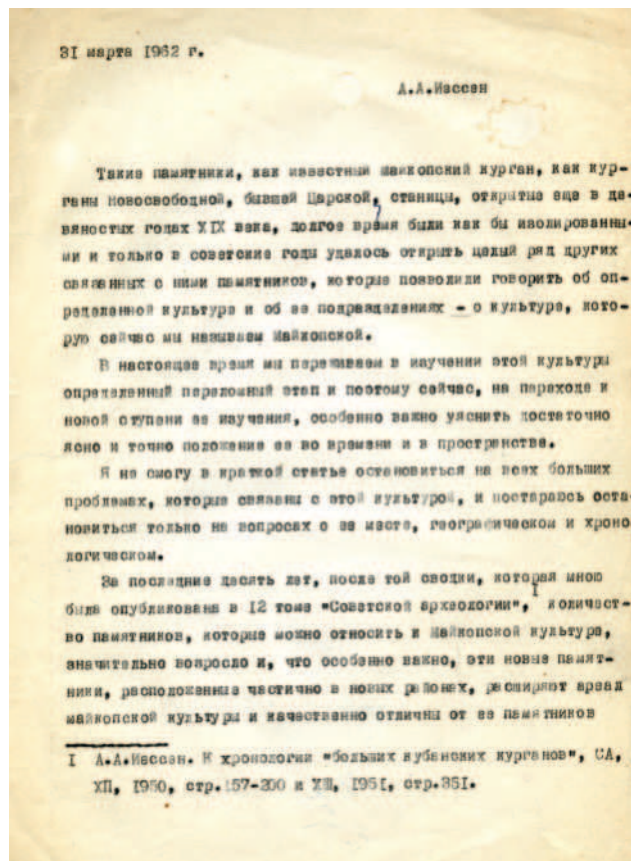

Рис. 2. Первая страница статьи А. А. Иессена. 31 марта 1962 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 2173. Л. 1

Fig. 1. The first page of the article by A. A. Iessen. March 31, 1962. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 2. F. 2173. Sh. 1

о датировке майкопской культуры, приурочив это событие к 125-летию юбилею ученого.

Текст статьи воспроизводится полностью в авторской версии. Следует отметить, что в рукописи есть существенные пробелы в оформлении ссылок на печатные источники и на иллю-

стративный ряд, задуманный автором. Точные выходные данные представлены только к первой ссылке (Иессен, 1950; Советская археология, 1950). В остальных случаях несколько раз упомянуты лишь авторы публикаций, иногда с намеком на название. Большинство же ссылок остались «слепыми», когда в рукописи имеется только номер ссылки в тексте и тот же номер приводится внизу страницы в соответствии с постраничной системой оформления, однако содержательная часть ссылки (автор, наименование публикации и т. д.) пуста. Думается, что впоследствии специалисты в области археологии бронзы Кавказа с легкостью смогут восполнить все эти пробелы недостающими указаниями на надлежащие издания.

Намного сложнее обстоит дело с рисунками. В статье планировалось опубликовать 15 иллюстраций. Номера рисунков в тексте проставлены только в двух местах. Видимо, А. А. Иессен предполагал дополнить нумерацию вручную после окончательного подбора иллюстративного ряда. Огорчительно, что никаких карт (рис. 1; 2), неоднократно упоминаемых автором, и рисунков в деле не содержится, как и дополнительных сведений о точных наименованиях изображений или о месте их хранения/местонахождения. Поиск соответствующих иллюстраций в многочисленных материалах А. А. Иессена, хранящихся в рукописных и фотографических фондах ГАИМК/ИИМК АН СССР, тоже не дал положительных результатов. Возможно, они когда-нибудь найдутся в личном рукописном фонде А. А. Иессена.

Надеемся, что публикация статьи станет полезной для специалистов в области археологии бронзового века Кавказа в их дальнейших изысканиях и позволит дать еще более объективную оценку научному значению трудов А. А. Иессена на поприще археологической науки.

[Майкопская культура и ее датировка]³

31 марта 1962 г.

А. А. Иессен

Такие памятники, как известный майкопский курган, как курганы Новосободной, бывшей Царской, станицы, открытые еще в девяностых годах XIX в., долгое время были как бы изолированными, и только в советские годы удалось открыть целый ряд других связанных с ними памятников, которые позволили говорить об опре-

деленной культуре и о ее подразделениях, о культуре, которую сейчас мы называем майкопской.

В настоящее время мы переживаем в изучении этой культуры определенный переломный этап, и поэтому сейчас, на переходе к новой ступени ее изучения, особенно важно уяснить достаточно ясно и точно положение ее во времени и в пространстве.

Я не смогу в краткой статье остановиться на всех больших проблемах, которые связаны с этой

³ Документ приведен к нормам современных орфографии и синтаксиса.

культурой, и постараюсь остановиться только на вопросах о ее месте, географическом и хронологическом.

За последние десять лет, после той сводки, которая мною была опубликована в 12 томе «Советской археологии»⁴, количество памятников, которые можно относить к майкопской культуре, значительно возросло, и, что особенно важно, эти новые памятники, расположенные частично в новых районах, расширяют ареал майкопской культуры и качественно отличны от ее памятников, известных ранее. Раньше мы не знали (за одним исключением) сколько-нибудь изученного поселения этой культуры, а сейчас такие памятники появились.

Во время работ Л. Н. Соловьева в Воронцовской пещере и на Черноморском побережье им были обнаружены в сороковых — начале пятидесятых годов культурные слои майкопской культуры⁵. В последние годы существенную работу по изучению поселений майкопской культуры проделала Северо-Кавказская экспедиция Института археологии АН СССР (Е. И. Крупнов). Отрядом этой экспедиции под руководством А. А. Формозова и отрядом Эрмитажа под руководством А. Д. Столяра найден и исследован целый ряд поселений майкопской культуры в бассейне р. Белой и прилегающих районах, то есть на северном склоне Кавказского хребта, в Закубанье⁶. В самые последние годы памятники этой же культуры обнаружены и на востоке, в Чечено-Ингушетии, работами той же северокавказской экспедиции Е. И. Крупнова⁷.

Рассмотрим, прежде всего, карту распространения памятников майкопской культуры (рис. 1).

На этой карте обозначены все пункты, где мы сейчас знаем поселения, курганы и другие памятники этой культуры. Они группируются, прежде всего, в районе Закубанья и Черноморского побережья. Вторая группа известна в районе Пятигорья и Кабарды, а еще дальше на восток соответствующие памятники обнаружены в Чечено-Ингушетии и отчасти в Северном Дагестане.

⁴ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII, 1950, стр. 157–200 и XIII, 1951, стр. 351 (ссылка приводится в соответствии с оригинальным документом. См.: Иессен, 1950; Советская археология, 1950. С. 351. — Примеч. М. М.).

⁵ Л. Н. Соловьев (здесь и далее ссылки приводятся в соответствии с оригинальным документом, при отсутствии текста поставлен прочерк. — Примеч. М. М.).

⁶ —

⁷ —

Крайние точки, которые сейчас нам известны, — это, с одной стороны, Таманский полуостров, где в районе Кучугур несколько лет тому назад Кублановым⁸ открыто, по-видимому, поселение майкопской культуры. С другой стороны, крайней восточной точкой этой культуры можно, хотя и условно, считать район Дивичей в Азербайджане, где еще в дореволюционное время была сделана находка, к сожалению, не сохранившаяся до наших дней, но, по сведениям В. А. Городцова, соответствующая находкам в станице Царской.

Таким образом, мы сейчас знаем около 50 пунктов с памятниками майкопской культуры, расположенными, однако, не на сплошной территории, а двумя группами — более значительной и компактной в Прикубанье и более рассеянной от Пятигорья до Дагестана.

Если обобщить эти данные и от показа отдельных пунктов перейти к показу ареала этой культуры, то мы получим примерно такую карту (рис. 2).

На этой карте показано также распространение памятников куро-араксской культуры, так называемого куро-араксского энеолита. Здесь мы также пока не имеем сплошной территории. Но на Северо-Восточном Кавказе, в районе Чечни и Северного Дагестана мы совершенно явно наблюдаем соприкосновение и перекрещивание этих двух культур. В отдельных случаях сосуществование элементов майкопской и куро-араксской культур отмечено на одних и тех же памятниках⁹.

Таким образом, для III тысячелетия до н. э. мы на Кавказе имеем две большие территории с двумя культурами. Дальше мы несколько остановимся на вопросе о том, насколько эти культуры синхронны. Но эти два ареала сейчас обрисовываются достаточно отчетливо.

На карте показаны также памятники типа Очамчирского селища, которые, как будто, могут быть отнесены к третьей культурной группе этого периода. Однако они пока очень слабо изучены, и остается неясным, насколько широко была эта группа распространена в Западной Грузии¹⁰.

Все памятники майкопской культуры были в 1950 году разделены мною на два последовательных хронологических этапа: на этап собственно майкопский, во главе со знаменитым Майкопским курганом, со Старомышастовским кладом и рядом других комплексов, и на более поздний

⁸ Кубланов.

⁹ —

¹⁰ Л. Н. Соловьев.

второй этап — этап Новосвободненский, с такими ведущими комплексами, как дольменные погребения в курганах станицы Царской (Новосвободной).

Новые раскопки и исследования подтвердили такую хронологическую последовательность этих комплексов.

Однако хронологическое сопоставление с ними памятников, открытых за последние годы, особенно древних поселений, мне представляется пока еще недостаточно выясненным, поскольку материалы этих поселений, в особенности поселений на р. Белой, опубликованы еще неполно. Вместе с тем еще в 1950 году мною высказывалось предположение, что среди памятников майкопской культуры имеются и более древние памятники, чем собственно майкопский ее этап. В поселении Долинском около Нальчика, где верхний слой соответствует Новосвободненскому этапу, нижний слой может быть старше майкопского кургана.

Я думаю, что и на тех поселениях, которые изучены за последние годы и находятся в процессе дальнейшего исследования, будут установлены слои, относящиеся к более раннему времени, чем собственно Майкопский этап, в том понимании, которое я ему придавал в 1950 году.

Таким образом, мне представляется сейчас вероятным, что у нас выделится по счету третий, а хронологически первый Предмайкопский этап, который и даст возможность связать памятники майкопской культуры с памятниками северокавказского неолита или энеолита, представленными такими известными комплексами, как Нальчикский могильник и Агубековское поселение около Нальчика.

Прежде чем переходить к вопросу об абсолютной хронологии памятников майкопской культуры, следует сказать несколько слов о соотношении этой культуры с соседними областями и с более поздними памятниками.

В степном Предкавказье, в районах, расположенных к северу от ареала «майкопских» памятников, мы знаем некоторое количество курганных захоронений, которые как будто не вяжутся ни с древнеявной культурой, ни с более поздней катакомбной культурой и, по-видимому, синхронны, а возможно, и культурно связаны с памятниками майкопской культуры. В частности, такие погребения известны в Калмыкии. Однако положительно утверждать об их принадлежности к майкопской культуре мне представляется еще преждевременным.

Что же касается соотношения майкопской культуры с последующей северокавказской культурой второго тысячелетия до нашей эры, то тут тоже есть целый ряд не вполне разрешенных вопросов. На мой взгляд, объем понятия северокавказской культуры еще недостаточно уточнен, и в работах последних лет мы видим некоторую нечеткость в выделении этой культуры.

В частности, в диссертации и в статьях, опубликованных А. А. Иерусалимской, ряд памятников северокавказской культуры отнесен к предкавказской степной культуре катакомбного типа¹¹. Наоборот, в недавних работах В. И. Марковина, как мне представляется, ряд памятников степной катакомбной культуры отнесен к культуре северокавказской¹².

Пока этот вопрос недостаточно разработан, нам трудно говорить о том, в какой форме и в какой мере существует преемственность в развитии от новосвободненского этапа майкопской культуры к северокавказской культуре. Здесь еще большое поле для дальнейшей работы.

Вместе с тем рассмотренные нами карты позволяют утверждать, что памятники не только майкопского этапа распространены на восток от Прикубанья, в районах Кабарды и Чечено-Ингушетии, как можно было думать по данным, известным к 1950 году. Раскопки Северо-Кавказской экспедиции, особенно 1961 года, показали, что в Чечне имеются памятники, явно вяжущиеся с новосвободненским этапом, то есть с поздним этапом майкопской культуры. Сюда, в частности, должен быть отнесен Бамутский курган № 9, который раскопан Р. М. Мунчаевым¹³. Это обстоятельство важно отметить, потому что за последние десять лет неоднократно высказывалась такая точка зрения, что майкопский этап распространен на Северном Кавказе довольно широко, а Новосвободненский этап является узколокальным западным вариантом и хронологически совпадает с памятниками северокавказской культуры в более восточных районах¹⁴. Сейчас можно уже уверенно говорить, что это не так, что новосвободненский этап представлен памятниками и на востоке, вплоть до Чечни и Дагестана, и, таким образом, хронологически подстилает собственно северокавказскую культуру второго тысячелетия

11 —

12 —

13 Р. М. Мунчаев.

14 —

до н. э. Многие вопросы происхождения, сложения, первоначального развития майкопской культуры еще остаются неясными, и останавливаться на них сейчас нет возможности. Здесь требуются, прежде всего, полная публикация и полный анализ всех тех материалов поселений, которые сейчас уже добыты, но еще до конца не обработаны.

Однако вопросы абсолютной хронологии, в отношении которой мы имеем возможность опираться на внешние связи майкопской культуры, уже могут быть поставлены с достаточной надеждой на близкое к окончательному решение этого вопроса. Сейчас нет надобности возвращаться к общему обзору всех тех датировок, которые давались этим памятникам в литературе. В частности, нет надобности говорить о причинах, почему в свое время предлагались очень поздние даты. Я остановлюсь только на тех датировках, которые были даны после 1950 г., после появления моей статьи, в которой вопросы абсолютной хронологии стояли на втором плане. В этой работе мне было важно показать относительную хронологию памятников майкопской культуры и их соотношение с более поздними памятниками Северного Кавказа. Эта проблема была рассмотрена подробно, тогда как вопросы абсолютной хронологии решались без детального уточнения и в очень широких рамках. Тогда мною были предложены датировки для майкопского этапа от 2300 до 1900 г. до н. э., для новосвободненского — от 2100 до 1700 г. до н. э., т. е. очень широкие пределы, которые частично как бы перекрывались, но с тем, что в пределах этих широких дат все-таки майкопский этап был более ранним, а новосвободненский — более поздним.

В последующие годы вопросов абсолютной датировки памятников майкопского этапа касались многие авторы, но окончательной договоренности в этом вопросе у нас нет.

Я приведу только один пример: в первом томе «Всемирной истории», вышедшем в 1955 г., майкопский этап датирован серединой третьего тысячелетия до н. э., тогда как в «Очерках по истории СССР», которые вышли годом позднее, Майкоп датируется концом 3-го — началом 2-го тысячелетия до н. э. Разница составляет почти половину тысячелетия.

Сейчас мы можем памятники майкопской культуры и сделанные на них находки сопоставить с более или менее точно датированными памятниками в южных районах и проследить, какие имеются совпадения или несовпадения, какие хронологические рамки оказываются наиболее

вероятными для определения возраста памятников Северного Кавказа.

Не буду останавливаться на вопросах датировки поселений, потому что, повторяю, сейчас материал этот еще недостаточно и только частично опубликован. Постараюсь остановиться на сопоставлениях только тех материалов, которые представлены в курганных захоронениях, Майкопском и двух Новосвободненских. Остальные погребальные памятники нового, по сравнению с этими комплексами, дают очень мало. Поэтому эти наиболее яркие памятники можно с наибольшей надеждой на успех сопоставлять с памятниками Передней Азии, на которые мы, прежде всего, должны ориентироваться.

Очень важный материал представлен теми каменными бусами, которые имеются в достаточно большом количестве и в Майкопском кургане, и в Старомышастовском кладе, и в Новосвободненских курганах, а также и в некоторых других памятниках. Здесь по определению специалистов представлены материалы, происходящие в наибольшей своей части с юго-востока, из Ирана и Средней Азии. В частности, представлены бирюза, видимо, восточноиранского, хорасанского происхождения, и лазурит, скорее всего, бадахшанский или афганский, сердолик, который представлен в этих комплексах в наибольшем количестве, также, скорее всего, восточного происхождения, может быть, даже индийского. С другой стороны, в небольшом числе имеем и материал, ведущий нас на юго-запад, в Анатолию, — это бусы из морской пенки¹⁵.

Таким образом, уже этот каменный материал дает некоторые указания на то, где мы можем и должны искать данные для сопоставления с нашими памятниками. Наиболее обнадеживающим явится, конечно, сравнение таких богатых комплексов, как комплексы Майкопа и Новосвободной, с такими же богатыми многосоставными комплексами на юге.

Прежде всего, мне хочется остановиться на комплексах царских могильников Ура в Южной Месопотамии, с которыми наши кубанские материалы неоднократно пробовали сопоставлять. Делалось это еще в конце двадцатых и в тридцатых годах, когда комплексы Урского могильника относили к концу четвертого тысячелетия до нашей эры. Более или менее принятая к тому времени датировка больших кубанских курганов — датировка Тальгрена — была около первой четверти

¹⁵ Определения Г. Г. Леммлейна.

второго тысячелетия до нашей эры. Таким образом, получался разрыв примерно в полторы тысячи лет, а материальные сопоставления, которые тогда производились, вполне убедительных аналогий не дали. Есть в Уре и на Кубани некоторые близкие элементы, как, например, височные кольца аналогичных форм, но все это такие предметы, которые держатся почти без изменений чрезвычайно долго и хронологических показаний, пригодных для использования, не дают.

Для сопоставления с находками в странах Древнего Востока пригодны прежде всего найденные на Кубани изделия из металла — орудия труда, оружие, сосуды, украшения. Из находок в Майкопском кургане нам следует иметь в виду для этих целей проушные топор и тесло и комбинированное орудие топор-тесло. Проушной топор клиновидный прямой формы, без трубчатого насада. Форма очень простая и архаичная. Тесло также почти прямое. Комбинированное орудие соединяет все характерные черты этих же топора и тесла. Майкопское тесло пока является уникальным для этого периода на Кавказе, тогда как подобные топоры сейчас уже известны в целом ряде экземпляров.

В последней сводке по орудиям труда IV–II тысячелетий до н. э., опубликованной французским исследователем Дезейе в 1960 году, дана очень дробная классификация топоров и других орудий для широкой территории всей Передней Азии и Балканского полуострова, включая и Кавказ. Все же и при таком широком охвате материала автор для майкопского топора смог привести только одну достаточно близкую аналогию¹⁶.

В том же майкопском комплексе встречены характерные плоские тесла относительно короткой формы с закругленной тыльной частью; форма эта позднее в северокавказской культуре исчезает.

Там же найден кинжальчик со слабо выделенным черенком или без черенка и два долота, к сожалению, с плохо сохранившимся рабочим концом, четырехгранного сечения.

Наконец, к тому же комплексу относится большой предмет, который сравнивали с минойскими бритвами, с которыми он не сопоставим по размерам. Вместе с тем он вряд ли может быть назван кинжалом, так как изготовлен из чрезвычайно тонкого листа металла. Однако по своей форме это, несомненно, какое-то режущее орудие, быть может, и не имевшее практического значения.

¹⁶ Deshayes. Les outils (см.: Deshayes, 1960. — Примеч. М. М.).

Следует упомянуть, что во впускном погребении, встреченном выше основной могилы в насыпи Майкопского кургана, оказался кинжальчик черенкового типа, который хронологически может быть отнесен к новосвободненскому этапу майкопской культуры (рис. __).

Очень интересная круглодонная керамика Майкопского кургана сейчас представляет для нас интерес по близости ее форм с металлическими сосудами этого же комплекса.

Серебряные и золотые сосуды в Майкопском кургане встречены в числе 17 экземпляров, в их числе представлены четыре основных формы: круглодонные неглубокие открытые чаши (рис. __); более глубокие чаши с резким перегибом (рис. __); близкие к шаровидным горшки с отогнутым наружу венчиком широкого отверстия (рис. __) и высокогорлые горшки с близким к яйцевидному корпусом и расширяющимся кверху горлом (рис. __).

	Тип	Майкопский курган				
		Золото	Серебро	Камень	Керамика	Медь
1	Открытые чаши	–	3	–	–	1
2	Глубокие чаши	1	2	–	–	–
3	Шаровидные горшки	1	5 ¹	–	8	1 большой котел
4	Высокогорлые горшки	1	4 ²	–	–	–
5	Сферический сосуд с крышкой	–	–	1 ^х	–	–
	[?]	–	–	–	1 большой яйцевидный горшок	1 ведро с ручкой

1) в т. ч. один с гравировкой.

2) в т. ч. один с гравировкой и один рифленный.

х) крышка золотая.

Как серебряные, так и золотые сосуды Майкопского кургана изготовлены (вытянуты) из одного листа. Единственное исключение представляет <...>

Только на сосудах имеются приклепанные ушки для подвешивания.

Из всей серии майкопских сосудов выделяют две широко известные вазочки с гравированными изображениями животных, одна из которых может быть отнесена к третьему, а другая — к четвертому типу.

Один из сосудов четвертого типа, очень плохо сохранившийся, имеет на корпусе вертикальное, а на шейке горизонтальное рифление.

Старомышастовский клад был найден в небольшой серебряной вазочке с крышкой (рис. ___), близкой по форме к каменному сосуду (?) из Майкопа (рис. ___). Последний каменный сосуд, полный внутри, насквозь просверлен, имеет большую полость и золотую накладку с золотой крышкой на одно из отверстий. Надо думать, что имелся еще и золотой поддон, не дошедший до нас, закрывавший нижнее отверстие.

Шаровидные серебряные сосуды третьего типа почти совпадают с керамическими горшками из Майкопского кургана и из некоторых других находок; высокогорлым сосудам четвертого типа имеется аналогия в керамике Келермесского кургана № <...> 1904 г.¹⁷

Медные сосуды в Майкопском кургане представлены большим котлом, чашей, ведром с ручкой, концы которой пропущены в отверстия в стенке. Чаша и котел и технически, и по формам совпадают с серебряными сосудами.

Вот, собственно, тот материал Майкопского кургана, который можно сопоставлять с южными памятниками. В связи с тем что керамика Майкопского кургана чрезвычайно близка к формам серебряных сосудов, высказывалось предположение, что мы здесь имеем дело с уникальной группой керамических сосудов, повторяющих формы серебряных сосудов этого же комплекса. Однако с такой точкой зрения согласиться никак нельзя, потому что керамические сосуды, подобные майкопским, уже стали известны на широкой территории, вплоть до Нальчика, где имеются совершенно совпадающие формы керамики при полном отсутствии серебряных сосудов. Скорее приходится думать об обратном соотношении, о том, что формы металлических сосудов здесь повторяют традиционные в данном районе керамические формы, или, может быть, и те, и другие восходят к какой-то традиции, сложившейся на иной территории.

Значительно отличается от майкопского комплекс новосвободненских курганов (Царской станицы). Здесь в металлическом инвентаре мы имеем проушной топор, представленный в Царской станице в целом ряде экземпляров; форма его несколько отлична от майкопской, имеется легкая изогнутость корпуса. Здесь же есть и наконечник копья с четырехгранным насадом, очень

характерной для памятников третьего тысячелетия до нашей эры формы, представленной сейчас на Кавказе, насколько мне известно, уже 12 экземплярами в разных местах — в Закавказье, в Грузии, на Северном Кавказе, вплоть до Дагестана.

Очень характерен для новосвободненского этапа кинжал мышьяковистой бронзы с выделенным черенком и прокованными <...> Плоские тесла близки к майкопским, но не имеют закругленного тыльного конца. Не имеют аналогий в Майкопе втульчатые двузубые и трехзубые вилы, также сейчас известные в целом ряде находок на Северном Кавказе.

Следует обратить внимание и на два долота с четырехгранным насадом, отличающихся от майкопских не четырехгранным, а округлым сечением средней части.

Характерны для Новосвободной и серебряные пронизи, на близость которых к находкам в Библие обратил внимание Е. И. Крупнов¹⁸.

Выше уже отмечалось, что, прежде всего, мне хотелось сопоставить эти прикубанские находки с материалом урских могильников. Если мы обратимся к материалу Ура, то окажется, что топоры, найденные там в большом количестве, ничего общего с кубанскими не имеют. Все топоры в Уре трубчато-обушные (рис. ___).

Больше сходства мы видим в наконечниках копий, как в Уре, так и на Кубани снабженных четырехгранным насадом. Но в оформлении урских наконечников также чувствуется иная традиция, чем на кавказских образцах (рис. ___).

Богатейшая металлическая посуда урских могильников представлена формами совсем иными, чем на Кубани. Множество сосудов в Уре снабжено носиками, совершенно отсутствующими у нас. Имеется, правда, серебряная ложка, напоминающая бронзовую ложку из Новосвободной. Имеются рифленные сосуды в большом разнообразии, тогда как в Майкопе мы видим лишь один такой образец, притом совсем иной формы, чем в Уре. Эти сходные элементы могли появиться в равное время в различных местах.

Ближе к майкопским сосудам плоские чаши из Ура, но и они несколько отличаются от наших. В ряде случаев они имеют округлое дно, примерно соответствующее тому, что мы видим на чашах из Майкопа, но во многих случаях дно имеет каблучок, чего у майкопских сосудов нет.

Таким образом, рассмотрение материалов из Ура говорит о том, что здесь можно усмотреть

17 __

18 __

иную производственную традицию, чем на Кубани, хронологически часто несопоставимую. Вместе с тем по ряду элементов можно думать, что урский комплекс несколько старше наших прикубанских. Об этом, в частности, говорят наконецники копий, более примитивные в Уре.

В результате такого сопоставления приходится признать, что Чайлд, посвятивший около 25 лет тому назад майкопским топорам и теслам специальную статью, ошибался, когда пытался определить их происхождение из Шумера¹⁹. Для кубанских типов следует искать иное происхождение, не шумерское, потому что в Шумере мы аналогичных форм все же не имеем. Там перед нами значительно более богатая, чем на Кубани, культура, но материальный состав находок иной.

К майкопским и новосвободненским топорам несколько более близкие аналогии известны из ряда пунктов Ирана, но, к сожалению, в ряде случаев мы имеем там дело с находками не комплексными, и поэтому использовать их для хронологических сопоставлений пока невозможно. Что касается раскопчных комплексов, то в Тепе-Гиссаре, в Хорасане, в слое III имеются некоторые аналогии и к кубанским материалам, но хронология третьего слоя все еще является дискуссионной. Установившейся точки зрения на его датировку нет. Я лично считаю, что Тепе-Гиссар 3-С нужно относить ко времени не позже рубежа третьего-второго тысячелетий до нашей эры; однако рядом авторов поддерживается мнение о значительно более позднем возрасте этого горизонта²⁰. Поэтому в данный момент иранские находки приходится из нашего рассмотрения исключить.

Очень важны для сопоставления с нашими кубанскими комплексами богатейшие погребения, открытые в конце тридцатых годов в Аладже, в Центральной Анатолии, которые уже и самими раскопщиками, турецкими археологами, сопоставлялись с Майкопом, причем сопоставлялись первоначально в таком плане, что некие предки турок пришли откуда-то с Алтая, оставили свои следы на Кубани, а затем проникли в Анатолию²¹. Аладжинские находки сейчас опубликованы достаточно полно, но, к сожалению, нужно сказать, что стратиграфический анализ в этих публикациях далеко не достаточен, и поэтому возникает ряд неясностей при оценке возраста данных

погребений. Всего открыто в 1935–1939 гг. 13 богатых погребений²². Работы, производившиеся на Аладже-Хююке после 1939 года, до сих пор остаются неопубликованными.

Обнаруженные в 1935–1939 гг. погребения залежали в культурных слоях поселения дохеттского времени; первоначально раскопщики называли их слоями медного века, но в последнее время перешли к общепринятому для Переднего Востока обозначению их древним бронзовым веком²³. Могилы залежали среди строительных остатков, в трех последовательных строительных горизонтах — пятом, шестом и седьмом, считая сверху. Выше пятого горизонта лежал слой пожара, разрушавшего частично и пятый горизонт, а еще весь участок перекрывался четвертым слоем древнехеттского времени.

Таким образом, можно, безусловно, утверждать, что аладжинские погребения старше древнехеттского времени, то есть старше начала второго тысячелетия до нашей эры (XIX века до нашей эры). Однако отнесение этих погребений к трем последовательным этапам медного века — седьмому, шестому и пятому, как это делали авторы раскопок, мне представляется неправомерным, потому что погребения явно были впущены в строительные горизонты более раннего времени. На это в свое время обратил внимание Клод Шеффер, который в своей большой работе 1948 года высказал предположение, что все эти могилы сооружены после пожара, уничтожившего пятый культурный слой, впущены в более древние слои и поэтому должны датироваться промежутком между временем пожара и образованием ранних хеттских слоев четвертого строительного горизонта²⁴.

Сейчас, когда появилась публикация раскопок Кошая в 1937–1939 гг., где опубликованы последние 7 могил и даны некоторые дополнительные сведения о всей серии погребений, можно говорить несколько более точно. По-видимому, Шеффер в основном прав. Но он, видимо, ошибался в одном: не все могилы должны быть отнесены ко времени после пожара, а часть и в них, возможно, была сооружена еще до пожара, но очень незадолго. Об этом можно судить по планам, очень мелким и в тексте недостаточно описанным, но все же показывающим, что две могилы <...> были перекрыты строительными остатками,

¹⁹ V. Gordon Childe. The axes from Maikop (см.: Childe, 1936. — Примеч. М. М.).

²⁰ —

²¹ —

²² —

²³ —

²⁴ —

отнесенными к пятому слою, до пожараща²⁵. С другой стороны, одна из могил (могила В), на которую особенно упирал Шеффер, лежит в слое пожараща, но в самой могиле ни на одной вещи никаких следов огня не обнаружено²⁶.

Таким образом, приходится думать, что ко времени пятого строительного периода относятся самые ранние из этих могил, а остальные датируются временем после пожара.

Абсолютная датировка аладжинских погребений первоначально турецкими исследователями была очень завышена — их относили к началу III тысячелетия, затем к середине III тысячелетия и в последующем ко времени от 2300 до 2000 г.²⁷

В частности, основной руководитель раскопок Кошай в одной из своих последних статей также говорит о том, что наиболее близка к истине дата от 2200 до 2000 г.²⁸ С такой точкой зрения можно в основном согласиться. Но я думаю, что сопоставление материалов из Аладжи с другими памятниками и учет некоторых особенностей погребальных комплексов позволит эту датировку снизить еще примерно на одно столетие и приблизить к нам поздний предел этих могильников.

В таком направлении заставляют думать следующие наблюдения. Во-первых, во время последних раскопок на Аладже были обнаружены керамические находки, которые не относятся к верхнему слою, содержащему богатые погребения, т. е. к пятому горизонту, но предшествуют четвертому горизонту раннехеттского времени. А именно встречены образцы так называемой каппадокийской керамики, которая может быть датирована примерно около 2000 года, XX столетием, может быть частично XXI столетием до н. э.²⁹

С другой стороны, среди богатого набора металлической посуды в аладжинских погребениях обращают на себя внимание кувшины с ручкой и с вытянутым в носик сливом. Они найдены в довольно большом числе — и золотые, и серебряные, и бронзовые. По своей форме эти кувшины вполне сопоставимы как раз с каппадокийской керамикой и резко отличны от керамики из культурного слоя 5-7-го строительных горизонтов. В этом факте можно видеть показатель в пользу

датировки этих комплексов временем XXI–XX столетий до н. э.³⁰

Вместе с тем в одной из могил найдены два листовидных кинжала с прорезьями, которые явно восходят к традиции еще середины третьего тысячелетия, но в пределах развития этих форм, несомненно, являются поздними³¹. Если все это так, то мы получаем верхний хронологический предел для датировки всего материала Аладжи.

В аладжинских погребениях бронзовые или медные орудия встречены в очень небольшом числе, в единичных экземплярах. Там мы имеем тесла, кинжалы и один бронзовый топорик. Но старый клад, найденный еще в начале этого столетия в Соли, в районе Мерсины, — Мерсинский клад — дает почти тот же набор предметов вооружения и орудий труда, что и могилы Аладжи: тесла, наконечники копий, долота, кинжалы, затем то орудие, которое Куфтин называл штыком. Чрезвычайно характерны здесь и предметы не вполне ясного назначения, которые встречены и в аладжинских погребениях и авторами раскопок трактуются как некоторое подобие кастаньет (я не уверен, что это так)³².

Таким образом, Мерсинский клад явно синхронен погребениям Аладжи. Разбор Мерсинского клада, проведенный недавно, перед войной, Биттелем, привел его к датировке примерно от 2000 до 1700 года. Шеффер же датировал его 2200–1900 гг. Во всяком случае этот клад тоже говорит о датировке погребений Аладжи близко к рубежу третьего и второго тысячелетий до нашей эры.

Чрезвычайно важный материал раскопки в Библе, в Ливане, где в основании храма обнаружен целый ряд, по-видимому, синхронных кладов бронзовых изделий, в том числе кладов с очень стойким набором орудий и предметов вооружения³³. Эти клады в целом ряде элементов дают формы, очень близкие к тому, что представлено в Аладже и Мерсине (тесла, штыки, кинжалы, наконечники копий и т. д.). Но в этих кладах есть и элементы более позднего времени, в частности, там появляются первые втульчатые наконечники копий³⁴.

Датировка указанных кладов, которых всего найдено более двадцати, определяется египетской

25 —

26 —

27 —

28 —

29 —

30 —

31 —

32 —

33 Dunand.

34 —

хронологией, они все относятся, как думает их раскопщик Дюнан, ко времени девятнадцатого столетия до нашей эры. Шеффер пытался несколько расширить эту датировку, считая, что только некоторые клады относятся к указанному периоду, а ряд других должен быть отнесен на сто–двести лет раньше³⁵. Но, по-видимому, прав Дюнан, который полагает, что все эти клады зарыты примерно одновременно, в период сооружения храма, который им был раскопан.

Таким образом XIX век до н. э. — это время более позднее, чем время Мерсинского клада и погребений Аладжи, так как в комплексах этого времени появляются более поздние формы.

Об этом же самом пределе говорят и находки на Кюль-тепе в Центральной Анатолии, где несколько лет тому назад найден бронзовый кинжал с именем царя Анитты, время которого близко к 1900 г. до н. э. Кинжал этот такой же формы, как происходящие из могилы <...> в Аладже (рис. ___).

Следовательно, Аладжийские погребения старше XIX века до н. э. На какой период времени мы их можем растянуть вглубь, сейчас сказать трудно, но я думаю, что вряд ли этот период может быть больше трех столетий. Скорее, он будет меньше. Поэтому для Аладжи наиболее вероятная дата 2200–1900 гг. до н. э.

К такой же примерно датировке мы приходим, если рассмотрим и несколько отличные находки из Северной Месопотамии, в частности из Кархемиша. Там еще до Первой мировой войны Вулли раскопал могильник, датированный около 2000 г. и содержащий наконечники копий с четырехгранным насадом, тесла с закругленным тыльным концом, штыки прямоугольного и округлого сечений и кинжал такого же типа, как в Новосвободной станице. Эти комплексы, по-видимому, должны быть отнесены ко времени несколько более раннему, чем погребения Аладжи, и эти находки мы сопоставляем с комплексами Новосвободной станицы.

В районе Кархемиша раскопан целый ряд таких могил, и материал этот опубликован Вулли и <...>³⁶ (рис. ___).

Нам остается еще остановиться на сопоставлении находок в Майкопе с находками Шлимана в Трое. Еще А. А. Спицын обратил внимание на сходство металлических сосудов Майкопа с металлическими сосудами из Трои³⁷. Речь идет о так

называемом кладе А, или, как Шлиман его называл, кладе Приама, и синхронных с ним других находках³⁸. Здесь мы имеем целый ряд золотых и серебряных сосудов, изготовленных приблизительно в той же технике, что сосуды в Майкопе, тянутых из одного листа, иногда с поддонами, вытянутыми из того же листа, что и корпус сосуда. Но в отдельных случаях здесь имеются приклепанные и припаянные ручки. Таким образом, полного совпадения с формами Майкопа здесь нет. Но некоторая аналогия скорее стадийного порядка здесь чувствуется. Наиболее близки к майкопским формам два кувшинчика с горлом раструбом (рис. ___). На двух других кувшинчиках имеются крышки, напоминающие крышки серебряного сосуда Старомышастовского клада и золотую крышку каменного полого сфероиды из Майкопа (рис. ___). Но в целом формы майкопских сосудов несколько проще троянских.

В том же кладе А были найдены бронзовые тесла иных форм и больших размеров, чем кубанские. В остальных вещах клада мы близких аналогий к кубанским находкам не имеем.

Важно, однако, отметить, что датировка клада А сейчас, в результате последних американских раскопок в Трое, может быть уточнена. На основании последних работ можно уверенно говорить, что этот клад и целый ряд других относятся к последнему горизонту второго города — горизонту 2-Д, или, как предпочитает называть этот горизонт Шеффер, к третьему городу. Абсолютная дата этого комплекса — примерно 2400–2200 или около 2300 года до нашей эры³⁹.

Вот тот далеко еще недостаточный материал, который мы сейчас можем привести для попытки абсолютно датировать наши кубанские комплексы, а вместе с тем и остальные синхронные с ними памятники майкопской культуры. Если свести приведенные наблюдения, то можно прийти к выводу, что хронологический горизонт около 2300–2100 гг. до н. э. примерно соответствует времени, к которому мы должны относить курганы Новосвободной (Царской), а Майкопский курган и непосредственно с ним связанные памятники должны относиться к более раннему времени, примерно к 2500–2400 годам до нашей эры.

Необходимо при этом учитывать, что абсолютные датировки переднеазиатских памятников сейчас еще недостаточно уточнены и будут зависеть от того, какой хронологии из принятых

35 —

36 —

37 —

38 —

39 —

в настоящее время у исследователей Передней Азии придерживаться — краткой, средней или долгой; даты эти могут колебаться, но для рассматриваемого времени диапазон этих колебаний невелик — в пределах около одного столетия⁴⁰. Если мы будем придерживаться краткой хронологии, то, очевидно, Новосвободная будет ближе к 2200–2000 гг., Майкоп — ближе к 2400 г.; если придерживаться долгой хронологии, то эти даты надо углубить примерно на 100 лет, до 2300–2100 и 2500 гг. до н. э.

В отношении урского «царского» могильника, который охватывает довольно длительный промежуток времени, в значительной части еще предшествующий первой урской династии, приходится говорить о периоде 27–26-го, отчасти, может быть, 25-го столетия до нашей эры. В недавно опубликованной статье В. В. Струве приведена новая очень остроумная аргументация в пользу датировки начала первой династии Ура второй половиной или концом 26-го столетия до нашей эры⁴¹. В таком случае основные «царские» погребения Урского могильника должны относиться к несколько более раннему времени.

Таким образом, анализ тех материалов, которые можно использовать сейчас, приводит нас к датам, очень близким к тем, какие даны в первом томе «Всемирной истории», и резко отличным от тех, которые предложены в «Очерках по истории СССР».

В заключение необходимо сказать несколько слов о тех задачах, которые сейчас стоят перед исследователями майкопской культуры. Прежде всего, нам, конечно, нужно накапливать новые материалы и публиковать и исследовать то, что уже известно, в частности, материалы поселений. Как вы видели, ареал майкопской культуры

на сегодня представлен отдельными разрозненными территориями, но несомненно, что со временем он сомкнется.

У нас совершенно отсутствует антропологический материал. Поэтому какие бы то ни было выводы об антропологическом составе населения, о смешанном или несмешанном населении в настоящее время являются совершенно преждевременными и не могут быть ничем обоснованы.

Нам нужно вести дальнейшую работу по сопоставлению северокавказских материалов с материалами смежных территорий, причем в первую очередь с материалами Закавказья. Если дальнейший анализ подтвердит наличие первого этапа в развитии майкопской культуры, предшествующего еще этапу Майкопского кургана, то тот хронологический разрыв, который как будто сейчас намечается между майкопской культурой и культурой куро-араксского энеолита (я предпочитаю называть последний ранней бронзой), по-видимому, сильно сократится, обе эти культуры окажутся в какой-то мере синхронными, и начало майкопской культуры, вероятно, будет совпадать хронологически с поздними этапами культуры куро-араксской.

И, наконец, нам нужно накапливать данные для объективной датировки методами точных наук. Я должен сказать, что те хронологические определения, к которым мы пришли сейчас, получены совершенно независимо от радиоуглеродного метода. В настоящий момент, когда радиоуглеродный метод переживает явный кризис роста, когда еще идет уточнение периода полураспада углерода-14, в настоящее время нам для таких относительно близких периодов, как III тыс. до н. э., еще нельзя вполне уверенно опираться на этот метод, но необходимо использовать каждую возможность для получения пригодного для определения возраста органического материала.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 2173. Л. 1–26.)

⁴⁰ —

⁴¹ —

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 2173: Иессен А. А. Статья о майкопской культуре. 1962 г. 26 л.

Васильева, 1987 — Васильева Р. В. Личный фонд А. А. Иессена: Обзор документов // КСИА. 1987. № 192. С. 99–102.

Григорьева и др., 2022 — Григорьева О. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В. Материалы научной деятельности К. Х. Кушнарёвой в архивном собрании ИИМК РАН // Записки ИИМК РАН. 2022. № 27. С. 40–54.

Иессен, 1950 — Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–201.

Иессен, 1962 — Иессен А. А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1961 г. М.: АН СССР, 1962. С. 19–22.

Лазаревская, 1996 — Лазаревская Н. А. Материалы А. А. Иессена в фотоархиве ИИМК РАН // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс.

до н. э.: Материалы конференции, посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 27–30.
Советская археология, 1950 — Советская археология. 1950. Вып. XIII. С. 351.

Childe, 1936 — *Childe V. G.* The Axes from Maikop and Caucasian Metallurgy // *Annals of Archaeology and Anthropology*. 1936. Vol. 23. P. 113–119.

Deshayes, 1960 — *Deshayes J.* Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IVe au IIe millenaire). Paris: Geuthner, 1960. Vol 2. P. 451, 224; 67 pl., 20 folding maps.

A. A Iessen (†). [The Maykop culture and its dating]

*Preparation of the text and introduction by M.V. Medvedeva*⁴²

Keywords: A. A. Iessen, Maykop archaeological culture, chronology of the Bronze Age of the Caucasus, history of archaeology, archive documents.

A. A. Iessen made an enormous contribution to studies of archaeological sites and the ancient history of the Caucasus of the Bronze Age. The documentary heritage of the scholar is kept at the Scientific Archives of IHMC RAS and until now has not been published in full. In 2022, among the documents of K. Kh. Kushnareva, a typewritten rough copy of an unpublished paper of 1962 by A. A. Iessen was discovered where problems of the chronology of the Maykop archaeological culture were considered. This text turned to be an extended version of the A. A. Iessen's lecture "The Maykop culture and its dating" delivered at the meetings devoted to the results of field investigations of 1961. Since that time, new sites have been discovered and studied, numerous new sources on the Bronze Age of the Caucasus have been accumulated and up-to-date natural scientific methods actively applied yielding broad possibilities for exact dating. Nevertheless, the discussion on the chronology and synchronization of the Maykop culture continues. In this light, it seems of importance to introduce in full into the scientific discourse A. A. Iessen's work found at the Scientific Archives of IHMC RAS despite the fact that many its propositions went out of date. The text of the paper is here presented completely in the author's version which, unfortunately, lacks the drawings and most of the references.

⁴² Maria V. Medvedeva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАС — Всероссийский археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПУ — Главное политическое управление при НКВД РСФСР
ГУ — государственный университет
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР. Л.
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
НА — научный архив
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
НОА — Научно-отраслевой архив
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры
ПОММ — Прикубанский очаг металлургии и металлообработки
РА — Российская археология. М.
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РБВ — ранний бронзовый век
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО — рукописный отдел
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников
Сб. ст. — сборник статей
СНК — Совет народных комиссаров
СОИГИСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
Тр. — труды
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ФО — фотографический отдел
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦК — Центральный комитет
IHMC RAS — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences
Man. Dep. — Manuscript department
SA IHMC RAS — Scientific archive Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences
Photo Dep. — Photographic department

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 38**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 13.03.2023. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 30. Тираж 300 экз. Заказ 214.
Дата выхода: 27 марта 2023 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 38 —

